

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1870.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, мая 13 дня 1870 г.

Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ*.

СТАРЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИНОКА ПАЛОМНИКА (1857—1860 г.).

VI. Ночь въ храмѣ св. гроба.

Церковныя службы. — Братства трехъ вѣроисповѣданій, обитающія въ семь храмѣ. — Отношенія ихъ.

„Ночь не свѣтла невѣрнымъ, Христе, вѣрнымъ же просвѣщеніе въ радости словесъ Твоихъ.“

Желающіе слышать службу на св. гробѣ Господнемъ должны заключиться въ храмѣ съ вечера, ибо представители всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій, имѣющіе право совершать оную, совершаютъ ее до разсвѣта, а Турки лишь съ восходомъ солнца отворяютъ врата. Служба слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: въ 1-й часъ пополудни начинаютъ литургію Греки, въ 3 Армяне, въ 5 Латины.

Послѣ греческаго повечерія на Голгоетѣ, во время коего обычно поютъ канонъ Кресту, указываютъ вамъ комнаты для почлега, или одиночныя надъ Голгоетюю, или общія на хорахъ въ западной части храма. Не разъ мнѣ случалось заключаться въ храмѣ: для служеній соборныхъ по особымъ случаямъ, для личнаго служенія на св. гробѣ, по собственному желанію или по просьбѣ новоприбывшихъ знатныхъ поклонниковъ, или наконецъ просто для того, чтобы помолиться наединѣ у св. гроба. Врата затворяются послѣ вечерни, но самыми пріятными часами пребыванія въ храмѣ, было для меня время отъ 8 до 11-ти, ибо тогда всё стихало въ храмѣ Воскресенія; богомольцы, окончивъ поклоненіе св. мѣстамъ,

частью уходили на отдыхъ въ архондарикъ, частью составляли отдѣльныя группы въ разныхъ придѣлахъ, опоясывающихъ галлерею греческаго собора. Издали долетали изъ такъ называемаго придѣла *темницы* мѣрше звуки чтеца, читавшаго акаѳистъ Божіей Матери, или правило къ причащенію; звуки эти прерывались отъ времени до времени глубокими вздохами внимающихъ чтенію. Мѣстами одиночныя молитвенники, пріюта въ гдѣ-нибудь въ темномъ уголку, изливали свои незримыя слезы. Оставя тогда свой пріютъ надъ Голговою, окруженный молчаніемъ, я обходилъ поочередно святыя мѣста съ евангеліемъ въ рукахъ, и на каждомъ при свѣтѣ неугасимыхъ лампадъ читалъ напоминаемую тѣмъ мѣстомъ часть страданій Христовыхъ, читалъ и потомъ, отложивъ книгу, размышлялъ о читанномъ. Ибо вокругъ васъ находятся здѣсь всѣ главнѣйшія воспоминанія этихъ святыхъ страстей, которыя были и будутъ всегда для христіанина неисчерпаемымъ источникомъ науки, утѣшенія, печали по Бозѣ и высшей любви. Куда ни обратишь взоры, вездѣ говорятъ тебѣ воспоминанія самаго высшаго страданія и любви. Здѣсь видишь плачь и печаль женъ муроносицъ; тамъ созерцаешь очами вѣры на разныхъ мѣстахъ «скорбящую Матерь,» надъ которой сбылось предреченное Симеономъ: «и твою душу пройдетъ оружіе». Тутъ какъ бы соприсутствуешь трогательному обряду умащенія ароматами снятаго со креста тѣла Іисусова двумя благочестивыми и знатными мужами, которые хотя сначала и были потаенными учениками, но смерть Христова устранила всѣ людскія предубѣжденія, и вотъ они явились открытыми исповѣдниками Богочеловѣка.

Блуждая среди этихъ болѣзненныхъ воспоминаній, взоръ невольно отдыхаетъ на двухъ безсмертныхъ памятникахъ побѣды надъ смертію и грѣхомъ, на двухъ святѣйшихъ источникахъ нашего искупленія, на св. гробѣ и Голгоѣ. Ахъ, Голгова! никогда я не могъ освоиться съ этимъ алтаремъ всемірной жертвы, никогда не вступалъ безъ трепета на эту страшную скалу. Пробовалъ я читать здѣсь евангельское сказаніе о страстяхъ нашего Спасителя, но убѣждался, что легче плакать и молиться безъ словъ, бѣя въ переи своя, какъ

мытарь, или вспомяная слова благоразумнаго разбойника, здѣсь произнесенныя: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!» Напрасно также сталъ бы я искать словъ, чтобы передать вамъ вполне силу и новостъ впечатлѣнія первой ночи проведенной въ храмъ св. гроба: остаюсь увѣреннымъ, что каждый, кто сохранилъ въ душѣ своей, хотя искру христіанскаго чувства, не выйдетъ отсюда, не омывъ на живоносномъ гробѣ слезами покаянія грѣхи свои.

Около 11 часовъ все окончательно стихаетъ внутри святилища, лишь слышенъ звонъ часовыхъ курантовъ, отбивающихъ четверти въ разныхъ мѣстахъ храма, да проскользнетъ робко, какъ тѣнь, кандиложигатель греческаго или латинскаго братства, приходящій отъ времени до времени въ часовню св. гроба и другіе придѣлы поправлять неугасимыя лампы. Прерывистый сонъ, или, лучше сказать, минутное забытѣ утомившихся напряженнымъ бдѣніемъ прерывается почти въ преполовеніе ночи (въ половинѣ двѣнадцатаго часа) рѣзкимъ, сперва медленнымъ, а потомъ учащеннымъ удареніемъ въ мѣдную току, звуки которой громко вторятся обширными сводами сумрачныхъ галлерей святилища, а послѣдующая за тѣмъ тишина наполняется воплями восточной молитвы. Чужды нашему уху и рѣзки для него звуки церковнаго пѣнія нашихъ единовѣрцевъ Грековъ, но когда произнесутся среди нихъ знаковыя слова: *Иерусалимъ, Голгоа и другія*, которыя относятся къ окружающимъ васъ въ эту минуту святынямъ, дрожь невольно пробѣгаетъ по тѣлу. Такъ никогда не могъ я слышать безъ тайнаго умиленія пѣніе псалмовъ въ дивной ихъ отчизнѣ, какъ, напримѣръ: *«Благословенъ Господь отъ Сиона живой во Иерусалимѣ»*. За полунощницей, которая для каждого въроисповѣданія совершается въ своихъ придѣлахъ (для Грековъ въ Воскресенскомъ соборѣ), слѣдуетъ утренняя. Когда по шестой пѣсни канона начинается чтеніе, то служащій на гробѣ очередной іеромонахъ, облачившись, беретъ уготованныя на жертвенникъ антиминосъ и сосуды со всѣми принадлежностями, а передъ нимъ идетъ сослужащій ему діаконовъ со свѣчею, и разославъ антиминосъ на срединѣ св. гроба, на лѣвой

сторонѣ онаго (въ головахъ), іеромонахъ начинаетъ совершать проскомидію, во время коей вынимаетъ и частицы изъ подаваемыхъ богомольцами просфоръ (малыхъ, плоскихъ съ изображеніемъ на верху Воскресенія Христова).

Въ придѣлѣ Ангела, на тумбѣ, въ которую вставлена часть камня отваленнаго отъ гроба, постигается пелена и поставляется Евангеліе и передъ нимъ свѣча; оно и остается здѣсь до входа съ Евангеліемъ. Когда начинается въ соборѣ великое славословіе, тогда вся святогробская братія, предшествуемая двумя свѣщеносцами, шествуетъ изъ Воскресенскаго храма съ пѣніемъ ко гробу Господню; за ними слѣдуютъ и богомольцы. Нѣсколько братій входятъ въ придѣлъ Ангела и читаютъ помянники. По отпустѣ утрени въ исходѣ перваго часа пополудни, начинается литургія. Евангеліе, когда бывають богомольцы, читается на двухъ языкахъ—греческомъ и славянскомъ; при чемъ надобно замѣтить, что во весь годъ читаются здѣсь воскресныя Евангелія, неотмѣнно, хотя и случится какой другой праздникъ. Начальный возгласъ: «Благословенно царство....» произносится служащимъ іереемъ внутри пещеры св. гроба, но до входа съ Евангеліемъ, служащіе находятся болѣе въ придѣлѣ Ангела, а по входѣ съ Евангеліемъ, который совершаютъ слѣдованіемъ на востокъ, противу дверей кувукліи, и по поставленіи онаго на св. гробѣ, остальная часть службы совершается въ самой пещерѣ св. гроба. Когда же приспѣетъ время большаго выхода, тогда обходятъ вокругъ кувукліи на подобіе крестнаго хода съ пѣніемъ заключительныхъ словъ херувимской пѣсни: «яко да Царя всѣхъ подыmemъ, ангельскими невидимо дорвносима чинми»: впереди идутъ пѣвчіе, за ними пономарь съ подсвѣчникомъ, потомъ два мальчика въ стихаряхъ со свѣчами въ рукахъ, а за ними діаконъ съ Агцемъ, потомъ священникъ съ потиромъ, творя поминовеніе по чину, и обойдя кувуклію, тѣми же вратами входятъ внутрь погребальной пещеры.

Предъ окончаніемъ литургіи, по заамвонной молитвѣ, священникъ, взявъ антиминосъ, несетъ св. чашу, предшествуемый свѣщами, при пѣніи «Воскресеніе Христово видѣвше», въ

алтарь Воскресенскаго храма, гдѣ и потребляются св. дары. А для присутствовавшихъ при литургіи выносятся изъ ризницы крестъ съ частію животворящаго древа, коему и поклоняются при пѣніи стихиры: «Кресту Твоему покланяемся Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ», а потомъ подходятъ къ священнику для полученія антидора. Послѣ чего присутствующіе приглашаются на архондарикъ и бываетъ обычное угощеніе: глико съ водою и чашка кофе, иногда съ сухаремъ оспаннымъ сусанновымъ сѣменемъ.

Литургія оканчивается къ 3-мъ часамъ утра. Послѣ православныхъ немедленно занимаютъ гробовую пещеру для служенія своего *патарак* (литургія) Армяне, которые большую часть службы сидятъ на полу на разостланныхъ коврахъ. Въ 5 часовъ начинаютъ свою *мишу* (обѣдню) Латины, при звукахъ органа, такъ что когда съ восхожденіемъ солнца врата храма отверзаются, входящіе въ него богомольцы застаютъ окончаніе ихъ службы.

Таковъ ежедневный порядокъ службы на св. гробѣ, ибо въ дни нарочитыхъ праздниковъ порядокъ этотъ измѣняется по потребности каждаго вѣроисповѣданія и строго ограниченъ фирманами, основанными частію на взаимныхъ условіяхъ, частію на шпрошенныхъ и купленныхъ у корыстолюбиваго турецкаго правительства правахъ.

Поздняя православная литургія внутри храма Воскресенія бываетъ въ разныхъ мѣстахъ, соотвѣтственно воспоминаемымъ событіямъ, такъ: въ воскресенье въ Воскресенской церкви (архіерейское); въ понедѣльникъ въ придѣлѣ св. Логгина сотника; во вторникъ — у св. Іоанна Предтечи (подъ Голгоѳою); въ среду — въ придѣлѣ успенія Пресвятыя Богородицы (такъ называемая темница); въ четвергъ — въ придѣлѣ поруганія; въ пятницу и субботу—на Голгоѳѣ (въ субботу служеніе архіерейское). Ежедневныя утренняя и вечерняя всегда бываютъ въ храмѣ Воскресенія; послѣ вечерни поютъ Параклисъ Пресвятой Богородицѣ: «многими содержимъ напастми». Потомъ бываетъ ужинъ. Послѣ онаго повечеріе на Голгоѳѣ, съ кановомъ Кресту, акаѳистомъ Пресвятой Богородицѣ и прочимъ послѣдованіемъ. И по окончаніи всего,

поклонившись святынямъ, ложатся спать. Литіи же или ежедневныхъ вечернихъ съ молитвословіемъ хожденій ко всѣмъ святынямъ, по причинѣ утѣсеній отъ Латинъ и Армянъ, не бываетъ, но тѣ и другіе продолжаютъ ихъ издревле одни за другими, т. - е. сперва Латины, а за ними Армяне.

Въ храмѣ св. гроба живутъ въ настоящее время три братства: греческое, армянское и латинское. Греческое состоитъ изъ иноковъ пребывающихъ тамъ безсмѣнно; Армяне и Латине смѣняются, послѣдніе черезъ каждые три мѣсяца.

Греческое братство св. гроба управляется *игуменомъ*, которымъ въ мое время былъ архимандритъ *Амвросій* (онъ былъ игуменомъ и прилежащаго Аврааміева монастыря), постриженецъ обители св. Саввы Освященнаго, пользовавшійся общимъ уваженіемъ своихъ и пришельцевъ за его подвижническую жизнь, духовную мудрость, сердечную простоту и доброту. Его помощникомъ былъ іеромонахъ Серафимъ, ризничій и казначей, — заступившій мѣсто о. Амвросія, скончавшагося о Господѣ въ 1858 году; помощникомъ его благоговѣйный іеродіаконъ о. Авраамій. Кандилантомъ св. Гроба въ мое время былъ инокъ Сербъ, о. Акакій, который при знаніи русскаго языка привлекалъ всѣхъ православныхъ богомольцевъ своею услужливостію. Въ числѣ 4-хъ очередныхъ іеромонаховъ въ мое время было двое славянъ: одинъ Сербъ, а другой Болгаринъ, изъ постриженцевъ Зографскаго Болгарскаго, что на Аѳонѣ, монастыря. Братство святогробское состоитъ не болѣе какъ изъ 12 человекъ. Долгъ справедливости требуетъ отдать честь тому усердію, которое оживляетъ ихъ въ постоянномъ, можно сказать, неуспномъ трудѣ; нерѣдко проводя ночь въ храмѣ и участвуя по временамъ въ ночныхъ богослуженіяхъ, я никогда не видалъ между ними опоздавшихъ на оныя, или заспанныхъ, но напротивъ всегда видна была готовность и собранность духа. Если францискане, и три мѣсяца проведеніе въ храмѣ, считаютъ это великимъ подвигомъ и громко похваляются имъ предъ своими поклонниками, то что же сказать о непрерывныхъ трудахъ, которые постоянно несутъ святогробскіе иноки, о ежедневно безсонныхъ ночахъ, о помѣщеніи, состоя-

щемъ на примѣръ у очередныхъ іеромонаховъ изъ низкихъ и сырыхъ комнатъ (расположенныхъ въ нижнемъ этажѣ внутренней галлерей съ западной стороны кувукліи), которыя днемъ и ночью освѣщаетъ одинъ свѣтъ, — неугасимой лампы предъ иконою?

Пища ихъ круглый годъ постная, состоящая изъ чечевичной похлебки, или рисоваго супа, неизбѣжныхъ маслинъ, рисовой каши съ масломъ, овощей и плодовъ, сообразно времени года. О рыбѣ вѣтъ и помину, развѣ привезутъ когда изъ Константинополя *скумбрии* (маленькая рыбка въ родѣ кильки), или поклонникъ изъ Болгаръ подаритъ буракъ дунайской икорки.

Въ краткій промежутокъ между богослуженіями послушники занимаются приготовленіемъ покрываль или савановъ, во множествѣ разбираемыхъ поклонниками. Это кусокъ бумажнаго полотна различной доброты и тонины, отрѣзанный по длинѣ и ширинѣ въ мѣру верхней доски гроба Господня или камня помазанія; на немъ разогрѣтымъ воскомъ наводится на одной сторонѣ изображеніе креста Господня съ Адамовой головой внизу. По сторонамъ греческая надпись: «свѣтъ Христовъ проевѣщаетъ всѣхъ». Эти полотна, освященные на гробѣ Господнемъ, поклонники покупаютъ по *три* и болѣе левовъ за штуку и уносятъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ въ свою родину, гдѣ и берегутъ ихъ для себя и ближнихъ родныхъ, на часъ смертный, дабы память Іерусалима земнаго и покровъ съ его святыни провождали отходящаго въ Іерусалимъ небесный. Армянскіе поклонники тоже берутъ у своего духовенства эти покровы.

Францискане, находящіеся въ храмѣ св. гроба, живутъ въ своемъ монастырѣ, пристроенномъ къ южной стѣнѣ храма Воскресенія; входъ въ ихъ жилище изнутри, чрезъ ихъ придѣльную Церковь «явленіе Божіей Матери»; въ углѣ корридора систерна. Тутъ же показываютъ окно въ стѣнѣ, чрезъ которое подавали имъ пищу и воду, когда они во время мороваго повѣтрія затворились внутри своего монастыря, отказавшись и отъ утѣшенія умереть на стражѣ св. мѣсть, тогда какъ греческое братство св. гроба,

предавшись въ волю Божию, продолжало безбоязненно свое служеніе. Внутрь монастыря 13 келлій, изъ коихъ 10 занимаютъ сами, а три предназначены для богомольцевъ, желающихъ провести ночь, или нѣсколько дней въ храмѣ. Францисканамъ же принадлежитъ большая половина верхней галлерей ротонды, за исключеніемъ нѣсколькихъ покоевъ, находящихся во владѣніи Грековъ, и $\frac{1}{3}$ части ея (т.-е. ротонды), уступленной имъ сперва Грузинами, а отъ нихъ доставшейся потомъ Армянамъ. Въ галлерей этой нѣтъ другихъ украшеній кромѣ портрета бывшего французскаго короля Людовика Филиппа, занимающаго весьма невидное мѣсто, тогда какъ комнаты Reverendissimussa (настоятеля францисканскаго іерусал. братства) уже украшены великолѣпнымъ портретомъ императора Наполеона III. Sic transit gloria mundi! Небольшое Армянское братство живетъ въ упомянутой верхней галлерей близъ своего придѣльнаго храма и въ нѣсколькихъ кельяхъ нижней, уступленныхъ имъ Сиріанами. Копты имѣютъ здѣсь также одну или двѣ кельи противъ своей часовни.

Греки, какъ исконные владѣльцы св. мѣстъ храма, построеннаго ихъ природнымъ императоромъ Константиномъ Великимъ, и доселѣ, несмотря на всѣ козни, политическія и религіозныя, своихъ соперниковъ, преобладаютъ въ храмѣ. Мусульмане, Арабы іерусалимскіе, при безразличномъ презрѣніи ко всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, однако по укоренившемуся въ нихъ издревле убѣжденію, настоящими христіанами признаютъ лишь православныхъ, такъ что слово христіанинъ и православный (*Румъ*) у мѣстныхъ Арабовъ однозначущи. Притомъ Греки пользуются и естественнымъ покровительствомъ правительства, какъ турецкіе подданные; латины же называются *франками* (т.-е. европейцами) по преимуществу; ихъ боятся, ибо боятся столкновенія съ покровительствующими имъ консулами, французскимъ, австрійскимъ и испанскимъ; а Армяне, какъ привилегированные банкиры турецкой имперіи, пользуются снисхожденіемъ и правами лишь за деньги.

Повидимому всѣ три братства, заключенныя въ стѣнахъ храма св. гроба, живутъ довольно согласно между собою;

члены каждаго изъ нихъ при взаимныхъ встрѣчахъ привѣтствуютъ другъ друга поклонами; не разъ случалось видѣть, какъ инокѣ всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій, когда по вечерамъ выходятъ на площадь подышать чистымъ воздухомъ, дружелюбно разговариваютъ другъ съ другомъ; но все это лишь *повидимому*, какъ бываетъ во время перемирія между солдатами двухъ враждебныхъ армій, ибо въ сущности это непримиримые враги, которые зорко слѣдятъ другъ за другомъ, и неудивительно! За каждый повѣщенный тамъ или въ другомъ мѣстѣ образъ, за каждую лампадку, либо другую самую малѣйшую вещь, представители каждаго вѣроисповѣданія должны были вести съ другими ожесточенный бой; особенно же приходится имѣть осторожность противъ постепеннаго присвоенія мѣстъ; сначала вобьютъ гдѣ-нибудь гвоздь, и если та сторона, которой принадлежитъ это мѣсто, не вступится за это, тогда спустя нѣкоторое время вѣшаютъ образъ, а тамъ мало-по-малу присваиваютъ и все мѣсто. Въ этихъ постоянныхъ борьбахъ и междуусобіяхъ заключаются различныя союзы: противъ Грековъ соединяются Армяне съ Латинами, но чаще всего случается соединяться Грекамъ съ Латинами противъ Армянъ, которые не столько по религиознымъ предубѣжденіямъ, сколько по духу народной исключительности, суть непримиримые враги Грековъ, а втѣснившись посредствомъ подкуповъ во всѣ св. мѣста, они и до сихъ поръ не перестаютъ разнообразными происками нарушать покой внутри величайшаго изъ земныхъ святилищъ.

Вражда Грековъ съ Латинами имѣетъ характеръ болѣе мягкой и происходила послѣднее время болѣе отъ высокоумія ихъ епископа, достойнаго воспитанника іезуитовъ, мовъ-снѣбора Павла Валерги, которому мѣшаетъ быть спокойнымъ то, что нынѣшній папа Пій IX вздумалъ почти черезъ шесть столѣтій возобновить латинскій іерусалимскій патріархатъ, почтилъ Валергу празднымъ титуломъ іерусалимскаго патріарха, давъ ему притомъ привилегію — посвященіе въ рыцари св. гроба. Какъ слышно, Валерга, испрашивая себѣ у папы это послѣднее право, имѣлъ намѣреніе употребить это учрежденіе для того, чтобы увеличить число, если не защитниковъ

св. гроба, то по крайней мѣрѣ приверженцевъ, защитниковъ и пособниковъ его широко задуманнаго плана: политически религіознаго завосванія Палестины.

Но мы еще будемъ имѣть случай въ своемъ мѣстѣ ближе познакомиться съ іезуитскими дѣйствіями достойнаго прелата, а теперь перейдемъ къ разсказу о тѣхъ, нерѣдко кровавыхъ сценахъ, которыхъ свидѣтелемъ бываетъ св. храмъ почти ежегодно. Трудно безъ глубокой скорби слышать и видѣть это раздѣленіе и ссоры при самомъ гробѣ вѣчнаго Царя мира и безконечной любви; но глубже вникая въ поводы ихъ, трудно и обвинять представителей того или другаго вѣроисповѣданія, за то, что въ избыткѣ религіозной ревности они стараются расширить свои владѣнія въ св. мѣстахъ; для нихъ не существуетъ никакихъ другихъ интересовъ, ибо всѣ они мыслятъ и мечтаютъ лишь объ этихъ мѣстахъ. Пусть себѣ превратится порядокъ всего міра, пусть царства падаютъ и встаютъ, для нихъ эта вещь посторонняя; но пусть кто-нибудь на вершокъ лишній займетъ не принадлежащее ему въ храмѣ мѣсто, тогда мысль всѣхъ тотчасъ же возмутится, все придетъ въ движеніе, и успокоится не прежде, какъ уничтожатся замыслы противника. Мнѣ не разъ случалось говорить объ этомъ съ Греками и Армянами: они даже не понимаютъ, какъ европейцы могутъ смотрѣть холодно на такой важный предметъ, какъ обладаніе и преобладаніе на святыхъ мѣстахъ: «ревность дому твоего снѣде мя», отвѣчаютъ они словами пророка Давида на упрекъ въ религіозной нетерпимости. И дѣйствительно, чтобы намъ понять ихъ, надобно или стать на ихъ мѣсто, или по крайней мѣрѣ попытъ подолѣе въ сферѣ волнующихъ св. градъ исключительно религіозныхъ вопросовъ, каковъ на примѣръ недавно былъ вопросъ о покрытіи полуразрушеннаго купола надъ ротондою св. гроба и т. п. Извѣстно, что обладаніе тѣмъ или другимъ мѣстомъ въ храмѣ, стѣною или престоломъ, даетъ право на отправленіе тамъ богослуженія; если же другое исповѣданіе имѣетъ также подобное право, оно не можетъ тогда снимать никакихъ украшеній, находящихся на этомъ мѣстѣ, но не принадлежащихъ ему. Такъ въ Голгоетской церкви, на

престолѣ принадлежащемъ Грекамъ на мѣстѣ воздвиженія креста, Латины имѣютъ право по фирману разъ въ годъ въ великій пятокъ отиравлять свое богослуженіе. Это правило было однажды поводомъ къ кровавой ссорѣ Латиновъ съ Греками. Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе объ этихъ грустныхъ сценахъ, случающихся къ стыду всего христіанства почти ежегодно въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, расскажемъ объ одной изъ нихъ, бывшей въ 1845 году. Латины рассказываютъ, будто тогда поводомъ къ ссорѣ былъ греческій коверъ, разосланный предъ престоломъ, который несмотря на ихъ просьбы Греки никакъ не хотѣли убрать и начали драку будто за то только, что францискане свернули его, чтобы отложить въ сторону. Но нашъ паломникъ и писатель, о. Паревній, бывшій очевидцемъ этого происшествія, и другіе люди достойные всякаго довѣрія рассказываютъ, что дѣло шло о срачицѣ, которая осталась на греческомъ престолѣ, но убраніи съ него верхней одежды. Латины требовали настоятельно, чтобы сняли и срачицу; напрасно Греки говорили, что она по церковному чинположенію никогда не снимается и составляетъ какъ бы одно цѣлое съ престоломъ, ссылаясь и на фирманъ, въ которомъ ничего объ этомъ не сказано, т.-е. не требуется снимать оной. Тогда гордый латинскій епископъ (титулярный патріархъ) мовъ-синьоръ Валерга, горя нетерпѣніемъ и злобою, собственноручно сорвалъ съ престола срачицу и святотатственно бросилъ ее на полъ. Этотъ возмутительный поступокъ и послужилъ сигналомъ къ началу драки: Греки дрались дровами, принесенными изъ корридора, а латины процессіональными свѣчами. Турецкіе солдаты бросились было разнимать, но и у нихъ поотнимали ружья. Шумъ, крикъ и вопль увеличился еще тѣмъ, что братства вѣхъ трехъ вѣроисповѣданій били въ храмъ тревогу, кто чѣмъ могъ. Войско турецкое, усиленное свѣжимъ отрядомъ, окружило часовню св. гроба и заперло грата Воскресенскаго храма, чтобы предупредить расхищеніе часовни и храма. Драка распространилась по всей церкви. Валергу сбросили съ Голговы. Патріаршіи намѣстникъ старецъ митрополитъ Мелетій тщетно

увѣщевалъ своихъ; ему отвѣчали: «ты владыка ступай въ свое мѣсто, а мы всё здѣсь умремъ за свою вѣру; ибо насъ мало, а еретиковъ много!» Драка продолжалась болѣе часа, пока не пришло турецкое войско и самъ паша. Потомъ съ часъ продолжался совѣтъ между пашей, архіереями и консулами, послѣ коего всё разошлись по своимъ мѣстамъ. Латины снова начали свое богослуженіе. По словамъ отца Парвенія, какъ очевидца этого событія, Голгова была вся полита кровію, и всю утреню четыре человѣка мыли ее водою; трехъ человѣкъ убили до смерти; такого кровопролитія, прибавляетъ онъ, я не видалъ отъ роду! Подобная же драка между Греками и Армянами происходила въ храмѣ, въ бытность мою въ Іерусалимѣ, въ великій четвергъ 1859 года, о чемъ см. ниже. Будемъ надѣяться, что миротворное вліяніе русской миссіи, добрымъ отношеніемъ къ которой столь видимо и не безъ причины дорожатъ Армяне, положить навсегда конецъ этимъ плачевнымъ сценамъ, и такой мирный подвигъ можетъ доставить представителю русскаго духовенства на востокѣ болѣе чести, нежели «завоеваніе душъ», которымъ заняты всё помыслы латинскаго патріарха.

А. Л.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА XXX.

Угодники Божіи, жившіе въ первой половинѣ XVII вѣка, преподобные: Діонисій, архимандритъ лавры Сергіевой, — ученикъ его блаж. Дороей, — Ирнархъ, игуменъ Соловецкій, — Діодоръ Юрьегорскій, — Прокопій Вятскій, — Вассіанъ Тотемскій, — Симеонъ Верхотурскій, — Симонъ Воломскій. — Упадокъ иночества и просвѣщенія. — Сѣмена будущаго раскола.

Обратимъ благоговѣйный взоръ на подвиги угодниковъ Божіихъ, современнѣхъ царствованію перваго самодержца изъ благословеннаго рода Романовыхъ. Начнемъ съ великаго поборника вѣры и отчизны, преп. Діонисія, архимандрита Сергіевой лавры. Освобожденный отъ истязаній, которымъ подвергнутъ былъ за исправленіе требника, онъ имѣлъ утѣшеніе принять въ обители своей патріарха Іерусалимскаго, своего защитника отъ несправедливаго гоненія. Первосвятитель Теофанъ возложилъ на страдальца правды свой клобукъ, положивъ его прежде къ ногамъ преп. Сергія и совершивъ молитву къ угоднику Божію. И всему братству лавры, со слезами радости, изъявилъ патріархъ одобреніе за его подвиги: «прежде слышали всѣ Церкви восточныя скорбь вашу и трудъ, понесенные вами за Христа отъ гонителей правой вѣры, а нынѣ очи мои видѣли все, за что пострадали вы, и не напрасно, потому что многимъ послужило это ко спасенію.»

Въ особенности патріархъ изъявилъ желаніе видѣть тѣхъ иноковъ обители, которые, во время бѣды ратной, дерзнули возложить на себя броню и съ оружіемъ въ рукахъ ратовать противъ враговъ. Преподобный Діонисій принялъ было требованіе патріарха съ недоумѣніемъ, но подвижники добровольно вызвались: «Яви насъ, отче, владыкъ нашему; буди все по волѣ его.»

И представлено патріарху болѣе двадцати иноковъ, «въ нихже первый былъ именемъ Аванасій Ощеринъ, зѣло старъ сый, и весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ». Патріархъ спросилъ его: «ты ли ходилъ на войну и начальствовалъ надъ ратью мученической?» Аванасій отвѣтствовалъ: «ей, владыко святой, понужденъ былъ слезами кровными.» Патріархъ спросилъ еще: «Что тебѣ свойственнѣе, иночество ли въ молитвахъ тайно, или подвигъ предъ всѣми людьми?» Аванасій, поклонясь, отвѣтствовалъ: «всякая вещь и дѣло, владыко святой, въ свое время познается: у васъ, святыхъ отецъ, отъ Господа Бога власть въ рукахъ разрѣшать и связывать. Что творю и сотворилъ, — то сдѣлано по долгу послушанія;» и обнаживъ голову, поклонился ему, и сказалъ: «извѣстно тебѣ да будетъ, владыко мой, вотъ подпись латынянъ на главѣ моей отъ оружія; а еще и въ лядвіяхъ моихъ находится шесть памятей свинцовыхъ; сидя же въ келліи, въ молитвахъ, какъ можно найти было добровольно такихъ будильниковъ къ воздыханію и стенанію? Все это не по нашему изволенію, но по волѣ пославшихъ насъ на службу Божію.»

Патріархъ, безъ сомнѣнія, удовлетворенный дознаніемъ, что надъ воинственнымъ одушевленіемъ защитниковъ лавры господствовалъ духъ иноческаго благочестія, смиренія и простоты, благословилъ Аванасія, цѣловалъ его съ любовію и прочихъ его сподвижниковъ отпустилъ съ похвалою.

Преп. Діонисій ввелъ въ обители чтеніе бесѣдъ св. Златоу-

ста по переводу, сдѣланному Максимомъ и Силуаномъ, также бесѣды Григорія Богослова, и разсылалъ ихъ списки по монастырямъ. «Келья не имѣеть устава,» говорилъ Діонисій; въ кельѣ, по своей горячей любви къ Богу, почти все время проводилъ въ молитвѣ, въ чтеніи слова Божія и писаній св. Отцевъ. Спать ложился за три часа до благовѣста къ заутренѣ: когда приходилъ къ нему пономарь со свѣчею, онъ въ малой мантии полагалъ 300 поклоновъ земныхъ; потомъ, разбудивъ келейниковъ, шелъ въ церковь. Онъ строго соблюдалъ церковный уставъ, не позволяя ничего убавлять противъ него. Самъ читалъ и пѣлъ на кливросѣ. Признательный къ благодѣтелямъ обители, онъ требовалъ, чтобы читались синодики на проскомидіи. Въ каждую утреню обходилъ онъ церковь и осматривалъ, всё ли въ храмѣ; выходилъ съ братіею и на работы монастырскія. У него были и живописцы, и иконописцы, и мастеръ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Онъ усердно заботился о храмахъ не только лавры, но и сель монастырскихъ, гдѣ построено имъ вѣсколько новыхъ храмовъ, особенно послѣ разгрома польскаго. Все, что получалъ онъ для себя отъ благодѣтелей, употреблялъ онъ не на себя.

Изъ числа учениковъ преп. Діонисія особенно извѣстенъ блаж. Дороеей, по прозванію «Трудникъ» ^(а). Келарь Симонъ Азарьинъ пишетъ о немъ: «онъ былъ такъ твердъ въ благочестіи, что никогда не оставлялъ церковнаго богослуженія, исправлялъ должность пономаря въ церкви чудотворца Никона и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ канонархистомъ и книгохранителемъ. Въ кельѣ выполнялъ онъ правило необыкновенное: ежедневно читалъ всю псалтирь и клалъ до 1000 поклоновъ; притомъ же писалъ книги. Спалъ онъ очень мало и никогда не ло-

(а) Въ рукописныхъ святцахъ: «преп. Дороеей трудникъ, бысть ученикъ преп. Діонисія архимавдрита; преставися въ гѣто 7130» (1622).

жился для сна. Пищею его служилъ кусокъ хлѣба и ложка толокна и притомъ не каждый день; только по убѣжденію архимандрита сталъ онъ ѣсть хлѣбъ съ квасомъ. По извѣстію священника Ивана Насѣдки, Дороеей, усердно трудившійся для раненыхъ и больныхъ, много терпѣлъ непріятностей и по особенностямъ своей жизни. Слѣдившіе за жизнію его замѣчали, что не ѣдалъ онъ по три и по четыре дня, а иногда и цѣлую недѣлю. Иные говорили о немъ, что онъ — святой человѣкъ; другіе же, видя его валяющимся у стѣны или у печки, смѣялись надъ нимъ, какъ надъ глупцемъ. «Разъ и я, говорилъ Насѣдка, смѣялся надъ нимъ вмѣстѣ съ другими. Діонисій, замѣтивъ это, строго посмотрѣлъ на меня. Спустя 10 лѣтъ, въ духовной бесѣдѣ въ Москвѣ напомнилъ я Діонисію о замѣчаніи его относительно Дороеея; авва сказалъ: «не спрашивай иноковъ о дѣлахъ иноческихъ. Для насъ бѣда открывать мірянамъ наши тайны». Я грѣшный просилъ объяснить мнѣ это. «Вы, міряне, сказалъ онъ, если услышите худое о чернецахъ, осуждаете ихъ, на грѣхъ себѣ; а если услышите доброе, не стараетесь подражать тому, а только хвалите; изъ вашей похвалы выходитъ опасное искушеніе для насъ: раждается гордость.» На вопросъ о значеніи строгаго взгляда его, онъ отвѣчалъ: «вы смѣялись надъ человѣкомъ святымъ, отъ того, что жилъ онъ не по вашему. Мнѣ извѣстно, что не ѣдалъ онъ по недѣлѣ, по 10 дней капли воды не бывало у него во рту; ходилъ босой, нагой, голодный, съ неумытыми руками и лицомъ. Онъ мучился блудными помыслами и потому-то томилъ себя голодомъ и жаждою».

Послѣ опустошеній польскихъ, въ селахъ лавры храмы были сожжены или ограблены.—Преп. архимандритъ построилъ нѣсколько церквей сельскихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя еще доселѣ цѣлы. Ревностный о благолѣпіи дома Божія, онъ имѣлъ въ запасѣ всякую церковную утварь, и когда являлись про-

сители, съ любовію выдавалъ нужное для той или другой церкви.

Проведя жизнь въ высокихъ подвигахъ любви къ Богу и къ ближнему, авва Діонисій мирно преставился 10 мая 1633 года, и патриархъ Филаретъ самъ отпѣвалъ его ⁽⁶⁾.

Въ то же время просіялъ благочестіемъ другой настоятель обширной и многолюдной обители, преп. Иринархъ, игумень Соловецкій съ 1614 года. Тогда настоятель Соловецкаго монастыря былъ лицомъ весьма значительнымъ для цѣлаго сѣвернаго края. На него возлагалась защита сѣвера отъ Шведовъ и Датчанъ. — Хотя съ Шведами заключенъ былъ тогда миръ, но и на нихъ нельзя было полагаться; а Датчане, увлекаясь надеждою на счастье Шведовъ, потребовали отъ Россіи, чтобы отдана имъ была вся Лапландія (земля Лопарей) и приготовились поддерживать требованіе свое морскою войною. Царь Михаилъ, предоставивъ блаж. игумену Иринарху кромѣ безошлинной продажи соли и рыбы, казенную подать съ монастырскихъ крестьянъ и еще казенную долю съ рыболовныхъ промысловъ на Норвежскомъ берегу моря, предписывалъ привести всѣ крѣпостныя строенія монастыря въ полное оборонительное состояніе на случай войны. Сколько заботъ и трудовъ игумену! На восточной сторонѣ монастыря проведена вторая каменная стѣна съ двумя огромными башнями; внутри монастыря построены два корпуса для военныхъ людей; на сѣверной и южной сторонѣ обители проведены глубокіе рвы, выкладенные камнемъ. Въ Сумскомъ и Кем-

(6) Мощи преп. Діонисія погребены въ палаткѣ при югозападномъ притворѣ Троицкаго собора лавры. Житіе его и канонъ ему написаны келаремъ Симономъ Аварьянымъ. По словамъ Симона, Діонисій былъ роста высокаго, съ лицомъ благолѣпнымъ, съ очами свѣтлыми, веселыми, съ брадою долгою и широкою. Портретъ, снятый съ него по преставленіи, хранится въ Сергіевой лаврѣ.

скомъ острогахъ сдѣланы новыя укрѣпленія. Въ нихъ и въ обители число военныхъ людей увеличено до 1040 человекъ, на содержаніи монастыря. Датчане въ 1623 г. на четырехъ военныхъ корабляхъ являлись у Корельскаго острова, ограбили нѣкоторыхъ русскихъ промышленниковъ, но ни на что болѣе не отважились и возвратились. При такихъ заботахъ объ огражденіи обители отъ внѣшнихъ бѣдъ, преп. Ирнархъ, какъ самъ былъ примѣромъ духовной жизни, такъ и ревновалъ возбуждать и поддерживать въ братіи заботу о жизни духовной. Эта ревность заставила его просить великихъ государей—царя и родителя его патріарха, дабы словомъ власти напомнили забывчивымъ инокамъ о ихъ обязанностяхъ. Во все время правленія своего преп. Ирнархъ отличался снисходительною кротостію въ отношеніи къ другимъ и строгостію къ себѣ. Проведя послѣдніе два года свои безъ дѣлъ начальственныхъ, въ подвигахъ безмолвной молитвы, онъ преставился 17 юля 1628 года ^(в).

При настоятельствѣ преп. Ирнарха, подвизался въ Соловецкомъ монастырѣ преп. Діодоръ Юрьегорскій, постриженный въ иночество еще игуменомъ Антоіемъ, который поручилъ его въ надзоръ духовному иноку, іеромонаху Іосифу Новгородцу.

Похоронивъ отца своего, скончавшагося инокомъ въ Соловкахъ, Діодоръ пожелалъ видѣть Соловецкихъ отшельниковъ, подвизавшихся на пустыхъ островахъ. Онъ ушелъ на пустынный островъ, не взявъ съ собою ни пищи, ни питья; ходя 40 сутокъ по острову, онъ изнемогъ до крайности; нѣкоторые изъ братій нашли его, лежавшаго подъ деревомъ и едва живаго; они принесли его на монастырское подворье и

(в) Житіе преп. Ирнарха написано (около 1640 г.) Колязинскимъ игуменомъ Иларіономъ, постриженникомъ Соловецкимъ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ особой часовнѣ.

призвали духовника. Послѣ исповѣди, укрѣпившись пищею, ревнитель отшельнической жизни поселился на пустынномъ острову, при двухъ найденныхъ имъ отшельникахъ. Отсюда ходилъ онъ бесѣдовать и съ другими отшельниками, каковы были: старецъ Ефремъ, Никифоръ бѣлецъ, Алексѣй калужанинъ, Іоасафъ, Тихонъ москвичъ, Теодоръ рязанецъ, Порфирій, Трифонъ, Іоасафъ, Севастіанъ и другіе. Пустынникъ Тихонъ, по настоятельной просьбѣ его, рассказалъ о себѣ, что онъ ушелъ изъ Алексина во время перваго самозванца, оставивъ все свое и переплывъ на утлой лодкѣ море. Никифоръ, встрѣченный безъ всякой одежды, поспѣшилъ скрыться и только сказалъ: «посѣщай подвижниковъ, Діодоръ, чтобъ и самому имѣть отъ Бога утѣшеніе.» Діодоръ усердно посѣщаль пустытниковъ, доставляя имъ необходимое для жизни. Въ послѣдствіи братія обители стали роптать на то и говорили: хлѣбъ обители тратится на тѣхъ, которые не трудятся для обители. Особенно же, когда ушелъ въ отшельничество больничный келарь Кирикъ, лучше котораго никто не ходилъ за больными, братія сильно возмутились и игуменъ Ирinarхъ вынужденъ былъ принять мѣры противъ страсти къ отшельничеству. Онъ послалъ братію, стрѣльцевъ и рабочихъ на острова, съ тѣмъ, чтобы они возвратили отшельниковъ въ монастырь; тогда и Діодоръ, вмѣстѣ съ другими, заключенъ былъ въ оковы, въ больницѣ, и къ нему приставлена была стража. — Спустя три мѣсяца, онъ снова ушелъ на островъ и прожилъ здѣсь полгода. Братъ его, жившій также въ Соловецкомъ монастырѣ, отыскалъ его, но въ самомъ жалкомъ положеніи, разслабѣвшимъ отъ борьбы съ нечистыми духами. Діодоръ рѣшился теперь разстаться съ Соловками и удалиться на Онегу. Не далеко отъ Кеноозера, въ пустынномъ лѣсу, избралъ онъ себѣ мѣсто для пребыванія и началъ подвизаться. Но сосѣдніе жители вынудили его уйти отселѣ. Ему по-

правилась Юрьева гора, надъ озеромъ Водломъ, въ 25 верстахъ отъ Олонца къ сѣверу; здѣсь водрузилъ онъ крестъ, поставилъ келью и началъ подвизаться въ молитвѣ; сюда вскорѣ пришелъ къ нему пустынный Прохоръ, и они 7 лѣтъ провели отшельниками. Послѣ того Діодоръ рѣшился основать здѣсь обитель св. Троицы и отправился въ Москву; при посредствѣ келаря Сергіевой лавры Александра ^(г) получивъ доступъ къ великой старицѣ Марѣ Ивановнѣ (матери царской), онъ получилъ отъ нея разную утварь и 200 рублей денегъ; царь Михаилъ далъ старцу грамоту; отъ другихъ благотворителей получено имъ 300 рублей. Такъ построены были храмъ и обитель. Скоро собралось довольно число братій и построенъ былъ еще храмъ Богоматери съ придѣломъ въ честь Соловецкихъ чудотворцевъ. Хлѣбопашества своего еще не было у обители, а мѣсто было вдали отъ поселеній. Отъ того случилась нужда въ хлѣбѣ. Поднялся ропотъ на старца: «деньги, говорили, истратилъ на храмъ, а питаться намъ нечѣмъ.» Потерпите, отвѣчалъ старецъ и самъ сталъ на молитву. Ему явился свѣтлый старецъ. Кто ты? спросилъ Діодоръ. «Я Александръ Ошевенскій,» сказалъ явившійся: «не скорби, а утверждай братію; пропиталъ же Господь народъ Израильскій въ пустынѣ, а васъ немного; будетъ время, что здѣсь соберется множество иноковъ; теперь же скажи братіи, чтобы ловили рыбу въ озерѣ.» Старецъ не съ перваго раза повѣрилъ явившемуся, опасаясь обольщенія; три раза являлся ему небожитель и только тогда, когда явившійся произнесъ молитву Господню, Діодоръ

(г) Келарь Сергіевой лавры, старецъ Александръ Булатниковъ, изъ знатнаго рода, заступилъ мѣсто знаменитаго Аврамія Палицына, возвратившагося (въ 1621 г.) въ Соловецкій монастырь «на свое общаніе». Александръ былъ келаремъ около 20 лѣтъ и привнесъ лаврѣ богатые вклады. Онъ былъ восприемникомъ отъ купели царевича Алексѣя и царевнѣ, сестеръ его.

выслушалъ его довѣрчиво. Братія столько наловили рыбы, что, оставивъ себѣ нужное, продали на 60 рублей и купили хлѣба. Въ другой разъ избавились отъ голода тѣмъ, что нечаянно нашли въ лѣсу черную кунуцу и продали ее за 8 рублей. Въ монастырь присланъ былъ для усмиренія отъ патріарха Филарета инокъ Θεодосій, человекъ безпокойный. Разъ такъ озлобился онъ на старца, наставлявшаго его добру, что хотѣлъ убить его. Онъ завелъ преподобнаго въ лѣсъ подъ какимъ-то предлогомъ, жестоко избилъ его, до того, что бросилъ подъ деревомъ, считая умершимъ. Когда старецъ, пришедши въ себя, добрелъ кое-какъ до кельи, Θεодосій испугался и бросился въ ноги настоятелю, прося простить его. «Богъ да простить тебя, чадо,—это не твое дѣло, а дѣло врага,» отвѣчалъ незлобивый старецъ и не сказалъ тогда никому о случившемся. Θεодосій и послѣ того не перемѣнился. Онъ началъ возмущать братію противъ настоятеля и уговорилъ нѣкоторыхъ удалиться изъ обители. 17 человекъ убѣжали съ Θεодосіемъ, похитивъ что только могли, изъ собственности монастырской. Діодоръ благодарилъ Бога, что избавилъ обитель отъ смуты и тревогъ. Много и другихъ скорбей пришлось испытать блаж. Діодору: но онъ все переносилъ терпѣливо. Большая часть времени его проходила въ уединенной молитвѣ. Приблизился и конецъ жизни его. Собираясь ѣхать въ Каргополь, по вѣдамъ обители, старецъ собралъ братію и убѣждалъ проводить жизнь иноческую и не слушаться людей подобныхъ Θεодосію; а старцу Прохору сказалъ: «уже намъ съ тобой здѣсь не видаться; если Богу угодно, увидимся въ будущемъ вѣкѣ.» И точно, прибывъ въ Каргополь, онъ заболѣлъ, приобщился св. Тайнъ и мирно скончался 27 ноября 1633 года. Онъ погребенъ былъ здѣсь подъ церковію: но собесѣдникъ его Прохоръ, спустя два года, перевезъ нетлѣнное тѣло его въ обитель, гдѣ оно было похоронено на южной сторонѣ храма св.

Троицы. Послѣ преп. Діодора осталось духовное завѣщаніе, въ которомъ строго заповѣдалъ онъ братія отнюдь не держать въ обители ничего хмѣльнаго ^(д).

Въ XVII вѣкѣ не мало являлось людей съ именемъ юродивыхъ. Патріархъ Іоасафъ I въ 1636 году писалъ: «иные ходятъ въ образѣ пустынническомъ и въ одеждахъ черныхъ и веригахъ, растрепавъ волосы, но не для Господа и не въ Господѣ» ^(е). И позднѣе соборъ 1667 г. осуждалъ такихъ же людей: «иже мнятся благоговѣйни быти, не суть же таковы, живутъ посреди градовъ и селъ въ образѣ отшельника и затворника, волосаты, и въ монашеской свитцѣ, иные же и въ желѣзахъ скованы, такожде наги и босы ходятъ по городамъ и селамъ въ мірѣ, тщеславія ради, да воспріимуть славу отъ людей и да почитаютъ ихъ за святыхъ, ко прелести простымъ и невѣждамъ» ^(ж). Не таковъ былъ блаж. Прокопій Вятскій. Взявъ на себя иго юродства для одного Христа, для Христа несъ его до смерти: до смерти терпѣлъ скорби самолюбія язвимаго то насмѣшками, то бравью, то холодностію людей, до смерти заставлялъ страдать плоть свою и отъ недостатка пищи и отъ перемѣнъ погоды. Онъ блаженно почилъ 21 декабря 1627 года ^(з).

Въ предѣлахъ Тотемскихъ подвизался преп. Вассіанъ. Въ мірскомъ быту онъ былъ портнымъ, жилъ въ бракѣ и имѣлъ двухъ сыновей. Потомъ въ Тотемской обители принявъ монашество, года два провелъ въ подвигахъ послушанія подъ смотрѣніемъ настоятеля Оерапонта. Ревнуя же о высшемъ со-

---

(д) Мощи преп. Діодора почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ бывшей обители его, нынѣ приходскомъ Янгорскаго погоста.

(е) Акты археогр. экспед. III, 402.

(ж) Дополн. къ акт. историч. V, 465, 474.

(з) Мощи блаж. Прокопія почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви Вятскаго Успенскаго монастыря.

вершенствѣ, по благословенію игумена, поселился въ 50 верстахъ отъ Тотмы, на р. Тикснѣ, при храмѣ св. Николая. Сперва жилъ онъ здѣсь на паперти храма, потомъ упросилъ причтъ и окрестныхъ жителей уступить ему мѣсто въ 20 саженьяхъ отъ храма, для хижины. Ему поставили келью, и онъ началъ уединенно подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Это было въ 1594 г. Онъ приходилъ въ храмъ на каждую службу, а въ кельѣ совершалъ иноческое правило. По благословенію наставника своего Терапонта, возложилъ онъ на тѣло свое вериги, на плечи—цѣпь, на чресла—желѣзный обручъ, а на голову подъ куколемъ надѣлъ желѣзную шапку. Въ такомъ одѣяніи подвизался онъ 13 лѣтъ. Онъ не пускалъ никого къ себѣ въ келью, кромѣ духовнаго отца, и питался подаянiемъ, которое принималъ въ оконце кельи. Такъ подвизался рабъ Божій въ строгомъ затворѣ, очищая духъ страданіями грѣшной плоти для жизни небесной. Уразумѣвъ близкую кончину свою, преп. Вассіанъ призвалъ духовника, исповѣдался, приобщился св. Таинъ и тихо предалъ духъ свой Богу, 12 сентября 1624 г. Только при погребеніи узнали, какими тяжестями смирялъ онъ тѣло свое ^(я).

Другой подвижникъ того же времени, прав. Симеонъ Верхотурскій или Меркушинскій, былъ родомъ изъ дворянъ, но скрывъ знатность свою въ смиреніи христіанскомъ, велъ жизнь бѣдняка. Переходя изъ деревни въ деревню, шилъ онъ платье преимущественно для бѣдныхъ; кончивъ работу, уходилъ изъ дома рано по утру, когда всѣ спали, чтобы избѣжать не только денежной платы, но и слова благодарнаго за

(я) По кончинѣ преп. Вассіана, на мѣстѣ подвиговъ его, устроенъ монастырь съ церковью въ честь нерукотворенной иконы Спасителя. Въ этой церкви (нынѣ приходской) находится могила преп. Вассіана. Почитаніе памяти его началось съ моровой явы 1647 года, когда у гроба его многіе получали исцѣленіе.

работу. Онъ доволенъ былъ и тѣмъ, что давали пищу и кровь. Чаще всего проживалъ онъ въ погостѣ Меркушахъ, въ 50 верстахъ отъ Верхотурья, гдѣ была пристань для судовъ плававшихъ по р. Турѣ. Онъ любилъ въ тиши уединенія наслаждаться красотами природы и прославлять Творца ея. Когда не было работы, бралъ онъ уду, садился на берегу рѣки и доставалъ оттуда лишь нужное для одного дня. Еще понынѣ пѣла ель на утесистомъ берегу р. Туры, гдѣ любилъ сидѣть блаженный, занимаясь ловлею рыбы. Вогуличи и другіе инородцы края тогда были новыми христіанами; блаж. Симеонъ вступалъ съ ними въ разговоры и училъ христіанскому благочестію. Располагая къ себѣ бѣдныхъ своею услужливостію, онъ находилъ сердца ихъ открытыми для принятія наставленій его и усердно сѣялъ въ простыхъ душахъ правила страха Божія.—Никогда не оставлялъ онъ посѣщать богослуженіе храма и особенно храма Меркушевскаго. Чистая жизнь его служила примѣромъ для другихъ; а этотъ примѣръ особенно нуженъ былъ и благотворенъ для края еще дикаго, недавно уѣдавашаго свѣтъ христіанскій. Блаженный Симеонъ, страдавшій грыжею, скончался не старымъ, около 35 лѣтъ, въ 1642 году и погребенъ былъ при церкви Архистратига Михайла ⁽¹⁾.

Земледѣлецъ изъ отчины Волоколамскаго Іосифова мона-

---

(1) Прав. Симеонъ, по преставленіи своемъ, совершалъ много чудесъ и въ Меркушахъ и въ Николаевской Верхотурской обители, куда перенесены мощи его въ 1704 году по распоряженію Сибирскаго митрополита Филоея. Особенность въ явленіяхъ прав. Симеона состоитъ въ томъ, что онъ, исцѣляя тѣлесныя недуги, вмѣстѣ съ тѣмъ подавалъ наставленія для души. Такъ напр. въ 1749 году онъ явился жителю Невьятскаго завода, раскольнику Василью Масленикову, три года лежавшему въ параличѣ, и сказалъ ему: иди въ Верхотурье, въ обитель св. Николая, помолись тамъ съ усердіемъ надъ моими мощами, а «крестное знаменіе изображай на себѣ, во образъ пресв. Троицы,

стыря, Симеонъ, пріявшій иночество съ именемъ Симона въ Пинегской Макаріевой обители, въ 1613 г. поселился въ 80 верстахъ (къ юго-западу) отъ Устюга, на р. Кичменгѣ, въ лѣсу Воломскомъ. Здѣсь онъ пять лѣтъ прожилъ одинъ, не знаемый людьми; питался овощами, которыя самъ садилъ, а иногда выпрашивалъ хлѣба въ какомъ-либо селеніи.—Когда понемногу стали являться къ нему ревнители благочестія, онъ построилъ по грамотѣ царя Михаила и по благословенію Ростовскаго митрополита Варлаама храмъ въ честь Воздвиженія креста Господня, и въ 1620 г. посвященъ былъ въ санъ игумена своей обители. Строгій подвижникъ, служившій для другихъ примѣромъ трудолюбія, простоты сердечной, поста и молитвъ, 12 іюля 1641 г. злодѣйски умерщвленъ былъ въ своей обители. Подвижникъ рубилъ лѣсъ, какъ по-дошли къ нему три крестьянина и стали требовать, чтобы отдалъ имъ царскую грамоту на землю обители. Они навалили на него колоду и грозили смертію; преподобный едва упротилъ отпустить его въ обитель за грамотою. Монастырскіе люди бросились искать злодѣевъ, но тѣ скрылись. Когда приближился праздникъ блаж. Прокопія Устюжскаго: народъ пошелъ на поклоненіе святому и большая часть братіи Симоновой пустыни отправилась также въ Устюгъ. Злодѣи, узнавъ о томъ, воспользовались благопріятнымъ для нихъ временемъ. Ночью найдя преп. Симона одного въ пустынь, стали терзать его пытками, требуя царской грамоты; потомъ послали его въ церковь искать грамоту. Преподобный со слезами молился Богоматери, причастился св. Таинъ и затѣмъ сказалъ: «теперь

тремя первыми перстами». Послѣ явленія, Василій почувствовалъ себя исцѣленнымъ и обратился отъ раскола къ истинной вѣрѣ. (Рукоп. сказаніе о житіи и чудесахъ прав. Симеона, составл. митрополитомъ Сибирскимъ Игнатіемъ Корсаковымъ. Здѣсь описано до 50 чудесъ).

дѣлайте со мною, что хотите». Злодѣи осыпали его ругательствами и побоями, потомъ отсѣкли ему голову и бросили тѣло близъ кельи ^(к).

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что число подвижниковъ, угодившихъ Богу въ первой половинѣ XVII столѣтія, весьма не велико. Мы не видимъ здѣсь ни тѣхъ великихъ святителей-чудотворцевъ, ни тѣхъ дивныхъ основателей обителей иноческихъ, какіе просіяли въ предъидущихъ вѣкахъ. Упадокъ истиннаго, искренно-благочестиваго монашества былъ очевиденъ въ предѣлахъ Московскаго государства. Вмѣстѣ съ нимъ постепенно развивалось и другое зло—упадокъ просвѣщенія, начавшійся еще прежде. Въ страшномъ переворотѣ междуцарствія и нашествія Ляховъ исчезли послѣдніе остатки школъ; въ разоренныхъ храмахъ и обителяхъ богослужебныя книги, истребленныя пожарами, замѣнены новыми рукописными, работы полуграмотныхъ писцевъ, съ множествомъ грубыхъ ошибокъ, или вновь напечатанными, безъ надлежащей повѣрки и исправленія. А между тѣмъ, слѣпая привязанность къ буквѣ и обряду, возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія невѣжества. Мы видѣли, какую бурю гоненія воздвигло одно слово, невѣжественно внесенное въ требникъ, и исключенное изъ него преп. Діонисіемъ. Чего же можно ожидать отъ другихъ изувѣровъ, подобныхъ уставщику Филарету и громогласному пѣвцу Логгину, когда будетъ предпринято полное исправленіе богослужебныхъ книгъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдуетъ вскорѣ—во время первосвятительства великаго Никона.

Графъ М. Толстой.

(к) Мощи преп. Симона погребены подлѣ построеннаго имъ храма (нынѣ приходскаго). Въ 1646 году, послѣ многихъ чудесъ, совершившихся надъ мощами преп. Симона, сочинена ему служба съ описаніемъ житія и чудесъ.

О ЗНАЧЕНИИ ВПЕЧАТЛѢНІЙ

РАННЯГО ДѢТСТВА ВЪ ДѢЛѢ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ ^(а).

Чтобы еще болѣе выяснить и подтвердить мысль о широкомъ и глубокомъ вліяніи впечатлѣній дѣтства на образованіе нравственнаго характера, мы прослѣдимъ развитіе еще нѣкоторыхъ страстей, каковы: мстительность, честолюбіе, тщеславіе въ разныхъ его видахъ, скупость, легкомысліе, лживость.

Первый урокъ *мстительности*, первое возбужденіе этого не христіанскаго чувства, дѣти получаютъ весьма рано, лишь только начинаютъ ходить. Неукрѣпившіяся ноги ихъ недостаточно поддерживаютъ ихъ тѣло, скоро ослабѣваютъ и достаточно бываетъ самаго ничтожнаго препятствія, чтобы дитя упало; при паденіи естественно оно получаетъ ушибы и плачетъ отъ чувства боли. Чтобы утѣшить дитя, утишить въ немъ чувство боли, сердобольныя, но неразумныя няньки и матери заставляютъ дитя бить тотъ предметъ, который былъ причиной его паденія, и сами помогаютъ ему въ этомъ занятіи; и это повторяется всякій разъ, какъ дитя падаетъ, т.-е. очень часто. Также вмѣсто того, чтобы обратить вни-

---

(а) Продолженіе. См. февр. книжку.

маніе ребенка на причину его паденія и ушиба, няньки и матери стараются отвлечь его вниманіе отъ истинной причины его ушиба и сложить вину боли на существа отсутствующія, или находящіяся тутъ въ дѣтской, и грозятъ имъ побоями за ту непріятность или боль, которую дитя испытываетъ совершенно по другой причинѣ. И довольны бываютъ няньки и матери, что имъ удается такимъ способомъ утѣшить дитя, заставить его забыть о своемъ ушибѣ и перестать плакать; а между тѣмъ радоваться тутъ совсѣмъ нечему; при этомъ дитя въ первый разъ испытываетъ нечистое удовольствіе мщенія и чѣмъ чаще испытывается имъ это чувство, тѣмъ больше оно укрѣпляется въ его душѣ и превращается въ склонность. Кромѣ того не въ этихъ ли впечатлѣніяхъ дѣтства надобно искать источника той безотчетной слѣпой мести, которая замѣчается во многихъ дѣтяхъ и припадкамъ которымъ они подвергаются во время своихъ огорченій и неудачъ? Причина неудачи въ нихъ самихъ, на себя самихъ слѣдовало бы имъ досадовать; но у подобныхъ дѣтей обыкновенно виноваты вещи, ихъ окружающія, а никакъ не сами они. Имъ плохо пишется потому, что отъ предшествующей шалости у нихъ рука не тверда;—медленно заучивается урокъ потому, что лѣнь и разсѣянность мѣшаютъ имъ сосредоточиться на предметѣ; но они въ досадѣ ломаютъ перо, которымъ пишутъ, рвутъ тетрадь, которая лежитъ предъ ними, книгу, по которой читаютъ, и т. п. Эта страсть выместить свое огорченіе, или, какъ говорятъ, сорвать свое сердце встрѣчается и во многихъ взрослыхъ. Такіе люди въ минуту огорченія слѣпо отдаются своей мстительности и наносятъ оскорбленіе людямъ совершенно невиннымъ только потому, что они первые попались на глаза. Въ такомъ состояніи раздражительности люди весьма умные становятся дѣтьми и какъ бы подчиняются давнишнему уроку своей няни, обучавшей ихъ нѣкогда бить

куклу, о которую они стукнулись лбомъ, — порогъ, чрезъ который они падали, — обучающей ихъ слагать вину своей боли на галку, ворону, котенка и другія подобныя существа, совершенно неповинныя въ дѣтскомъ горѣ.

Еще вреднѣе дѣйствуютъ на развитіе дитяти тѣ, которые намѣренно и для собственнаго удовольствія сердятъ и раздражаютъ ребенка. Дитя голодно и съ наслажденіемъ кушаетъ предложенную ему пищу, или занялось какой-нибудь игрушкой и разсматривая ее и забавляясь ею, забыло и себя и все окружающее, — и вдругъ кому-нибудь изъ взрослыхъ, — или нянѣкѣ, или кормилицѣ, или даже самимъ родителямъ приходитъ въ голову фантазія — потѣшиться надъ ребенкомъ и отнять у него пищу, или игрушку, или другой предметъ его наслажденія и забавы. Дитя отъ огорченія и досады выходитъ изъ себя, начинаетъ кричать, или бить и кусать того, кто мѣшаетъ его удовольствію. И забавляются неразумныя выраженіями дѣтской досады и гнѣва и дѣтскими попытками постоять за себя и отмстить своимъ недоброжелателямъ. А между тѣмъ подобная забава, особенно если она повторяется не разъ, сопровождается вредными послѣдствіями для нравственнаго развитія дитяти: отъ подобныхъ глупыхъ опытовъ надъ нимъ оно становится раздражительнымъ, гнѣвливымъ, готовымъ мстить за всякую непріятность, неудовольствіе, за всякое препятствіе его желаніямъ.

Ребенокъ рѣзвится, забавляется играми въ кругу своихъ сверстниковъ. Среди крика и смѣха дѣтей вдругъ раздается плачь ребенка: кто-нибудь изъ его товарищей обидѣлъ его словомъ или нанесъ ему чувствительный ударъ. Огорченное дитя въ слезахъ бѣжитъ къ матери или нянѣкѣ и жалуется ей на товарища. Вмѣсто того, чтобы успокоить, развлечь ребенка чѣмъ-нибудь, внушить ему, что непріятность сдѣлана ему нечаянно, — не случается ли, что нянька или мать при

этомъ случаѣ возбуждаютъ въ дитяти чувство мести, совѣтуя ему отмстить шалуну такой же непріятностью?

Впечатлѣній, содѣйствующихъ развитію мстительности, много дѣти получаютъ въ средѣ прислуги, когда родители или занятые дѣлами, или преданные свѣтскимъ удовольствіямъ, сдаютъ ей на руки своихъ дѣтей и отсылаютъ ихъ въ дѣтскую, отводимую по возможности въ самыхъ отдаленныхъ комнатахъ, или совершенно въ другомъ этажѣ. Нестѣсняемая присутствіемъ или надзоромъ своихъ господъ, прислуга даетъ полный просторъ своему языку и своимъ страстямъ. Забывая о присутствіи дѣтей, слуги занимаются сплетнями, рассказываютъ о ссорахъ своихъ знакомыхъ, въ подробности передаютъ, какъ за обидное или колкое слово ихъ знакомые отвѣчали пятью или десятю еще обиднѣйшими словами; или сами затѣваютъ то же, что передавали о другихъ; воспламененные гнѣвомъ слуги даютъ широкій просторъ своей мстительности: за оскорбительныя слова, укоризны, насмѣшки стараются отплатить своимъ противникамъ еще большими оскорбленіями, насмѣшками, укоризнами. Нерѣдко случается, что въ гнѣвѣ слуги не ограничиваются словами, а даютъ волю и рукамъ. . . . Какая дурная школа, какой соблазнительный примѣръ для дѣтей!

Но надобно сознаться, что и среди своихъ семейныхъ дѣти видятъ не мало явленій, располагающихъ ихъ къ мстительности. Мы не говоримъ о тѣхъ несчастныхъ семействахъ, гдѣ между старшими нѣтъ любви, мира, единодушія, но бываютъ постоянныя ссоры, вражда, непріятности; мы имѣемъ въ виду тѣ семейства, которыя можно назвать благоустроенными: и въ нихъ не рѣдко сами родители примѣромъ своимъ развиваютъ въ своихъ дѣтяхъ желаніе — воздавать зломъ за зло. Не бываетъ ли, что возвращаясь домой послѣ своихъ занятій, родители рассказываютъ при дѣтяхъ объ огорченіяхъ,

непріятныхъ столкновеніяхъ съ различными людьми, которыя пришлось имъ испытать во время своихъ занятій, и при этомъ не могутъ удержаться, чтобъ не объяснить съ радостью и торжествомъ, какъ имъ удалось отплатить своимъ противникамъ за обиду и оскорбленіе, или — по крайней мѣрѣ не высказать угрозы или плана мести своимъ недоброжелателямъ? Повѣствовать при дѣтяхъ о своихъ дѣяніяхъ въ этомъ родѣ, или составлять при нихъ планы мщенія, или мечтать объ удовольствіи отмстить своимъ противникамъ многіе не только не стыдятся, но какъ будто считаютъ своимъ долгомъ: пусть-де молодое поколѣніе учится у насъ, какъ нужно жить и дѣйствовать на свѣтѣ. Въ этомъ отношеніи нравственность весьма многіхъ христіанскихъ семействъ упала до того, что стала не выше нравственности дикихъ племенъ, у которыхъ мечь считается высокою добродѣтелью и законъ мести обязательенъ для всѣхъ. Это не преувеличеніе. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли найдется въ современномъ обществѣ такихъ семействъ, въ которыхъ христіанская готовность со смиреніемъ и терпѣніемъ переносить обиды низводится на степень добродѣтели, свойственной только развѣ неразумнымъ и трусливымъ существамъ и рассматривается какъ признакъ душевной слабости и нравственнаго безсилія, — тогда какъ умѣнье за непріятное слово уязвить ближняго какъ можно чувствительнѣе, за оскорбленіе воздать большимъ оскорбленіемъ считается признакомъ особенной силы характера и умѣнья отстоять и защитить отъ униженія свое нравственное достоинство и доброе имя?

И вотъ подъ вліяніемъ такихъ и подобныхъ впечатлѣній развивается въ человѣкѣ мстительность, достигающая иногда ужасной силы, хотя въ различныхъ людяхъ проявляется различно, смотря по темпераменту. Въ людяхъ вспыльчивыхъ, горячихъ мстительность по большей части проявляется ужас-

ными вспышками. Случается, что такіе люди въ припадкѣ мстительности до такой степени не владѣютъ собой, что способны бывають совершить убійство. Но еще ужаснѣе бываетъ мстительность въ человѣкѣ съ характеромъ глубокимъ, сосредоточеннымъ, въ человѣкѣ, у котораго страсти привыкли подчиняться разсчетамъ холоднаго разсудка. Обыкновенно такой человѣкъ совершаетъ мечь не тотчасъ по полученіи оскорбленія, но послѣ долгаго размысленія о томъ, какъ чувствительнѣе уязвить своего противника, послѣ соображенія средствъ съ цѣлью, предварительно составивши планъ мести. И потомъ уже съ холодной жестокостью мститъ своему врагу, разрушаетъ его благосостояніе, растраниваетъ его семейное счастье и т. п., и наслаждается страданіями своего врага. Словомъ, подвляніемъ этой страсти человѣкъ можетъ дойти до холодной, разсчитанной, демонской жестокости.

Кто желаетъ предохранить дѣтей отъ подобной нравственной порчи, отъ многихъ ужасныхъ преступленій, совершаемыхъ часто въ припадкахъ мстительности, тотъ, понятно, долженъ заботливо предохранять ихъ отъ впечатлѣній, развивающихъ эту страсть. Но вполне безопасны отъ этой страсти могутъ быть только тѣ дѣти, которыя вырастаютъ въ истинно христіанскомъ семействѣ, гдѣ ученіе Христова о прощеніи обидъ врагамъ внушается дѣтямъ не словами только, но и живымъ постояннымъ примѣромъ самихъ воспитателей,—гдѣ родители являются постоянными и вѣрными послѣдователями Спасителя, Который, претерпѣвая ужасныя страданія на крестѣ, молилъ Отца небеснаго о прощеніи Своимъ врагамъ и распинателямъ.

Благодаря впечатлѣніямъ дѣтства, чувство чести, собственное душѣ cadaго человѣка и въ своей чистотѣ и неповрежденности составляющее одно изъ благороднѣйшихъ

движеній души, весьма часто искажается, мельчаетъ и увлекаетъ человѣка на ложный путь дѣятельности: забота о чести—этомъ высокомъ духовномъ благѣ, которое пріобрѣтается высокимъ нравственнымъ достоинствомъ и приходитъ само собою, какъ необходимый результатъ высокихъ талантовъ, нравственной чистоты и совершенства, плодотворной общественной дѣятельности,—превращается въ *честолюбіе*, домогательство чести, превращается въ цѣль жизни человѣка, а иногда въ *тщеславіе*, поставляющее честь въ такихъ предметахъ, въ такихъ дѣйствіяхъ, которые не имѣютъ никакого нравственнаго достоинства или имѣютъ значеніе второстепенное.

Несомнѣнно, что первый поводъ къ пробужденію честолюбія въ дѣтской душѣ дается неправильнымъ и неумѣреннымъ употребленіемъ похвалы, неразумнымъ возбужденіемъ и раздраженіемъ чувства чести, къ которымъ прибѣгаютъ въ семействахъ и школахъ для достиженія большихъ успѣховъ при воспитаніи и обученіи дѣтей. Въ очень многихъ семействахъ каждый успѣхъ дитяти въ движеніи, разговорѣ, всякое проявленіе понятливости и добрыхъ сердечныхъ движеній награждается щедрыми и неумѣренными похвалами: начинаетъ ли дитя ходить, оно становится предметомъ восхищенія и восторженныхъ похвалъ родителей и нянекъ, какъ будто оно совершило нѣчто необыкновенное; начнетъ ли оно говорить, похваламъ и разговорамъ объ этомъ нѣтъ конца между родителями и домашними. Конечно дитя мало, не разумно, многого не понимаетъ еще изъ того, что о немъ говорятъ; но все же оно смутно чувствуетъ, что оно служитъ предметомъ разговоровъ и похвалъ, что въ честь его совершается эта шумная овація въ семейномъ кругу. Но гораздо глубже западаютъ въ душу дитяти похвалы, расточаемыя ему родителями, домашними, когда оно начинаетъ приходить въ созна-

ніе и развиваться въ умственномъ и нравственномъ отношеніи: обнаруживаетъ ли дитя хорошія умственныя способности, учится хорошо и быстро, обладаетъ острою памятью, живымъ воображеніемъ, — родители хвалятъ его неумолимо, ласкаютъ и дарятъ его и поютъ нескончаемую пѣсню о способностяхъ и успѣхахъ своего дѣтища предъ своими родными и знакомыми, стараются выставить предъ ними на видъ его способности и успѣхи, и сдѣлать ихъ предметомъ повалы и удивленія; при этомъ рассказываютъ, какъ малы и ничтожны способности и успѣхи другихъ дѣтей одного съ нимъ возраста. Желая угодить хозяевамъ дома, гости шумно и неумѣренно хвалятъ дитя, составляющее предметъ восхищенія семьи. Обнаружить ли дитя добрыя свойства и стремленія души, — вмѣсто того, чтобы любоваться ими втайнѣ, или ограничиться одобреніемъ ихъ и потомъ незамѣтно поддерживать и направлять эти добрыя стремленія, родители опять стараются выразить по этому случаю свою радость какъ можно шумнѣе, наградить его преувеличенными похвалами и нѣжными именами и нерѣдко при этомъ увлекаются сладкими мечтами о судьбѣ своего дѣтища и высказываютъ увѣренность, что оно современемъ непременно будетъ знаменитымъ ученымъ или человѣкомъ замѣчательнымъ въ другомъ какомъ-нибудь отношеніи.

Въ школахъ особенно усердно стараются дѣйствовать на честолюбіе мальчиковъ для возбужденія ихъ къ большому прилежанію. Здѣсь наибольшему искушенію подвергаются лучшіе ученики, отличающіеся отъ другихъ блестящими способностями. Въ выраженіи своего вниманія къ такимъ ученикамъ многіе учителя не знаютъ мѣры: они слишкомъ щедро хвалятъ ихъ, ласкаютъ, приближаютъ къ себѣ, оказываютъ имъ особенное довѣріе и становятся чуть не на равную ногу съ ними, такъ что мальчикъ, удостоиваемый такого

вниманія и пользующійся такими особенными правами, выдѣляется изъ круга своихъ товарищей, какъ существо особенное, необыкновенное. Удивительно ли, что такой мальчикъ впадаетъ въ надменіе и гордость и мало-по-малу привыкаетъ смотрѣть на себя какъ на существо высшаго разряда, которому подобаешь всякое уваженіе и честь со стороны наставниковъ и товарищей. Съ другой стороны, какъ мы уже упоминали прежде, для возбужденія соревнованія въ ученикахъ болѣе слабыхъ или лѣнливыхъ, учителя обыкновенно выставляютъ на видъ успѣхи лучшаго ученика въ примѣръ для подражанія, хвалятъ ихъ не въ мѣру. Подобный образъ дѣйствованія болѣе способныхъ и даровитыхъ учениковъ располагаетъ къ гордости и честолюбію. Къ тѣмъ же послѣдствіямъ иногда приводятъ, къ сожалѣнію, и всѣ искусственныя побужденія, на которыя особенно изобрѣтательны школы, какъ-то: высокое мѣсто въ классномъ спискѣ, мѣсто, для полученія котораго ученики вызываются на состязаніе, разряды учениковъ, провозглашеніе именъ учениковъ отличившихся особенно успѣхами и доброй нравственностью предъ собраніемъ учителей и учениковъ всей школы, почетная доска, на которой записываются на память потомства имена лучшихъ учениковъ, книга, въ которую вносятся лучшія сочиненія учениковъ, похвальные листы, медали, стипендіи и пр. и пр.

Расточительность въ похвалахъ и неправильное раздраженіе чувства чести искусственными школьными средствами приносятъ много вреда нравственному развитію воспитанниковъ. Вопервыхъ, въ нихъ развивается любовь только къ похваламъ, а не къ дѣйствіямъ, достойнымъ похвалы и награды; вслѣдствіе этого похвала и честь становятся для нихъ цѣлью, а умственные занятія, нравственное усовершенствованіе обращаются въ средства для достиженія этой цѣли; а при такомъ извращеніи понятій у нихъ исчезаетъ истинное и добросовѣст-

ное стремленіе къ собственному усовершенствованію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; они будутъ стремиться къ развитію своихъ способностей, къ изученію тѣхъ или другихъ наукъ не потому, чтобъ для нихъ дѣйствительно дорого было собственное образованіе, чтобы они душой преданы были изслѣдованію истины, а только потому что они надѣются этимъ заслужить честь отъ другихъ людей, возбудить въ другихъ удивленіе и похвалы себѣ; они бодро и неутомимо идутъ по этому пути, но только до тѣхъ поръ, пока любовь ихъ къ почестямъ и похваламъ вполнѣ удовлетворяется; но лишь разъ-другой имъ не удастся достигнуть своей желаемой цѣли, исчезаетъ и умственная и нравственная ихъ энергія: они не находятъ удовольствія въ истинѣ и добрѣ потому, что въ нихъ не воспитана была искренняя и безкорыстная любовь къ умственному и нравственному самоусовершенствованію. Чѣмъ больше развивается въ воспитанникѣ это направленіе, тѣмъ слабѣе въ немъ бываетъ истинное чувство чести, тѣмъ болѣе возрастаетъ въ немъ честолюбіе; тогда онъ страстно начинаетъ стремиться къ своей цѣли, не замѣчая, какъ смѣшонъ бываетъ онъ съ своими требованіями и притязаніями; онъ не можетъ скрыть своихъ честолюбивыхъ желаній и ожиданій и не можетъ удержать своего гнѣва, если они не исполняются. Притомъ честолюбивые не совѣстятся употреблять и безчестныя средства для достиженія своей цѣли, напр. честолюбивый ученикъ не задумается обмануть своего учителя, лишь бы получить похвалу отъ него. И въ послѣдствіи сдѣлавшись вполнѣ взрослымъ, вступивъ въ жизнь общественную, такой человекъ не затруднится пренебречь требованіями совѣсти и нравственнаго долга, совершить преступленіе, лишь бы прославиться, достигнуть высокихъ почестей.

Далѣе подъ вліяніемъ неумѣренныхъ похвалъ и упомянутыхъ

выше искусственныхъ побужденій образуется въ воспитанникахъ привычка судить о себѣ, о своихъ достоинствахъ и недостаткахъ лишь на основаніи того, какое мнѣніе имѣютъ о нихъ другіе люди. Конечно въ началѣ нашего воспитанія руководство сужденіями о насъ другихъ людей и въ особенности родителей и воспитателей совершенно неизбѣжно. «Собственно человѣческая жизнь начинается сознаніемъ противоположности между похвальнымъ и порицаемымъ». Но сознаніе и сужденіе дѣтей о томъ, что хорошо и что дурно, еще не ясно, сбивчиво, не зрѣло. «Уже для того, чтобы это сознаніе образовалось въ воспитанникахъ отчетливо и чтобы они привыкли сообщать ему особенный вѣсъ», съ одной стороны «воспитатель долженъ выражать похвалу и порицаніе дѣйствіямъ, которыя того заслуживаютъ», а съ другой стороны воспитанники должны дорожить одобреніемъ или порицаніемъ, которое высказываетъ имъ воспитатель. «Онъ не можетъ быть равнодушенъ къ обозначенію этого первоначальнаго различія между дѣйствіями похвальными и порицаемыми тѣмъ болѣе, что къ нему неравнодушна совѣсть самихъ воспитанниковъ и что воспитанники по самому положенію своему имѣютъ склонность повѣрять свою совѣсть совѣстью воспитателя. Наконецъ, такъ какъ воспитаніе идетъ извнѣ во внутрь, то дѣти переносятъ въ свою совѣсть различіе похвальнаго и порицаемаго только послѣ того, какъ они наблюдаютъ, что это различіе находится во мнѣніяхъ другихъ людей. Отсюда видно, что выраженіе похвалы и порицанія есть тайная воспитательная мѣра, которая проходитъ по всей системѣ воспитательныхъ дѣйствій, какъ сила неотдѣлимая отъ нихъ». (Курсъ Общ. Педагог. Юркевича 1869 г., стр. 132.) Да и взрослые не могутъ быть равнодушны къ сужденію о нихъ другихъ людей. «Еслибы, говорить тотъ же авторъ, наше нравственное существо достигло полной зрѣлости, то неволь-

ное одобреніе нашей совѣсти вполне удостовѣряло бы насъ въ согласіи нашихъ дѣйствій съ нравственнымъ правиломъ, и выгодное или дурное мнѣніе о насъ, выражаемое другими людьми, не интересовало бы насъ. До этой высоты слѣдуетъ подняться каждому, дабы дѣйствовать съ нравственной свободой, т. - е. независимо отъ измѣнчивыхъ мнѣній и постоянныхъ предразсудковъ другихъ людей. Христіанское воспитаніе имѣетъ цѣлью это совершенство духа, который славу предъ Богомъ ставитъ выше славы предъ людьми, и который не повинуется рабски сужденіямъ и требованіямъ человѣческимъ, потому что онъ повинуется Богу» (Тамъ же, стр. 158). Но такого совершенства достигаютъ весьма немногіе: на свѣтѣ немало людей, которые легко заблуждаются въ сужденіи о своихъ собственныхъ достоинствахъ, преувеличиваютъ ихъ, а недостатковъ, иногда довольно значительныхъ и крупныхъ, не замѣчаютъ или не придаютъ имъ значенія; и такъ какъ иногда и малыя ошибки человѣка въ сужденіи о самомъ себѣ могутъ имѣть весьма вредныя послѣдствія, то сужденіе другихъ о его личности, выставляя на видъ его недостатки и исправляя его преувеличенное мнѣніе о своихъ собственныхъ достоинствахъ, во многихъ случаяхъ бываетъ для него спасительно и необходимо.

Но если вниманіе къ мнѣнію о насъ другихъ людей вслѣдствіе неправильнаго воспитанія доходитъ до рабскаго повиновенія людскимъ мнѣніямъ и предразсудкамъ, то это сопровождается весьма вредными послѣдствіями для нашего развитія. Большею частію люди не могутъ произнестъ вѣрнаго и основательнаго сужденія о нашихъ дѣйствіяхъ, потому что они большею частію не имѣютъ желанія, времени, а часто и возможности тщательно разсмотрѣть нашу жизнь, вникнуть въ наши обстоятельства, побужденія, наши средства къ совершенію тѣхъ или другихъ дѣйствій, и потому не удивитель-

но, что они въ своихъ сужденіяхъ о насъ часто ошибаются, бываютъ поверхностны; они больше обращаютъ вниманія только на внѣшнюю сторону нашихъ дѣйствій, на то, что блеститъ, поражаетъ взоръ или что случайно составляетъ предметъ моды. Понятно, какой опасности подвергаются тѣ, которые съ дѣтства пріучились безусловно довѣрять сужденію о себѣ другихъ людей: они теряютъ всякую самостоятельность и твердость характера; ихъ счастіе становится игрушкой случая, измѣнчиваго сужденія людскаго; рабское подчиненіе сужденію другихъ, если не всегда вводитъ ихъ въ заблужденіе, или направляетъ ихъ на ложный и дурной путь, то почти всегда принуждаетъ ихъ къ тому, что въ настоящую минуту имъ меньше всего полезно и необходимо; и подобная пассивная дѣятельность, безъ внутренняго расположенія къ ней, разсѣиваетъ ихъ вниманіе, расслабляетъ и убиваетъ энергію ихъ силъ. Въ концѣ концовъ подчинившіеся господству мнѣнія другихъ теряютъ всякую нравственную устойчивость и теряются въ единственныхъ заботахъ угодить, понравиться другимъ, имѣть какое-нибудь значеніе или играть какую-нибудь роль въ обществѣ.

Наконецъ благодаря въ особенности искусственнымъ побужденіямъ, употребляемымъ въ школахъ для возбужденія дѣтскаго честолюбія, развивается въ воспитанникахъ склонность судить о себѣ *по сравненію съ другими*. На эту склонность всегда надобно смотрѣть, какъ на зло въ нравственномъ отношеніи. Подъ вліяніемъ ея человѣкъ всегда избираетъ неправильное основаніе для сужденія о самомъ себѣ, невѣрную мѣрку для оцѣнки своихъ достоинствъ или недостатковъ. вмѣсто того, чтобы постоянно созерцать тотъ образецъ высочайшаго совершенства, который показали намъ Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ въ Своей жизни и въ Своемъ ученіи, и къ которому обязалъ насъ стремиться, вмѣсто того, чтобы, срав-

вивая себя съ этимъ образцемъ, познавать ничтожество своихъ достоинствъ, человѣкъ оцѣниваетъ себя по сравненію съ ничтожными достоинствами подобнаго же себѣ человѣка. Очевидно такая привычка должна замедлять и останавливать ходъ его развитія и усовершенствованія; судя о себѣ по сравненію съ окружающими его лицами, человѣкъ обыкновенно бываетъ доволенъ собою, когда сравнивается съ тѣмъ или другимъ товарищемъ или сослуживцемъ или увидитъ свое превосходство надъ ними. И что заставитъ его тогда стремиться къ высшему совершенству, строго судить и исправлять свои недостатки, особенно когда онъ замѣчаетъ свое превосходство надъ своими ближними, а недостатки свои имѣетъ возможность извинять тѣмъ, что отъ нихъ не свободны и другіе люди? И такимъ образомъ онъ далеко не достигаетъ той высоты развитія, на которой онъ долженъ былъ бы стоять по своимъ природнымъ дарованіямъ.

Склонность судить о себѣ по сравненію съ другими опасна и потому, что она возбуждаетъ между воспитанниками соперничество, поселяетъ разъединеніе, противоборство, вражду, и потому служитъ значительнымъ препятствіемъ къ возбужденію и развитію въ нихъ любви и доброжелательства къ другимъ: при соперничествѣ дѣти привыкаютъ чувствовать радость и удовольствіе при видѣ недостатковъ и огорченій своего товарища, и на его торжество и преимущества смотрѣть съ болью и стѣсненіемъ сердца.

Въ виду такихъ опасностей для нравственнаго развитія дѣтей надобно всячески охранять отъ неправильнаго развитія чувство чести. Для предохраненія ихъ отъ честолюбія, отъ страстнаго и малодушнаго искательства чести у другихъ, воспитатели должны дѣйствовать такъ, чтобъ похвала относилась не столько къ лицу воспитанника, сколько къ его дѣйствию достойному похвалы, — должны внимательно смотрѣть за

тѣмъ, чтобъ въ воспитанникѣ не развилось стремленія все дѣлать ради похвалы. Тамъ, гдѣ воспитатели слишкомъ расточительны на похвалы, или не соблюдаютъ надлежащей мѣры въ ихъ выраженіи, воспитанники скорѣе всего подвергаются искушенію честолюбія. Поэтому пусть похвала чаще будетъ допускаема только въ тѣхъ случаяхъ, когда она необходима для ободренія дѣтей при занятіи какимъ-нибудь труднымъ дѣломъ; но когда дѣти пріобрѣли нѣкоторую увѣренность въ своихъ силахъ, въ своей способности къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій, ихъ надобно по возможности чаще оставлять безъ похвалы; если они исправно приготовили урокъ, если они совершили возможное для ихъ возраста доброе дѣло, то полезно иногда предоставить ихъ самимъ себѣ: пусть голосъ пробуждающейся въ нихъ совѣсти наградитъ ихъ своимъ одобреніемъ, пусть они испытаютъ сладость этой внутренней награды и похвалы и мало-по-малу привыкаютъ къ сознанію, что исправное и добросовѣстное исполненіе своего долга и добрыя свойства и дѣла дѣлаютъ человѣка счастливымъ даже и тогда, когда на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Если же необходимо похвалить воспитанника, то хваля его нужно обращать его вниманіе на тѣ недостатки, которыхъ онъ тецерь избѣжалъ, и въ то же время напоминать ему, что онъ долженъ еще много трудиться для достиженія полного совершенства. При такой похвалѣ хотя онъ и чувствуетъ радость, но не подвергается искушенію гордости при мысли о своихъ успѣхахъ. Не нужно раздѣлять своимъ обращеніемъ учениковъ на лучшихъ и худшихъ, но по возможности обращаться съ ними одинаково; хвалить нужно нѣсколько учениковъ вмѣстѣ. Если же, несмотря на осторожность воспитателя, воспитанникъ все-таки обнаруживаетъ стремленіе обращать на себя вниманіе другихъ и вызывать похвалы себѣ, если онъ даже имѣетъ преувеличенное понятіе о своихъ способностяхъ и своей дѣя-

тельности и впалъ въ надменность, то для вразумленія его полезно бываетъ давать ему такую работу, при которой онъ собственнымъ опытомъ дошелъ бы до признанія своихъ несовершенствъ и недостатковъ, — и повторять это до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ въ немъ самообольщеніе.

Но самое вѣрное средство для предохраненія дѣтей отъ развитія въ нихъ честолюбія заключается опять-таки въ христіанскомъ ученіи, особенно если оно выражается въ жизни и дѣятельности самихъ родителей и воспитателей. Не препятствуя своимъ послѣдователямъ заботиться о сохраненіи своего добраго имени и чести (Фил. 4, 8; 1 Тим. 6, 12), оно въ то же время препятствуетъ развитію въ нихъ честолюбія, внушая, что кому много дано, съ того много и взыщется (Мѡ. 25, 14—30), что какъ бы ни были велики способности и нравственныя достоинства человѣка, какъ бы значительны ни были его заслуги предъ людьми, онъ не долженъ превозноситься, помня, что всѣ наши достоинства и заслуги не наша собственность, но даръ Божій. *Что ты имѣешь, чего бы ты не получилъ? а если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ?* (1 Кор. 4, 7.)? Спаситель говоритъ, что еслибы мы могли исполнить даже весь нравственный законъ и слѣдовательно достигнуть высочайшаго нравственнаго совершенства, то и тогда мы не имѣли бы права думать о себѣ высоко, считать себя достойными награды и чести (Лук. 17, 10). Такимъ глубокимъ смиреніемъ и былъ проникнуть Апостоль Павелъ: сознавая все величіе своихъ подвиговъ для церкви Христовой, сознавая, что онъ потрудился больше всѣхъ другихъ Апостоловъ, онъ не дерзаетъ однакожь присвоить себѣ честь этихъ подвиговъ, но смиренно сознается, что все онъ совершилъ при помощи благодати Божіей (1 Кор. 15, 10). Дѣйствуя чрезъ примѣръ и наставленія домашнихъ, духъ христіанскаго смиренія и скро-

многи провикнетъ въ дѣтскія души и предохранитъ ихъ отъ честолюбія и надменія. Если въ основаніи жизни челоуѣка лежитъ искреннее убѣжденіе, что его способности, которыя выдвигаютъ его изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, суть даръ Божій, а не его собственность; то можетъ ли у него появиться требованіе, чтобы другіе оказывали ему честь за то, что не составляетъ его собственности? Если душѣ его присуще сознаніе, свойственное каждому истинному христіанину, что вся его дѣятельность, какъ бы велика и плодотворна ни была она, есть плодъ не столько его силъ, сколько благодатной помощи, — и всѣ его нравственныя совершенства, всѣ его добродѣтели суть только исполненіе нравственнаго долга, предписаннаго закономъ Божиимъ, а не какая нибудь заслуга, достойная награды и почестей; то можетъ ли въ душѣ его возникнуть мысль о почестяхъ и наградахъ, найдутся ли въ немъ условія, благопріятныя для развитія честолюбія?

П. К.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ БУДЕТЬ.)

ПОГРЕБЕНІЕ У ДРЕВНИХЪ ХРИСТІАНЪ ^(а).

Послѣ похоронныхъ обрядовъ въ домѣ усопшаго, слѣдовалъ выносъ. Былъ ли исполняемъ церковный обрядъ отпѣванія у древнихъ христіанъ, или послѣ домашней молитвы тѣло относилось прямо на мѣсто послѣдняго покоя, — трудно сказать что-нибудь рѣшительное. Едва ли не вѣрнѣе послѣднее; согласно іудейскимъ обычаямъ, усопшій выносился изъ своего временнаго жилища прямо на мѣсто своего вѣчнаго успокоенія. Во времена гоненій, торжественныя похороны и церемоніи, при значительномъ стеченіи вѣрующихъ, конечно, были невозможны. Такая торжественность непременно обратила бы вниманіе подозрительныхъ язычниковъ, и потому погребеніе усопшихъ, особенно мучениковъ, епископовъ, совершалось чаще ночью, по возможности скрытно, безъ обрядовъ и пышныхъ церемоній. Впрочемъ и во времена преслѣдованій христіане иногда торжественно заявляли свое почтеніе къ усопшему, несмотря на то, что могли дорого заплатить за это предъ суровыми гонителями. Такъ напр. тѣло св. Кипріана было сопровождаемо его пасомыми съ псалмопѣніемъ и свѣтильниками (*Les actes proconsulaires de S. Cyprien. ap. Ruinart*). Спустя немного времени встрѣчаются свидѣтельства, хотя неясныя, — объ отпѣваніи во храмахъ. Іеронимъ о

(а) Продолженіе. Начало см. въ январской книжкѣ.

кончинѣ Фабіолы къ Океану пишетъ: «тогда разнесшійся слухъ, возвѣстивъ такую печаль, со всего града созвалъ народъ на погребеніе: гремѣли псалмы и *позлащенные верхи храмовъ* колебала въ высотѣ пѣснь: аллилуія». (Нов. Скрижаль). Чинъ погребенія или точнѣе церковнаго отпѣванія умершихъ возникъ конечно тотчасъ по окончаніи гоненій съ началомъ свободнаго и открытаго богослуженія; но окончательную форму, нынѣ употребляемую, получилъ неранѣе временъ преп. Іоанна Дамаскина, который украсилъ и закончилъ его многими возвышенными, истинно поэтическими гимнами. Гимны его: *зряще мя безгласна* и пр. *приидите послѣднее цѣлованіе дадимъ братіе умершему* и т. д. столь утѣшительныя для страждущаго сердца и столь трогательныя для посторонняго слушателя, замѣнили язычeskій плачь при послѣднемъ разставаніи съ умершимъ, несомвѣстный съ блаженнымъ упованіемъ вѣрующаго христіанина.

У Грековъ и Римлянъ былъ обычай произносить рѣчи въ похвалу умершихъ, преимущественно же въ честь героевъ, падшихъ въ битвѣ за отчизну. Нѣчто подобное замѣтно и у Евреевъ (2 Цар. 1, 19.—1 Мак. 9, 21). Рѣчь или пѣснь Давида въ воспоминаніе Саула и Іонаана останется навсегда образцомъ въ своемъ родѣ. Заупокойныя похвалы имѣли цѣлю воздать должную хвалу доблестямъ умершихъ и возбудить въ живыхъ чувство благороднаго соревнованія ихъ добродѣтелямъ и славъ. Онѣ укрѣпляли въ сердцахъ мужественную стойкость и желаніе не отстать отъ почившихъ въ подвигахъ. Въ этихъ видахъ христіанство приняло обычай произносить рѣчи надъ усопшими. Первоначально эти надгробныя рѣчи были кратки и просты, и произносились въ домѣ умершаго, въ кругу его родныхъ и знакомыхъ; когда Церковь восторжествовала и христіанство сдѣлалось господствующею религіею, рѣчи сдѣлались пространнѣе и витіева-

тѣе, и произносились уже въ храмахъ предъ лицемъ многочисленнаго собранія вѣрующихъ слушателей. Таковы слово похвальное св. Мелетію св. Григорія Нисскаго, Константину Великому Евсевію Кесарійскаго, св. Василію Великому и Кесарію Григорія Назіанзена, Валентиніану св. Амвросія Медиоланскаго.

Обычай древнихъ народовъ не позволялъ хоронить усопшихъ въ чертѣ городо́въ и селеній. Наинскаго юношу *изношаху* за ворота города, гдѣ и встрѣтилъ Спаситель похоронную процессію. Лазарь былъ погребенъ довольно далеко за селеніемъ. Гробница Іосифа Аримаѳейскаго была за стѣнами Іерусалима. Самыя усыпальницы царей находились далеко отъ Іерусалима за оврагомъ. Некрополисъ Оивъ стовратныхъ расположенъ былъ по ту сторону рѣки Нила. Римляне по закону XII таблицъ ставили свои гробницы тоже за стѣнами, по дорогамъ: выразительное напоминаніе путешественникамъ, что человекъ—странникъ на землѣ, что жилые дома—гостинницы, а гробы—дома вѣчные, какъ называли ихъ язычники и какъ говоритъ Писаніе: *и гроби ихъ жилища во вѣкъ* (Ис. 48, 12). Христіане соблюдали этотъ общій обычай, особенно можетъ быть и потому, что и Самъ Подвигположникъ *внѣ вратъ пострадатъ* и лечь во гробъ *изволи*. Но ихъ дома—гробы не имѣли значенія вѣчнаго жилища. «У христіанъ, говоритъ бл. Іеронимъ, смерть не есть смерть, но усненіе и называется сномъ», и самыя мѣста могилъ, кладбища, стали называться усыпальницами—*dormitorium, cymeterium, κοιμητήριον*, получили значеніе временнаго мѣста упокоенія, отдохновенія до утра.

Сходясь съ язычниками въ обычаѣ хорониться за городомъ, христіане впрочемъ тщательно избѣгали всякаго соприкосновенія съ ихъ могилами и кладбищами. Въ этомъ они руководились преданіями и примѣрами ветхаго завѣта.

Напрасно сыны Хеттеёвы благосклонно предлагали лучшія изъ своихъ гробницъ для Сарры: *царь отъ Бога ты еси въ насъ: во избранныхъ гробѣхъ нашихъ погребѣи мертвеца твоего* (Быт. 23, 6). Авраамъ купилъ особую пещеру.—*Іаковъ торжественною клятвою обязалъ Іосифа не класть его въ языческомъ Египтѣ: но да почию со отцы моими,—и изнесешѣ мя изъ Египта, и погребешѣ мя во гробъ ихъ* (Быт. 47, 30). Іосифъ заповѣдалъ то же: *въ посѣщеніи, имже посѣтитъ васъ Богъ, совознесите и кости моя отсюда съ вами* (Быт. 50, 25). Одинъ любопытный памятникъ во Флоренціи надписью своею повѣствуетъ намъ, что нѣкто Іусундусъ купилъ было себѣ мѣсто для могилы, но потомъ, сдѣлавшись христіаниномъ, не захотѣлъ лежать между невѣрными и перепродалъ свое право на гробницу Фаусту, рабу Антоніи, жены Друза.... *Ков общеніе свѣту ко тьмѣ* (2 Кор. 6, 14)?

Почитая тѣла свои какъ храмъ Св. Духа, какъ предназначенныя къ славѣ воскресенія, христіане обращали большое вниманіе на погребеніе. Тѣла мучениковъ, брошенныхъ въ огонь, старались спасти если не въ цѣлости то хотя въ остаткахъ, чтобы похоронить съ честію; вверженныхъ въ воду вытаскивали и предавали землѣ; выкупали тѣла отданныя на сѣдненіе звѣрямъ у приставленныхъ сторожей дорогою цѣной и погребали въ собственныхъ могилахъ.

Что касается до самыхъ гробницъ или могилъ, онѣ устраивались двумя способами: однѣ, по нынѣшнему, въ верхнемъ слоѣ земли, другія въ глубокихъ подземельяхъ,—такъ называемыхъ катакомбахъ. Гдѣ рыхлость почвы или другія обстоятельства не позволяли вести подземныя галлерей—катакомбы, тамъ христіане устраивали кладбища кругомъ базиликъ на поверхности земли. Св. Кипріанъ Епископъ Карфагенскій (258) былъ погребенъ въ усадьбѣ Макровія прокуратора. Гер-

васій и Протасій погребены близъ базилики въ Миланѣ. Ихъ гробницы, слывшія древними во времена св. Амвросія Медіоланскаго, вновь открыты въ недавнее время.

Другой родъ погребенія употребительный у древнихъ христіанъ—погребеніе въ катакомбахъ особенно во времена гоненій. Знаменитѣйшія изъ всѣхъ катакомбъ—Римскія, но были катакомбы и въ другихъ мѣстахъ: въ Антиохіи, Кипрѣ, Александріи, въ Неаполѣ и въ нѣкоторыхъ городахъ Сициліи—въ Мессинѣ, Сиракузахъ, на островѣ Мальтѣ, въ Тосканѣ. Въ Испаніи есть катакомбы въ Ельвирѣ, въ Сарагоссѣ, въ Севильѣ; въ Галліи: въ Агонѣ, Кельнѣ, Трирѣ. Мы желаемъ остановить вниманіе читателя на нѣсколько времени на римскихъ катакомбахъ частію потому, что онѣ болѣе другихъ изслѣдованы, описаны, извѣстны, частію потому, что по нимъ, какъ по образчику, довольно познакомятся читатель со всѣми прочими древнехристіанскими подземными усыпальницами.

Извѣстно, что катакомбами называются подземелья выкопанныя христіанами первыхъ вѣковъ для того, чтобы въ нихъ хоронить своихъ умершихъ, совершать свои богослуженія и находить тамъ безопасное убѣжище во времена гоненій. Названіе ихъ объясняютъ различно, но дѣло не въ названіи. Вѣроятно всего, что оно случайное. По древнему преданію тѣла св. апостоловъ Петра и Павла были погребены близъ урочища Catacumbae, или мѣста, называемаго ad Catacumbas. Потомъ и другія христіанскія подземелья и кладбища въ нихъ около Рима начали называть катакомбами, подобно тому какъ великій городъ, большой, шумный, пышный и развратный зовутъ Вавилономъ, всякій маякъ, по имени александрійскаго, фаросомъ, всякій великолѣпный надгробный памятникъ—мавзолеемъ. За тѣмъ названіе катакомбъ распространено, какъ

варицательное, на всё христіанскія подземныя кладбища отъ Кельна до Александріи и отъ Сарагоссы до Антиохіи.

Обычай устраивать подземелья для покойниковъ вѣроятно занятъ Евреями у Египтянъ, а отъ Евреевъ какъ и многое другое перешель къ христіанамъ. Въ одномъ изъ холмовъ въ окрестностяхъ Рима, въ отрогахъ горы Яникула, открыто подземное кладбище Евреевъ переселенныхъ въ Римъ послѣ войны Помпея. (Нѣчто подобное есть у насъ въ Крыму въ Чуфуть-Кале). Оно во всѣхъ отношеніяхъ сходно съ христіанскими подземельями, и въ немъ встрѣчаются символы и эмблеммы заимствованныя исключительно изъ книгъ Ветхаго Завета. Христіане, подобно Евреямъ, чуждались иновѣрцевъ, а между тѣмъ окрестности вѣчнаго города были заняты кладбищами язычниковъ: надобно было устраивать могилы гдѣ-нибудь далеко, недоступныя ни взорамъ, ни оскорбленіямъ идолопоклонниковъ. И вотъ гдѣ-нибудь въ густой чащѣ садовъ и виноградниковъ, растущихъ по холмамъ Рима, пробивали узкій и крутой спускъ (шахту) сквозь верхній слой земли до болѣе твердаго грунта. Тамъ закладывалась первая галерея (тоннель, штольня) горизонтальная и довольно широкая (двое могли идти рядомъ). Отъ нея по мѣрѣ надобности развѣтвлялись другія побочныя параллельныя и поперечныя линіи лабиринта. Въ стѣнахъ этихъ корридоровъ приготавливались могилы разнаго вида, названія, расположенія и устройства: *loculi*, *cubicula*, *сyртае*. Въ боковыхъ стѣнахъ галереи выдалбливались параллельно направленію ея ниши или продолговатыя углубленія, въ которыхъ клались тѣла усопшихъ: это *loculi*. За тѣмъ нишъ изъ корридора закладывалась мраморной плитой или двумя тремя глиняными (*tabula*), которыя примазывались известью. Потомъ на плитѣ дѣлалась надпись (*titulus*), изображалась какая-нибудь эмблема: якорь, голубь, пальма и т. п. Иногда тутъ же въ известь вмазывалась

небольшая ваза съ кровію почившаго, если онъ былъ мученикъ. Иногда, хотя впрочемъ рѣдко, эти *loculi*, мѣстечки, устраивались не вдоль галлерей, а въ глубину стѣны. Надъ первымъ рядомъ могилъ заводился другой, третій и т. д. до двѣнадцати, смотря по высотѣ туннеля. Кверху обыкновенно устраивались *loculi* младенцевъ. Если въ одной нишѣ помѣщалось нѣсколько тѣлъ (до 9 и болѣе), *loculus* назывался *bysomus* (съ двумя тѣлами), *trisomus*, *quatrismus*, *polyandre*. Общій видъ такимъ образомъ наполненной гробами стѣны корридора имѣлъ нѣкоторое сходство съ кирпичною стѣной: плиты, закрывающія ниши—кирпичи; промежутки между гробами, выступы природной скалы, какъ будто швы извести между кирпичами. Изъ этого ряда галлерей устраивались спуски внизъ и начинался второй этажъ....

Индѣ по длинѣ корридора устраивались комнаты—*cubicula*. Это такъ сказать фамиліные склепы различныхъ размѣровъ и формъ: четверугольныя, круглыя, треугольныя, осмигранныя залы, похожія на часовню или небольшую церковь. Въ глубинѣ среди аллегорическихъ картинъ и украшеній, напоминающихъ иконостасъ или кіотъ (*arcosolium*), въ полукруглой нишѣ помѣщался обыкновенно гробъ мученика, а кругомъ него, по благочестивому обычаю времени, какъ бы подъ его святою защитою и охраною, гробницы или *loculi* членовъ фамиліи. Впрочемъ этотъ обычай, отъ котораго вѣроятно происходитъ и нашъ хорониться около церквей, не всѣми одобрялся: папа Дамась, по смиренію своему, не одобрялъ его: *cineres timui sanctos vexare rŕogum!* «Боюсь оскорбить священныи прахъ угодниковъ.» Тѣ члены фамиліи, которымъ уже не досталось мѣста въ самой усыпальницѣ—*cubiculum*, старались лечь хотя въ ближайшихъ стѣнахъ корридора, все-таки вблизи святыхъ! Въ этихъ залахъ или пещерахъ въ дни памяти мучениковъ собирались христіане для богослуженій.

Если *cubiculum* можно сравнить съ часовней, то *Crypta* приближалась къ церкви по размѣрамъ и украшеніямъ. Въ криптахъ бываетъ иногда по нѣсколькѣ отдѣленій или комнатъ, можетъ быть для клира, женъ, оглашенныхъ и т.-п. каменный престолъ, вырубленный прямо изъ стѣны или скалы изъ сѣдалища. На потолокъ подвѣшивалась бронзовая лампа; около стѣнъ на пьедесталахъ или въ особенныхъ нишахъ ставились также свѣтильники. Впрочемъ иногда крипта освѣщалась и солнечнымъ свѣтомъ. Для этого въ сводѣ пробивалась труба до поверхности земли около полутора аршина шириною, снабженная на поверхности окраиной или обрубомъ какъ у колодца. Это *luminare cryptae*. Въ случаѣ нужды, въ тяжкую годину гоненій, тѣла мучениковъ вѣроятно были прямо спускаемы въ эти колодцы.

Много вѣковъ пролетѣло надъ этимъ подземнымъ некрополемъ, надъ этимъ лабиринтомъ улицъ, комнатъ и залъ, не такимъ пустыннымъ какъ Дедаловъ критскій лабиринтъ, но также молчаливымъ, хотя и многолюднымъ. Не цари построили его, какъ египетскій лабиринтъ, а *отребіе міра* и въ то же время *соль земли*, тѣ *кроткіе и смиренныя сердца*, которые должны были *наслѣдовать землю* по завѣщанію Царя небесъ. Они укрывались глубоко въ нѣдрахъ земли, какъ ростокъ или зародышъ могучаго, исполинскаго дерева, которое долженствовало возрасти до облаковъ и тѣнью своею покрыть вселенную: *розги его до моря и даже до рѣкъ отрасли его!* (Пс. 79). Эти подземелья — кропотливый трудъ муравьиного терпѣнія нѣсколькихъ поколѣній. изрытыя любовью, политыя слезами вѣры и надежды и кровью страдалцевъ, видѣли свои свѣтлые и свои черные дни; тяжкія долгія години гоненій, какъ гулъ урагана или отдаленнаго землетрясенія, долетали въ эти глубокія *пропасти земли*, по слову Апостола, — зловѣщимъ стономъ рѣши-

тельной, роковой битвы. Въ тишинѣ ночи, подъ кровомъ мрака, тайкомъ и робко сбирались сюда блѣдныя и трепещущія тѣни и, при могильномъ свѣтѣ лампъ, проливали слезы надъ разтерзанными, окровавленными, опозоренными останками кого-нибудь изъ своихъ братій и молились первому Страдальцу и подвигоположнику: *доколы, Владыко святой и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли? (Апок. 5, 10). Сіи суть, иже приидоша отъ скорби великія, и испраша ризы своя и убѣлиша ризы своя въ крови Агнчи (Ап. 7, 14). И речено бысть имъ, да почіютъ еще время мало, дондеже скончуются и клеветы ихъ: и братія ихъ, и мушійи избіени быти, якоже и тѣи. (Ап. 7, 11).*

А державный Римъ, какъ старѣющая блудница (Ап. 17), шумно и буйно, дико и безобразно доканчивалъ свои развратныя оргіи; охмѣлѣвшій отъ крови народовъ, онъ терзалъ христіанъ какъ агнцевъ, подобно волчицѣ, вскормившей Ромула и Рема; освѣщаль сады Нерона горящими христіанами и хрипло вопилъ и голосилъ: *panem et circenses!*

«Голодная толпа римской черни, говоритъ Апулей, которой отказано въ счастья быть въ самомъ циркѣ, стоитъ голодная у его входовъ, ревомъ своимъ аккомпанируетъ радостнымъ восклицаніямъ, раздающимся изъ цирка, и съ жадностію нападаетъ на мертвыхъ и полумертвыхъ звѣрей, чтобы утащить къ себѣ домой этотъ лакомый обѣдъ. Потому что необразованная бѣдность, продолжаетъ онъ, безъ разбора ѣсть все, что только наполняетъ желудокъ, и охотнѣе всего таскаетъ въ свою берлогу жирныхъ медвѣдей».

«Ядущіе мясо животныхъ, убитыхъ въ амфитеатрѣ, говоритъ Тертуллианъ, не питаются ли плотію подобныхъ себѣ людей? Этотъ поверженный вепрь напитанъ кровію разтерзанныхъ имъ несчастныхъ; этотъ олень не прежде умеръ,

какъ обагрясь кровью гладіатора; въ желудкѣ издыхающаго медвѣдя трепещутъ еще члены пожранныхъ имъ людей! Вы не можете отпереться: вы людоеды!» (Апол. IX). «Трупы христіанъ уже испорченныя, обезображенныя, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, извлекаются изъ гробовъ, чтобы надъ ними поругаться, чтобы истерзать ихъ въ куски. Но замѣтили ль вы, чтобы мы когда-нибудь старались отомстить за такое ожесточеніе, преслѣдующее насъ даже и за гробомъ? Достаточно было бы даже одной ночи съ нѣсколькими факелами, чтобы воздать зло за зло... Мы существуемъ такъ сказать съ вчерашняго дня и уже наполняемъ все: ваши города, острова, замки, пригороды, совѣты, лагеря, трибы, декуріи, дворъ, севать, форумъ,—предоставляемъ вамъ одни только ваши храмы» (XXXVII).

Долги и страшны были эти грозы и бураны, но настали и свѣтлыя, тихіе, теплые дни, май Церкви, весна христіанства. Вся земля, вся вселенная запестрѣлась цвѣтами, зазеленѣлась коврами свѣжей озими, доселѣ скрытой подъ свѣгомъ отъ морозовъ и мятелей. Доселѣ работы катакомбъ, эти мины и контрмины осажденной Церкви велись съ энергической дѣятельностью, безъ усталы, безъ отдыху и ослабы. Жертвы падали каждый день и требовали себѣ мѣста для покоя. Теперь наступило время ослабы; горячая, страдающая пора прошла. Начали исправлять, украшать устроенное прежде: сдѣлали удобные спуски и лѣстницы; пробрили еще окна для воздуха и свѣта; обрушившіяся галлерей исправили и укрѣпили каменною кладкою, покрыли штукатуркою, орнаментами и символическими картинами своды криптъ; прибавилось еще нѣсколько галлерей для того, чтобы помѣщать тѣла тѣхъ христіанъ, которые, по общаю, желали лечь близъ костей св. мучениковъ подъ ихъ высокимъ и святымъ покровительствомъ. Къ этому же времени относится возникновеніе обычая класть умершихъ не только въ стѣнахъ галлерей, а и въ ея помостѣ или точнѣе земляномъ полу.

Свящ. В. Владимірскій.

(Продолженіе будетъ.)

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

XX. Паремія, положенная на вечернѣ въ пятокъ четвертой седмицы в. поста. Быт. 12, 1—7.

Въ сей пареміи содержится повѣствованіе о переселеніи Авраама изъ Харрана въ землю Ханаанскую.

Гл. 12. ст. 1. Рече Господь Авраму: изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу.

Авраамъ—десятый въ ряду патріарховъ, родившихся послѣ потопа, —былъ сынъ Өарры. Онъ родился на 130 году жизни своего отца, судя потому, что при смерти отца, послѣдовавшей на 205 году, ему было 75 лѣтъ (Быт. 11, 32; 12, 4). Өарра съ семействомъ первоначально жилъ въ сѣверной части Месопотаміи, близъ верховьевъ Тигра, — въ Урѣ халдейскомъ. Здѣсь у него родились и поженились трое сыновей: Арранъ, Нахоръ и Авраамъ. Арранъ умеръ въ Урѣ при жизни отца, оставивъ послѣ себя сына—Лота. Въ послѣднихъ стихахъ предшествующей (11-й) главы книги Бытія описано переселеніе Өарры изъ Ура въ Харранъ (или Карры, Киргѳе), городъ Месопотаміи, на югъ отъ Ура, извѣстный въ послѣдствіи пораженіемъ римскаго полководца Красса отъ Пароянъ. Бытописатель говоритъ, что Өарра взялъ съ собою Аврама, и

Сару свою жену, и Лота, и пошелъ съ ними въ землю Ханаанскую, но на пути остановился въ Харранѣ и здѣсь водворился; что же было причиною переселенія Ғарры, Бытописатель о томъ умалчиваетъ. Но св. первомученикъ и архидіаконъ Стефанъ, въ рѣчи своей къ Іудеямъ, даетъ видѣть, что этою причиною было повелѣніе Божіе Авраму оставить родину и идти въ землю, какая ему показана будетъ Богомъ (Дѣя. 7, 2—4). Повелѣніе Божіе Аврамъ, конечно, объявилъ отцу своему, и отецъ, не желая отставать отъ сына, послѣдовалъ за нимъ, но достигши Харрана, не рѣшился продолжать свое путешествіе. Съ нимъ остался жить въ Харранѣ и Авраамъ, можетъ быть по усиленнымъ просьбамъ отца не покидать его на старости лѣтъ, и прожилъ съ отцемъ до смерти его; по смерти Ғарры Господь снова объявилъ Аврааму свое повелѣніе идти въ землю, какая ему будетъ показана. Повелѣніе это у Бытописателя, въ разсматриваемой нами пареміи, выражено тѣми же словами, въ какихъ, по свидѣтельству св. первомученика Стефана, дано было Аврааму первое повелѣніе въ Урѣ Халдейскомъ ^(а). *Изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего и отъ дому отца твоего.* Тяжкая жертва требуется отъ Авраама. Онъ долженъ прервать сношенія не

(а) Вслѣдствіе этого тождества многіе толкователи то и другое повелѣніе почитаютъ за одно и говорятъ, что оно дано было только въ Урѣ, а не вмѣстѣ и въ Харранѣ. Но св. Стефанъ ясно отличаетъ одно отъ другаго: одно дано было до переселенія Авраама въ Харранъ (Дѣя. 7, 2), о другомъ говоритъ Стефанъ: *изъ Харрана по смерти отца его, переселилъ его Богъ въ сію землю, т.-е. въ Ханаанскую—(Дѣя. 7, 4),—переселилъ очевидно объявленіемъ ему Своей воли о семь. Объ этомъ-то вторичномъ повелѣніи свидѣтельствуетъ Бытописатель, ясно давая разумѣть, что оно дано было въ Харранѣ, ибо упоминаетъ о немъ послѣ того, какъ упомянулъ о поселеніи Авраама въ Харранѣ и смерти здѣсь Ғарры (Быт. 11, 32. Слич. 12, 5).*

только съ своими соотечественниками, жителями Харрана, но и съ своими сродниками, покинуть самое жилище, въ которомъ доселѣ обиталъ съ отцемъ своимъ. Но какихъ сродниковъ онъ долженъ былъ бросить? Тѣхъ, разумѣется, которые не согласятся слѣдовать за нимъ въ другую страну; таковъ былъ братъ его Нахоръ съ своимъ семействомъ. О немъ извѣстно, что онъ также переселился изъ Ура въ Харранъ (Быт. 24, 10; 27, 43), хотя время этого переселенія не извѣстно,—и въ Харранѣ окончательно водворился.—Для чего Господь требуетъ отъ Авраама оставить страну, сдѣлавшуюся новымъ для него отечествомъ, знакомыхъ и родныхъ, какъ требовалъ Онъ сего же отъ него въ Урѣ халдейскомъ?—Авраама Господь избралъ въ отца истинно вѣрующихъ въ Него, предназначилъ его быть родоначальникомъ племени, въ которомъ одномъ, до пришествія Христа Спасителя всѣхъ человѣковъ, должно было сохраняться истинное богопочтеніе. Для сего надлежало воспитать Авраама вдали отъ окружавшей его среды, зараженной языческими заблужденіями и идолопоклонствомъ (преимущественно звѣздопоклонствомъ). Язычество проникло даже въ семейство Өарры, какъ видно изъ свидѣтельства Іисуса Навина, который ясно говоритъ, что «въ Месопотаміи отцы евреевъ, въ томъ числѣ и Өарра отецъ Авраама и Нахора, служили богамъ инымъ» (1. Нав. 24, 2). Рѣшимость Өарры слѣдовать за сыномъ изъ Ура халдейскаго еще можетъ быть объяснена предположеніемъ, что Өарра или совсѣмъ оставилъ служеніе инымъ богамъ, или началъ колебаться между языческими заблужденіями и истинною вѣрою; но въ семействѣ Нахора, брата Авраамова, идолопоклонство упорно продолжалось, какъ видно изъ того, что Рахиль, правнука Нахорова, уѣзжая изъ родительскаго дома въ Ханаанскую землю съ мужемъ своимъ Іаковомъ, похитила идолъ отца своего Лавана (Быт. 31, 19). Вліяніе языческой

среды отражалось ли на Авраамѣ, пока онъ жилъ въ ней, неизвѣстно — Св. Писаніе ничего не говоритъ о семъ ^(а); но во всякомъ случаѣ надлежало оградить его отъ этого пагубнаго вліянія и воспитать вдали отъ ней для его великаго предназначенія. Особенно могла угрожать Аврааму и его семейству такая опасность со стороны родства. И потому, какъ по слову Христа Спасителя истиннымъ ученикомъ Его можетъ быть только тотъ, кто для сохраненія вѣрности Его ученію готовъ покинуть отца, мать, дѣтей, братьевъ и сестеръ, такъ и будущему отцу вѣрующихъ для безопасности отъ прираженій суевѣрія и нечестія надлежало разстаться не только съ родною страной, но и съ ближайшимъ родствомъ. Правда, Аврааму и въ Ханаанской землѣ придется жить среди язычниковъ, но здѣсь чуждаясь родственныхъ связей съ Хананеями, онъ будетъ дальше отъ опасности заразиться ихъ суевѣріемъ, чѣмъ въ Харранѣ среди родственниковъ. Тяжелая жертва, какую долженъ былъ принести Авраамъ, удаляясь изъ Харрана, необходима было не только для сохраненія вѣры, но вмѣстѣ для того, чтобы укрѣпить Авраама, какъ хранителя ея, въ послушаніи и преданности волѣ Божі-

---

(а) Есть преданіе объ Авраамѣ, распространенное на востокѣ между послѣдователями ислама, что въ душѣ самого Авраама происходили колебанія, и что надъ ними онъ восторжествовалъ только силою свѣтлаго и здравого разсужденія. Преданіе это излагается въ коранѣ — въ такомъ видѣ: «когда ночь осѣнила Авраама, онъ увидѣлъ звѣзду и сказалъ: вотъ мой Господь. Но когда она зашла, онъ сказалъ: я не люблю исчезающихъ свѣтилъ. И когда онъ увидѣлъ восходящую луну, то сказалъ: вотъ мой Господь. Но когда зашла и луна, онъ сказалъ: истинно, если Господь мой не поставитъ меня на путь истины, то я буду однимъ изъ заблуждающихся. И когда онъ увидѣлъ восходящее солнце, онъ сказалъ: вотъ мой Господь. Это больше звѣзды и луны. Но когда закатилось и солнце, онъ сказалъ: о, народъ мой; я оставляю все это. Я обращаю лице свое къ тому, Кто создалъ небо и землю».

ей. — Съ этою же послѣднею цѣлю Господь, вызывая Авраама изъ Харрана, утаилъ отъ него ту землю, въ которую повелѣвалъ идти ему: *иди въ землю, юже ти покажу*. Авраамъ долженъ былъ идти туда, куда самъ не зналъ: какое необходимо было для сего сомоотверженіе и преданность волѣ Божіей! Впрочемъ, Господь не называя по имени ту землю, въ которую вызывалъ Авраама, указывалъ ему, безсомнѣнія, направление его пути, иначе Авраамъ не пришелъ бы наконецъ въ ту именно землю, которая была цѣлю его путешествія.

2. И сотворю тя въ языкъ великъ, и благословлю тя, и возвелю имя твое, и будеши благословенъ.

Великая жертва требуется отъ Авраама, но и великія обѣтованія возвѣщаются ему за покорность волѣ Божіей. — *И сотворю тя*, говоритъ Господь, *въ языкъ великъ*, т.-е. произведу отъ тебя народъ великій. Отъ Авраама происходят многіе народы: Измаильтяне, Идумей, Амаликитяне, Израильтяне. Здѣсь идетъ рѣчь объ одномъ народѣ. Это народъ Израильскій, произшедшій отъ внука Авраамова Іакова. Онъ поистинѣ великъ и по многочисленности, — ибо неизчетенъ, какъ песокъ на берегу моря, какъ звѣзды на небѣ (Быт. 22, 17), — и по дивной судьбѣ своей, ибо это народъ избранный, единственный до Рождества Христова хранитель истиннаго Богопочтенія, и въ средѣ этого народародился Спаситель міра. — *И благословлю тя*. Благословеніе обѣщанное Богомъ Аврааму, состоитъ въ благопопѣшеніи Аврааму во всѣхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ: на всѣхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ будетъ лежать печать особеннаго благоволенія къ нему Божія. — *И возвелю имя твое*. Не одинъ избранный народъ, но и другіе народы, имѣющіе произойти отъ него, будутъ вмѣнять себѣ въ честь называть себя потомками его, будутъ величать имя его, какъ имя сво-

его родоначальника, и называть его, какъ особенно близкаго къ Богу, другомъ Божиимъ (Іак. 2, 23), подъ каковымъ именемъ онъ доселѣ извѣстенъ на Востокѣ. Для самыхъ христіанъ имя Авраама священо, какъ имя отца всѣхъ вѣрующихъ (Рим. 4, 11). Самъ Богъ будетъ называть себя Богомъ Авраама (Исх. 3, 6).—*И будешь благословенъ.* Съ еврейскаго выразительнѣе: «будешь въ благословеніе». Это значитъ 1) то, что и Богъ по особенному своему благоволенію къ Аврааму будетъ не только его благословлять, ущедрять своими милостями, но ради его будетъ милостивъ къ его потомкамъ, подобно тому, какъ ради Давида раба своего Богъ не отниметъ милости у его недостойныхъ потомковъ (Пс. 88, 32—34); 2) что и люди будутъ взирать на Авраама, какъ на источникъ и на образецъ благословеній Божіихъ, и потому въ молитвахъ къ Богу будутъ называть Его Богомъ Авраамовымъ, а когда будутъ выражать свои благожеланія кому-либо, то будутъ говорить: «да благословитъ тебя Господь, какъ Онъ благословилъ Авраама» (Быт. 28, 4).

3. И благословлю благословящія тя, и кленущія тя проклену: и благословятся о тебѣ вся племена земная.

И благословлю благословящія тя и кленущія тя проклену. Господь обѣщаетъ Аврааму быть вѣрнымъ и неизмѣннымъ союзникомъ ему, имѣть однихъ съ нимъ друзей и враговъ. Друзей Авраама Онъ будетъ благословлять, т.-е. посѣщать своею милостію, взирать на нихъ какъ на своихъ друзей, ибо любя и уважая Авраама, они тѣмъ свидѣтельствуютъ о своемъ сочувствіи къ нему, какъ къ избраннику Божію, и свое благоговѣніе къ самому Богу. Но горе кленущимъ Авраама, недоброжелателямъ и врагамъ его! Господь грозитъ имъ своимъ гнѣвомъ, взирая на нихъ, не какъ на личныхъ враговъ Авраама, а какъ на враговъ царства Божія. Вся исторія Израильскаго народа свидѣтельствуетъ объ исполненіи этой угрозы Божіей. Народы враждовавшіе противъ него—Египтяне, Амалякитяне, Сирійцы, Халдеи, Греки, Римляне не избѣгли грознаго суда Божія. Впрочемъ такимъ отношеніемъ Господа къ язычникамъ не оправдывается ненависть

къ нимъ Евреевъ. *Мнѣ (одному) отмщеніе, Азъ воздамъ* (Евр. 10, 30).—*И благословятся о тебѣ вся племена земная.* Это вѣнецъ обѣтованій Божіихъ. Аврааму суждено быть источникомъ благословенія для всѣхъ народовъ. Какимъ образомъ это обѣтованіе должно исполниться, о томъ яснѣе сказано будетъ Аврааму впоследствии: *и благословятся о стѣмени твоёмъ вси языцы земнии* (Быт. 22, 18). Сѣмя же это есть Христосъ Спаситель, произшедшій по плоти отъ Авраама, — какъ объясняютъ сіе обѣтованіе Божіе апостолы Петръ (Дѣян. 3, 25. 26) и Павелъ (Гал. 3, 16). Итакъ не лично Авраамъ будетъ источникомъ благословенія для всѣхъ народовъ, но чрезъ его великаго потомка— Христа Сына Божія.

4. И иде Аврамъ, якоже глагола ему Господь, и идяше съ нимъ Лотъ. Аврамъ же бѣ седмидесяти пяти лѣтъ, егда изыде отъ земли Харранъ.

Не извѣстно, сколько времени прожилъ Авраамъ въ Харранѣ съ отцемъ своимъ Фаррою. Судя по тому, что Господь, вызывая его изъ Харрана, называетъ эту страну *землею его* (ст.1), подобно тому, какъ этимъ же именемъ названъ Уръ Халдейскій, гдѣ Авраамъ родился (Дѣя. 7, 3), также по тому, что онъ въ Харранѣ успѣлъ сдѣлаться зажиточнымъ человѣкомъ (Быт. 12, 5), — должно полагать, что онъ прочно водворился въ этой странѣ, не мало жилъ въ ней и привыкнулъ къ ней, какъ новому своему отечеству. Но какъ ни сильна была въ немъ эта естественная привычка, онъ успѣшилъ оставить Харранъ, какъ только пришло къ нему повелѣніе о семъ отъ Бога; до сихъ поръ могла удерживать его въ Харранѣ воля отца его Фарры, но теперь не стало этого препятствія: Фарра умеръ (Быт. 11, 32. Дѣя. 7, 4). Въ годъ смерти отца сыну было 75 лѣтъ.—Отъ Харрана расходятся два великіе караванные пути, ведшіе съ одной стороны къ бродамъ Евфрата, съ другой къ бродамъ Тигра. Конечно по указанію Божію Авраамъ, въ сопровожденіи Лота, держалъ путь къ Евфрату, хотя не зналъ, въ какую землю за этой рѣкою приведетъ его Господь.

5. И поять Авраамъ Сару жену свою, и Лота сына брата своего, и вся имѣнія своя, елика стяжаша, и всякую душу, южу стяжаша въ Харранъ: и изыдоша поити въ землю Ханааню.

Лоть, племянникъ Авраама, сынъ брата его Аррана умершаго въ Урѣ, послѣдовалъ за Авраамомъ не столько, конечно, по естественной привязанности къ нему, какъ своему ближайшему родственнику и покровителю, сколько потому, что дорожилъ обществомъ его, какъ избранника Божія, слѣдственно по любви къ благочестію, — иначе едва ли бы взялъ его съ собою тотъ, кто долженъ былъ по слову Божию оставить сродство. — Сара, жена Авраама, была сестрою его по отцу, но отъ другой матери (Быт. 20, 12). — *Имѣнія*, пріобрѣтенныя Авраамомъ и Лотомъ въ Харранѣ, состояли преимущественно изъ домашняго скота, который составляетъ главное богатство людей, ведущихъ пастушескую жизнь, каковую вели и будутъ вести эти патріархи. — *Всякая душа*, которую они стяжали въ Харранѣ и взяли съ собою въ путь, — это домочадцы, или купленные ими въ Харранѣ, или народившіеся здѣсь отъ прежнихъ ихъ рабовъ. — *И изыдоша въ землю Ханааню*, — т. е. отправились въ путь, который привелъ ихъ въ эту землю. Ханаанскою она названа потому, что уже тогда заселена была народами, происшедшими отъ 11-ти сыновей Ханаана, сына Хамова. Границы ея съ сѣвера — горы Ливанскія, съ юга — Аравійская пустыня, съ востока — пустыня Сирійская, съ запада — Средиземное море. Окруженная такимъ образомъ горами, степями и морями, эта страна предназначенная въ наслѣдіе избранному народу, больше, чѣмъ всякая другая, благопріятна была для воспитанія его вдали отъ языческаго вліянія. Съ другой стороны, находясь въ средоточіи извѣстнаго тогда міра, на перепутьѣ между Европою (со стороны моря), большею частию странъ азійскихъ и Африкою, эта страна представляла весьма много удобствъ для распространенія повсюду евангельской проповѣди.

6. И пройде Аврамъ землю въ долготу ея даже до

мѣста Сихемъ, до дуба высокаго: Хананен же тогда живяху на земли той.

Вступая въ землю Ханаанскую съ сѣвера, Авраамъ, прѣдложая путь вдоль ея, дошелъ до *Сихема*, т. е. до мѣста, гдѣ впослѣдствіи возникъ городъ Сихемъ, расположенный между горами Геваломъ и Гаразиномъ, въ центрѣ страны. — *До дуба высокаго.* Дубъ этотъ вѣроятно стоялъ одиноко и принималъ подъ свою широкую тѣнь путниковъ. Можетъ быть подъ тою же тѣнью совершались жертвоприношенія. — *Хананен же тогда живяху на земли той.* Упоминаніе о томъ, что земля была заселена Хананеями еще до прибытія сюда Авраама, сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы показать, какая великая вѣра въ обѣтованія Божіи потребна будетъ Аврааму, когда онъ услышитъ, что земля заселенная сильными и многочисленными племенами будетъ принадлежать потомству человѣка, который покуда не имѣлъ и терялъ надежду имѣть дѣтей отъ неплодной жены (Быт. 11, 30).

7. И явися Господь Авраму и рече ему: сѣлени твоему дамъ землю сію: и созда тамо Аврамъ жертвенникъ Господу явльшемуся ему.

На мѣстѣ явленія Господа въ чувственномъ видѣ, Авраамъ созидаетъ жертвенникъ въ память этого явленія и приноситъ благодарственную жертву, хотя благодареніе, за которое благодарить, еще только обѣщается. Вѣроятно и послѣ онъ будетъ приходить для богослуженія на сіе мѣсто, освященное Божьимъ явленіемъ. Рѣшимость Авраама устроить жертвенникъ истинному Богу среди нечестиваго, преданнаго идолопоклонству народа, свидѣтельствуетъ о мужествѣ его вѣры. — Въ томъ, что Господь землю, уже принадлежащую одному народу, опредѣляетъ отдать во владѣніе другому, открывается Его благодать къ члителямъ Его, и грозный судъ правды Его къ нечестивымъ хананеямъ (Быт. 15, 16).

Свящ. Вас. Нечаевъ.

Исправка. Въ апрѣльской книжкѣ, на стр. 294-й, внизу подъ чертою надлежало напечатать: Слово на 4-ое апрѣля сказано въ Моск. Усп. соборѣ въ сокращеніи.

СТАРЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИНОКА ПАЛОМНИКА (1857—1860 г.).

VII. Храмъ Воскресенія Господня и находящіяся внутри его святыя мѣста.

Путь ко храму и памятники на пути. — Входныя врата. — Турецкая стража. — Камень помазанія. — Часовня гроба Господня (кувуклія) съ придѣломъ Ангела. — Голгова. — Краниево мѣсто. — Придѣлъ поруганія и тернового вѣнца. — Церковь Константина и Елены. — Свѣдѣнія о крестѣ Христовѣ. — Мѣсто обрѣтенія креста. — Придѣлъ раздѣленія ризъ. — Придѣлъ Лонгина сотника. — Мѣсто узъ и темницы Христовыхъ. — Церковь явленія. — Ротонда. — Гробы Іосифа и Никодима. — Греческій храмъ Воскресенія.

Лишь на другой день по прибытіи въ св. градъ получили мы вождѣльное и нетерпѣливо-ожидаемое всѣми приглашеніе отправиться на поклоненію св. гробу. Пройдя черезъ патріаршій садъ, отдѣляющій домъ Русской Миссіи ^(а) отъ дома построеннаго нынѣшнимъ патріархомъ блаженнымъ Кирилломъ для своего пребыванія (во время посѣщенія св. града), и пройдя чрезъ улицу, мы вступили во врата, собственно такъ-называемой «Патріархіи», по лѣстницѣ поднялись во второй этажъ ея и мимо устроенной на сей же террасѣ виноградной бесѣдки — спустились по длинной лѣстницѣ внизъ — къ мѣсту втораго ^(б) явленія Спасителя по воскресеніи женамъ

(а) Домъ, который занимала она съ Крымской кампаніи и послѣ войны, съ 1858 до 1864 года, т.-е. до окончанія нынѣшнихъ русскихъ страннопріимныхъ заведеній, среди которыхъ находится домъ Русской Духовной Миссіи съ домовою церковію.

(б) Въ отличіе отъ перваго явленія одной Маріи Магдалинѣ, мѣсто коего, какъ увидимъ ниже, указывается внутри храма Воскресенія Господня.

Муроносицамъ. На этомъ мѣстѣ построена часовня, въ коей изображенъ Спаситель въ видѣ вертоградара съ копаницею, а напротивъ часовни подъ деревяннымъ навѣсомъ церковь во имя св. женъ Мурносицъ. На югъ—арабская церковь во имя Іакова Брата Господня, бывшаго перваго епископа св. града, гдѣ каждодневно совершается литургія на арабскомъ языкѣ. Въ этой церкви на правой сторонѣ поставлена древняя деревянная каѳедра, стоявшая прежде на Голгоѣ, которую нѣкоторые путешественники считали за каѳедру перваго Іерусалимскаго епископа св. Іакова Брата Господня, но грузинскія надписи, вырѣзанныя на ней и мѣсто, гдѣ она прежде помѣщалась, показываютъ, что каѳедра эта принадлежит ко времени обладанія Голгоѣю нашихъ единовѣрцевъ—Грузинъ, тѣмъ болѣе, что это согласно съ мнѣніемъ самихъ Грековъ. На сѣверѣ—малая церковь Сорока мучениковъ, гдѣ погребены патріархи іерусалимскіе, какъ скончавшіеся въ самомъ св. градѣ, такъ и внѣ онаго. Эти три придѣльныя церкви находятся подъ обширными террасами и обрушенною землятресеніемъ 1817 года колокольнею. Пройдя мимо этихъ церквей сквозь узкую дверь, мы вышли на каменную площадь, что предъ входными дверьми во храмъ гроба Господня. Изъ двухъ входныхъ вратъ (южной стороны) нынѣ остались незаложенными лишь одни, которыя запираются и ключи находятся у мусульманъ, а другія закладены.— По преданію чрезъ нихъ Марія Египетская хотѣла войти во храмъ, но сила Божія возбранила ей. Въ семь же самомъ мѣстѣ отъ иконы Пресвятой Богородицы она услышала гласъ: «аще Іорданъ преjdeши, добръ покой тамо обрящеши». Нынѣ къ симъ дверямъ придѣлана малая церковь во имя св. Елены съ куполомъ;—снаружи сдѣланы каменные ступени, по которымъ прежде былъ ходъ на Голгоѣ, но теперь оныя задѣланы: сверху придѣлъ католическій, а внизу греческій параклисъ во имя Маріи Египетской. Надъ обѣими входными дверьми видны мраморные барельфы, изображающіе входъ въ Іерусалимъ, проповѣдь и погребеніе Христа Спасителя. По сторонамъ воротъ столбы Коринтскаго ордена. Въ одномъ изъ нихъ (съ лѣвой стороны отъ входа) видна трѣщина, изъ которой,

по греческому предавію, наканунѣ праздника Воскресенія Христова въ день великой субботы, изникнулъ св. огонь, когда однажды по проискамъ Армянъ православнымъ было возбранено встрѣчать этотъ день на св. гробѣ. То же преданіе говоритъ, что одинъ изъ невѣрныхъ—воинъ по имени Омиръ, видя это чудо, спрыгнулъ съ террасы на площадку храма въ среду христіанъ, исповѣдуя свое желаніе сдѣлаться христіаниномъ; и камень какъ воскъ умягчился подъ его стопами, но не смягчились сердца враговъ имени Христова, — они умертвили исповѣдника, а христіане благоговѣнно погребли его останки; часть ихъ и доселѣ хранится въ монастырѣ «большей Панагіи».

Тяжелыя желѣзныя двери храма уже были отворены настежь; у нихъ вѣжливо встрѣтили насъ хранители ключей — Турки въ своей типической одеждѣ, т.-е. въ чалмѣ, пышныхъ халатахъ, золотистыхъ шалевыхъ поясахъ. Определенная годовая плата могла бы теперь уволить храмъ св. гроба отъ присутствія этихъ мусульманъ, еслибы не упомянутыя выше несогласія христіанъ между собою, несогласія, которыя, надобно признаться съ болѣзненнымъ сердцемъ,—служать поводомъ къ тому, что въ этихъ представителяхъ права сильного надъ слабыми — мусульманъ надъ христіанами, приходится видѣть не угнетателей, а щитъ оберегающій промыслительно гробъ Господень отъ еще болѣе возмутительныхъ сценъ, которыхъ примѣры бываютъ почти ежегодно. Какое грустное ручательство должнаго уваженія къ святѣйшему изъ всѣхъ святыхъ мѣсть! Какая строгая кара, вызванная очевидно въ наказаніе за нарушеніе между христіанами «союза любви», связывавшаго учениковъ Христовыхъ! — Эта мусульманская стража при колыбели христіанства — какъ бы напоминаніе языческой стражи Пилата при гробѣ того же Господа! Поводомъ къ ней было *невѣріе*, — и вотъ по судьбамъ промысла Божія донинѣ *невѣрные* оберегаютъ подобающее уваженіе къ *вѣрты!*.... Дивны дѣла Твоя Господи!.... Турки сидятъ важно въ самой церкви, по лѣвую сторону отъ двери, на диванѣ покрытомъ богатымъ ковромъ. — Въ большіе праздничные дни, во время церковныхъ процессій наблюдаютъ за

порядкомъ въ храмѣ, а въ обычное время отъ нечего дѣлать ограничиваются куреніемъ *наргеле* ^(в), запивая кофеемъ, — который готовится тутъ же на жаровнѣ въ дверяхъ самаго храма. На порогъ за вратами святилища, встрѣтили насъ гробовой іеромонахъ въ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и два діакона съ кадильницами; тутъ же ожидалъ хоръ пѣвчихъ, составившійся изъ русскихъ богомольцевъ.

Первое, что представилось глазамъ нашимъ при входѣ въ храмъ, прямо противу дверей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ оныхъ, — это *камень помазанія*, на которомъ было намащено ароматами тѣло Іисусово. «Моли Пилата Іосифъ, иже отъ Аримаѳеа, сый ученикъ Іисусовъ, потаенъ же страха ради Іудейска, да возметъ тѣло Іисусово: и повелѣ Пилатъ. Прииде же и взять тѣло Іисусово. Прииде же и Никодимъ, пришедый ко Іисусови ноцію прежде, нося смѣшеніе смурнею и албино, яко литръ сто. Приста же тѣло Іисусово, и обвиста е ризами со ароматы, якоже обычай есть Іудеомъ погребати» (Іоан. 19, 38). Камень этотъ покрытъ нынѣ мраморною плитою розоваго цвѣта. Надъ нимъ багдахинъ на четырехъ столбахъ, подъ покровомъ коего висятъ неугасимыя лампы всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, имѣющихъ свои алтари въ храмѣ гроба Господня. По угламъ камень украшаютъ бронзовые шары и большіе подсвѣчники. Онъ принадлежитъ обще тремъ вѣроисповѣданіямъ: греческому, армянскому и латинскому. Преданіе о немъ двойное: одно, что онъ взятъ изъ одной скалы съ Голговою; другое, что его принесъ собственно для помазанія живоноснаго тѣла Іосифъ съ Никодимомъ и что онъ зеленоватаго цвѣта; ревностные не по разуму богомольцы портили святыню, желая увести на память хотя малую частичку дорогаго камня, и это вынудило покрыть его мраморомъ. Въ то время какъ мы благоговѣнно поклонялись освященному столь трогательнымъ воспоминаніемъ мѣсту, хоръ пѣвчихъ (изъ богомольцевъ) пѣлъ приличные совершившемуся здѣсь событію тропари великой субботы (гласъ 2-й): «Благообразный Іосифъ съ древа снемъ

(в) Наргеле, *кальянъ*—приборъ для куренія табаку черезъ воду.

пречистое тѣло Твое, плащаницею чистою обвивъ, и вонями во гробъ новѣ покрывъ положи». *Слава*: «Егда снизшелъ еси къ смерти, Животе безсмертный, тогда адъ умертвилъ еси блиставиємъ божества: егда же и умершія отъ преисподнихъ воскресилъ еси, тогда силы небесныя вопіяху Ти, Жизнодавче: Господи, слава Тебѣ». *И нынѣ*: «Мурносицамъ женамъ, при гробѣ представъ Ангелъ вопіаше: мура мертвымъ суть приличва, Христось же истлѣнія явися чуждъ». «Плащаницею чистою, и ароматы божественными тѣло честное, испросивъ у Пилата, муропомазуетъ и полагаетъ Іосифъ въ новомъ гробѣ, тѣмъ же ураньше мурносицы жены возопіаша: покажи намъ, якоже предрекль еси Христе, воскресіе» (Сѣд. дне. гласъ 1).

Налѣво отъ камня помазанія въ разстояніи 30 шаговъ внутри храма стоитъ небольшая часовня, *кувуклія*, желтого мрамора, въ видѣ катафалка, съ легкимъ куполомъ, украшенная съ обѣихъ сторонъ полуготическими дугами; красиво высится она подъ огромнымъ куполомъ храма. Вообще архитектура этого памятника довольно изящна; ее портитъ вѣскольکو лишъ малая и неопрятная Коптская часовенка, прилежащая извнѣ къ западной стѣнѣ *кувукліи*.

Эта *кувуклія* вмѣщаетъ въ себѣ неоцѣненное сокровище—Гробъ Господень. Внутренность ея состоитъ изъ двухъ частей: сперва входятъ черезъ малыя и низкія двери съ восточной стороны въ такъ-называемый придѣлъ *Ангела*, почти квадратный. Въ срединѣ небольшая подстава, въ которую вдѣлана часть того камня, который былъ приваленъ погребавшими Спасителя ко входу въ погребальную пещеру. «Ангелъ Господень сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ двери гроба, и сѣдѣше на немъ. Отвѣщавъ рече женамъ (Маріи Магдалинѣ и другой Маріи, которыя пришли видѣть гробъ): не бойтеся вы: вѣмъ бо, яко Іисуса распятаго ищите. Нѣсть здѣ: воста бо, якоже рече, пріидите, видите мѣсто, идѣже лежаше Господь» (Матѣ. 28). Этими знаменательными словами и нынѣ ангелъ какъ бы вводитъ каждога въ гробъ Господень. Большая часть этого камня вдѣлана нынѣ въ престолъ армянской церкви, находящейся на Сіонѣ,

на мѣстѣ дома Каіафы; объ этомъ упоминаетъ еще католическій паломникъ XV вѣка князь Радзивиль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «на великомъ алтарѣ (въ армянской церкви) лежитъ большой камень, которымъ былъ заваленъ гробъ Господень, — «велий зело,» ибо имѣлъ въ длину не менѣе 4 локтей, а въ ширину около 2, въ толщину болѣе чѣмъ на $\frac{1}{2}$ локтя. Справедливо говорили жены Мвроносицы: «кто намъ отвалить камень?» ибо едва ли десять человѣкъ было бы достаточно для сего».

Изъ придѣла *Ангела* малыя двери, въ которыя едва можно войти согнувшись или опустясь на колѣна, ведутъ въ самую пещеру, высѣченную въ скалѣ, гдѣ былъ Гробъ. Отверстіе это въ томъ же самомъ направленіи какъ и дверь въ кувуклію, то-есть на востокъ. Внутри пещера св. Гроба почти квадратная: три человѣка на колѣняхъ могутъ помѣститься въ ней рядомъ. По правой сторонѣ отъ входа ложе высѣченное въ скалѣ. На этомъ каменномъ ложѣ было положено тѣло Господа Іисуса, по обычаю еврейскому, т.-е. головою на западъ, ногами къ востоку. Теперь самый Гробъ, стѣны и своды пещеры одѣты мраморомъ, такъ что вовсе не видно скалы, а о томъ, что это ложе высѣчено въ скалѣ, не зная нельзя и догадаться. Безъ сомнѣнія это не успокоиваетъ благочестиваго ожиданія, даже больно христіанскому сердцу, на которое нагота и хладъ этой скалы дѣйствовали бы гораздо пламеннѣе; но что дѣлать, когда это было единственнымъ способомъ сохраненія св. мѣстъ черезъ столько вѣковъ и поколѣній. И потому вездѣ почти въ св. землѣ поклонникъ встрѣтитъ мраморную одежду оныхъ.

Верхняя мраморная дека бѣлаго цвѣта съ розовымъ отливомъ; она раздѣляется на двѣ почти равныя половины; есть преданіе, что однажды мусульмане вознамѣрились отобрать ее для своей великой мечети; тогда ангелъ, постоянный невидимый стражъ св. Гроба, видя скорбь о семъ христіанъ, провелъ по доскѣ перстомъ и камень раздѣлился на-двое.

Если взглянуть на юго-западный уголъ мраморной одежды, видно, что часть мрамора, одѣвающего переднюю сторону ложа и верхняго карниза была когда-то отломана и снова

приставлена. Къ стыду нашихъ богомольцевъ, рассказываютъ, что этотъ кусокъ былъ тайно отломленъ однимъ изъ нихъ по чувству неразумной ревности. Когда пропажа эта была замѣчена пономаремъ и донесено о семъ намѣстнику патріарха, митрополиту Мелетію, онъ немедленно приказалъ объявить богомольцамъ, что если въ теченіи назначеннаго времени не будетъ принесенъ къ нему похищенный камень, то виновный будетъ преданъ проклятію. Угроза подѣйствовала на неразумнаго похитителя,—отбитый кусокъ былъ принесенъ и приклеенъ на свое мѣсто.

Надъ святымъ ложемъ, съ задней его стороны сдѣлано мраморное барельефное изображеніе Воскресенія Христова съ предстоящими ангелами, которые закрыты двумя живописными образами: въ головахъ латинскимъ, а въ ногахъ армянскимъ, въ знакъ права ихъ на служеніе въ пещерѣ св. Гроба. Эти иконы стоятъ на мраморномъ карнизѣ, идущемъ въ видѣ пояса по сторонамъ ложа; здѣсь же ставятся отъ каждаго вѣроисповѣданія подсвѣчники съ горящими свѣчами, а между ними фарфоровыя вазы съ цвѣтами, ежедневно мѣняющимися.

Одинъ изъ русскихъ поклонниковъ по усердію къ св. Гробу, снявши въ первое свое посѣщеніе мѣру и рисунокъ съ барельефнаго изображенія Спасителя и ангеловъ, сдѣлалъ на него серебряный высокой работы окладъ, чтобы онъ служилъ постояннымъ украшеніемъ св. Гроба, но въ поставленіи его на желаемомъ мѣстѣ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ великія препятствія и наконецъ вынужденъ нашелся безусловно подарить оный Грекамъ, которые поставили его надъ входомъ въ церковь Воскресенія, сверху, противу часовни св. Гроба, т. - е. надъ такъ-называемой «царской аркой».

Въ потолокъ кувуклія, представляющемъ небеса, изображены: Деисусъ и 12 апостоловъ. Вся пещера сверху освѣщена дорогими лампадами, висящими въ нѣсколько рядовъ; для свободнаго движенія воздуха сдѣлано въ потолокъ отверстіе, надъ которымъ сверху выше крыши часовни протягивается большое полотно, представляющее также небесный сводъ, устланный звѣздами, среди коего видѣнъ воскрес-

шій Побѣдитель ада и смерти съ хоругвію въ рукахъ. Карнизы пещеры св. Гроба украшены греческою подписью, ибо Греки были единственными возобновителями ея послѣ пожара 1808 года.

Поверхность мрамора, одѣвающаго посмертное ложе Источника жизни, часто умащается ароматами и окропляется благоуханіями (розовою водою); еще чаще омывается она слезами покаянія, умиленія и любви, ежечасно льющимися на этотъ единственный гробъ, который не дастъ мертвеца своего въ день судный. «Воста бо, вѣсть здѣ... и паки приидетъ судити міру, егоже созда.»

Имѣя довольно времени, чтобы собрать свои мысли, пока поклонялся святынь нашъ владыка, съ склоненной головою и сокрушеннымъ сердцемъ вошелъ я въ погребальную пещеру и лишь слезами покаянія и сокрушенія могъ выразить чувства, волновавшія меня въ эту незабвенную минуту. Но гдѣ найду словъ выразить что чувствовалъ, прощаясь съ этою великою святынею черезъ 16 мѣсяцевъ, при разлукѣ со св. градомъ? Не обинуясь скажу, что еслибы въ то время, когда я стоя на колѣняхъ и наклоня голову на драгоценный мраморъ, прильнулъ къ нему горящими устами, роняя на его благоухающую поверхность горькія слезы о разлукѣ съ сею святынею, еслибы кто-нибудь, говорю, въ это время подойдя сзади, отдѣлилъ мою голову отъ плечъ, — послѣднее мое слово было бы благодареніе ему, какъ благодѣтелю души моей!.. «Воистину бо яко живоносецъ, яко рая краснѣйшій и чертога всякаго царскаго показася свѣтлѣйшій мнѣ, Христе, гробъ Твой, источникъ нашего воскресенія.»

Ежедневно на св. Гробъ совершаются три литургіи; первая въ 1-й часъ пополудни греческая по сказанному: «ураньше приидоша на гробъ», вторая—армянская, третья—предъ восхожденіемъ солнца—латинская. Поверхность гроба служитъ престоломъ и вмѣстѣ жертвенникомъ, но Латинны ставятъ для сего на гробный камень особый столъ,—тогда какъ Греки и Армяне совершаютъ служеніе непосредственно на верхней плитѣ гроба,—при чемъ лѣвая сторона его служитъ жертвенникомъ.

Во время нашего поклоненія св. Гробу пѣвчіе пѣли церковныя пѣсни свѣтлой седмицы: «воскресеніе Христово видѣше, поклонимся святому Господу Іисусу»..... «Аще и во гробъ снизшелъ еси, Безсмертне, но адову разрушилъ еси силу и воскреслъ еси яко побѣдитель, Христе Боже, жевамъ Мүроносицамъ вѣщавый: радуйтеся, и твоимъ апостоломъ миръ даруй, падшимъ подай воскресеніе». — «Яко живоносець, яко рая краснѣйшій, воистину и чертога всякаго царскаго показася свѣтлѣйшій, Христе, гробъ Твой, — источникъ нашего воскресенія».

Въ заключеніе приведемъ, для сравненія съ вывѣшнымъ состояніемъ *кувуклимъ*, описаніе ея и гроба Господня, начертанное первымъ нашимъ паломникомъ игуменомъ Давиломъ въ XII вѣкѣ: «подъ тѣмъ же самымъ верхомъ, непокрытымъ, пишеть онъ, есть гробъ Господень симъ образомъ: яко печерка мала изсѣчена въ камени, двери имуще малы, якоже можетъ человекъ влѣзти, на колѣну поклоншеся, въ звыше есть малаго мужа и всямо окачна (то-есть, округла); 4-е лакоть въ долину и въ широту. Влѣзачи же въ печерку ту дверцами тѣми малыми, на десной страгѣ есть мѣсто, яко лавица засѣчена въ томъ же камени печерномъ; и на той лавицы лежало тѣло Господа нашего Іисуса Христа, и есть и нынѣ лавица та святая покрыта досками мраморными; и суть на сторонѣ продѣлано три оконца круглa, и тѣми оконци видѣть святой той камень: и ту цѣлуютъ вся христіане. И висить въ гробѣ Господни 5 кандиль великихъ съ масломъ съ деревянымъ и горять безпрестани кандила та святая, не угасаютъ ихъ никтоже, ни въ день ни въ ночь. Лавица же та святая, идѣже лежало тѣло Христово, есть въ длину 4 лакоть, а въ ширину два локти, а въ звыше полтора локти. Предъ дверьми же печерными лежитъ камень, 3 стопъ вдалѣ отъ дверецъ тѣхъ печерныхъ. на томъ камени ангель сѣдя явися женамъ мүроносицамъ и благовѣсти имъ Христово воскресеніе; и есть печерка та одѣлана яко амбонъ краснымъ мраморомъ и столпцы мраморныя жъ около стоятъ, числомъ ихъ 12-ть. Вверху же надъ печеркою тою созданъ яко теремець красно на столпцѣхъ, и вершекъ (т. е. верхъ) ему

спертъ кругло, и серебряными чешуйками позолочеными покованъ; и на верху же того теремца стоитъ Христось серебрянъ сдѣланъ, яко въ мужа вболѣи есть, и то суть фрязи сдѣлали и поставили, и нынѣ есть подь самымъ верхомъ тымъ непокрытымъ. Суть же дверци трои у теремца того учинены хитро, яко крестьцы: тѣми бо дверцами влзять людіе къ гробу Господню. Да то есть гробъ Господень былъ печерка та, якоже то написахъ, добре испытавъ, отъ сущихъ ту издавна вѣдущихъ (т.-е. завѣдывающихъ) святая си мѣста. (См. путеш. игумена Даниила по Св. землѣ. Изданіе Археографической Коммисіи 1864 года, стр. 22 и 23).

Отъ живоноснаго гроба, чрезъ алтарь храма Воскресенія Господня, прошли мы на *Голгову*,—мѣсто распятія Господня; но другой обычный входъ на нее снизу отъ камня помазанія направо (въ разстояніи отъ него 20 шаговъ), по 18-ти мраморнымъ ступенямъ съ такими же перилами.

Голговою называется небольшая церковь, устроенная въ юго-восточной части храма на скалѣ того же имени, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ распятъ Господь нашъ Иисусъ Христось: «нося крестъ свой, изыде на глаголемое *лобное мѣсто*, еже глаголется еврейски *Голгова*: идѣже пропяша Его, и съ Нимъ ина два, сюду и сюду, посередъ же Иисуса» (Іоан. 19, 17). Близость этихъ двухъ св. мѣстъ изъясняется слѣдующимъ выраженіемъ Евангелія: «бѣ же *на мѣстѣ идѣже распятся вертъ* и въ вертѣ гробъ новъ, въ немже николіже никтоже положенъ бѣ: ту убо пятка ради Іудейскаго, яко близъ баше гробъ, положиста Иисуса» (Іоан. 19, 41). Но не одно это обстоятельство сближенія мѣстъ св. Гроба и распятія удивляетъ насъ; обыкновенно мы представляемъ себѣ «лобное мѣсто» несравненно больше и выше. Въ самомъ дѣлѣ възгорье, на которомъ стоитъ часть Іерусалима, занимаемая храмомъ св. Гроба, довольно высоко ^(в). Но мѣсто, на кото-

(в) Это особенно замѣтно, если смотрѣть на храмъ Господень съ запада изъ той улицы, на которой стоитъ греческій женскій монастырь «Большая Панагія», построенный по православному преданію на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Божія Матерь съ женами Мученицами, «зряще издадалеча» на распятіе, ибо мѣсто сіе приходится какъ разъ на возвышеніи противоположномъ Голгоеской скалѣ.

ромъ былъ раснять Господь Иисусъ Христосъ, какъ надобно полагать, было лишь скалою на этомъ взгорьѣ, за стѣнами города, о чемъ сказано и у апостола: «внѣ вратъ пострадати изволи».—По разрушеніи Иерусалимскихъ стѣнъ, Адрианъ, окружая новою стѣною *Елію Капитолину*, обвелъ стѣнами и лобное мѣсто, и городъ такимъ образомъ расширился въ ту сторону. Христіане въ особенности стѣснились около св. Гроба и Голговы, такъ что теперь эти мѣста находятся почти въ срединѣ города. Скала облицована камнемъ, на нее входятъ по ступенямъ, а наверху Голговы стоитъ церковь, раздѣленная аркою на двѣ равныя части, какъ бы двѣ церкви, каждая съ особыми сводами. Первая часть отъ входа, или сѣверная, составляетъ мѣсто, гдѣ крестъ былъ водруженъ въ скалу; оно освѣщается свѣтомъ проникающимъ съ запада—изнутри храма; другая часть, прошедши арку,—южная съ окномъ напротивъ входа,—есть мѣсто, гдѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ пригвожденъ ко кресту.—Первая принадлежитъ Грекамъ, вторая Латинамъ. Въ греческой части Голговы въ лѣвой сторонѣ близъ двери, которая выходитъ въ темный корридоръ (изъ него сходятъ нѣсколькими ступенями прямо въ алтарь храма Воскресенія), устроенъ жертвенникъ. На мѣстѣ, гдѣ былъ водруженъ крестъ, поднятомъ отъ полу на одну ступень, стоитъ престолъ изъ бѣлаго мрамора; въ передней сторонѣ его сдѣлана выемка, въ которой человекъ стоя на колѣнахъ можетъ помѣститься свободно; здѣсь то самое отверстіе, въ которое былъ водруженъ Спасителевъ крестъ: оно одѣто по обводу серебрянымъ кругомъ, съ чеканнымъ на немъ изображеніемъ страстей Христовыхъ. За престоломъ поставленъ большой крестъ, съ живописнымъ изображеніемъ на немъ распятія Христова; по сторонамъ живописныя (вырѣзанныя по контуру) изображенія предстоящихъ: Матери Божіей и Иоанна Богослова;—позади ко внѣшней стѣнѣ прислоненъ иконостасъ, состоящій изъ иконъ, изображающихъ страсти Христовы. Между крестомъ и иконостасомъ довольно свободное мѣсто для поправки, освѣщающихъ оный иконостасъ, лампадъ.

При пѣніи стихирь крестопоклонной недѣли: «прїидите

вѣрнѣ животворящему древу поклонимся, на немже Христосъ Царь славы, волею рущь распростеръ, вознесе насъ на первое блаженство». «Днесъ пророческое исполнися слово, се бо покланяемъ на мѣсто, идѣже стоястѣ нозѣ твои, Господи»..... мы благоговѣнно поклонились мѣсту, гдѣ совершилось таинство нашего искупленія.

По преданію, крестъ благоразумнаго разбойника стоялъ на сѣверѣ отъ креста Господа, а нераскаяннаго на югѣ, такъ что первый былъ на правой сторонѣ Спасителя, который лицомъ былъ обращенъ къ западу, а второй на лѣвую сторону. Притомъ кресты разбойниковъ были водружены въ скалу не на одной линіи съ крестомъ Господа, а нѣсколько позади его на одной линіи между собою. Мѣста ихъ водруженія означены черными кругами на мраморномъ помостѣ, одѣвающимъ поверхность скалы. Кромѣ того мѣсто, гдѣ былъ водруженъ св. крестъ, природная скала Голгоѣы видна еще черезъ продольный, нарочно для сего сдѣланный тутъ же съ боку престола въ верхней мраморной ея одеждѣ разрѣзъ. Черезъ этотъ разрѣзъ видна трещина въ скалѣ широкая и глубокая, проходящая до самаго низу оной, которая соотвѣтствуетъ евангельскому повѣствованію, что, когда «Иисусъ паки возопивъ гласомъ велиимъ, испусти духъ: и се завѣса церковная раздрася на двое съ вышняго края до нижняго, и земля потрясеса и каменіе распадеса.... (Мѡ. 27, 50)». Преданіе присоединило къ числу такихъ скалъ Голгоѣу. Уже въ IV вѣкѣ при св. Кириллѣ Іерусалимскомъ показывали на эту разсѣлину скалы на томъ мѣстѣ, какъ на чудо, свидѣтельствующее о страсти Господней. «Есть разсѣлина та на камени томъ и до сего дне», пишетъ игумень Даніилъ, нашъ паломникъ XII вѣка. Всѣ наиглубочайшія изысканія доказали, что разсѣлина эта въ скалѣ образовалась вопреки всѣмъ геологическимъ основаніямъ, ибо когда разсѣлины скалъ обыкновенно слѣдуютъ за кристаллическою формаціею составныхъ частей, тутъ слои скалы и прорѣзывающія ее жилы треснули совершенно необыкновеннымъ способомъ, подобнаго которому болѣе вигдѣ не встрѣчается, — не вдоль слоевъ, а поперекъ ихъ. Языческіе писатели вспоминаютъ о чрезвычайномъ и

феноменальномъ трясеніи земли въ ту эпоху. Адиссонъ въ сочиненіи своемъ *о религии христіанской* говоритъ, «что съ помощію свѣдѣній математическихъ и физическихъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что разсѣлина въ этой скалѣ не могла быть слѣдствіемъ простаго и натурального землетрясенія. Также и дѣйствіе одной природы, а тѣмъ менѣе дѣйствіе искусства не могло произвести сего». Мондрелль другой протестанскій писатель говоритъ: «что разщелина эта явилась въ слѣдствіе землетрясенія во время страстей Христовыхъ, въ томъ удостовѣряетъ преданіе; но простой разумъ достаточенъ для того, дабы видѣть, что искусство не имѣло никакого участія въ образованіи этой трещины, ибо жилы прерваны такъ удивительно, и перерывъ является здѣсь въ такихъ чрезвычайныхъ чертахъ, слѣдуетъ столь различнымъ изгибамъ, а выпуклости такъ совершенно соотвѣтственны впадинамъ, что искусство не могло этому подражать и никакое орудіе не могло этому подражать и никакое орудіе не могло бы сдѣлать этого.» Подобныхъ свидѣтельствъ привести можно бы множество.

Стѣны и потолокъ греческой части Голгоуской церкви покрыты приличною живописью. Впередѣ престола виситъ рядъ лампадъ разной величины съ разноцвѣтными стаканами. По срединѣ церкви; нѣсколько впередъ къ западу, повѣшена искусной работы хрустальная лампа; сдѣлана въ видѣ четвероконечнаго равносторонняго креста; пожертвована нѣсколькими петербургскими дамами, во главѣ коихъ была супруга покойнаго генералъ-адъютанта А. А. Кавелина; эта лампада зажигается лишь по большимъ праздникамъ. Греки и Латины равно любятъ ей, первые съ чувствомъ радости, вторые—зависти. На той же средней линіи, почти у самаго входа на Голгоубу съ западной стороны виситъ мраморная лампада искусной работы, вся сдѣлана изъ цѣльнаго куска мрамора и съ цѣпами.

Надъ Голгоубою въ третьемъ этажѣ есть нѣсколько комнатъ, въ которыя можно пройти изъ верхней галлерей, отдѣляющей ее отъ алтаря Воскресенскаго храма. Въ этой части храма хранится святогробская ризница, составляющая глубокую тайну даже и для своихъ; ризничій, онъ же и игумень св. гроба, по выборѣ въ сію должность даетъ присягу въ присут-

ствіи Синода. Другія комнаты служатъ для отдыха православныхъ богомольцевъ, проводящихъ ночь въ св. храмѣ. Тутъ же и келья самого ризничаго.

Латинская часть Голгоѣы не имѣетъ никакихъ особыхъ украшеній. Живописныя стѣны и своды весьма потемнѣли, но за то въ среднемъ сводѣ сохранилось мозаическое изображеніе Спасителя, единственно уцѣлѣвшее отъ губительнаго пожара 1808 года; полъ также мраморный; на немъ мраморнымъ мозаичнымъ прямоугольникомъ означено мѣсто пригвожденія ко кресту. Престолъ изъ чернаго мрамора; надъ нимъ прекрасный образъ, представляющій пригвожденіе ко кресту; шесть огромныхъ бронзовыхъ подсвѣчниковъ и рядъ лампадъ служатъ продолженіемъ украшающихъ греческую часть Голгоѣы, съ тою разницею, что эти не такъ цѣнны и изящны и зажигаются очень рѣдко, а тѣ горятъ почти постоянно.

Въ аркѣ отдѣляющей латинскую часть Голгоѣы отъ греческой, есть небольшой престолъ, а надъ нимъ изображеніе Матери Божіей, такъ-называемой «Семи болѣзней», сердце которой пронзаетъ мечъ, по предреченію божественнаго Сумеона: «и твою душу пройдетъ оружіе». Здѣсь пѣвчіе пропѣли для насъ стихъ великаго Пятка: «Своего Агнца Агница зрящи, къ заколенію влекома, послѣдоваше Марія простертыми власы со инѣми женами, сія вопіющи: камо идиши чадо? чесо ради скорое теченіе совершаеши? еда другій бракъ паки есть въ Канѣ, и тамо нынѣ тщишися, да отъ воды имъ вино сотвориши? иду ли съ тобою, чадо, или паче пожду тебе? даждь ми слово, Слове, не молча мимоиди мене, чисту соблюдыи мя: ты бо еси Сынъ и Богъ мой!» (Икосъ на повечеріи Велик. Пятка).

Образъ «матери Семи болѣзней» есть даръ португальскаго короля и обремененъ разными украшеніями и привѣсками въ римскомъ вкусѣ.

Къ латинской части Голгоѣы примыкаетъ извнѣ часовня, внутренность которой видна съ Голгоѣы сквозь окно въ стѣнѣ. Латины говорятъ, что часовня эта построена на томъ мѣстѣ, гдѣ Матерь Божія, возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ Богословъ и жены Мүроносицы ожидали, пока можно будетъ приблизиться къ кресту. Но православное преданіе указываетъ

мѣсто этого «стоянія» тамъ, гдѣ нынѣ находится греческій женскій монастырь «Большая панагія;» древность этого преданія подтверждаетъ нашъ паломникъ XII вѣка игумень Даниилъ. Входъ въ упомянутую часовню извнѣ по узкимъ ступенямъ. Сюда ежедневно приходитъ совершать раннюю литургію ксенъзъ изъ латинскаго монастыря Спасителя.

Сойдя съ Голгоѳы, мы зашли въ храмину, находящуюся подъ греческою частію Голгоѳской церкви. Здѣсь по православному преданію погребенъ Мельхиседекъ, царь Салимскій. Въ глубинѣ ея стоитъ престолъ во имя св. Іоанна Предтечи Господня и нашего Праотца Адама; за этимъ престоломъ, сквозь желѣзную рѣшетку, при свѣтѣ неугасимой лампы, видна нижняя часть Голгоѳской разсѣлины; по преданію, сохраненному вѣками, о коемъ, какъ увидимъ ниже, писали многіе Св. Отцы, у подошвы Голгоѳской скалы была погребена глава нашего праотца; кровь истекшая изъ ребра Богочеловѣка, — втораго Адама, — прошедъ сквозь разсѣлину Голгоѳской скалы, омыла главу Адама перваго, почему и самое мѣсто это называется *Краниевымъ или Лобнымъ*; а согласно съ этимъ преданіемъ, изображая распятіе, всегда помѣщаютъ подъ крестомъ изображеніе мертвой головы, лежащей на двухъ крестообразно сложенныхъ человѣческихъ костяхъ. Объ этомъ преданіи воспоминаетъ и первый нашъ паломникъ XII вѣка, говоря: «Исподи же подъ тѣмъ каменемъ (т.-е. подъ Голгоѳою) лежитъ глава Адамова, перваго челоуѣка. Въ распятіи же Господнѣ, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предасть духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетема, и каменіе распадеся, тогда же той каменъ просѣдеся надъ главою Адамовою и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребра Іисуса Христа на главу Адамлю, и омы грѣхъ рода челоуѣча. Есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до сего дня. Исподи же подъ распятіемъ, идѣже есть глава Адамля, приздана есть яко церковца мала, помещено-жъ деками мраморными, красно. Да то зовется *Крайнево* мѣсто, еже есть *Лобное мѣсто*. А гора идѣже есть распятіе зовется Голгоѳа.»

Отсюда пошли мы въ темную галерею, находящуюся позади греческаго внутренняго храма Воскресенія, гдѣ находится нѣсколько малыхъ придѣловъ и сходъ въ подземныя

церкви св. царицы Елены и обрѣтенія Креста; южное крыло этой галлерей (начинающейся у камня помазанія) составляетъ Голгова, сѣверное латинская церковь *явленія*. Образуемый сею галлереею полукругъ соотвѣтствуетъ западному полукругу ротонды св. гроба, и все пространство между ними въ длину храма занято: съ запада кувукліей св. гроба, съ востока греческою церковію св. Воскресенія.

Часть галлерей отъ Голговы до схода въ подземную церковь обрѣтенія честнаго креста, называется *греческими хорами*; здѣсь внизу только одинъ придѣлъ, принадлежащій также Грекамъ; онъ называется придѣломъ *поруганія* и *терноваго вѣнца*, гдѣ подъ престоломъ находится часть столпа изъ сѣраго мрамора, стоявшаго въ преторіи. При немъ совершилась та часть страданій нашего Спасителя, къ коей относятся слѣдующія слова евангельскія... «Тогда воины игемонны, пріемше Іисуса на судищи, собраша на нь все множество воинъ. И совлекше его, одѣяша его хламидою червленною. И сплетше вѣнецъ отъ тернія, возложиша на главу его, и трость въ десницу его; и поклоншеса на колѣну предъ нимъ, ругахуся ему глаголюще: радуйся царю Іудейскій (Матѣ. 27, 27). По преданію Христосъ тогда сидѣлъ на этомъ столпѣ, и потому онъ называется столпомъ *поруганія*. Тутъ же въ стѣнѣ за стекломъ и за рѣшеткой сохраняется часть терноваго вѣнца; двѣ неугасимыя лампы освѣщаютъ таинственный мракъ этого придѣла.

Мы поклонились свидѣтелямъ страстей Христовыхъ при пѣніи стихиръ: «Днесъ Владыка твари, и Господь славы, на крестѣ пригвождается, и въ ребра прободается, желчи и оцта вкушаетъ, сладость церковная: вѣнцемъ отъ тернія облагается, покрываяй небо облаки; одежду облачится поруганія, и заушается брэнною рукою, рукою создавйи челоувѣка, по плещема бѣнѣтъ бываетъ, одѣваяй небо облаки, заплеванія и раны пріемлетъ, повошенія и заушенія, и вся терпитъ мене ради осужденнаго, избавитель мой и Богъ: да спасетъ міръ отъ прелести, яко благоутробенъ (гласъ 8-й).»

А. Д—ъ.

Продолженіе будетъ.

О ЗНАЧЕНИИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

РАННЯГО ДѢТСТВА ВЪ ДѢЛѢ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.

Съ честолюбіемъ, о зарожденіи котораго въ дѣтяхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ^(а), сродно тщеславіе, — это измелчавшее чувство чести, ищущее себѣ удовлетворенія въ томъ, что не имѣетъ въ себѣ никакого нравственнаго достоинства или только составляетъ внѣшнюю сторону дѣйствительныхъ достоинствъ. Тщеславіе, какъ и честолюбіе, также беретъ свое начало въ превратномъ обращеніи съ дѣтьми, которымъ воспитатели съ ранняго возраста внушаютъ привязанность и уваженіе къ такимъ предметамъ, свойствамъ и благамъ, которые сами по себѣ не увеличиваютъ достоинства того, кто ими обладаетъ. Виды тщеславія многочисленны, проявленія его весьма разнообразны; мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторые изъ нихъ.

Дѣти богатыхъ родителей очень часто бываютъ заражены тщеславіемъ, полагающимъ все свое достоинство, всю свою честь въ большомъ богатствѣ. Такое искаженіе чувства чести совершается подъ вліяніемъ обстановки, среди которой вырастаютъ дѣти богачей, обстановки, исполненной роскоши, лести, поклоненія золотому тельцу. Лишь только пробуждает-

---

(а) См. майскую книжку.

ся сознание дитяти, ему очень часто приходится слышать о значеніи богатства его родителей прежде всего отъ прислуги, которую обыкновенно бываетъ наполненъ домъ богача и которая по своей неразвитости всегда бываетъ исполнена преувеличеннаго уваженія къ богатству, — отъ льстецовъ и тунеядцевъ, которыхъ такъ много бываетъ въ домахъ богачей. Эта толпа слугъ и приживалокъ никогда не упуститъ случая высказать ребенку свое благоговѣніе предъ богатствомъ его родителей. Дитя подрастаетъ; наступила пора игръ и дѣтскихъ забавъ; ему нужны товарищи, съ которыми онъ могъ бы вмѣстѣ веселиться и рѣзвиться; ему позволяютъ раздѣлять игры и рѣзвости только съ дѣтьми богачей, а дѣтей бѣдныхъ родителей по возможности устраняютъ, говоря, что они-де ему неровня и прилично ли-де ему — сыну богатыхъ родителей товарищество вести съ дѣтьми бѣдняковъ, чуть не нищихъ. Ребенокъ капризничаетъ — его убѣждаютъ воздержаться отъ капризовъ и вести себя лучше тѣмъ, что не прилично-де дурно вести себя сыну такого именитаго родителя, который въ городѣ слыветъ первымъ богачемъ. И вотъ подъ влияніемъ этихъ внушеній у дитяти пробуждается темное сознание того, что богатство имѣетъ великое значеніе въ жизни людей.

Въ послѣдствіи, когда у ребенка начнетъ развиваться наблюдательность и разсудокъ, онъ и самъ увидитъ и услышитъ въ домѣ родителей много такого, что подтвердитъ справедливость внушеній прислуги и льстецовъ. Онъ увидитъ, съ какимъ подбострастіемъ, низкопоклонствомъ и лестью относятся къ его родителямъ и къ нему самому люди, имѣющіе доступъ въ ихъ домъ, какъ восхищаются богатствомъ и роскошью ихъ дома; онъ замѣтитъ то высокомеріе и невниманіе, съ какими его родители и другіе богачи часто относятся къ людямъ хоть вполнѣ достойнымъ уваженія за свои умственные и нравственные

качества, но бѣднымъ или съ посредственнымъ состояніемъ, и какимъ благоговѣніемъ и внимательностью окружаютъ людей еще болѣе богатыхъ, такъ что по мѣрѣ внимательности и уваженія, какими окружаютъ того или другаго гостя и посѣтителя, легко можно судить о количествѣ его капитала. Но на это скажутъ, что вѣдь богатство не препятствуетъ людямъ быть честными, благородными, достойными всякаго уваженія и любви, и какъ дитя можетъ понять, что его родители воздаютъ почести тому или другому ихъ посѣтителю, окружаютъ его самымъ изысканнымъ вниманіемъ за одно только его богатство, а не за высокія его нравственныя качества—честность, благородство, благотворительность? Совершенно справедливо, что ребенокъ долго не могъ бы сообразить, что въ лицѣ того или другаго гостя родители воздавали поклоненіе не нравственнымъ достоинствамъ челоуѣка, а только золотому тельцу; но прислуга, а иногда и сами родители открываютъ глаза своимъ дѣтямъ на истинное значеніе этого поклоненія. Лишь только уѣзжаетъ отъ нихъ гость, которому за минуту предъ тѣмъ говорили сладкія, льстивыя рѣчи, выражали свое уваженіе и преданность, какъ начинается при дѣтяхъ разговоръ о темномъ происхожденіи его богатствъ, о чернотѣ его нравственной жизни, о его безпутныхъ похожденияхъ и даже преступленіяхъ, за которыя онъ потому только неподвергся наказанію, что онъ въ богатствѣ своемъ нашель защиту для себя.—Ему не разъ придется замѣтить, что родители его счастье и честь свою поставляютъ только въ богатствѣ и потому преданы непрерывнымъ заботамъ о томъ, какъ бы увеличить свое богатство, даже не обращая иногда вниманія на благородство средствъ. Обличая своихъ современниковъ въ превратномъ воспитаніи своихъ дѣтей, св. Златоустъ говорилъ: «внушаете имъ (дѣтямъ) зло не только словами, но и дѣлами: строите великолѣпныя дома, покупаете

дорогія поля, окружаете ихъ прочимъ блескомъ и всѣмъ этимъ, какъ бы густымъ какимъ облакомъ, омрачаете ихъ душу.... Вы о ихъ душѣ, какъ о чемъ-то ненужномъ, небрежете, а о томъ, что дѣйствительно излишне, заботитесь какъ о необходимомъ и важнѣйшемъ. Вы все дѣлаете, чтобъ былъ у сына слуга, конь и самая лучшая одежда, а чтобъ онъ самъ былъ хорошъ, объ этомъ и подумать не хотите; вѣтъ, простирая до такой степени заботливость о деревѣ и камняхъ (о постройкѣ домовъ для дѣтей и о внѣшнихъ украшеніяхъ), души не удостоиваете и малѣйшей части такого попеченія. Все дѣлаете, только бы на домахъ стояла чудная татуя ис кровля была золотая, а чтобы драгоцѣннѣйшее изъ ваяніе—душа была золотая, объ этомъ и помыслить не хотите» (къ вѣрующему отцу слово 3 т. III. СПБ. 1850 г. 167 стр.). Не то же ли бываетъ и въ наше время? Какъ много заботы употребляютъ родители на то, чтобы домъ ихъ былъ богато убранъ, вечера ихъ были роскошны и блистательны, чтобы у нихъ были породистыя лошади и модный экипажъ! Какимъ удовольствіемъ и радостью сіяютъ ихъ лица, когда своимъ богатствомъ и роскошью обращаютъ на себя вниманіе цѣлаго города! И нынѣ счастье своихъ дѣтей многіе поставляютъ только въ томъ, чтобъ ихъ окружить богатствомъ и оскоршью, оставить ихъ наследниками богатаго капитала; много счастья и достоинства, заключающагося въ высококомъ и многостороннемъ развитіи ума, въ благородныхъ нравственныхъ правилахъ, въ истинномъ благочестіи, они не знаютъ и не признаютъ. Поэтому если и развиваютъ въ дѣтяхъ способности, то единственно для того, чтобъ сдѣлать ихъ людьми ловкими, умѣющими наживать богатство; все, что не ведетъ къ этой цѣли, призывается лишнимъ и ненужнымъ. Ту же цѣль, т.-е. увеличеніе богатства преслѣдуютъ они при устройствѣ своихъ дѣтей, т.-е. при же-

нитьбѣ своихъ сыновей, при выдачѣ замужъ своихъ дочерей: если невѣста или женихъ обладаютъ большими капиталами, хотя бы не имѣли ни умственныхъ, ни нравственныхъ достоинствъ, то все-таки признаются они лучшей партией, чѣмъ при противоположныхъ условіяхъ: большой капиталъ ослѣпляетъ глаза и изъ-за него не обращаютъ вниманія ни на тупоуміе, ни на темныя стороны нравственнаго характера лицъ, съ которыми думаютъ соединить судьбу своихъ дѣтей.

Легко можно понять, что ребенокъ, выросшій подъ влияніемъ такихъ и подобныхъ впечатлѣній, неминуемо долженъ заразиться тщеславіемъ, полагающимъ все свое достоинство и честь въ богатствѣ. Ему съ дѣтства внушаютъ если не словами, то дѣлами, что богатство возвышаетъ человѣка, придаетъ ему особенное достоинство; съ тѣхъ поръ какъ ребенокъ началъ помнить себя, онъ видѣлъ, что богатые люди постоянно возбуждали къ себѣ уваженіе, почтеніе, даже благоговѣніе въ другихъ людяхъ, хотя при богатствѣ они не отличались отъ другихъ ни умственными, ни нравственными качествами. Удивительно ли, что и онъ начинаетъ тщеславиться тѣмъ, что онъ богатъ; удивительно ли, что онъ начинаетъ цѣнить людей по богатству и думать, что развитой умъ, честность, благородство и другія нравственныя достоинства не составляютъ существеннаго въ жизни человѣка? Удивительно ли, что подъ влияніемъ такихъ впечатлѣній образуются иногда люди, которые въ упованіи на силу своего богатства съ пренебреженіемъ относятся къ требованіямъ нравственнаго и гражданскаго закона, грубо и надменно попираютъ требованія приличія и вѣжливости? Они увѣрены, что нѣтъ преступленія, котораго они не могли бы совершить безнаказанно, что при богатствѣ они могутъ защититься отъ преслѣдованій гражданскаго закона: «за безобразіе заплатимъ»,

думаютъ и говорятъ такіе люди. Удивительно ли, что та же грубость понятій замѣчается въ нихъ и по отношенію къ религіозно-нравственнымъ обязанностямъ? Преданные разнаго рода порокамъ, притѣсняя вдовъ, сиротъ, рабочихъ и пр., они думаютъ, что можно умилостивить Бога, отвратить его праведный гнѣвъ, пожертвовавъ на примѣръ часть своего богатства на украшеніе церкви, на постройку благотворительнаго заведенія и пр., и въ то же время нисколько не думаютъ измѣнять къ лучшему своего образа жизни, такъ что ихъ доброе дѣло является не свидѣтельствомъ ихъ внутренней перемѣны, а единственно какъ бы платой за прошедшія нравственныя безобразія.

Во впечатлѣніяхъ ранняго дѣтства надобно искать источника и тщеславія знатностью рода. Въ большей части семействъ, отличающихся знатностью и древностью своего происхожденія, мысль о древности и знаменитости рода проникаетъ во все явленія жизни семейной почти до мельчайшихъ подробностей и придаетъ имъ особенный оттѣнокъ. Кому неизвѣстно, что въ знатныхъ семействахъ ребенку чуть не съ пеленокъ стараются внушить, что онъ не простой какой-нибудь смертный, а членъ семьи, которая ведетъ свое начало отъ вѣковъ отдаленныхъ и которая въ длинномъ ряду своихъ предковъ насчитываетъ не мало великихъ людей, замѣчательныхъ на своей государственной дѣятельностью, своими талантами и умомъ. Первые сѣмена этой страсти посеваются въ дѣтскую душу опять-таки няньками, дядьками, приставленными для надзора за юной отраслью стариннаго и знатнаго рода. Пожелаетъ ребенокъ сблизиться и дѣлить свои увеселенія и удовольствія съ дѣтьми простаго званія: его осуждаютъ за подобное желаніе потому, что онъ сынъ графа или князя, а тѣ—дѣти простыхъ и незамѣчательныхъ по своему происхожденію родителей,—потому что онъ благородный по своему

происхожденію отъ знатной и древней фамиліи, а тѣмъ неблаго-
 городнымъ по самому своему рожденію; какое же общеніе меж-
 ду благороднымъ и неблагороднымъ? А если дѣти изъ нис-
 шихъ сословіи и допускаются въ общество дѣтей знатнаго
 рода, то никакъ не въ качествѣ товарищей, сверстниковъ,
 равныхъ по своимъ правамъ, а скорѣе въ качествѣ прислуж-
 никовъ, компаньоновъ, назначенныхъ для утѣшенія и забавы
 юной отрасли знатнаго рода; и еслибы кто-нибудь изъ нихъ
 по своей дѣтской простотѣ сталъ относиться къ дитяти зна-
 тнаго рода какъ къ равному по своему званію товарищу, тотъ
 былъ бы сочтенъ дерзкимъ и получилъ бы приличное наста-
 вленіе держать себя лучше и не забываться. Здѣсь инквизи-
 торскимъ глазомъ слѣдятъ, какъ бы между юной отраслью
 знатнаго рода и кѣмъ-либо изъ худородныхъ товарищей его
 дѣтства не образовалась горячая привязанность и какъ бы не
 привела она къ тѣснымъ и близкимъ отношеніямъ и въ по-
 слѣдующія болѣе зрѣлыя лѣта. И дѣйствительно подобныя по-
 слѣдствія, горестныя для знатнаго семейства, предотвраща-
 ются благодаря раннимъ и частымъ внушеніямъ воспитаннику,
 что онъ—существо особенное, высшаго разряда вслѣдствіе
 своего знатнаго происхожденія и потому не долженъ уни-
 жать себя до знакомства и дружбы съ людьми низкаго про-
 исхожденія. И въ послѣдствіи сколько бываетъ случаевъ и по-
 водовъ къ напоминаніямъ знатному воспитаннику о той рѣз-
 кой чертѣ, которая раздѣляетъ людей знатныхъ и незнатныхъ!
 И какъ не проникнуться ребенку тщеславнымъ уваженіемъ къ
 знатности своего рода, если въ его семьѣ мысль о знатности
 рода служить главной основой при сужденіи о людяхъ, при
 оцѣнкѣ ихъ достоинствъ, при выраженіи къ нимъ почтенія и
 уваженія? Къ людямъ знатымъ его родители относятся съ
 уваженіемъ, изысканной почтительностью; незнатные напро-
 тивъ трактуются съ высока, съ очень замѣтнымъ оттѣнкомъ

небрежности, несмотря на высокія ихъ личныя достоинства; предъ потомками знаменитаго рода растворяются двери ихъ дома, ихъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями; для незнатныхъ домъ ихъ — неприступная крѣпость: быть въ средѣ людей простыхъ по происхожденію, хотя бы и достойныхъ уваженія по своимъ личнымъ качествамъ, а особенно быть знакомымъ съ ними считаютъ униженіемъ для своего рода. Но съ особенной силой высказывается это тщеславіе въ знатныхъ семействахъ, когда кто-нибудь изъ знатныхъ рѣшится вступить въ бракъ съ особой достойной уваженія во всѣхъ отношеніяхъ, но не имѣющей знаменитой родословной. На подобный поступокъ смотрять, какъ на позоръ и униженіе всей знатной фамиліи; виновному въ такомъ преступленіи дѣлаются недоступными всѣ семейства, причисляющія себя къ знатымъ; виновный изгоняется изъ ихъ круга, какъ человекъ, лишившійся честнаго имени. Въ глазахъ людей, полагающихъ высшее достоинство человека въ знатности рода, многія дѣйствительныя преступленія и пороки весьма не важны; но на все, что дѣйствительно унижаетъ достоинство человека, портитъ и развращаетъ его, но по извращеннымъ, условнымъ понятіямъ, не бросаетъ тѣни на знатность рода, — они смотрять весьма снисходительно. По этой причинѣ для нихъ законный бракъ знатнаго лица съ особой, не имѣющей знаменитаго родства — преступленіе; тогда какъ незаконная, позорная связь потомка знаменитыхъ предковъ съ кѣмъ-либо — не болѣе какъ извинительная шалость; потому она не вмѣняется ему въ безчестіе и преступленіе; на нее смотрять легко, ее извиняють, или притворяются, какъ будто не знаютъ о ней. Съ другой стороны въ глазахъ такихъ людей замѣчательныя способности, высокія нравственныя качества, неутомимая и плодотворная дѣятельность, согрѣтая горячею любовію къ ближнимъ, почти не имѣють никакого значенія,

если все это не соединяется съ знатностію рода. Понимая свою умственную бѣдность, не обладая способностью и достаточной энергіей къ упорному, тяжелому труду, такіе люди никогда непрочь пользоваться замѣчательными умомъ и познаниями, неутомимой и энергической дѣятельностью другаго человѣка; но если этотъ человѣкъ происходитъ изъ низшаго или средняго сословія, то онъ никогда не удостоится искренняго признанія его достоинства, истиннаго уваженія со стороны тѣхъ вельможъ, для которыхъ онъ напрягаетъ умственные свои силы, жертвуетъ своимъ неутомимымъ трудомъ: какъ бы онъ ни выдавался своими достоинствами изъ ряда другихъ людей, въ глазахъ вельможи онъ все-таки человѣкъ низшаго разряда, съ которымъ обращаются небрежно, невнимательно, котораго никогда не сравниваютъ съ пустымъ, но знатнымъ человекомъ; на вѣсахъ такихъ людей знатность рода всегда перевѣшиваетъ истинныя умственные и нравственные достоинства. Но если человѣку, не имѣющему длинной родословной знаменитыхъ предковъ, силою своихъ дарованій удастся подняться на высоту почестей, послушайте, какъ разсматриваютъ его въ семействахъ, зараженныхъ этимъ тщеславіемъ: на него смотрятъ какъ на выскочку, какъ на человѣка, занявшаго не свое мѣсто. Въ этихъ сужденіяхъ не проглядываетъ ли та мысль, что высокій почетъ, высшее значеніе и вліяніе должны принадлежать не личнымъ, но родовымъ достоинствамъ человѣка?

Всѣ эти внушенія, сужденія, дѣйствія, проникнутыя духомъ тщеславія знатностію рода, неотразимо должны подѣйствовать на ребенка и приготовить въ его душѣ почву весьма пригодную для развитія тщеславія знатностію рода. Дѣти, которыя въ умственномъ и нравственномъ отношеніи подобны воску, удобно принимающему какую угодно форму, считаютъ хорошимъ, образцовымъ все, къ чему окружающіе ихъ взро-

слыше, особенно родители, выражаютъ искреннее уваженіе, — и напротивъ смотрять какъ на дурное на все, къ чему взрослые относятся не уважительно или съ пренебреженіемъ. И вотъ изъ дитяти, которому всё и все напоминаетъ о важности его породы, выходитъ человѣкъ съ глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ обладаетъ высокимъ достоинствомъ, благородствомъ и правами на всякое уваженіе, почести и высшія мѣста по тому одному, что онъ произошелъ «отъ предковъ, которые Римъ спасли», — что онъ несравнимо выше и достойнѣе тѣхъ, которые полагаютъ высшее достоинство и благородство въ развитомъ умѣ, чистыхъ нравственныхъ стремленіяхъ, въ подвигахъ добра, совершаемыхъ на пользу своего отечества и цѣлаго человѣчества, но которые не имѣютъ знатнаго происхожденія. И чѣмъ пустѣе голова такого человѣка, чѣмъ меньше развитъ онъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ меньше способенъ онъ къ серьезной и полезной дѣятельности, тѣмъ больше онъ старается опереться на свое происхожденіе, тѣмъ чаще кстати и некстати напоминаетъ о немъ другимъ и тѣмъ несноснѣе и смѣшнѣе становится онъ, величаясь и похваляясь своими знаменитыми предками. Явленіе это естественно: не имѣя истинныхъ собственно ему принадлежащихъ достоинствъ, онъ старается опереться на достоинства своихъ предковъ. Если это тщеславіе больше и рѣзче проявляется въ людяхъ недалекихъ по умственному и нравственному развитію; то съ другой стороны надобно замѣтить, что оно весьма много препятствуетъ умственному и особенно нравственному усовершенствованію человѣка. Кто убѣжденъ, что главное достоинство человѣка заключается въ знатности рода, тотъ осужденъ на застой и неподвижность: знатность не можетъ быть для него цѣлью стремленій и желаній; она уже досталась ему въ удѣлъ безъ всякихъ съ его стороны усилій, путемъ происхожденія. Что

же можетъ возбудить его къ напряженной умственной дѣятельности, къ нравственному усовершенствованію? Для зараженнаго подобнымъ тщеславіемъ это невозможно и потому, что онъ чуждъ истиннаго понятія о нравственномъ достоинствѣ человѣка. Уваженіе, которое оказываетъ такой человѣкъ истинной добродѣтели, холодно и не искренно, и нерасположеніе къ пороку никогда не усилится до отвращенія къ нему. Вслѣдствіе своихъ превратныхъ понятій о достоинствѣ человѣка онъ не можетъ правильно судить о заслугахъ другихъ людей. Ему нравятся только тѣ, которые умѣютъ льстить его тщеславію и потому онъ по большей части бываетъ игрушкой хитрыхъ и злонамѣренныхъ людей.

Итакъ кто хочетъ предохранить дѣтей своихъ отъ тщеславія знатностью рода, тотъ долженъ охранять ихъ отъ впечатлѣній, содѣйствующихъ развитію этой страсти: пусть родители и сами удерживаются и лицамъ, окружающимъ ихъ дѣтей, запрещаютъ внушать имъ ложную мысль, что происхожденіе отъ знатныхъ родителей само по себѣ имѣетъ важное значеніе; пусть они сами поставляютъ истинное достоинство не въ происхожденіи отъ знатныхъ предковъ, но въ душевныхъ совершенствахъ; пусть они помнятъ и дѣтямъ своимъ внушаютъ, что кто не подражаетъ великимъ дѣяніямъ своихъ знаменитыхъ предковъ, тотъ унижаетъ только свой родъ.

Особенно распространено между людьми всѣхъ званій и состояній тщеславіе красотой и граціей тѣла, красивой и модной одеждой, изящными манерами и т. п. Въ женщинахъ этотъ родъ тщеславія такъ распространенъ, такъ всеобщъ, что считается природнымъ ихъ свойствомъ. А между тѣмъ нетрудно доказать, что на природу неправильно слагаютъ вину въ томъ, въ чемъ виновато превратное воспитаніе, что ведетъ свое начало отъ раннихъ впечатлѣній дѣтства.

Если обратить вниманіе на то, какъ иногда рано даютъ

дѣтямъ поводъ заниматься своей наружностью, то понятно будетъ, почему въ нихъ весьма рано развивается тщеславіе красотой, преувеличенное уваженіе къ богатой и модной одеждѣ, къ изящнымъ манерамъ и т. п., такъ что при поверхностномъ наблюденіи оно кажется прирожденнымъ свойствомъ. Первые сѣмева такого тщеславія бросаются въ душу дѣтей еще прежде нежели они успѣютъ выйти изъ дѣтской комнаты. Каждая новая одежда, въ которую одѣваютъ дитя, каждая перемѣна платья, нянѣкъ, кормилицѣ и прочей прислугѣ подаютъ поводъ къ безчисленнымъ похваламъ красотѣ и милости дитяти и изяществу одежды. Окруживши дитя, прислуга шумно выражаетъ свое удивленіе, свой восторгъ костюму дитяти, льститъ его красотѣ и даже наводитъ его на мысль, что оно своей красотой, изяществомъ наряда можетъ возбудить удивленіе и во всѣхъ постороннихъ людяхъ: по увѣренію ея, каждый посторонній, увидя дитя, непременно спроситъ: «чей это прелестный ребенокъ?»—Носалюбовавши ребенкомъ, наговоривши ему кучу похвалъ, ведутъ его къ родителямъ, чтобы они полюбовались своимъ дѣтищемъ. И рѣдкіе родители, а особенно матери удерживаются отъ изъясненія шумнаго удовольствія и неумѣренныхъ похвалъ красотѣ ребенка. Эта грубая лесть прислуги, эти восторженные восклицанія и похвалы родителей бываютъ первымъ возбужденіемъ тщеславія въ ребенкѣ, глубоко западаютъ въ его душу и производятъ соотвѣтственные послѣдствія: ребенокъ двухъ лѣтъ уже съ удовольствіемъ слушаетъ лести вѣрныя рѣчи; глаза его блестятъ, лицо улыбается и онъ начинаетъ съ усиленнымъ вниманіемъ разсматривать себя; дитя, прежде скучавшее переодѣваньемъ, теперь не только не плачетъ и не кричитъ при этой церемоніи, напротивъ съ удовольствіемъ выноситъ ее, какъ бы она ни была продолжительна; потомъ, подбѣгая ко всѣмъ домашнимъ, старается об-

ратить на себя ихъ вниманіе и услышать отъ нихъ похвалу. И обыкновенно старанія его не остаются безъ успѣха.

Подобному же искушенію дѣти подвергаются весьма часто отъ знакомыхъ, посѣщающихъ домъ ихъ родителей. Желая быть пріятными хозяевамъ дома, гости обыкновенно ласкаютъ ихъ дѣтей и говорятъ имъ много комплементовъ насчетъ ихъ наружности: «какой прелестный ребенокъ! какъ онъ мило одѣтъ! какіе у него очаровательные глазки!»—Такія похвалы обыкновенно слышатся отъ гостей. Эти и подобные комплементы, которые суть не болѣе какъ вѣжливость со стороны гостей, для дѣтей бываютъ весьма вредны, возбуждая въ нихъ суетныя мысли и стремленія.

Суетность, пробужденная въ дитяти съ раннихъ лѣтъ, въ послѣдствіи находитъ обильную для себя пищу въ окружающей его обстановкѣ и переходитъ въ убѣжденіе, что красота тѣлесная, грація, изящество манеръ, модный и богатый костюмъ принадлежать къ великимъ достоинствамъ человѣка. И не можетъ дитя не придти къ такому убѣженію, когда въ его родной семьѣ эти внѣшнія и случайныя достоинства и блага служатъ главнымъ основаніемъ для сужденія о людяхъ, главнымъ предметомъ вниманія и заботъ, источникомъ радостей и огорченій и какъ бы цѣлью всей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сознаться, что въ очень многихъ семействахъ, особенно въ женскомъ кругу ихъ, гдѣ ребенокъ по преимуществу проводитъ время, наружность людей составляетъ если не преимущественный, то одинъ изъ главныхъ предметовъ разговора, и часто служитъ основаніемъ для оцѣнки людей. Какъ часто съ этой точки зрѣнія произносятся совершенно превратныя сужденія о людяхъ! Человѣкъ пустой или даже дурной здѣсь удостоивается похвалы, одобренія; о немъ говорятъ и воспоминаютъ съ удовольствіемъ только потому, что онъ красивъ собой, обладаетъ изящными ма-

нерами, одѣтъ по модѣ; напротивъ составляютъ предметъ неистощимаго глумленія тѣ люди, которые отъ природы не получили тѣлесной красоты, статности и стройности, не усвоили изящныхъ манеръ, отстали отъ моды по своему костюму; высокія умственные и нравственные качества осмѣиваемыхъ лицъ здѣсь не заслуживаютъ вниманія.—Уже этого одного достаточно, чтобъ ребенокъ, при которомъ такимъ образомъ судятъ о людяхъ, получилъ преувеличенное понятіе о внѣшней красотѣ, изяществѣ манеръ и модной одеждѣ.

Далѣе ребенокъ видитъ, что забота о внѣшности, о красивой и модной одеждѣ чрезвычайно занимаетъ почти всѣхъ членовъ семьи. Въ самомъ дѣлѣ сколько думъ и заботъ посвящается на это особенно тамъ, гдѣ состояніе не такъ велико, чтобъ безпрепятственно удовлетворять чрезвычайно измѣнчивымъ требованіямъ моды! Сколько огорченій, досады, слезъ бываетъ въ семействѣ, какія здѣсь мрачныя лица бываютъ, если успѣхъ не соотвѣтствуетъ количеству заботъ, если недостатокъ средствъ служитъ препятствіемъ къ удовлетворенію суетности! Да и тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ средствахъ, забота объ удовлетвореніи требованіямъ моды бываетъ причиною не малыхъ тревогъ и огорченій: то не готово платье къ надлежащему сроку, то неудовлетворяетъ оно требованіямъ моды, то неудачно оно сшито. Сколько времени и усилій употребляется на то, чтобы причесать свою голову къ лицу, у мѣста приколоть бантикъ, цвѣтокъ, устроить и привести въ надлежащій порядокъ каждую складочку платья, — чтобъ красоту свою сдѣлать еще блистательнѣе, а недостатки своей наружности скрыть или по крайней мѣрѣ сдѣлать какъ можно меньше замѣтными! И какое ликованіе, какое довольство, выраженіе счастья, достоинства бываетъ на лицахъ, когда всѣ эти суетливыя заботы о внѣшности кончаются успѣшно, когда удовлетворены всѣ капризы моды!

Изъ подобной семейной обстановки ребенокъ необходимо долженъ выдти съ сильнымъ расположеніемъ къ тщеславію своей-красотой, если онъ имѣеть ее, съ стремленіемъ увеличивать ея блескъ изящной одеждой, возбуждать въ другихъ удивленіе къ себѣ, или по крайней мѣрѣ съ стремленіемъ скрывать недостатки своей наружности искусственными средствами, какія находятся въ распоряженіи у портныхъ, парикмахеровъ и т. п. Въ чемъ родители полагаютъ совершенство и счастье человѣка, чему они придаютъ высокое значеніе, то обыкновенно и у дѣтей ихъ становится предметомъ стремленій и желаній: нравственное настроеніе семьи весьма скоро усвоется дѣтьми и сильно вліяетъ на послѣдующее развитіе ихъ характера—это уже не разъ повторенная нами истина.

Тщеславіемъ этого рода больше и чаще бываютъ заражены женщины, чѣмъ мужчины. Это зависитъ отъ разности условій ихъ воспитанія. Мальчики раньше подчиняются вліянію отца, который, и по своему умственному развитію и по своимъ служебнымъ и домашнимъ занятіямъ, меньше имѣетъ расположенія и времени заниматься своей внѣшностью; далѣе мальчики, поступаая въ школу, болѣе бываютъ охранены отъ тщеславія этого рода во первыхъ потому, что въ средѣ мальчиковъ меньше обращается вниманія на наружность и даже иногда подвергается осмѣянію излишняя заботливость о ней; во вторыхъ потому, что воспитаніе и образованіе мальчиковъ серьезнѣе: силы ихъ больше направляются къ умственному труду, въ нихъ сильнѣе развивается вкусъ къ высшимъ интересамъ жизни; поэтому если въ нихъ и бываетъ тщеславіе, то оно большею частію получаетъ другой характеръ и находитъ себѣ пищу скорѣе въ блестящихъ успѣхахъ, въ превосходствѣ умственныхъ способностей, талантовъ и т. п., чѣмъ во внѣшней красотѣ и изяществѣ. Напротивъ дѣвочки и въ семьѣ и въ школѣ растутъ

подъ впечатлѣніями, содѣйствующими развитію въ нихъ тщеславія своей внѣшностію. Извѣстно, что дѣвочки дольше и непосредственнѣе находятся подѣ вліяніемъ матерей и старшихъ сестеръ, а тѣ и другія обыкновенно, если сами неравнодушны къ своей внѣшности, — свои вкусы и стремленія и примѣромъ и наставленіемъ передаютъ и младшимъ дочерямъ и сестрамъ своимъ; съ раннихъ лѣтъ на внѣшность и красоту дѣвочекъ больше обращаютъ вниманія, больше занимаются ихъ костюмомъ, чѣмъ наружностью мальчиковъ. Въ школѣ вліяніе подругъ, наставницъ продолжаетъ дѣйствовать на дѣвочекъ въ томъ же направленіи; здѣсь наставленія, замѣчанія и дисциплина очень часто направлены только къ тому, чтобъ научить дѣвочку, какъ она должна держать себя въ обществѣ, т. е. какую она должна имѣть походку, какое выраженіе лица входя въ гостинную, какъ она должна быть внимательной, любезной со всѣми, чтобъ сдѣлаться интересной въ глазахъ гостей, возбудить въ нихъ вниманіе, даже удивленіе къ себѣ. Здѣсь главнымъ образомъ обращается вниманіе на то, чтобъ дѣвочка имѣла или старалась пріобрѣсть чисто внѣшнія достоинства, а о душевныхъ качествахъ — объ основательномъ развитіи ума, о твердыхъ нравственныхъ правилахъ мало заботятся. Велѣдствіе этого отсюда выходятъ съ поверхностнымъ развитіемъ ума, безъ прочныхъ нравственныхъ началъ, почти безъ всякой основательной подготовки къ тѣмъ труднымъ и важнымъ обязанностямъ, которыя возлагаетъ на женщину семейная жизнь, съ стремленіемъ блистать въ обществѣ, съ несбыточными мечтами о томъ, что жизнь есть не что иное, какъ рядъ удовольствій. Не имѣя привычки находить удовольствіе въ умственныхъ занятіяхъ, не приготовленная къ исполненію своихъ обязанностей, женщина неминуемо должна обращать слишкомъ боль-

шее вниманіе на свою наружность, чтобъ чѣмъ-нибудь наполнить пустоту своей жизни»

Вообще надобно замѣтить, что этотъ родъ тщеславія бываетъ весьма значительнымъ препятствіемъ къ умственному развитію людей. Въ самомъ дѣлѣ возможны ли умственная сосредоточенность, напряженное размышленіе о какомъ-нибудь важномъ предметѣ, если человѣкъ почти постоянно занятъ заботой о красотѣ своего тѣла, изяществѣ и безукоризненности своего костюма, и когда малѣйшій недостатокъ послѣдняго возбуждаетъ въ немъ сильнѣйшее безпокойство и фальшивую совѣстливость? Возможно ли заняться чтеніемъ дѣльной книги, когда вниманіе человѣка постоянно занято такими ничтожными предметами, каковы разнообразныя принадлежности костюма и требованія капризной моды? Какимъ бы серьезнымъ размышленіемъ ни занятъ быть тщеславный, мысль о шляпѣ, или перѣ, или перчаткахъ и т. п., врываясь въ кругъ его мыслей, способна такъ его разстроить и спутать, что онъ не въ состояніи бываетъ продолжать послѣдовательное размышленіе о возбудившемъ его вниманіе предметѣ, или даже слѣдить за мыслями другихъ. Не здѣсь ли заключается одна изъ многихъ причинъ того, что женщины, между которыми чаще всего встрѣчается этотъ родъ тщеславія, по большей части необладаютъ глубиною и послѣдовательностію мыслей? Къ этому явленію такъ привыкли, что женщина, занимающаяся чтеніемъ дѣльной книги, отличающаяся глубиною и основательностію мысли, интересующаяся важными вопросами науки и жизни, составляетъ явленіе рѣдкое, а на непривычный глазъ даже странное.

Но еще больше страдаетъ отъ тщеславія этого рода нравственность людей. Можетъ ли имѣть время и возможность подумать о своемъ нравственномъ усовершенствованіи тотъ, чья душа постоянно волнуется суетливыми заботами о своей

внѣшности? Да и можетъ ли онъ знать свои нравственные недостатки, когда мысль его постоянно занята внѣшними предметами и почти никогда не обращается къ его внутреннему состоянію? Въ такомъ человѣкѣ небрежность къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей составляетъ явленіе обыкновенное: на свои обязанности онъ смотритъ какъ на тяжелое бремя, отъ котораго старается избавиться. Иначе и быть не можетъ: для исполненія обязанности часто необходимо уединеніе, необходимо сидѣть дома, или въ конторѣ, или въ присутственномъ мѣстѣ, или въ школѣ; въ такомъ случаѣ кому же онъ можетъ показаться во всемъ блескѣ красоты, изящества костюма? Для исполненія обязанности требуется много времени, вниманія и размышленія; но въ такомъ случаѣ достанетъ ли у него времени подумать о томъ, какъ лучше одѣть и украсить себя, чтобы прилично явиться на балѣ, въ клубѣ, на общественномъ гуляньѣ? Исполненіе обязанности неразлучно съ трудомъ; но при трудѣ большею частію невозможно сохранить костюмъ въ безукоризненной опрятности и порядкѣ, руки въ безукоризненной чистотѣ и нѣжности, на лицѣ тотъ цвѣтъ и ту свѣжесть, которые желательны. Для тщеславнаго человѣка во всемъ этомъ сколько достаточныхъ побужденій уволить себя отъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей! Посмотрите на женщину, преданную тщеславію, все совершенство свое поставляющую въ умѣньи блистать и возбуждать удивленіе къ своей красотѣ, въ умѣньи нравиться и быть очаровательной: какъ небрежно относится она къ своему долгу, какъ тяготится исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей! Дѣти у ней въ пренебреженіи, лишены непосредственнаго ея присмотра, нравственнаго надзора и воспитанія и сданы на руки прислугѣ. Къ исполненію этой важнѣйшей обязанности у ней нѣтъ расположенія, а иногда и времени: расположенія—потому, что

она кажется ей слишкомъ утомительной, скучной и даже ничтожной; времени потому, что почти весь день у ней расходуется на украшеніе своей особы: сколько ей нужно времени причесать свою голову, придать своему лицу свѣжесть и бѣлизну при помощи разнаго рода косметическихъ средствъ, одѣться со вкусомъ, привести въ порядокъ остальные принадлежности туалета! Сколько ей времени нужно для посѣщенія модныхъ магазиновъ, совѣщаній съ модистками! Сколько времени потребуется для посѣщенія знакомыхъ, для приѣма гостей! Потому что она не можетъ жить безъ широкаго круга знакомыхъ: ей необходимо быть постоянно окруженной толпой поклонниковъ ея красоты, щеголей и франтовъ, которые способны были бы оцѣнить ея модный вкусъ, понять изящество и богатство ея костюма, которые льстили бы ея тщеславію. Едвали нужно говорить, какъ близка бываетъ къ паденію тщеславная женщина въ подобномъ обществѣ.—Домашнее хозяйство у нея въ разстройство частію потому, что большая часть средствъ идетъ на удовлетвореніе ея тщеславію, частію потому, что погруженная въ заботы объ изяществѣ своей особы, она съ презрѣніемъ и отвращеніемъ смотритъ на хозяйственныя занятія; они кажутся ей грязнымъ и чернымъ занятіемъ.

Если родители и воспитатели желаютъ предохранить дѣтей отъ тщеславія, то пусть они стараются внушить имъ, что истинное достоинство человѣка заключается не во внѣшнихъ какихъ-нибудь качествахъ или предметахъ, которые иногда достаются людямъ безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны, а во внутреннихъ духовныхъ совершенствахъ и добродѣтеляхъ, которыя пріобрѣтаются напряженной и непрестанной борьбой съ нечистыми влеченіями души; что внѣшній блескъ не можетъ скрыть нашей внутренней нечистоты отъ Бога, Который видитъ наше сердце; пусть они возбуждаютъ

въ дѣтяхъ любовь къ серьезнымъ занятіямъ и развиваютъ въ нихъ стремленіе къ высокимъ и благороднымъ цѣлямъ; потому что ничто такъ не помогаетъ развитію тщеславія и превратныхъ понятій о предметахъ, какъ дѣтство и юность, проведенныя въ праздности или пустыхъ занятіяхъ. Но наставленія сами по себѣ не могутъ имѣть желаннаго вліянія на дѣтей, если не подтверждаются примѣромъ самихъ воспитателей. Поэтому главнымъ средствомъ противъ тщеславія надобно признать жизнь дѣтей среди такихъ людей, у которыхъ искреннее доброжелательство, дѣятельная, самоотверженная любовь, отзывчивость къ высшимъ интересамъ жизни и наконецъ глубокое христіанское благочестіе составляютъ главныя и отличительныя черты характера и дѣятельности. Изъ примѣра такихъ воспитателей воспитанники лучше, нежели изъ наставленій, научаются, въ чемъ надобно искать совершенства, какое значеніе должны имѣть въ жизни человѣка тѣ или другіе предметы. Если жизнь семейства проникнута духомъ истиннаго христіанскаго благочестія; то она служитъ живымъ свидѣтельствомъ того, что истинное достоинство человѣка заключается не въ тлѣнныхъ, скоропреходящихъ благахъ, но во внутреннемъ совершенствѣ, красотѣ души. Здѣсь поэтому прежде всего ищутъ царствія Божія и правды его, т.-е. стремятся къ усовершенствованію своихъ умственныхъ дарованій, къ очищенію своего сердца, къ неуклонному, добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей. О всѣхъ предметахъ внѣшнихъ, тлѣнныхъ здѣсь мало заботятся или, вѣрнѣе сказать, о нихъ заботятся настолько, насколько они служатъ средствомъ для достиженія высшихъ нравственныхъ цѣлей. Тщеславиться же такими благами, каковы напр. богатство, знатность рода, красота тѣлесная, поставлять въ нихъ свое достоинство и совершенство здѣсь никому и въ голову не приходитъ. Если истинно благочестивое

сѣмейство имѣеть богатство, то здѣсь не прилагають къ нему сердца и стараются сдѣлать изъ него какъ можно лучшее употребленіе въ пользу ближнихъ. Если оно знаменито по своему происхожденію; то здѣсь не придають этому никакого значенія: здѣсь хорошо помнятъ, что предъ Богомъ о Христѣ Иисусѣ всѣ равны—и рабъ и свободный, и знатный и незнатный; что право называться сынами Божиими дано всѣмъ, которые раждаются отъ Бога. Если члены благочестиваго сѣмейства отличаются сами тѣлесной красотой, то они такъ равнодушны къ ней, что почти совсѣмъ не замѣчаютъ ея; они никогда не забываютъ, что существамъ, предназначеннымъ къ вѣчной жизни, никакой пользы не приноситъ такая скоропреходящая вещь, какъ красота тѣлесная, которая какъ цвѣтъ сельный отцвѣтаетъ. Этотъ духъ христіанскаго благочестія, вѣющій въ жизни сѣмейной, глубоко проникаетъ и въ сердца дѣтей и лучше, нежели самыя мудрыя наставленія, предохраняетъ ихъ отъ тщеславія. Живя среди людей нравственно чистыхъ, дѣти и сами приучаются быть строгими къ внутреннимъ движеніямъ своего сердца и бороться съ нечистыми побужденіями своей души.

П. К.

ОПИСАНІЕ МОЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ

КЪ ЛИТОВСКИМЪ СТАРООБРЯДЦАМЪ ВЪ КОНЦЪ 1869 И ВЪ НАЧАЛЪ
1870 ГОДА.

---

*1. Предисловіе: о желаніи старообрядцевъ литовскаго края
разсуждать о святой Церкви, — когда и какъ оно появилось.*

Поѣздка моя въ Литву не есть трудъ миссіонерскій, между незнаемыми людьми и въ невѣдомыхъ мѣстахъ; ѣздилъ я къ своимъ знакомымъ и въ знакомыя мѣста, — изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню пріѣзжалъ къ своимъ пріятелямъ, не было труда мнѣ взойти въ домъ, знакомиться съ хозяиномъ, искать случая, съ чего начать слово, не было опасенія и потерпѣть нужду во внѣшнихъ потребахъ; этого всего, по старому знакомству, я былъ избавленъ, и только одно отъ меня требовалось—не молчать, проповѣдовать слово, возвѣщать истину о Церкви святой. И о Церкви мнѣ было довольно удобно говорить, потому что въ Литвѣ у старообрядцевъ возбуждена уже сильная потребность разсуждать о Церкви. Объ этомъ религіозномъ движеніи у старообрядцевъ того края теперь извѣстно стало вездѣ; но какъ оно началось и когда?—объ этомъ не излишне сказать нѣскольکو словъ.

Когда еще жилъ я въ Пруссіи, были у меня ближайшіе пріятели въ литовской епархіи—бывшій рымковскій наставникъ

инокъ Іоаннъ, перелазскій наставникъ Мартеміанъ Аванасъевъ Тихомировъ и братъ его Павелъ Аванасъевъ и новоалександровскій наставникъ Артемій Епифантьевъ Сухоруковъ, деревни Королишекъ наставникъ Василій Семеновъ Дарандовъ, и другіе многіе ревностные мужи. Изъ Литвы они ѣзжали ко мнѣ, въ прусскую обитель, погостить, почитать книги, поучиться, — и гостили мѣсяца по три, по полугоду, а иногда по году и по два. Они были участниками и свидѣтелями начавшихся въ прусскомъ монастырѣ разсужденій о томъ, что Феодосѣевцы неправо учать, возбраняя въ мірѣ живущимъ брачную жизнь, отвергая чувственное, во плоти, пришествіе на землю пророковъ Іліи и Эноха, также чувственное бытіе послѣдняго антихриста, и отрицая вѣчное существованіе новоблагодатнаго священства и тайнъ тѣла и крови Христовы. Съ тою цѣлію, чтобы удобнѣе показать Феодосѣевцамъ неправоту ихъ ученія, основаннаго не на словѣ Божіемъ и писаніяхъ святыхъ отецъ, а только на преданіи старцевъ, мы издали тогда книгу, подъ названіемъ *Царскій путь*, которая не касалась разсужденія о бракахъ, но раскрывала ту мысль, что каждому надлежитъ свою храмину вѣры созидать на основаніи евангельскаго ученія и писаній святыхъ отецъ, на преданія же стариковъ не полагаться. Это сочиненіе многихъ убѣдило внимать писанію: ревнители стали покупать книги: *Благовѣстникъ*, то-есть толкованіе святаго Теофилакта на Евангеліе, *Всѣмды* святаго Златоуста на 14 посланій святаго Апостола Павла, *Кормчю*, и другія книги, такъ что литовскіе старообрядцы, до сего времени не имѣвшіе у себя никакихъ рѣшительно книгъ кромѣ Богослужебныхъ, и слѣпо наставникамъ своимъ довѣрявшіе, теперь начали мало-по-малу сами вникать въ Божественное писаніе и начали примѣчать, какъ несогласно съ онымъ проповѣдуютъ ихъ наставники. Между тѣмъ названныя выше лица, принявъ

ученіе о бракѣ, распространяли его между старообрядцами. Это ученіе много надѣлало шума въ безпоповскомъ мірѣ, особенно по литовскому краю,—наставники со всей Литвы съѣзжались неоднократно въ одно мѣсто, дѣлали соборы, и народъ съ разныхъ мѣстъ приходилъ толпами; не одинъ разъ и меня вызывали изъ Пруссіи на эти соборы. Наставники безпоповскіе всячески старались погасить ученіе о бракахъ; но оно возрастало по всей Литвѣ и безбрачіе подавляло въ конецъ. вмѣстѣ съ ученіемъ о бракѣ, полеговьку распространялось и ученіе о приходѣ пророковъ Іліи и Эноха, о вѣчности новоблагодатнаго священства и таинъ. Все это, хотя еще не сближало старообрядца съ православною церковію, но по крайней мѣрѣ искореняло изъ души его противное Евангелію Христову безпоповское ученіе, будто въ мірѣ уже угаšlo Богоучрежденное священство Новаго завѣта, и заставляло подумать, гдѣ священство сіе теперь находится, и священство, въ церкви Грекороссійской существующее, есть ли истинное Христово священство. Инокъ Іоаннъ, бывшій рынковскій наставникъ, и Василій Дарандовъ, королишковскій наставникъ, начали тогда, дѣйствительно, разсуждать о церкви Грекороссійской: «надобно-де подумать о ней,—вѣдь она вѣруетъ въ святую Троицу православно, и въ воплощеніе Господне, и соборомъ никакимъ не осуждена: какъ же намъ объ ней не подумать!» Также и Павелъ Аонасьевъ, братъ Мартеміана перелазскаго наставника, началъ разсуждать о церкви и съ своими товарищами бесѣдовать, но осторожно: ибо на одно свое сужденіе боялись полагаться.

Когда же благоволилъ Богъ изліять милость Свою на меня грѣшнаго, такъ что я уже окончательно убѣдился въ непорочности святыхъ православныхъ церкви и вознамѣрился изъ Пруссіи возвратиться въ православную Россію, не хотѣлъ я приступить къ сему дѣлу, не сообщивъ своихъ убѣжденій въ пра-

вотъ церкви тѣмъ литовскимъ пріятелямъ, съ которыми противу безбрачія такъ долго ратовалъ. Предъ выѣздомъ изъ Пруссіи я напередъ послалъ въ Литву инока Іоанна, родомъ изъ Литвы, пожелавшаго сопутствовать мнѣ въ Россію, чтобы онъ предупредилъ нашихъ литовскихъ друзей о моихъ намѣреніяхъ и на свободѣ, до моего пріѣзда, передалъ имъ подробнѣе разсужденія мои о святой церкви. Отецъ Іоаннъ, ревнитель добра для своей родины, не полѣнился объѣхать всѣхъ литовскихъ нашихъ пріятелей и сколько могъ возвѣщалъ слово истины о церкви святой. Потомъ и я, распроставшись съ Пруссіею, тоже пріѣхалъ въ Литовскую епархію и гдѣ нужно было побесѣдовалъ о церкви. Отсюда вмѣстѣ съ отцемъ Іоанномъ отправился я въ дальнѣйшій путь, и когда, по благословенію блаженной памяти владыки Филарета, митрополита Московскаго, поселился въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, а также испросилъ у него дозволеніе прибыть въ сей монастырь и прочимъ моимъ собратіямъ, оставшимся въ Пруссіи, тогда я послалъ за ними того же спутника моего Іоанна и поручилъ ему, чтобы ѣдучи въ Пруссію опять оставился на время въ Литвѣ, объѣхалъ нашихъ знакомыхъ и передалъ бы имъ, что еще пріобрѣли мы къ убѣжденію нашему въ правотѣ церкви грекоросійской; съ сею же цѣлію снабдили мы отца Іоанна самону жвѣйшими для вразумленія старообрядцевъ книгами, именно вручили ему въ нѣсколькихъ экземплярахъ, — Григорія митрополита Петербургскаго сочиненіе о древле-истинной церкви, Озерскаго выписки изъ старопечатныхъ книгъ, владыки Филарета бесѣды къ глаголемому старообрядцу, чтобы книги эти раздалъ онъ въ Литвѣ старообрядцамъ, которые мало имѣли объ нихъ и понятія. Отецъ Іоаннъ выполнилъ и это порученіе, — ѣхавши въ Пруссію, побывалъ въ разныхъ мѣстахъ у старообрядцевъ Литовскихъ, особенно въ городѣ Ново-александровскѣ. Также и отецъ

Іоаннъ старшій, что былъ Рымковскимъ наставникомъ, проѣзжая изъ Пруссіи въ Москву, довольно поговорилъ о церкви бывшимъ ученикамъ своимъ и прочимъ старообрядцамъ въ Литвѣ. Вотъ и было такимъ образомъ положено въ литовскихъ старообрядцахъ сѣмя здравыхъ понятій о православной грекороссійской церкви, и то сѣмя, Божіимъ благословеніемъ, начинало произрастать.

Въ тотъ же самый годъ (1868), когда совершилось, Господу содѣйствующу, присоединеніе наше ко святой церкви, осенью, три безпоповскіе наставники, помянутые выше, Перелазскій, Королишковскій и Новоалександровскій, также нѣкоторые изъ ревнителѣй по вѣрѣ, какъ-то вилькомірскій Харитонъ Григорьевъ Памфиловъ, и другіе нарочно пріѣхали въ Москву, для лучшаго удостовѣренія въ томъ, что мы говорили въ оправданіе церкви отъ раскольническихъ на нее порицаній, посмотрѣть самимъ въ древнихъ рукописяхъ о имени Христа Спасителя Іисусъ, о трегубой аллилуіи и о прочемъ. Водили мы ихъ въ Синодальную бібліотеку, въ Чудовъ монастырь, въ Архангельскій соборъ, также въ бібліотеку А. И. Хлудова, обильную древними книгами и рукописями и по благосклонности его всегда намъ открытую; ѣздили потомъ и въ Лавру Сергія Чудотворца, посмотрѣли въ тамошнихъ бібліотекахъ: вездѣ они видѣли собственными очами несомнѣнныя свидѣтельства, оправдывающія церковь отъ обвиненія въ новопремѣненіяхъ, и отправились домой уже достаточно приготовленные къ единенію съ церковію. Здѣсь они старались расположить къ тому и своихъ прихожанъ, изъ которыхъ многіе убѣдились ихъ доказательствами и также изъявили готовность присоединиться къ церкви. Въ началѣ слѣдующаго года, Перелазскій, Королишковскій и Новоалександровскій наставники, по совѣту значительнѣйшихъ прихожанъ своихъ, объявили о своей готовности принять единовѣріе начальнику

края А. Л. Потапову, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ старообрядцы этихъ приходоѡ, тѣ, которые рѣшились оставить расколъ, послали депутацію въ Петербургъ подать прошеніе преосвященнѣйшему Макарію, архіепископу Литовскому, о присоединеніи ихъ ко святой церкви на правилахъ единовѣрія. Они просили также преосвященнѣйшаго Макарія и преосвященнѣйшаго Иннокентія, митрополита Московскаго, чтобы послать меня въ Литву для собесѣдованія съ народомъ и присоединенія къ церкви тѣхъ кто пожелаетъ. Преосвященнѣйшій митрополитъ спросилъ меня, соглашусь ли ѣхать; я отвѣчалъ, что съѣздить усердствую, но такъ какъ мнѣ извѣстно, что весною и лѣтомъ народъ по Литвѣ частію занятъ хлѣбопашествомъ, частію расходится по работамъ, то ѣхать туда въ это время для собесѣдованій я нахожу неудобнымъ и мало полезнымъ, а лучше будетъ совершить поѣздку осенью. Это предложеніе мое было уважено. А для того, чтобы желающихъ безъ замедленія можно было присоединить къ церкви, депутаты просили, послать въ ихъ приходы Петербургской единовѣрческой церкви, что на Волковомъ кладбищѣ, священника Алексѣя Троицкаго. По благословенію преосвященнѣйшаго митрополита Исидора, онъ и ѣздилъ въ Виленскую епархію, гдѣ присоединилъ къ церкви болѣе ста человекъ бывшихъ безпоповцевъ.

2. Отъѣздъ изъ Москвы; Петербургъ и Вильна.

Осенью, въ концѣ октября мѣсяца, получилъ я благословеніе отъ преосвященнѣйшаго митрополита Иннокентія ѣхать въ Литву; владыка велѣлъ выдать мнѣ изъ Чудова монастыря антиминосъ древняго освященія на случай, если представится нужда служить литургію, для чего устроена была мною, по его же благословенію, подвижная церковь; снабдилъ меня и письмомъ къ преосвященнѣйшему архіепископу Макарію; а въ спутники и на помощь позволилъ мнѣ взять того же отца

Іоанна, который прежде два раза по моему порученію ѣздилъ для бесѣды къ литовскимъ старообрядцамъ, уже посвященнаго въ іеродіаконы.

Будучи проѣздомъ въ Петербургъ, я ходилъ представиться его сіятельству оберъ-прокурору святѣйшаго синода. Онъ изволилъ спросить меня, куда и зачѣмъ я ѣду, потомъ—не имѣю ли въ чемъ нужды и не требуется ли съ его стороны содѣйствіе. Я отвѣтилъ, что пока нужды не имѣю, а впредь усердно прошу не оставить.

31 октября, въ пятницу, мы пріѣхали въ Вильну и остановились у стараго знакомаго, нѣсколько времени жившаго въ Пруссіи, уже присоединившагося къ церкви, Климента Ѳомича Букина. Вечеромъ того же дня явились къ преосвященнѣйшему Макарію, архіепископу Литовскому и Виленскому: я подаль ему пакетъ преосвященнѣйшаго митрополита Иннокентія и представилъ древняго освященіи антиминсъ. Архіепископъ Макарій принялъ насъ съ отеческою любовію и бесѣдовалъ немало о происходящемъ у старообрядцевъ его епархіи, и со всею архипастырскою попечительностію входилъ въ разсужденіе о мѣрахъ, какъ привлечь старообрядцевъ къ общенію со святою церковію. Отпуская насъ, онъ приказалъ, чтобы явились къ нему въ понедѣльникъ вечеромъ для полученія билета на путешествіе по его епархіи. На другой день, въ субботу, мы были у преосвященнаго Иосифа, епископа Ковенскаго: онъ также принялъ насъ ласково и бесѣдовалъ около двухъ часовъ. Были и у святодуховскаго архиманирита Іоанна: онъ предложилъ намъ переѣхать съ квартиры въ монастырь. Въ понедѣльникъ, въ назначенное время, ѣздилъ я къ преосвященнѣйшему Макарію. Онъ вручилъ мнѣ билетъ, которымъ дозволялось мнѣ по всей литовской епархіи посѣщать единовѣрцевъ, исполнять у нихъ требы, совершать богослуженіе, даже и самую божественную

литургію, гдѣ будетъ удобно, на привезенномъ мною древняго освященія антимиастъ, также бесѣдовать съ глаголемыми старообрядцами, и обращающихся изъ нихъ къ православію присоединять ко святой перкви. И такъ получилъ я у преосвященнѣйшаго благословеніе на проповѣдническіе труды.

При мнѣ былъ у преосвященнѣйшаго Макарія князь Багратіонъ, помощникъ главнаго начальника края, которому преосвященнѣйшій меня представилъ. А во вторникъ пріѣхалъ въ Вильну ковенскій губернаторъ князь Оболенскій: по сему случаю князь Багратіонъ прислалъ за мною, чтобы познакомиться съ губернаторомъ и поручилъ меня его покровительству.

Мнѣ пожелалось у святыхъ мощей виленскихъ мучениковъ, Антонія, Іоанна и Евстафія отслужить литургію. Архимандритъ Іоаннъ содѣйствовалъ исполненію моего желанія, испросивъ на то благословеніе отъ преосвященнѣйшаго Макарія. Въ среду, 5 ноября, Господь привелъ меня отслужить у мощей святыхъ мучениковъ, въ пещерѣ, подъ алтаремъ монастырской великой церкви. Со мною служили два іеромонаха Святодухова монастыря и два іеродіакона — одинъ монастырскій, другой—пріѣхавшій со мною отецъ Іоаннъ. Должность пѣвцовъ исполнялъ по случаю пріѣхавшій тогда въ Вильну, Сувалкской губерніи, села Покровскаго единовѣрческой церкви діаконъ Михайлъ Архангельскій съ своими дѣтьми. Зрителями обрядовъ единовѣрческаго служенія были преосвященный Іосифъ, и архимандриты святодуховскій Іоаннъ и святотроицкій Евгеній, ректоръ семинаріи. По окончаніи литургіи, когда я говорилъ отпустъ, вошелъ въ церковь святыхъ мучениковъ Сербскій митрополитъ Михайлъ, въ это время прибывшій въ Вильну. Когда Сербскій владыка вошелъ въ алтарь, архимандритъ Іоаннъ объяснилъ ему, что это служили единовѣрцы. Я принялъ благословеніе отъ владыки.

Онъ спросилъ: какъ велико различіе въ служеніи единовѣрческомъ и православномъ? Архимандритъ сказалъ, что различія нельзя и примѣтить. Я съ своей стороны отвѣтилъ, что въ сущности различія нѣтъ, а есть различіе только въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ и выговорахъ, какъ на-прим. вмѣсто вѣковъ *вѣкомъ*, и подобныя. Митрополитъ сказалъ: имѣющихъ единство вѣры и таинствъ обряды не должны раздѣлять. Того же дня я былъ въ келліи у преосвященнѣйшаго митрополита Михаила: просилъ его благословенія и молитвъ въ помощь себѣ на подлежащее дѣло, и получивъ благословеніе, возблагодарилъ за сіе Господа. Былъ я и въ Святотроицкомъ монастырѣ, у отца ректора Евгенія. Духовенство виленское вообще смотрѣло на насъ пріятно и принимало весьма ласково, за что да вознаградить ихъ Господь. Были и въ женскомъ Маріинскомъ монастырѣ, — слушали вечерню; богослуженіе шло весьма чинно, всѣ стояли въ великомъ молчаніи, — очень намъ понравилось.

Того же 5-го числа вечеромъ мы отправились изъ Вильны по желѣзной дорогѣ до Динабурга, а оттуда пріѣхали въ городъ Новоалександровскъ. Городскіе собрались повидаться со мною и послали въ окрестности новѣстить народъ, чтобы собирались побесѣдовать со мною.

3. *Динабургъ; бесѣда съ нѣкоторымъ человекомъ, приѣмлющимъ одно только священное писаніе.*

Тѣмъ временемъ я съѣздилъ еще въ Динабургъ къ старому прусскому знакомцу, Пимену Крымову, который и родился въ Пруссіи. Отъ него узнали о моемъ пріѣздѣ динабургскіе старообрядцы и привели ко мнѣ одного своего знакомаго, пріѣзжаго изъ Нижегородской губерніи, часто бывающаго въ Динабургѣ по торговымъ дѣламъ, о которомъ сказали мнѣ: «Отче, вотъ мы привели его къ тебѣ, поговори

съ нимъ, Бога ради: мы не знаемъ какой онъ вѣры, и имѣетъ ли какую вѣру; святымъ иконамъ не покланяется, въ посты не постится, будетъ обѣдать, или ужинать—Богу не помолится, да и никогда должно быть не молится.—«Я Богу молюсь, замѣтилъ онъ; только иконамъ не кланяюсь».

Тогда я спросилъ его: «а во Христа вѣруете?»

Онъ отвѣчалъ: вѣрую; и всему, что написано въ Библии вѣрую; писаніямъ же отцевъ не вѣрую.

Я еще спросилъ: «а преемниковъ апостольскихъ писанія приѣмлете?»

Отвѣчалъ: не приѣмлю.

Какой же онъ вѣры? подумалъ я; не молоканъ ли? и чтобы узнать это, еще спросилъ: «крещеніе водою чувственною приѣмлете, или не приѣмлете?»

Онъ отвѣтилъ: Христосъ крестился въ водѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ; потому и намъ нужно креститься въ водѣ чувственно.

Изъ сего отвѣта ясно было, что онъ не молоканъ, а принадлежитъ къ какой-то иной сектѣ, мнѣ неизвѣстной. И я сталъ его испытывать. «Какъ, спрашиваю, во евангеліе вы вѣруете,—такъ ли, что повелѣнія Господни нужно исполнять, или иначе какъ, не считая нужнымъ исполненіе Господнихъ повелѣній?»

Онъ отвѣтилъ: повелѣнія Господни, въ евангеліи, неотмѣнно должно исполнять; а такъ вѣрить, чтобы втуне оставлять Господни повелѣнія, невозможно.

Я сказалъ: «справедливо говорите; теперь еще спрошу васъ: какъ вы вѣруете, Господь истинно воплотился, принялъ естество наше?»

Онъ отвѣтилъ: истинно.

Еще спрашиваю: «на горницѣ, во время тайной вечери, Господь истинно ялъ и пилъ?»

Онъ отвѣтилъ: когда истинно былъ человѣкъ, то разумѣется истинно и ялъ и пилъ.

«И хлѣбъ, спрашиваю, который пріялъ Господь въ руки, былъ дѣйствительный хлѣбъ?»

Онъ отвѣтилъ: и хлѣбъ былъ дѣйствительный.

Тогда я сказалъ: «Господь, примъ хлѣбъ и хвалу воздавъ благослови, и преломивъ даде апостоламъ, глаголя: сіе есть тѣло мое, еже за вы даемо, сіе творите въ мое воспоминаніе. Ты вѣруешь ли, что нужно сіе творить неотмѣнно въ Господне воспоминаніе?»

Онъ отвѣчалъ: да, нужно; самъ Христосъ сказалъ: *аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пите крови его, живота не имате въ себѣ*; по сему Господню словеси безъ принятія тѣла и крови Христовы спастися не возможно.

Я сказалъ: «Справедливо отвѣчаете. Въ евангеліи писано, что Господь, примъ хлѣбъ, *хвалу воздавъ, благословивъ и преломивъ*, повелѣ сіе творити въ свое воспоминаніе (Марк. зач. 64. Луки зач. 108). Теперь скажите мнѣ: какъ творить сіе въ Господне воспоминаніе? какими словами *хвалу воздать*, съ какими *благословить*, и какъ *преломить*? Все сіе нужно совершить такъ, чтобы было воспоминаніе Господней вечери, а не просто ясть и пить».

Онъ, подумавши, отвѣтилъ: объ этомъ есть писано въ Библии.

Я сказалъ: «вотъ Библія: покажите, гдѣ о томъ написано?»

Не имѣя что отвѣтить, онъ спросилъ: а вы что объ этомъ скажете?

Я отвѣчалъ: «Господь совершилъ таинство Евхаристіи при апостолахъ и предалъ имъ, какъ совершать оное; апостолы, самовидцы того, наученные Господомъ, сами совершали сіе таинство и намѣстникамъ своимъ предали, какъ совершать,

о чемъ свидѣтельствуеть апостоль Павель: «азъ, братіе, пріяхъ отъ Господа, еже и *предахъ* вамъ»; а преемники и намѣстники апостоловъ, преданный отъ нихъ чинъ, како хвалу воздать, какими словами благословить и какъ преломить хлѣбъ Евхаристіи, изложили въ письмени, — такъ извѣстенъ чинъ литургіи апостола Іакова, именуемаго брата Божія. Отсюда явствуеть, что неприемлющимъ писанія апостольскихъ преемниковъ, или мужей апостольскихъ, совершать таинство воспоминанія Господня не возможно, ибо не могутъ они знать, какъ *хвалу воздати, благословити и преломити*; а не совершать сего таинства, значить не исполнять Господня повелѣнія, не слѣдовать Евангелію, не имѣть надежды спасенія, что и сами вы подтвердили словомъ Господнимъ: *аще не съѣсте плоти Сына чловѣческаго, ни піете крове его, живота не имате въ себѣ*. Еще писано въ Дѣянїяхъ апостольскихъ (въ главѣ 20-й): *Павель отъ Милита пославъ во Ефесъ, призва пресвитеры церковныя. И якоже прїидоша къ нему, рече имъ: внимайте себѣ и всему стаду, въ немъже васъ Духъ Святый постави епископы пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею. И паки въ первомъ посланїи къ Тимофею (зач. 285): не неради о своемъ дарованїи, живущемъ въ тебѣ, еже дано бысть тебѣ пророчествомъ съ возложенїемъ руку священничества*. Изъ сихъ доводовъ Священнаго писанія показуется, что не каждый можетъ священствовать, но только поставленный во священство, и что поставленіе во священство должно быть совершаемо съ возложенїемъ рукъ; а какія при семъ возложенїи рукъ произносить слова, того апостоль Павель не написалъ, ученикъ же Павловъ Дїонисій Ареопагитъ, поминаемый и въ Дѣянїяхъ апостольскихъ, записалъ, какія слова слѣдуетъ произносить, и не отъ себя, а по преданію отъ

апостоловъ. Такимъ образомъ отвергающій писанія мужей апостольскихъ не можетъ знать, какъ надлежитъ совершать и поставленіе во священство, установленное Господомъ. И еще апостолъ Іаковъ пишетъ: *болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне, и молитва вѣры спасетъ болящаго* (зач. 57). Скажи мнѣ, какую молитву Апостолъ повелѣваетъ сотворить надъ болящимъ и какъ помазать его во имя Господне, т. е. съ призваніемъ имени Господня?»

Онъ отвѣтилъ: не знаю.

Я сказалъ: «И не дивно вамъ не знать, когда вы отвергли преданія, преданныя апостолами намѣстникамъ своимъ предъ многими свидѣтели.»

Онъ спросилъ: А гдѣ то писано, что апостолы свои преданія предали преемникамъ предъ многими свидѣтели?

Я отвѣтилъ: «Апостолъ Павелъ пишетъ къ Тимоѳею: *Ты убо, чадо Тимоѳее, возмогай о благодати, яже о Христѣ Исусѣ, и яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человекомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити* (2 посл. зач. 292). Видите, апостолъ повелѣваетъ Тимоѳею принятое отъ него *имѣть* предати; а когда повелѣваетъ предати, то и преданное повелѣваетъ вѣрующимъ *принимати*. Посему кто отмечаетъ писаніе апостольскихъ преемниковъ, отмечаетъ и заповѣдь апостольскую.»

Онъ спросилъ: Почему же апостольскихъ преемниковъ писанія не положены въ Библию?

Я отвѣтилъ: «Въ одной книгѣ вмѣстить столько писаній не возможно: писанія мужей апостольскихъ содержатся въ иныхъ книгѣхъ, но заключаютъ въ себѣ засвидѣтельствованное многими послухами апостольское же ученіе.»

Онъ сказалъ: Апостольскіе преемники отъ апостоловъ приняли то, что писали, потому вы принимаете ихъ писанія, яко апостолами преданное неписанное ученіе; а соборы и опредѣленное соборами почему вы принимаете?

Я отвѣтилъ: «Святые апостолы во благовѣстіи проповѣдали Христа совершенна Бога и совершенна челоувѣка, и предали анаемѣ каждому, кто сталъ бы благовѣствовать иначе, т. е. въ чемъ-либо повреждать благовѣстіе вѣры, хотя бы то былъ даже ангель съ небесе. Но по времени явились еретики, которые, не взирая на запрещеніе апостольское, покусились измѣнить апостольское ученіе вѣры, какъ предсказалъ объ нихъ и апостоль Павеель, яко *возстануть глаголющии развращенная*: нѣкоторые отвергали божество Іисуса Христа, другіе подвергали сомнѣнію Его челоувѣчество, а иные Духа Святаго не называли Богомъ. Преемники апостольскіе, епископы, наслѣдствовавшіе апостольскую власть въ церкви Христовой, узнавъ о возникающемъ еретическомъ ученіи, собирались вкупѣ со всего міра и писаніями Апостоловъ и ближайшихъ ихъ преемниковъ обличали еретиковъ, а вѣру, святыми апостолами проповѣданную, утверждали. Такимъ образомъ, кто не пріемлетъ соборами утвержденнаго исповѣданія вѣры, тотъ и апостолами благовѣствованное ученіе отменить, и апостолами положенной анаемѣ себя подвергаетъ.»

Онъ сказалъ: Пусть такъ, положимъ, что нельзя отвергать утвержденное на соборахъ исповѣданіе вѣры, какъ согласное апостольскому ученію; но зачѣмъ вы принимаете разныя правила соборныя: ихъ изложили отцы по своей собственной волѣ.

Я отвѣчалъ: «Моусей принялъ отъ Бога законъ и далъ въ руководство Іудеямъ. Но пророкъ Давидъ, жившій много позже Моусея, составилъ псалмы и положилъ уставъ и чинъ стоянія предъ Господемъ пѣвцемъ дому Господня, какъ о

томъ пишется въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ. Вотъ, пророкъ Давидъ не удовольствовался писаннымъ у Моисея закономъ и уставомъ, а прибавилъ и отъ себя, и вы за то не оуждаете его. Подобно сему и епископы, отъ всея вселенныя собравшіеся на соборы, поразивъ еретиковъ, изложили уставы въ руководство для церкви. И не лучше ли послѣдовать ихъ уставамъ, чѣмъ каждому составлять свой собственный? и тѣмъ паче что на соборахъ, святые отцы утвердили то, что издревле, отъ временъ апостольскихъ, принято церковію»...

Онъ сказалъ: У васъ множество книгъ,— страданія мучениковъ, житія преподобныхъ и святителей; на что все это?

Я отвѣтилъ: «Вы сказали, что принимаете все, что писано въ Библии. А въ книгахъ ветхаго завѣта описаны страданія Маккавеевъ и трехъ отроковъ въ Вавилонѣ за сохраненіе закона; и если вы эти сказанія пріемлете, то почему же не принять сказанія о пострадавшихъ и въ новомъ завѣтѣ за законъ Христовъ? Вы пріемлете исторію судей израильскихъ и царей, не только добрыхъ, но и злыхъ, читаете въ Библии о побѣдахъ Маккавеевъ, и просто сказать всю исторію древней, ветхозавѣтной церкви пріемлете: отъ чего же не принимать исторію церкви Новозавѣтной, Христовой? Изъ ветхозавѣтной исторіи вы знаете, кто изъ древнихъ праведниковъ гдѣ умеръ и гдѣ положены были ихъ кости; о святыхъ же апостолахъ, видѣвшихъ Христа, объ учителяхъ новаго завѣта, утвердившихъ вѣру Христову, гдѣ они скончались и гдѣ положены, знать не желаете и возбраняете! Исторію женъ Руей, Іудиои, Есѡири, читаете; а житія угодниковъ Божіихъ новаго завѣта, подвизавшихся во славу Божію и въ наше назиданіе, имѣть и читать не позволяете!»

Онъ сказалъ: У васъ какое множество тропарей, сти-

хирь, — и все новое; на что это? Довольно псалмами Давидовыми воспѣвать Господа.

Я отвѣтилъ: «Давидовы псалмы воспѣвались въ ветхомъ завѣтѣ и въ одной Іудеи. Такъ какъ въ нихъ воздается хвала Богу, возвѣщаются чудеса Его, въ народѣ іудейскомъ явленныя и содержатся предсказанія о Христовомъ пришествіи, то и нынѣ церковь псалмы Давидовы воспѣваетъ; но ихъ для церкви христіанской недостаточно. Духъ святой, чрезъ самаго же пророка Давыда, заповѣдалъ людямъ новаго завѣта воспѣти пѣснь нову: *воспойте Господеву пѣснь нову, воспойте Господеву вся земля... Возвѣстите во языцѣхъ славу Его, во всѣхъ людѣхъ чудеса Его* (Пс. 95). Видите, пророкъ повелѣваетъ воспѣть Господу пѣснь не въ одной Іудеи, а по всей землѣ, во всѣхъ языцѣхъ, во всѣхъ людѣхъ, — пѣснь нову, въ которой должны быть повѣданы чудеса Господни въ новомъ завѣтѣ явленныя, — како родился Господь, како пострадалъ, како воскресъ, како вознесся, како слѣпыхъ воочеси, прокаженныхъ очисти, разслабленныхъ возстави, мертвыхъ воскресилъ, како Духа утѣшителя ниспослалъ, и прочая безчисленныя Христовы чудеса, повелѣнія и притчи, возвѣщенныя Евангеліемъ».

Онъ сказалъ: Самъ Богъ возбранилъ дѣлать рукотворенныя и поклоняться имъ; зачѣмъ же вы поклоняетесь иконамъ?

Я отвѣтилъ: Богъ не повелѣлъ народу своему творить идоловъ, по примѣру язычниковъ, и славу, Ему Единому подобающую, воздавать истуканамъ; а для своего прославленія, Самъ же повелѣлъ сдѣлать изображенія херувимовъ и поставить ихъ во святая святыхъ, Самъ повелѣлъ создать ковчегъ завѣта, предъ которымъ Іудеи покланялись Богу. На семъ основаніи и святыя иконы, устрояемыя во славу Божію и въ прославленіе святыхъ Его, достойны почитанія, и вы весьма заблуждаетесь, равняя ихъ идоламъ. И вообще, надо вамъ

оставить своемысліе, а послѣдовать готовому, апостольскому, соборному и отеческому ученію».

И тако бысть конецъ бесѣдъ нашей. Убѣдился ли собесѣдникъ мой оставить свои суемудрія, Богу вѣдомо; но то все замѣтили, что входя онъ не отдалъ поклоненія святымъ иконамъ, уходя же сотворилъ имъ поклоненіе.

4. Новоалександровскъ; служеніе литургіи; ложныя понятія безпоповцевъ о причастіи.

По возвращеніи моемъ въ городъ Новоалександровскъ, собрались все новоприсоединенные священникомъ Алексіемъ Троицкимъ, и просили допустить ихъ къ таинству исповѣди и сподобить приобщенія святыхъ таинъ: ибо они только были помазаны святымъ муромъ, а исповѣдаться и приобщиться святыхъ таинъ за скоростію проѣзда священника не имѣли возможности; тогда же и нѣсколько старообрядцевъ, изъявившихъ желаніе присоединиться ко святой церкви, просили совершить надъ ними обрядъ присоединенія; и все вообще желали, чтобы я отслужилъ литургію.

Живя среди поляковъ и жидовъ, въ мѣстахъ, гдѣ такая малочисленность православныхъ, которые и сами притомъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, не имѣли своихъ церквей, безпоповцы сѣверозападнаго края никогда не видали совершенія литургіи и ни отъ кого о томъ не слыхали, такъ что и понятія надлежащаго, какъ она совершается, не имѣли, о святомъ же причастіи составились у нихъ даже весьма странныя представленія. Одни говорили, что причастіе текло изъ горы, и когда Никонъ измѣнилъ вѣру, перестало истекать; другіе толковали, что Христосъ оставилъ чашу съ причастіемъ, которая никогда не оскудѣвала, и изъ нея черпали и повсюду разносили его, а со временъ Никона, за премѣненіе вѣры, чаша изсякла и причастія взять теперь не откуда. Даже въ

такое невѣдѣніе христіанскихъ истинъ пришли безпоповцы того края, что не малая часть ихъ держится мнѣнія, будто и самое священство и таинства евхаристіи и мѣропомазанія суть нововведеніе, будто въ древнюю пору ихъ совѣтъ не было, и все это введено отъ Никона, а было такъ именно, какъ есть теперь у нихъ, то есть были только наставники, простые мужики, которыхъ они и зовутъ попами. О причастіи же православныя церкви, подѣ какими веществами оно священнодѣйствуется, такія нелѣпыя и хульныя есть у нихъ молвы, о которыхъ не только писать, но и слышать страшно. Такое-то зло посѣялъ въ нихъ исконный врагъ, ради выщаго ихъ отвращенія отъ церкви святой! Я, когда еще былъ и безпоповцемъ, имѣя понятіе о священствѣ и таинствахъ, и много сожалѣя о людяхъ того края, сколько могъ, вразумлялъ ихъ, — объяснял, что и у насъ было и священство и прочія таинства: бывало подведу челоуѣка къ иконѣ и покажу ему написанныхъ святыхъ, въ священныхъ и святительскихъ облаченіяхъ, — такъ и самъ удивляется, какъ это ему прежде не пришло на умъ, что значить были и въ старину священники и архіереи. А наставники, также и чтецы, по наученію наставниковъ, когда при чтеніи книгъ за службой дойдутъ до такого мѣста, гдѣ писано о священствѣ и о причащеніи святыхъ таинъ, то обыкновенно пропускаютъ это мѣсто, чтобы несоблазнить народъ въ никоніанство. Одинъ пѣвецъ изъ уклонившихся въ расколъ отъ святой церкви, разъ какъ-то читая статью на утрени, не пропустилъ такого мѣста, гдѣ говорилось о причастіи святыхъ таинъ; видно совѣсть напомнила ему при этомъ, чего онъ лишился, и онъ, прочитавъ то мѣсто, громко вздохнулъ. Спустя много лѣтъ, какъ-то при мнѣ, на общей бесѣдѣ, одинъ ревнитель безпоповства припомнилъ ему этотъ случай. «У тебя, парень, — говоритъ ему, — есть худое на сердцѣ». «Что же у меня худое?» спросилъ тотъ. Старикъ отвѣчалъ: «А помнишь, тогда-то вотъ,

ты читаль о причастіи, да вздохнул!»— Вотъ до чего ожесточилось ихъ сердце въ отчужденіи отъ святой, безсмертной тайны! А какъ совершается священнодѣйствіе литургіи, о томъ не имѣли понятія и многіе изъ тѣхъ, которые уже увѣрились въ правотѣ церкви, вѣчности священства и въ томъ что безъ причастія святыхъ таинъ невозможно спастися: поэтому и желали они, чтобы я отслужилъ литургію.

Видя ихъ усердіе, назначилъ я день для священнослуженія. Передъ этимъ показалъ имъ по старопечатному служебнику порядокъ службы, протолковалъ ектеніи, возгласы и проч.; позаботился также приготовить пѣвцовъ. Народу къ службѣ собралось столько, что руки не протолкнуть, дохнуть не возможно, а часовня, гдѣ была служба, не тѣсная. Къ причастію святыхъ таинъ приготовившихся было человѣкъ пятьдесятъ. И такой тогда страшный былъ часъ, такое зрѣлище, котораго память всегда будетъ дѣйствовать на сердце мое! Новоприсоединенные, никогда не слыхавъ литургіи, вѣкъ свой не сподобившись святыхъ таинъ, когда увидѣли священнодѣйствіе, въ такое пришли умиленіе и плачь, что слезы у всѣхъ лились рѣками, и не только присоединившіеся плакали такъ, но и всѣ прочіе слушатели святой литургіи. А приступающіе ко святымъ тайнамъ, съ такимъ приступали умиленіемъ, сокрушеніемъ сердца и слезами, что даже, смотря на нихъ, священнодѣйствующему служителю таинъ невозможно было удержаться отъ слезъ.....

Посмотрѣвъ служеніе литургіи, еще сорокъ человѣкъ безпоповцевъ объявили мнѣ о желаніи присоединиться къ церкви. Такъ благотворно на нихъ подѣйствовало присутствіе при священнодѣйствіи. Да и многократно примѣчалъ я за безпоповцами, что какія бы ясныя доказательства ни были имъ представляемы въ защиту церкви, и хотъ бы они вполне признавали ихъ силу, но пока не увидятъ священнодѣйствія литургіи, все у нихъ недостаетъ еще рѣшимости соединиться съ церковію, а зрѣніе сего великаго священнодѣйствія побѣждаетъ всѣ колебанія.

Священноинокъ Павелъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

XXI. Паремія, положенная на вечернѣ въ понедѣльникъ пятой седмицы Великаго поста. Быт. 13, 12—18.

Въ сей пареміи содержится повѣствованіе о разлученіи Авраама съ Лотомъ.

Гл. 13, ст. 12. Аврамъ вселися въ земли Ханаанскѣй. Лоть же вселися во градъ окрестныхъ странъ, и вселися въ Содомъ.

Авраамъ и Лоть, вмѣстѣ переселившіеся въ землю Ханаанскую, сначала жили въ ней неразлучно, и когда наступилъ голодъ въ Ханаанской землѣ, они вмѣстѣ отлучились изъ ней въ Египетъ и вмѣстѣ возвратились. По возвращеніи изъ Египта они съ своими многочисленными стадами держались южной оконечности Ханаанской земли, и подвигаясь далѣе на сѣверъ, пришли къ Веоилу, къ тому самому мѣсту въ южной части Палестины, куда Авраамъ, вскорѣ по переселеніи изъ Харрана, двинулся изъ Сихема, и гдѣ, подобно какъ въ Сихемѣ, воздвигъ жертвенникъ Богу (Быт. 12, 8). Въ Веоилѣ произошло теперь разлученіе Авраама съ Лотомъ. У того и у другаго были большія стада при отдѣльномъ хозяйствѣ. Въ странѣ, заселенной Хананеями, не всегда легко было находить обширныя пастбища, достаточныя для этихъ стадъ. Кро-

мѣ того между пастухами скота Авраамова и между пастухами скота Лотова возникъ раздоръ, вѣроятно изъ-за лучшихъ мѣстъ на общемъ пастбищѣ. Раздоръ между слугами могъ привести къ неприятнымъ столкновеніямъ хозяевъ. Для избѣжанія такой опасности и вообще для избѣжанія неудобствъ совмѣстнаго жительства на непросторной мѣстности, Авраамъ предложилъ Лоту разойтись и выбрать себѣ для жительства любую сторону. Лоть согласился и выбралъ себѣ для жительства равнину Иорданскую, цвѣтущую какъ рай, и обильно орошаемую водными потоками, текущими съ окрестныхъ горъ, какъ обильно орошается земля египетская наводненіями Нила и каналами, изъ него проведенными (Быт. 13, 10). По разлученіи съ Лотомъ, *Авраамъ вселмся въ земли Ханаанскѣй*, т.-е. остался во внутреннихъ ея областяхъ, не покидая тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ доселѣ кочевалъ, хотя они не представляли тѣхъ удобствъ ни по обилію пажитей, ни по обилію воды, какими предстоило пользоваться Лоту на поляхъ избранной имъ Иорданской равнины (Быт. 13, 12). Впрочемъ Лоть не довольствовался этими одними удобствами. Стада его паслись на поляхъ подъ надзоромъ его пастуховъ, а самъ онъ съ семействомъ *вселмся во градъ* (съ Евр. въ городахъ) *окрестныхъ*, т.-е. прилегающихъ къ Иордану, *странъ*, гдѣ искалъ безопасности отъ вражескихъ нападений, также удовольствій общежитія. Изъ городовъ, въ которыхъ Лоть обиталъ, и около которыхъ паслись его стада, Бытописатель именуеть Содомъ: *и вселмся въ Содомъ*. Это былъ одинъ изъ городовъ южной части Иорданской равнины; всѣхъ было пять: Содомъ, Гоморра, Адама, Севоимъ и Сигоръ (Быт. 14, 2. 8). Каждый изъ нихъ былъ столицею особыхъ владѣній и Содомъ первенствовалъ между ними по своему богатству, могуществу и народонаселенію, судя потому, что у Бытописателя вездѣ упоминается первымъ въ ряду этихъ го-

родовъ.—Разлученіе Авраама съ Лотомъ, бывшее слѣдствіемъ ихъ личныхъ отношеній и соображеній, входило также въ планъ промысленія Божія о благословенной части Аврамова потомства—Еврейхъ. По обѣтованію Божію, имъ однимъ предназначена въ обладаніе Хаанаанская земля, и вотъ за 400 лѣтъ до исполненія этого обѣтованія, въ знакъ того, что никто кромѣ ихъ не будетъ участвовать въ обѣтованномъ наслѣдіи, не безъ тайнаго устроенія Промысла, отъ ихъ родоначальника отдѣляется родоначальникъ Моавитявъ и Аммонитявъ, и поселяется на восточной окраинѣ земли обѣтованной,—около тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ обитать эти потомки Лота.

13. Человѣцы же сущіи въ Содомѣ зли и грѣшни предъ Богомъ зѣло.

Замѣчаніе о порочности Содомлянъ, среди которыхъ поселился Лоть, сдѣлано отчасти для того, чтобы приготовить читателя къ тому, что будетъ сказано послѣ о ихъ поведеніи и гибели, отчасти для того, чтобы показать, какъ неудачно былъ сдѣланъ Лотомъ выборъ для своего мѣстопребыванія. При этомъ выборѣ онъ руководствовался соображеніями земными и чувственными, обращалъ вниманіе на одни внѣшнія удобства жизни, тогда какъ ему слѣдовало обратить вниманіе преимущественно на нравственныя качества тѣхъ, въ обществѣ которыхъ ему придется жить. Жизнь въ обществѣ людей честныхъ, благочестивыхъ и добрыхъ безопаснѣе въ житейскомъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ обращеніе среди нечестивыхъ и порочныхъ. Впослѣдствіи Лоть, дѣйствительно, не мало потерпѣлъ отъ буйства и насилія Содомлянъ и даже будетъ въ опасности погибнуть вмѣстѣ съ ними отъ заслуженнаго ими гнѣва Божія (Быт. 19, 9. 15). Въ нравственномъ отношеніи онъ, правда, не потерпѣлъ вреда

отъ общенія съ ними, — онъ не увлечется примѣромъ ихъ беззаконія, останется праведнымъ и благочестивымъ, за что будетъ сохраненъ отъ постигшей ихъ гибели; «но живя между ними, онъ ежедневно будетъ мучиться въ праведной душѣ своей, видя и слыша дѣла беззаконныя» (2 Петр. 2, 7. 8.). О сихъ беззаконіяхъ Бытописатель говоритъ: *человѣцы сущіи въ Содомѣ зли и грѣшни предъ Богомъ*, т.-е. были виновны въ грѣхахъ и злодѣйствахъ, вопіющихъ предъ Богомъ, не могущихъ быть долѣе терпимыми отъ Бога, вызывающихъ Его къ совершенію надъ ними грознаго суда. Главный грѣхъ Содомлянъ есть грѣхъ противъ естественнаго любострастія (Быт. 19, 5), который потому и называется содомскимъ. Но пророкъ Іезекииль, обвиняя Іудеевъ въ подражаніи Содомлянамъ, упоминаетъ еще о слѣдующихъ грѣхахъ жителей Содома: это гордость, сластолюбіе, изнѣженность въ образѣ жизни, праздность и немилосердіе къ бѣднымъ (Іез. 16, 49. 50). Такъ называемый содомскій грѣхъ былъ порожденіемъ сластолюбія, изнѣженности и праздности.

14. 15. Богъ же рече Авраму, повнегда разлучитися Лоту отъ него: воззри очима твоима, и виждь отъ мѣста, идѣже ты нынѣ еси, къ сѣверу, и лѣвъ (*югу*), и къ востоку, и морю: яко всю землю, юже ты видиши, тебѣ дамъ ю, и сѣмени твоему во вѣки.

Авраамъ по праву старѣйшинства могъ бы при разлученіи съ Лотомъ одному себѣ предоставить выборъ мѣстопробыванія для себя и для него; но онъ не воспользовался своимъ правомъ, отклонилъ отъ себя этотъ выборъ, отдалъ его на волю младшаго своего сродника, и тѣмъ показалъ свое смиреніе, безкорыстіе и преданность волѣ Божіей. Это было поводомъ къ тому, что Господь изъявилъ ему снова свое осо-

бенное благоволеніе. Авраамъ не владѣлъ ни однимъ клочкомъ земли Ханаанской въ качествѣ собственника, — онъ былъ въ ней пришельцемъ и странникомъ. Единственное мѣсто, которое онъ при жизни пріобрѣтетъ здѣсь въ собственности, — это махпельская пещера, которую онъ купитъ у туземцевъ для погребенія себя и членовъ своего семейства. Но Господь утѣшаетъ вѣрнаго Ему раба своего обѣтованіемъ, что вся эта земля, по которой онъ скитается и въ которой не имѣетъ наслѣдства ни на стопу ноги (Дѣя. 7, 5), будетъ принадлежать ему и его потомству. *Воззри очима твоима и виждь отъ мѣста*, т.-е. отъ Веѣйля, гдѣ дано было это обѣтованіе, — *идъ же ты нынѣ еси, къ сѣверу и югу, и къ востоку и морю*, — т.-е. Средиземному морю, бывшему границею земли обѣтованной на западъ, — *яко вся земля, юже ты видиши, тебѣ дамъ ю и стѣмени твоему во вѣки*. Безъ сомнѣнія, съ того мѣста, гдѣ находился въ сіе время Авраамъ, нельзя было обыкновеннымъ взоромъ окинуть все то пространство до послѣднихъ предѣловъ его во все стороны, которое займутъ его потомки. Должно думать, что зрѣнію Авраама чудеснымъ образомъ открыто было зрѣлище всей земли обѣтованной. Если діаволь могъ непостижимымъ для насъ, хотя безъ сомнѣнія естественнымъ образомъ, показать Господу Іисусу въ одно мгновеніе все царства міра и славу ихъ (Мат. 4, 8): не гораздо ли легче было для всемогущества Божія устроить, чтобъ Авраамъ съ одного пункта могъ увидѣть все будущія владѣнія своихъ потомкомъ? — *Дамъ тебѣ и стѣмени твоему*. Тебѣ — не лично, ибо лично онъ и не владѣлъ обѣтованною землею, а въ лицѣ потомства. Увѣренность, что потомки будутъ господами этой земли, для родоначальника не менѣе пріятна, какъ еслибы она лично ему принадлежала. — *Во вѣки*. Вѣчное обладаніе странною, обѣщаемое потомкамъ Авраама, должно понимать въ томъ же

смыслъ, въ какомъ ветхозавѣтная пасха названа вѣчною (Исх. 12, 14). Празднованіе ветхозавѣтной пасхи, по намѣренію Божию, должноствовало окончиться съ наступленіемъ новозавѣтныхъ временъ, съ пришествіемъ Христа Спасителя, сего новозавѣтнаго Агнца, прообразованнаго ветхозавѣтнымъ, — и вѣчною она названа собственно только по отношенію къ ветхому завѣту, т. е. она должна продолжаться во все время существованія сего завѣта. Подобно сему обѣтованіе *о вѣчномъ* владѣніи землею Ханаанскою указываетъ на то, что потомки Авраама будутъ владѣть ею во все продолженіе времени своего самостоятельнаго политическаго существованія, — долѣ, пока не *оскудѣетъ князь отъ Иуды*. Когда избранный народъ утратитъ свою самостоятельность, перестанетъ управляться природными своими властителями и будетъ подъ властію чужеземцевъ, тогда лишится и земля обѣтованной.

16. И сотворю сѣмя твое, яко песокъ земный: аще кто можетъ исчесати песокъ земный, то и сѣмя твое изочтетъ.

О многочисленности потомства Авраамова, и именно благословенной его части—Евреевъ, свидѣтельствуетъ исторія. Бывали самыя неблагопріятныя обстоятельства къ ихъ размноженію, напримѣръ угнетеніе отъ Фараона во время ихъ пребыванія въ Египтѣ; но чѣмъ больше угнетали ихъ, тѣмъ они становились многочисленнѣе (Исх. 1. 12). Разсѣяніе Іудеевъ по всему свѣту послѣ разрушенія Іерусалима Титомъ угрожало этому народу тѣмъ, что онъ, оторванный отъ родной почвы, или долженъ былъ вымереть, или выродиться чрезъ смѣшеніе съ другими народами. Ни того, ни другаго, однако не случилось. Евреи куда **ни** были заброшены судьбою, вездѣ продолжали размножаться и жить своею особенною, своеобразною жизнію, нисколько не смѣшиваясь ни съ одною народностію. Богъ

отвергъ свой народъ, лишилъ его своихъ благословеній, но не лишилъ его благословенія размноженія. Это благословеніе продолжаетъ дѣйствовать доселѣ съ прежнею силою, такъ что многолюдство Евреевъ служитъ въ тягость народонаселенію, среди котораго они водворяются (наприм. у насъ въ западномъ краѣ). По пророчеству ап. Павла Евреи доживутъ до времени обращенія всѣхъ язычниковъ къ Церкви Христовой и наконецъ сами войдутъ въ нее (Рим. 11, 25). Такъ какъ для сего потребно весьма долгое время, то сколько же должно въ продолженіе этого времени народиться Евреевъ! Поистинѣ число ихъ какъ число *песка* (съ Евр. праха) *земнаго*.

17. Воставъ пройди землю въ долготу ея, и въ широту: яко тебѣ дамъ ю и сѣмени твоему во вѣкъ.

Сими словами Господь хотѣлъ показать Аврааму, что земля Ханзанская отдается потомкамъ его во всемъ ея пространствѣ, — всѣ мѣста, куда ни ступитъ нога ихъ въ этой землѣ, — будутъ ихъ неотъемлемою собственностію. Переходы, какіе по предложенію Божію Араамъ долженъ былъ совершить по Ханаанской землѣ въ качествѣ кочевника, служатъ образомъ побѣдоносныхъ походовъ по ней его потомковъ.

18. И отселився Аврамъ, пришедъ вселися у дуба Мамврійскаго, иже бѣше въ Хевронѣ: и созда ту жертвенникъ Богу.

Отчасти по необходимости перемѣнить пастбище, отчасти вслѣдствіе предложенія Божія, Авраамъ оставляетъ Веилъ, идетъ на югъ отъ него, и останавливается у дуба (съ Евр. *дуб-равы*), который по имени владѣльца этой мѣстности Амморейнина Мамврія, союзника Авраамова, называется Мамврійскимъ (Быт 14, 13). *Хевронъ*, при которомъ былъ Мамврійскій дубъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ міра (Числ. 13,

23). Впослѣдствіи, когда завладѣли имъ Енакимы (богатырское туземное племя, не принадлежащее къ числу хананейскихъ), онъ по имени одного ихъ могущественнаго князя, назывался *градомъ Арво* (Ис. Нав. 14, 15; 15, 54); потомъ, когда завоеванъ былъ Израильтянами, опять сталъ называться Хеврономъ (Числ. 13, 23. Нав. 15, 13. 14). Нынѣшнее имя его *Эль-Халиль* (другъ) дано ему въ честь Авраама, который доселѣ называется у Арабовъ другомъ Божиимъ согласно съ Писаніемъ (2 Парал. 20, 7. Иса. 41, 8. Іак. 2, 23). Мѣстность Хеврона принадлежитъ доселѣ къ лучшимъ въ Палестинѣ, — изобилуетъ садами оливковыми и виноградными. Въ исторіи земли обѣтованной Хевронъ имѣетъ великое значеніе тѣмъ, что погребальная пещера, которую купить здѣсь Авраамъ, есть первая собственность его, которая должна послужить залогомъ обладанія всею странюю для его потомковъ, и которая, какъ мѣсто особенно для нихъ священное по дорогимъ воспоминаніямъ о погребенныхъ здѣсь останкахъ Авраама, Исаака и Іакова, Сарры, Ліи и Ревекки, будетъ для нихъ однимъ изъ побужденій къ завладѣнію этою странюю.

Свящ. Вас. Нечаевъ.

СТАРЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИНОКА ПАЛОМНИКА (1857—1860 г.).

VII. Описаніе храма Воскресенія (а).

По выходѣ изъ придѣла «поруганія», чрезъ находящуюся рядомъ съ нимъ дверь, спускаются по 33-мъ широкимъ и высокимъ ступенямъ въ подземную церковь св. Константина и Елены. Эта церковь ископана о бокъ Голгоеской скалы этой святой царицею въ то время, когда она искала здѣсь св. Креста; мѣсто обширное, почти квадратное, имѣетъ около 30 шаговъ въ длину и ширину. Выдѣланная въ природной скалѣ, подпертая 4-мя массивными колоннами, съ куполомъ выведеннымъ наружу (выходитъ во дворъ жилища Абиссиновъ), церковь эта носитъ на себѣ явные слѣды христіанской архитектуры первыхъ вѣковъ. Она по старымъ фирманамъ принадлежитъ Абиссинцамъ, но по своей бѣдности они вынуждены были уступить ее во владѣніе Армянамъ, выговоривши себѣ право, по временамъ служить въ придѣлѣ «благоразумнаго разбойника», находящемся въ лѣвомъ углу. Замѣтимъ, что пожаръ въ 1808 году не проникъ въ эту подземную церковь и она сохранилась въ первобытномъ своемъ видѣ; убранство ея, по неопредѣленности владѣнія—бѣдно; оно состоитъ изъ нѣсколькихъ иконъ самой грубой кисти (какъ и всѣ иконы армянскія), изъ коихъ одна большаго размѣра на южной стѣнѣ представляетъ Воздвиженіе Креста Господня. По правую сторону главнаго алтаря, посвященнаго имени св. царицы Елены, есть каменное сѣдалище, гдѣ по преданію находилась св. царица въ то время, когда отыскивали св. Крестъ; здѣсь въ окнѣ горятъ три неугасимыя лампы.

(а) Начало этого описанія см. въ іюньской книжкѣ.

Изъ этой церкви — направо — сходятъ еще глубже 13-ю ступенями въ пещеру, гдѣ оставалось погребеннымъ въ теченіи трехъ вѣковъ древо животворящаго Креста Господня. Мать Константина Великаго, томимая святою жаждою обрѣсти подлинный Крестъ Господень, слѣдила всѣ мѣстные рассказы, преданія и обычаи. Кресты, сброшенные съ Голгофы, были закапываемы со всѣми орудіями, служащими къ этой казни, тутъ же въ горѣ. А потому, когда начались работы, скоро нашли глубокую подземную пещеру и въ ней три креста, надпись (титло) I. N. R. I.; копье и гвозди. Надпись лежала особо и потому нельзя было различить Креста Господня отъ двухъ другихъ. Извѣстно, что по совѣту тогдашняго Іерусалимскаго патріарха Макарія искали извѣстія о семъ свыше и Господь Богъ явилъ св. царицѣ истинный Крестъ, — исцѣленіемъ, а по другому сказанію — воскрешеніемъ умершей женщины, для чего на нее поочередно возлагали каждый изъ трехъ найденныхъ крестовъ. — Св. Елена послала часть древа обрѣтеннаго Креста своему сыну въ Константинополь; другую часть прислала въ Римъ. Большая же часть настоящаго Креста осталась въ Іерусалимѣ — въ храмѣ св. Гроба.

Въ царствованіе восточнаго императора Ираклія, Хозрой II царь Персидскій овладѣлъ Іерусалимомъ, ограбилъ храмъ и взялъ Крестъ Спасителя. Спустя 10 лѣтъ Ираклій побѣдилъ Персовъ, принудилъ наследника Хозроева отдать ему св. Крестъ и возвратилъ его въ храмъ Воскресенія Господня, собственноручно и босыми ногами неся его на своихъ плечахъ по іерусалимскимъ улицамъ до самой Голгофы. Это трогательное событіе было торжественное повтореніе перваго движенія св. Креста, при царицѣ Еленѣ, которое съ тѣхъ поръ и доселѣ празднуется православною церковію 14 сентября.

Когда въ 1099 г. крестоносцы вошли въ Іерусалимъ, то поступая съ дѣйствительными обладателями Іерусалимской святыни не лучше мусульманъ, они овладѣли насильственно частію древа св. Креста; другая часть была скрыта православнымъ патріархомъ, который и самъ, бѣгая отъ латинскаго притѣсненія, удалился тогда въ крайнюю точку своихъ духовныхъ владѣній — въ Каракъ по ту сторону Іордана. Она и по нынѣ находится во владѣніи Іерусалимскаго патріарха.

Современныя западныя хроники краснорѣчиво описываютъ радость христіанъ при видѣ этой святыни (части доставшагося Латинамъ св. Креста), которая съ тѣхъ поръ всегда предшествовала имъ въ бояхъ съ мусульманами. Но время показало, что обладаніе великой святыней безъ святыхъ дѣлъ было недостаточно для привлеченія крестоносцамъ милости Божіей: какъ Кивотъ Завѣта, за нечестіе избраннаго народа, впалъ нѣкогда въ руки враговъ его, такъ и древо св. Креста за нечестіе и беззаконныя дѣянія его обладателей, ихъ же хрониками подробно описанныя, — скоро снова впало въ руки невѣрныхъ. Въ неудачной битвѣ подъ Хиттиномъ, близъ Генисаретскаго озера, 5 августа 1187 г. древо Креста Господня перешло къ Саладину. Латинскій епископъ Птолемаидъ⁽⁶⁾, который несъ св. Крестъ, получивши смертельную рану, отдалъ его товарищу своему епископу Лидскому, а тотъ вмѣстѣ съ королемъ іерусалимскимъ Лузивьяномъ взять въ плѣнъ. Въ исторіи крестовыхъ походовъ Мишо приведенъ слѣдующій рассказъ одного изъ мусульманскихъ писателей Емада-Еддина объ этомъ событіи: «большой крестъ взять, за нимъ взять въ плѣнъ и король, а многіе изъ *невѣрныхъ* (такъ онъ величаетъ крестоносцевъ) шли защищая его. Лишь только возвышали его, невѣрные падали на колѣна и поклоняли головы; говорятъ, что это то самое древо, на которомъ былъ пригвожденъ Христосъ, которому они отдають честь. Они было украсили его самымъ чистымъ золотомъ и дорогими каменьями. Носили это древо во дни большихъ праздниковъ, а когда князья и епископы показывали его людямъ, всякъ преклонялся предъ нимъ съ благоговѣніемъ. Безбожные (то-есть христіане) считали за святѣйшую обязанность оборонять этотъ крестъ и утрата его была для нихъ несравненно чувствительнѣе, нежели взятіе въ плѣнъ ихъ короля и ничто не могло ихъ утѣшить»... Черезъ 32 года послѣ сего, одно древо, обнажен-

(6) Лишь только крестоносцы овладѣли Палестиною, они тотчасъ же замѣстили каѳедры православныхъ епископовъ своими, придавъ имъ и соотвѣтственные титулы, что продолжается и донынѣ. Такъ латинскій епископъ въ Іерусалимѣ носить титулъ іерусалимскаго патріарха; епископъ, живущій въ Константинополѣ, — титулъ епископа Петра Аравійскія и т. д.

ное отъ всѣхъ драгоценностей, досталось обратно крестоносцамъ при взятіи Даміетты, гдѣ положили его невѣрные. Много уже изъ него убыло и съ той минуты оно раздѣлилось на безчисленное число частицъ, которыя разошлись по всему свѣту. Самыя большія части, по сказанному выше, находятся теперь въ Іерусалимѣ, въ Афонѣ, въ Константинополѣ и въ Римѣ. Изъ Іерусалима и Константинополя перешло не мало мелкихъ частицъ по разнымъ случаямъ въ Грузію, Россію и Сербію. *Іерусалимская часть* распределена нынѣ въ трехъ крестахъ. Крестъ въ коемъ хранится большая часть, въ оправѣ серебряной и вызолоченой, водруженъ въ серебряной чашѣ, какъ бы на Голгоѣ, осыпанъ по мѣстамъ крупнымъ жемчугомъ и бриллиантами; оправа, какъ говорятъ, стоитъ до 90,000 р. Въ немъ съ обѣихъ сторонъ за слюдой видно животворящее древо перцоваго цвѣту, не цѣльное, а составленное изъ малевькихъ частицъ, наклеенныхъ на простое дерево; ширины въ немъ на два пальца, а вышины шесть вершковъ. Кромѣ сего есть еще два креста: одинъ средней величины, а другой—малый ^(в).

Пещера, которая называется мѣстомъ *обрѣтенія св. Креста*, раздѣлена на двѣ части; ближайшая отъ входа принадлежитъ Латинамъ, гдѣ устроенъ престолъ, и на немъ поставлено бронзовое изваяніе Спасителя съ крестомъ, — даръ, недавняго посѣтителя св. града, австрійскаго эригерцога Максимилиана. Самое мѣсто обрѣтенія принадлежитъ православнымъ; оно выложено разноцвѣтнымъ мраморомъ; по срединѣ изображеніе креста, коему и поклоняются троекратно при пѣніи: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе твое славимъ». Случалось видать, что поклонники исполняютъ на этомъ мѣстѣ положенныя на нихъ отъ духовъ:

(в) На Афонѣ почти всѣ монастыри имѣютъ части животворящаго древа: самыя большія принадлежатъ монастырямъ—Греческому Есфигменскому и Сербскому-Хилондарскому; послѣдніе получили свое сокровище въ даръ отъ сербскаго царя Стефана Душана въ 1340 годахъ. Значительною частью св. древа владеетъ Сербскій монастырь Дечанскій (въ Старой Сербіи). Въ Россіи довольно частей св. древа какъ въ общемъ церковномъ, такъ и въ частномъ—домашнемъ владѣніи: крестъ св. Евфросиніи Полоцкой, крестъ московскихъ соборовъ, и крестъ принадлежащій графинѣ А. Г. Толстой урожденной княжнѣ Грузинской.

никовъ эпитиміи. Стѣна противоположная мѣсту обрѣтенія, состоитъ изъ природной скалы, составляющей одно цѣлое съ Голговою, — и потому желающій можетъ здѣсь яснѣе всмотрѣться въ природный видъ и составъ священной скалы, на коей совершилось великое таинство нашего искупленія, о которую сокрушились все кзни врага душъ нашихъ; смотря на нее христіанинъ, съ чувствомъ благодаренія Искупителю, можетъ повторять побѣдныя слова великаго учителя Церкви: «гдѣ твое смерти жало? гдѣ твоя аде побѣда? Воскресе Христосъ — и рыдаютъ демоны»...

Кстати объ адѣ: въ лѣвой стѣнѣ церкви св. Елены есть выемка замѣчательная по своему акустическому устройству. Какъ бы тихо при ней ни произнесено было слово, — идетъ страшный гулъ. Это подало поводъ къ суевѣрнымъ рассказамъ, что подъ этимъ мѣстомъ кроется адъ, куда сходилъ Спаситель по воскресеніи изъ мертвыхъ. Въ сущности же это явленіе происходитъ отъ того, что противъ этой выемки находится подъ храмомъ огромная нынѣ пустая цистерна (колодезь), принадлежащая къ числу тѣхъ 7-ми колодезевъ, которые были сдѣланы, по повелѣнію царицы Елены, для снабженія водою людей — строившихъ храмъ Господевъ. Говорятъ, что и подъ всеѣмъ храмомъ есть подземные ходы, тайны которыхъ извѣстны лишь малому числу избранныхъ.

По выходѣ изъ церкви св. Елены, продолжая путь по галереѣ, мы вступили въ придѣлъ *Раздѣленія ризъ*, принадлежащій православнымъ; названіе этого мѣста основано на преданіи, опирающемся на слѣдующихъ словахъ Евангелія: «воини же егда пропяша Исуса, пріяша ризы Его и сотвориша четыре части, коемуждо воину часть, и хитонъ, бѣ же хитонъ не швенъ, свыше истканъ весь. Рѣша же къ себѣ: не предеремъ его, но метнемъ жребія о немъ, кому будетъ; да сбудется писаніе глаголющее: раздѣлиша ризы моя о'себѣ и о иматісмѣ моей меташа жребія. Воини убо сія сотвориша (Іоан. 19, 23. 24)». — Одѣяніе древнихъ Евреевъ состояло обыкновенно изъ четырехъ частей: роль рубахи — *садинъ*; родъ исподняго платья — *миграсимъ*; изъ туники, — *гетоневъ*, и верхняго плаща *симла*. — Изъ этихъ частей состо-

ить и до сихъ поръ одѣяніе у большей части восточныхъ народовъ и одежда верхняя, халать или бурнусъ, *машлакъ*, обыкновенно бываетъ безъ швовъ.

Миновавши дверь, которая, какъ я узналъ послѣ, ведетъ на хоры въ трапезу и кухню греческаго Святогробскаго братства, мы вошли въ придѣлъ Лонгина Сотника. Сюда, какъ говоритъ преданіе, Лонгинъ, тотъ Римскій воинъ, который прозиль копіемъ ребра Іисусовы, — обратившись при видѣ чудесъ, послѣдовавшихъ при кончинѣ Христовой, приходилъ оплакивать свой поступокъ. Потомъ онъ удалился въ Каппадокію и тамъ воспріялъ мученическую кончину. Копье его принадлежитъ нынѣ армянской грегорианской церкви и составляетъ главную святыню главнаго ея монастыря *Ечмиадзинна*, что въ Ериванской области (на Кавказѣ) ^(а). Въ Іеру-

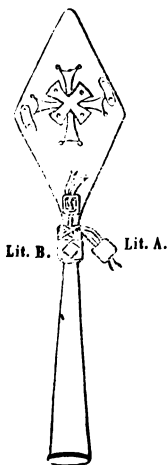
(в) Мы имѣли рѣдкій случай достать рисунокъ этого копья въ его натуральную величину, присланный въ Бозѣ почившему императору Александру I въ 1805 году главнокомандующимъ нашихъ войскъ на Кавказѣ генераломъ княземъ Циціановымъ, по овладѣніи Ечмиадзинскимъ монастыремъ и его сокровищами, которые тогда по просьбѣ самихъ Армянъ были временно перевезены въ Тифлисъ, для обереженія отъ расхищенія и замысла джепатріарха Давида перевести оныя въ Турецкія владѣнія.

Къ рисунку копья приписано такое объясненіе: «Точная мѣра со священнаго копья съ крестиками посрединѣ копья нерукотвореннымъ и другимъ, прикованнымъ къ нему апостоломъ Ѳомою. Имъ же апостоломъ сіе копье спаяно двумя накладками. Печать красная прежняго патріарха, *Lit. А.*, а печать желтая джепатріарха *Lit. В.* Мая 25 дня 1805 года. Селеніе Каракласъ. Мѣра копья; въ длину $5\frac{1}{2}$ вершковъ, въ поперечникѣ 3 вершка. Рукоятка копья въ четыре вершка.

Вотъ копья со всеподданнѣйшаго донесенія генерала Циціанова, при коемъ былъ приложенъ рисунокъ копья:

«Его императорскому величеству генерала отъ инфантеріи князя Циціанова рапортъ».

«Къ прежде взятымъ мною при возвращеніи изъ-подъ Еривани изъ Ечмиадзинскаго Армянскаго монастыря сокровищамъ въ наибогатѣйшихъ иконахъ, мощахъ, ризницѣ украшенной драгоцѣнными камнями, какъ для обереженія отъ джепатріарха Давида, который все оное хотѣлъ увезти въ Турецкія области,

салимѣ придѣль этотъ тоже принадлежитъ Армянамъ; по сторонамъ престола изображены черты изъ жизни св. мученика Лонгина сотника, котораго Армяне считаютъ своимъ соплеменникомъ.

Поклонившись ему, при пѣніи тропаря: «мученикъ Твой Логинъ, во страданіи своемъ вѣнецъ пріять нетлѣнный».... мы пошли далѣе. Миновавъ еще одну желѣзную дверь, за которой, какъ узнали послѣ, находится кладовая, принадлежащая Грекамъ, мы пришли къ такъ называемымъ *узамъ Христовымъ*, перенесеннымъ изъ городской темницы, въ котораго былъ заключенъ Божественный Страдалецъ до утра, предъ отведеніемъ Его къ Пилату. Узы эти находятся подъ престоломъ за рѣшеткою, и суть не иное что, какъ двѣ пробойны въ камнѣ, въ которыя опускали ноги узниковъ.

Недалеко отъ *узъ* влѣво, находится мѣсто, называемое *темница Христова*, гдѣ по преданію Господь Иисусъ Христосъ былъ удержанъ, пока были окончены приготовленія къ Его распятію, и гдѣ потомъ Матерь Божія, когда повели

такъ и по просьбѣ архіереевъ той націи, генераль-маіоръ Невсѣтаевъ нечаяннымъ захваченіемъ учиненнымъ онаго монастыря, сдѣлался властителемъ и остальныхъ сокровищъ большой важности по святости христіанской, а именно: святое копіе, коимъ прободенъ былъ Христосъ Спаситель нашъ; рука св. Григорія просвѣтителя Армянской націи, — все сіе найдено между роговъ и нечистыхъ тряпокъ для утаенія; богатѣйшая ризница и иконы; и все то доставлено сказаннымъ генераль-маіоромъ Невсѣтаевымъ въ Тифлисъ, куда мощи и святое копіе Армянскими архіереями вносимы были съ довѣлемою церемоніею. Нынѣ же генераль-Маіоръ Портягинъ занимается переписью всего того съ Армянскимъ духовенствомъ, по совершеніи чего для успокоенія той націи, имѣющей большую вѣру къ оному святому копію и мощамъ, не оставлю я объѣстить, какъ и о прежде привезенныхъ, что они забраны единственно для сбереженія отъ жепатріарха Давида, расхитившаго уже сокровища Ечмиадзинскаго монастыря, но что, когда Богу угодно будетъ возстановить на патріаршій престолъ патріарха Даниила или Ечмиадзинъ будетъ подѣ Російскимъ правленіемъ, тогда все сіе возвращено будетъ въ цѣлости тому монастырю, яко собственность никѣмъ неотъемлема. — О всемъ семъ имѣю счастье всенодаѣнѣе донести вашему И. величеству; имѣю таковое же, поднести рисунокъ того святаго копья. Генераль отъ инфантеріи князь Циціановъ. Елисаветполь. Юня 17 дня. 1805 года.

на Голгоу Ея Божественнаго Сына, рыдая отъ скорби, терзавшей Ея материнское сердце, опустилась на землю, поддерживаемая благочестивыми женами, Ея сопровождавшими. Эта трогательная сцена изображена на запрестольномъ образѣ. Престоль во имя «Успенія Богоматери», а по лѣвую сторону престоль въ память того, когда Господа нашего Иисуса Христа били привязаннаго у столба. Здѣсь горять три неугасимыя лампы. Мы поклонились обоемъ симъ престоламъ при пѣніи крестопоклонной стихиры: «Днесъ неприкосновенный существомъ, прикосновенъ мнѣ бываетъ, и страждетъ страстію, свободжай мя отъ страстей, свѣтъ подавай слѣпымъ, отъ незаконныхъ устенъ оплевается, и даетъ за плѣнные на раны. Сего чистая дѣва и мати на крестѣ зрящи, болѣзненно вѣщаше: увы мнѣ чадо мое, что сіе сотворилъ еси? красныйъ добротою паче всѣхъ человекъ, бездыханный, беззрачный являешия, не имѣя вида, ниже доброты: увы мнѣ мой свѣте, не могу спяща зрѣти тя, утробою уязвляюся, и лютое оружіе сердце мое проходить, воспѣваю твоя страсти, поклоняюся благоутробію твоему: долготерпѣливе, слава Тебѣ!»

Оставя *темницу*, мы миновали мѣсто, котораго столь близкое сосѣдство съ величайшей на землѣ святыней—часовней Гроба Господня—приводитъ въ ужасъ, скорбь и негодованіе сердце христіанина; оно есть неизбѣжное слѣдствіе постояннаго пребыванія и замкнутаго положенія въ храмѣ братствъ трехъ вѣроисповѣданій; еслибы между ними существовало хотя малое согласіе, то конечно не трудно было бы придумать средства къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ содержать это мѣсто въ большей чистотѣ—устройствомъ сточныхъ подземныхъ канавъ и резервуаровъ за стѣною храма; въ настоящемъ же его положеніи зловоніе нерѣдко разносится какъ по всей окружности галлерей, такъ и за предѣлы оной.

Невдалекѣ отсюда—противъ сѣверной стѣны кувукліи Св. гроба—церковь Латинская, въ кот рую входятъ по нѣсколькимъ ступенямъ. Преданіе говоритъ, что главный престоль ея поставленъ на мѣстѣ явленія Спасителя по воскресеніи изъ мертвыхъ Своей Пречистой Матери, почему и самая цер-

ковь называется церковію *явленія* или просто церковію Маріи. По обѣимъ сторонамъ главнаго престола два меньшіе; съ правой стороны—придѣлъ Св. креста, гдѣ хранилась нѣкогда часть древа креста Господня, а съ лѣвой—придѣлъ бичеванія, гдѣ на престолѣ стоитъ за желѣзной рѣшеткой часть столпа, или колонны бичеванія (другая часть въ Константинопольской патриаршеской церкви); къ столпу прикасаются посредствомъ стоящей здѣсь же трости, и потомъ цѣлуютъ конецъ оной.—Въ этой церкви отправляются главныя богослуженія Латинъ и они имѣютъ право запирать ее. Она обширна и хорошо убрана; въ западной сторонѣ прекрасныя деревянныя сѣдалища.

За церковію, нѣсколько на западъ, пристроенъ латинскій монастырь,—входъ въ него извнутри храма; въ немъ постоянно живутъ около 10-ти челоуѣкъ Францисканъ изъ братства монастыря Св. Спасителя, смѣняющихся черезъ каждыя три мѣсяца.

Между церковію *явленія* и часовнею Св. гроба на полу два мраморныя круга, означающіе, по преданію, мѣсто, гдѣ Спаситель, явсь по воскресеніи своемъ Маріи Магдалинѣ въ образѣ вертоградаря, сказалъ ей: «Маріе!» При этомъ воззваніи она тотчасъ узнала Искомага и въ радостномъ восторгѣ могла лишь только сказать: «Раввуні», то-есть, учителю! — Изъ дальнѣйшаго разсказа евангельскаго видно, что она бросилась къ ногамъ Его, чтобы въ избыткѣ радости поцѣловать тѣ самыя стопы, которыя прежде омыла слезами, ибо Іисусъ сказалъ ей: «не прикасайся мнѣ, не у бо вздохъ къ Отцу моему». —Итакъ, наибольшая любовь была и награждена наиболѣе, ибо Магдалина первая узрѣла Воскресшаго изъ мертвыхъ Господа. Чествуя это мѣсто, кто не воздохнетъ изъ глубины души, чтобы эта пламенная ученица Христа испросила ему у Него, хотя малую часть своей горячей любви къ Нему!

Тутъ же не подалеку на одной сторонѣ латинскій престолъ во имя сего явленія, а за престоломъ картина, изображающая самое событіе. На противоположной сторонѣ на хорахъ помѣщенъ подъ балдахиномъ звучный органъ, кото-

рый спорить то съ рѣзкими звуками мѣдной греческой токи, то съ шумнымъ звономъ армянскихъ металлическихъ *три-солмечниковъ*,—то съ *цимбалами* абиссинцевъ.

Поклонившись мѣсту *явленія*, мы мимо часовни Св. гроба съ сѣверной ея стороны пошли поклоняться гробамъ Иосифа и Никодима, составляющимъ крайнюю западную оконечность всего храма. Но прежде нежели войти въ галерею, скрывающую эти гробы, преосвященный Мелетій обратилъ наше вниманіе на ротонду Св. гроба. Эта величественная ротонда образована 18-ю пилястрами коринтскаго ордена въ два этажа, пилястры соединены арками и на нихъ покоится огромный куполъ. Верхъ купола не сведенъ и сквозь оставленное въ немъ отверстіе свѣтъ дневной падаетъ на воздвигнутую посреди храма кувуклію Св. гроба. Преосвященный Мелетій, знавшій храмъ еще до пожара 1808 года, и самъ дѣятельно участвовавшій въ его возобновленіи, разсказалъ намъ о прѣжнемъ его великолѣпніи: вмѣсто нынѣшнихъ тяжелыхъ четверугольныхъ пилястровъ, своды прежняго храма опирались также на 18-ти столбахъ, изъ коихъ было 12-ть круглыхъ разноцвѣтнаго мрамора коринтскаго ордена, и 6-ть четырехугольныхъ (пилястровъ); въ память прежняго расположенія колоннъ въ возобновленномъ храмѣ оставлено 4-ре круглыхъ столба по два въ одной связи и между ними одна пилястра, противу югозападнаго угла часовни. На хорахъ (полатахъ) также было 16-ть круглыхъ столбовъ, «а на полатахъ подъ верхомъ, разсказываетъ нашъ паломникъ игуменъ Даніилъ, посѣтившій этотъ храмъ въ 1115 году, «исписаны суть пророцы святіи мусією, яко живи суть стоятъ. Надъ олтаремъ же написаны Христосъ мусією. Въ *олтарь* же *великомъ* написано Адамово воздвиженіе, въ самомъ же верху написано есть Вознесеніе Господне. Оба-полы же олтаря (на обою столбу) написано есть святое Благовѣщеніе. А все то подписано мусією»⁽⁶⁾.

(6) Для объясненія этого мѣста изъ сказанія игумена Даніила (безъ чего становится неяснымъ и его разсказъ о св. огнѣ), надобно замѣтить, для знающихъ расположеніе Іерусалимскаго храма, что въ его время и до самаго начала XVII столѣтія право-

Верхъ же церковный не до конца сведень каменіемъ, но тако спертъ досками и древіемъ тесаннымъ плотничнымъ образомъ, и тако есть безъ верха, не покрыта ничимъ же; подъ тѣмъ же верхомъ самымъ непокрытымъ есть гробъ Господень (часовня)».

Кромѣ нарочито оставленнаго въ куполѣ отверстія, нынѣ часть его (почти вся южная сторона, обращенная къ греческой патриархіи) свѣтится какъ рѣшето, ибо наружныя свинцовыя листы отпали и внутренняя штукатурка обвалилась; хотя во время дождей отверстія эти прикрываютъ цыновками (матами); но это очевидно не можетъ воспрепятствовать течи и во время періодическихъ дождей лужи постоянно покрываютъ помость церкви окрестъ кувукліи, а отрывающіеся отъ штукатурки куски, падая внутрь, легко могутъ, если не убить, то ранить кого-либо изъ проходящихъ. Споръ о починкѣ этого купола тянулся не малое число лѣтъ и ни одно изъ трехъ вѣроисповѣданій (православное, латинское и армянское) не хотеть признать за другимъ право исполнить эту необходимую работу. Наконецъ по окончаніи послѣдней войны, турецкій султанъ Абдуль-Меджидъ разрѣшилъ этотъ споръ фирманомъ, въ коемъ объявлено, «что куполь будетъ исправленъ на его счетъ, черезъ что онъ желаетъ явить свое уваженіе къ религіи христіанской».... Мы еще застали въ Іерусалимѣ турецкаго инженера, пріѣзжавшаго для осмотра поврежденія и составленія смѣты..... Но кажется и этотъ фирманъ, какъ и всѣ другіе, подъ разными громкими наименованіями: гати - шерифовъ, гатигумаюновъ,..... ожидаетъ одинаковая съ ними участь—забвенія.

славные не служили литургіи на гробѣ Господнемъ, а совершали оную въ такъ называемомъ тогда «великомъ олтарѣ», который былъ устроенъ въ той же ротондѣ впереди или подъ самой вынѣшней «царской аркой» (которой входятъ отъ Св. гроба въ храмъ Воскресенія). Олтарь этотъ во время преобладанія Латинъ около 1612 года былъ проискомъ ихъ уничтоженъ; и съ тѣхъ поръ православные, не желая уступать своимъ соперникамъ, стали совершать подобно имъ службу на самомъ Св. гробѣ, предвараая ихъ оною по времени (а именно Греки совершаютъ ежедневно литургію на гробѣ Господнемъ, черезъ часъ по полудночи), Армяне вслѣдъ за ними, а Латины на разсвѣтѣ.

Арабы, на сдѣланный имъ вопросъ, слышали ли они о послѣднемъ фирманѣ, обѣщавшемъ уравненіе правъ, обыкновенно отвѣчаютъ, улыбнувшись презрительно: ля—хальваджи хегаръ,—то есть: Эге! (насъ не надуешь!) это—бумага, запачканная, «халвой,—не болѣе»!

Говорятъ, что будто присланный инженеръ рассказывалъ кому слѣдуетъ, что онъ видѣлъ во свѣ: свѣтлаго мужа, въ архіерейской одеждѣ, который сказалъ ему: «ты не безпокойся,—Русскіе починятъ мой храмъ». Имѣлъ ли онъ это видѣніе, ни утверждать, ни отрицать не буду; но что онъ уѣхалъ ничего не сдѣлавъ,—это фактъ и неизвѣстно, сколько еще лѣтъ пройдетъ, когда новыя обстоятельства, развяжутъ новый узелъ, запутавшій это дѣло ^(а). Но нельзя не замѣтить, что и одно изъясненное султаномъ намѣреніе покрыть гробъ Христа Спасителя, чтобы сохранить его отъ поврежденія, наводитъ христіанина на многія думы: поклонникъ корана учить послѣдователей евангелія, что не въ словахъ, а въ дѣлахъ заключается истинное уваженіе къ религіи. Турокъ даетъ примѣръ христіанамъ единства и согласія и постигаетъ ихъ!..

Въ Іерусалимѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо непонятны судьбы промысла Божія!...

Гробы Іосифа и Никодима находятся во глубинѣ галлерей; входъ въ это отдѣленіе — противъ часовни Коптовъ; прямо противъ входа во мракѣ галлерей стоитъ престолъ Сирійцевъ; обойдя его влѣво видна выдѣланная съ боку пещера съ двумя нишами для гробовъ по еврейскому обычаю; отсюда есть спускъ въ глубину, — назначеніе пещеры очевидно. Преданіе здѣсь же помѣщаетъ могилу еврейскаго законоучителя Гама-

---

(а) Нынѣ, къ удовольствію всѣхъ почитателей св. мѣсть вопросъ этотъ рѣшенъ совокупными усиліями къ сохраненію мира внутри величайшаго христіанскаго святилища двухъ могущественнѣйшихъ монарховъ: Императоровъ всероссійскаго и французскаго; работы начаты въ 1865 году, окончены въ 1868 на счетъ обоихъ правительствъ и всѣ претензіи Латинскаго духовенства на преобладаніе во храмѣ Св. гроба снова къ ихъ великой горести отодвинулись на задній планъ.

ліла, «при ногу» котораго воспитался Апостоль Павелъ, прежде ревнитель обрядоваго закона, а потомъ Апостоль языковъ, одинъ изъ великихъ таинниковъ Божіей благодати.

Въ этой же галереѣ внизу по обѣимъ сторонамъ Сирійскаго придѣла находятся келліи очередныхъ гробовыхъ іеромонаховъ православнаго исповѣданія и нѣсколько келлій принадлежащихъ Армянамъ. А далѣе, противу южной стороны часовни находится келлія гробоваго пономаря, который при мнѣ былъ Сербинъ о. Акакій, весьма общительный и любимый всѣми богомольцами инокъ. Верхняя часть галереи, примыкающая ко входнымъ дверямъ, принадлежитъ Армянамъ; она досталась имъ отъ Грузинъ, которые въ 16-мъ столѣтіи, владѣя всею Голговою, не имѣли мѣста для жилья внутри храма и потому промѣняли Латинамъ половину Голговы на половину верхней галереи въ Ротондѣ. По обѣдненіи грузинъ эта галерея, какъ равно и монастырь Св. Іакова, перешла во владѣніе Армянъ. Нынѣ они имѣютъ на этихъ хорахъ церковь, для ежедневнаго служенія и нѣсколько тѣсныхъ келлій для помѣщенія постоянно живущихъ въ храмѣ. Копты, уступивъ свои нижнія келліи Армянамъ, живутъ въ одвой тѣсной — на второмъ ярусѣ. Абиссинцы и Сириане лишь приходятъ для богослуженія по временамъ, когда отворятъ храмъ.

Изъ погребальной пещеры Іосифа и Никодима, мы обойдя кувуклію Св. гроба съ лѣвой (южной) стороны, черезъ такъ называемую царскую арку вступили въ великолѣпный храмъ Воскресенія, составляющій внутри храма Св. гроба церковь собственно принадлежащую Грекамъ. Она занимаетъ большую часть храма Св. гроба и имѣетъ въ длину до царскихъ вратъ 40, а въ ширину 20 шаговъ. Главный иконостасъ мраморный четырехъ-ярусный; мѣстныя иконы хорошаго Россійскаго письма; надъ ними дванадесятые праздники. По каменному карнизу сего яруса вырѣзано погречески: «Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме: слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сіоне: Ты же чистая красуйся, Богородице, о возстаніи рождества Твоего». Пovyше подѣланы арки и въ нихъ Св. Апостолы рѣзные съ иконописнымъ на лицевой плоской сторонѣ изображеніемъ. По карнизу вырѣзана надпись:

«Радуйся Сіоне святой, мати церкви, Божіе жилище: ты бо пріялъ еси первый оставленіе грѣховъ воскресеніемъ». Потомъ опять арки и въ нихъ Пророки также вырѣзные, по контуру иконописныя. Предъ каждымъ изображеніемъ лампада. На самомъ верху большой крестъ съ предстоящими; еще по сторонамъ стоятъ по три рѣзныхъ иконописныхъ Ангела и держать въ рукахъ по свѣщнику.

Позади иконъ къ каждому ярусу извнутри алтаря придѣланы хоры; въ нижнихъ противъ Апостоловъ повѣшены мѣдныя и желѣзныя била, замѣняющія колокола. Спереди надъ царскими вратами въ Апостольскомъ же ярусѣ сдѣлана каеэдра, на которой по великимъ праздникамъ читаютъ евангеліе и сказываютъ проповѣди. Алтарь возвышенъ надъ помостомъ на 6 четвертей, а престолъ еще на три четверти. Надъ престоломъ сдѣланъ массивный мраморный балдахинъ на четырехъ столбахъ, между коими повѣшены занавѣсы; навѣсъ извнутри исписанъ священными изображеніями. На престолѣ стоитъ мраморная древняя дарохранительница и подсвѣчники, которые въ большіе праздники замѣняются другими серебряными искусной Вѣнской работы, представляющіе пальмовыя деревья. По лѣвую сторону престола жертвенникъ. По правую—такъ называемая малая трапеза (діаконикъ), на которой стоятъ 12 подсвѣчниковъ, которые носятъ предъ хоругвями на встрѣчу патріарха. Своды алтаря освѣщаются окнами, находящимися въ куполѣ, которые открыты лишь съ 1820 года; своды расписаны св. изображеніями; кругомъ надпись: «Побѣдную пѣснь поюще, вопіюще..... осанна въ вышнихъ.»—На горнемъ мѣстѣ стоитъ патріаршая каеэдра; на нее восходятъ по тремъ ступенямъ, которая продолжается въ обѣ стороны: на нихъ станowiąтся неслужащіе священники и иноки. Изъ алтаря двое вратъ: на правой сторонѣ — на Голгоѳу, а на лѣвой — въ ризницу. —Царскія врата рѣзныя вызолоченыя увѣнчаны двуглавымъ Византійскимъ орломъ, украшающимъ также и митру патріаршую. Передъ мѣстными иконами стоятъ два мраморные огромные подсвѣчника искусной работы, напоминающіе, что духъ Еллинскаго искусства не перестаетъ

одушевлять и нынѣшнихъ Грековъ.—За клиросами по обѣимъ сторонамъ церкви на возвышеніи стоятъ большія рѣзныя и вызолоченныя каеэды: на право патріаршеская, а на лѣво— для его намѣстника. Два высокіе иконостаса закрываютъ пространство между боковыхъ столбовъ, образуя боковыя стѣны храма. Въ нихъ иконы въ три ряда: въ верхнемъ помѣщены изображенія страстей Господнихъ, присланныя въ даръ послѣ пожара 1808 года императоромъ Александромъ 1-мъ. На страстной седмицѣ вставляются на ихъ мѣсто такія же траурныя иконы, шитыя по темно-фіолетовому бархату золотомъ, —Московской работы, привезенныя бывшимъ святогробскимъ сборщикомъ архимандритомъ Виссаріономъ. Выше иконъ стоятъ на каждой сторонѣ по 7-ми ангеловъ съ подсвѣчниками въ рукахъ. Поверхъ иконостаса подѣланы хоры, гдѣ во время праздника Пасхи помѣщается много народа.— Посреди храма висятъ три большія паникадила (хоросы) по пятидесяти свѣчей—всѣ даръ нашихъ православныхъ царей. И сверхъ того множество серебряныхъ, мѣдныхъ, хрустальныхъ лампадъ, которыя имѣютъ по 10 и 15-ти свѣтильниковъ, а на всѣхъ четырехъ странахъ по желѣзной цѣпи, на каждой по 25 лампадъ. Въ торжественные дни зажигается болѣе 400 лампадъ и 150 свѣчей, въ паникадилахъ и кругомъ у иконъ въ два ряда. Вообще искусство освѣщенія у Грековъ—неподражаемо; кто видѣлъ этотъ храмъ и часовню Св. гроба въ ночь Свѣтлаго Христова Воскресенія, тотъ долженъ сознаться, что въ Іерусалимѣ буквально исполняются слова похвальной пѣсни: «нынѣ вся исполнишася свѣта», чему способствуетъ и усердіе и дешевизна ея.

Въ срединѣ церкви находится мраморная урна, которая по древнему преданію означаетъ центръ земли; мнѣніе сіе основано на словахъ псалма: «содѣлалъ спасеніе посреде земли», и на выраженіи нерѣдко встрѣчающемся у древнихъ церковныхъ писателей: «въ средоземіи,—въ Палестинѣ», что не противно и географическому ея положенію. Объ этомъ мнѣніи упоминаетъ и нашъ древній Паломникъ Даніиль, говоря: «и ту есть возлѣ стѣны за олтаремъ пупъ земный, создана же подъ нимъ камора, а горѣ написанъ Христосъ мусією, и гла-

голетъ грамота: се пядю моею измѣрилъ небо, а дланью землю».

Проводивъ читателей по святымъ мѣстамъ, находящимся въ храмѣ Воскресенія Господня, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ и самъ обошелъ ихъ въ первый разъ, — въ слѣдующей статьѣ сдѣлаемъ обзоръ исторіи сего храма.

А. Л—ъ.

ОПИСАНІЕ МОЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ

КЪ ЛИТОВСКИМЪ СТАРООБРЯДЦАМЪ ВЪ КОНЦѢ 1869 И ВЪ НАЧАЛѢ
1870 ГОДА (а).

---

4. Бесѣды съ раскольниками въ Новоалександровскѣ.

Продолжаю описаніе моего пребыванія въ Новоалександровскѣ. Присоединившіеся и желавшіе присоединиться новоалександровскіе старообрядцы очень желали, чтобы со мною поговорили отъ писанія безпоповскіе наставники, и просили ихъ придти ко мнѣ; но тѣ всячески уклонялись. Съ однимъ изъ наставниковъ новоприсоединенные встрѣтились разъ на торгу и зовуть его: «пойдемъ поговорить съ отцемъ Павломъ». — «Нѣтъ, говорить, — неиду». Они взяли его за руку и стали просить: «пожалуста пойдѣмъ». Наставникъ сказалъ: «я оторву руку, а не пойду». Такъ его и оставили. При встрѣчахъ на торгу завязывались бесѣды у присоединившихся съ безпоповцами. Разъ они спросили безпоповскаго начетчика: «писано есть въ Великомъ катихизисѣ, въ толкованіи стиха: *и во едину святую, соборную и апостольскую церковь*, что кромѣ церкви нѣтъ спасенія: «якоже бо (рече) «при потопѣ, вси, елицы съ Ноемъ въ ковчезѣ не бяху, истопоша: тако и въ день судный вси, иже нынѣ въ церкви

(а) Продолженіе. Начало см. въ іюньск. книжкѣ.

святѣй не будутъ, тѣи въ езеро огненное ввержени будутъ.» Какъ же вы безъ церкви мните спастися? Безпоповецъ отвѣчалъ: «у насъ есть церковь». Его спросили: «а гдѣ у васъ церковь?» Безпоповецъ отвѣтилъ: «я церковь. Апостоль пишетъ: *вы есте церкви Бога жива*». Одинъ изъ новоприсоединенныхъ, Михаилъ Черновъ, отвѣтилъ ему: «это апостоль писалъ къ Коринѣянамъ, въ зачалѣ 182, а въ зачалѣ 149 къ нимъ же пишетъ наставленіе о достойномъ приобщеніи тѣла и крови Христовы. Коринѣяне, какъ причастники тѣла и крови Господни, принявшіе Христа пречистыми Его тайнами внутрь себя, отъ апостола и удостоены симъ названіемъ: *вы есте церкви Бога жива*. Вы же, безпоповцы, пречистыхъ тайнъ тѣла и крови Господни не причащаетесь и Христа пречистыми своими тайнами въ васъ обитающа не имате, и потому отъ Коринѣянъ, которымъ писалъ апостоль: *вы есте церкви Бога жива*, столько же отличаетесь, какъ ваши неосвященные молельни отличаются отъ освященныхъ церквей, въ которыхъ есть престоль Божій и приносится безкровная жертва Богу. Итакъ ты не церковь, а развѣ только молельня, и слова апостольскія: *вы есте церкви Бога жива*, къ вамъ, безпоповцамъ, не относятся». Безпоповецъ возразилъ: «церковь не стѣны и покровъ». Ему отвѣтили: «не о стѣнахъ мы и говоримъ тебѣ, а о священствѣ Христопреданномъ и о тайнствахъ».

Въ другое время, безпоповцы, желая укорить присоединившихся, сказали: «у васъ въ церкви крестятся тремя перстами, во образъ Святыя Троицы: этимъ подается мнѣніе, акибы Святая Троица на крестѣ страдала. А Троица на крестѣ не страдала». Одинъ изъ новоприсоединенныхъ спросилъ тогда: «а вы, двумя перстами воображая на себѣ крестъ, вмѣстѣ съ сими двумя, развѣ не полагаете креста на себѣ и прочими тремя перстами, соединенными во образъ Святыя

Троицы»? Безпоповцы сказали: «трехъ перстовъ, сирѣчь большой и два малые, мы не прикладываемъ къ тѣлу; потому не можно сказать о насъ, что мы крестимся и тремя персты». Защитникъ православія отвѣтилъ имъ: «если такъ, — если по вашему мнѣнію въ двуперстномъ сложеніи тремя перстами не воображается крестное знаменіе, потому что они не прилагаются къ тѣлу, то значить, по вашему, въ воображеніи крестнаго знаменія только тѣ персты имѣютъ значеніе, которые прикасаются къ тому, что осѣняется крестнымъ знаменіемъ, и только тогда, когда прикасаются? Но вотъ священникъ, въ литургіи, благословляя святыя Дары, перстами къ нимъ не касается: значить, по вашему, онъ и крестнаго знаменія тогда не творить и таинство безъ крестнаго знаменія совершается? Еще въ старопечатномъ служебникѣ повелѣвается іерею, при концѣ литургіи, когда будетъ говорить: *благословеніе Господне на всѣхъ васъ*, обратясь на церковь (на западъ), рукою крестообразно осѣнивъ, благословить всѣхъ предстоящихъ: какъ же, по вашему, онъ можетъ благословить люди, когда перстовъ благословящей руки ни двухъ, ни трехъ, ни къ кому изъ предстоящихъ не прикладываетъ?». На это безпоповцы не нашли что отвѣтить.

И мнѣ случалось въ Новоалександровскѣ выходить на торгъ раза три: простой народъ съ вопросами такъ и обступаютъ толпой, а наставники стараются, какъ бы уклониться отъ бесѣды. На домъ же ко мнѣ приходили очень многіе. Одинъ изъ безпристрастныхъ старообрядцевъ — Ѳеодоръ Ивановъ Шлоцкій, человекъ лѣтъ шестидесяти, пришелъ въ праздникъ при народѣ, принесъ за пазухой цѣлую пачку выписокъ, и послѣ службы сталъ просить у меня на каждую выписку отвѣта. Перебравъ все до одной и получивъ отвѣты, онъ сказалъ: «у меня дома еще есть пачка; я принесу въ другой разъ». Въ слѣдующій праздникъ онъ дѣйствительно принесъ еще

нѣсколько выписокъ. Перебравъ все до одной и на каждую получивъ отвѣтъ, онъ сказалъ: «теперь у меня нѣтъ орудія противъ церкви, — палить не чѣмъ», — и присоединился къ церкви. И столько приходило съ вопросами и городекихъ и съ разныхъ деревень, то тѣ, то другіе, что я отъ продолжительныхъ бесѣдъ, по слабости моего здоровья, сталъ ослабѣвать уже силами, такъ что радъ былъ отправиться въ Королишки, куда обѣщаль пріѣхать на праздникъ Николая чудотворца.

Всего мы прожили въ Новоалександровскѣ недѣли три. Къ церкви присоединилъ я 54 человекъ. Выѣхали мы изъ Новоалександровска 27 ноября. Мы хотѣли нанять коней; но присоединившіеся намъ не дозволили этого сдѣлать, — говорятъ: «не стыдите насъ, отцы, чтобы вамъ нанимать лошадей: вы столько для насъ потрудились!» И предоставили намъ пару коней съ проводникомъ; а провожая насъ просили, чтобы ѣдучи назадъ изъ Вильны, не миновали ихъ, опять къ нимъ заѣхали.

5. Королишки; Харитонъ Памфиловъ: его бесѣда съ московскимъ безпоповскимъ наставникомъ и рассказы о безпоповцахъ; объясненіе съ королишковскими безпоповцами; присоединеніе жемъ Харитона Памфилова и другихъ; понятія безпоповцевъ о тайнѣ мѣропомазанія.

Пріѣхали мы въ деревню Королишки Вилькомирскаго уѣзда, — отъ города Вилькомира верстъ 20 съ чѣмъ-нибудь. Деревня эта небольшая, но знаменита у безпоповцевъ тѣмъ, что въ ней существуетъ около ста лѣтъ безпоповская моленная и при ней кладбище, на которомъ хоронятся богатые безпоповцы даже изъ города Вилькомира и дальше. Наставникъ королишковскій Василій Дарандовъ, присоединенный уже къ церкви священникомъ Алексѣемъ Троицкимъ, старый нашъ знакомый, давно ожидалъ насъ и принялъ съ великою радостію.

Отсюда, ни мало не медля, поѣхали мы къ купцу Харитону Григорьичу Шамфилову, верстѣ за тридцать отъ Королишекъ, на участокъ, гдѣ живетъ онъ съ сыномъ (а другіе три сына живутъ въ Вилькомирѣ),—поспѣшили такъ по случаю болѣзни его супруги, которую надлежало присоединить къ святой церкви. Харитонъ Григорьичъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, человѣкъ основательный, во всемъ краю извѣстный и уважаемый ради своей честности и степенства. Онъ уже присоединился къ церкви и присоединеніе его много имѣло вліянія на другихъ старообрядцевъ. И не просто, безъ изслѣдованія, присоединился онъ къ церкви, а ѣздилъ въ Москву, вскорѣ послѣ того какъ я переселился сюда изъ Пруссіи, ѣздилъ и въ Троицкую Сергіеву Лавру, вездѣ смотрѣлъ древнія рукописи, въ которыхъ свидѣтельствуется о имени Христа Спасителя *Иисусъ*, о троеперстїи, о трегубой аллилуйи и о прочихъ предметахъ, изъ-за которыхъ старообрядцы отдѣляются отъ святой церкви. Объ этомъ, изъ-за чего старообрядцы отдѣляются отъ церкви, спрашивалъ онъ не только своихъ мѣстныхъ наставниковъ, но и московскихъ. Одну бесѣду его съ этими послѣдними я опишу здѣсь.

«Когда мы прїѣхали въ Москву,—разсказывалъ Харитонъ Григорьичъ,—и осмотрѣли московскія древности, имѣлъ я заботу, какъ бы спросить московскихъ настоятелей, что они скажутъ мнѣ о винѣ нашего раздора съ церковію. Пошли на Преображенское кладбище (т. - е. бывшее женское отдѣленіе) пытать, кто тамъ больше всѣхъ знаетъ писаніе. Намъ сказали, что больше всѣхъ знаетъ отецъ Егоръ Гавриловъ, первенствующій наставникъ московскихъ безпоповцевъ. Нашли мы ходатая Осипа Андреева (племянника Алексѣю Михеичу, который жилъ въ Пруссїи). Осипъ принялъ въ насъ участіе, доложилъ Егору Гаврилову, и мы были допущены къ нему въ домъ. Я подумалъ: если буду спрашивать Егора Гаврилова

прямо о церкви, то ужь самымъ вопросомъ испугаю его и ничего мнѣ не скажетъ. Поэтому я завелъ бесѣду прежде о другомъ. Спрашиваю его: «Что, батюшка, у васъ принимаютъ ли женатыхъ на исповѣдь» (вужно сказать, что самъ Харитонъ съ юности своей бракоборство ненавидѣлъ)? Наставникъ отвѣчалъ: «Нѣту, какъ можно женатыхъ на исповѣдь принимать! Женатые явные блудники; блудниковъ безъ разбору принимать невозможно. А у васъ принимаютъ?» Я сказалъ: «А какъ же не принимать! Если человѣку внезапно приключится смерть, то безъ исповѣди долженъ человѣкъ погибнуть». Егоръ Гавриловъ отвѣтилъ: «у насъ дѣлають такъ: женатаго здороваго не исповѣдають, а захвораетъ, тогда его присоединимъ. Коли не поспѣетъ призвать отца (наставника), тогда кто тутъ прилучится, безъ различія мужескій полъ, или женскій, тому и покается. А если не прилучится тогда быть полновозрастному человѣку, а будетъ младенецъ, лѣтъ четырехъ или пяти, пусть у него попрощается»^(а). Я сказалъ: «коли младенцу покаяться, то что младенецъ можетъ понимать?» Онъ отвѣтилъ: «младенецъ хотя и не можетъ выговорить ясно: «Богъ простить», но когда во-

---

(а) Т.-е. «положить началъ». Началомъ зовутся у старообрядцевъ семь поклоновъ съ извѣстными краткими молитвами, положенные въ іосифовскихъ книгахъ приходящему въ церковь и исходящему изъ церкви, которые по сему именовались приходными и отходными. Нынѣ православные замѣняютъ ихъ тремя поклонами: о трехъ поклонахъ при входѣ въ церковь и при выходѣ изъ церкви пишется въ филаретовскихъ книгахъ. «Началомъ» семь входныхъ и отходныхъ поклоновъ старообрядцы зовутъ потому, что полагають ихъ при началѣ каждой службы. У беспоповцевъ, за неимѣніемъ священныхъ лицъ, могущихъ совершать священныя службы, «началомъ» замѣняются многія молитвы: отпадшаго присоединяють посредствомъ *начала*, вмѣсто огласительныхъ молитвъ къ крещенію—*началъ*, очистить родившую—*началъ*, всякое вообще дѣйствіе совершають *началомъ*.

воженъ при смерти у него попрощается и умереть, мы тако-го поминать будемъ; а ежели умереть ни у кого не попрощавшись, или попрощавшись у новожена, либо у замѣщеннаго (т.-е. ядущаго вкупѣ съ православными), поминать не будемъ». Выслушалъ я это, и вижу, что говоритъ неладно; однако смолчалъ; думаю, — стану я помаленьку приближаться, пытаться, что мнѣ нужно. «А какъ у васъ, батюшка, спрашиваю, объ Иліи и Энохѣ разумѣютъ, что они будутъ на землѣ чувственно, во плоти, или не будутъ?» Егоръ Гавриловъ всталъ и подвелъ меня къ окну, а въ окно видно православную церковь; онъ показалъ на нее рукою и говоритъ: «Ежели Илія и Энохъ еще не пришли, но придутъ чувственно, то никого ты не слушай и ни о чемъ не пытай, а поди прямо туда, въ церковь: она одна истинна; ни въ какомъ другомъ мѣстѣ спасенія не ищи. А мы полагаемъ: антихристъ—Никонъ; пророки же Илія и Энохъ въ Соловкахъ убиты». Я, выслушавъ это, подумалъ, какъ можно вѣрить, чтобы Никонъ былъ антихристъ! Писаніе повѣдаетъ антихристу царствовать только три лѣта съ половиною, и потомъ будетъ судъ; а тому, какъ былъ Никонъ, вотъ уже двѣсти лѣтъ. Антихристъ долженъ быть еврейнъ; а Никонъ былъ русскій. Антихристъ долженъ быть царь; а Никонъ былъ патріархъ, да и патріаршаго престола лишень. Нѣтъ, думаю, несправедливо разумѣете объ антихристѣ: а между тѣмъ сами говорите, что если объ антихристѣ и пророкахъ понимать не по вашему, то нужно великороссійскую церковь признать истинною церковію и къ ней идти! Объ этомъ вашемъ совѣтѣ, думаю, стоить размыслить. Тутъ Егора Гаврилова стали куда-то звать; да и намъ больше нечего было слышать отъ него, — такъ и разстались».

Разсказывалъ Харитонъ Григорьичъ и о своей супругѣ, какъ она увѣрилась о святой церкви. «Я, говоритъ, съѣздилъ

въ Москву, самъ посмотрѣлъ тамъ древнія книги и увѣрился; а жена, не умѣющая грамотѣ, все еще колебалась и рѣшилась съѣздить къ Лукъяну Иванычу, попытать его (а Лукъянъ Иванычъ знаменитый, первенствующій въ той сторонѣ безпоповскій наставникъ, поставляющій прочихъ наставниковъ). Пріѣхавши, жена спросила его: «что, батюшка, встарину-то причастіе было у насъ, или нѣтъ, и правду ли говорятъ, будто оно такъ нужно, что безъ него и спастись нельзя?»—Онъ отвѣтилъ: «правда, дочушка, и у насъ было въ старину причастіе; правда и то, что оно нужно: безъ него спастись нельзя».—Жена спросила: «а когда и у насъ было встарину причастіе, и оно такъ нужно, что и спастись безъ него нельзя, то почему же, батюшка, вы не сдѣлаете его?»—Лукъянъ отвѣтилъ: «намъ, дочушка, не дано то совершать».—Тутъ жена моя разсудила: безъ причастія спастись нельзя, а наши наставники, именующіе себя попами, преподавать его не могутъ: какіе же они попы и какая въ нихъ польза? Видно и вправду только въ одной церкви спасеніе. Такъ она и увѣрилась,—пожелала теперь присоединиться къ церкви. Мы затѣмъ и пріѣхали, чтобы посѣтить ее болящую и посоветоваться, когда совершить присоединеніе.

Приведу кетати, что разсказывалъ Харитонъ Григорычъ про своихъ дѣдовъ, какъ они сдѣлались раскольниками. Они происходили отъ православныхъ родителей и, когда жили въ Россіи, то принадлежали къ церкви. Потомъ ушли въ Польшу отъ господъ; а такъ какъ въ Польшѣ тогда русскіе люди были почти что все одни Ѳедосѣвцы, то и они перешли въ Ѳедосѣвство. Тоже мнѣ сказывалъ въ Ковнѣ почтенный старецъ Амосъ Петровичъ Ползуновъ, про своихъ дѣдовъ, что и они, когда пришли изъ Россіи въ тогдашнюю Польшу, были православные, а здѣсь перекрестились въ Ѳедосѣвство. Да и другихъ я спрашивалъ о томъ и отъ мно-

гихъ, знающихъ быть своихъ предковъ, слышалъ одно и то же, что дѣды ихъ были православные, а перешедши въ польскія владѣнія, все больше отъ господъ, и живя среди Ѳедосѣевцевъ, совсѣмъ не видя православныхъ, и сами дѣлались Ѳедосѣевцами. Такимъ-то путемъ Ѳедосѣевство больше и распространилось по Литвѣ, а не то, чтобы преклонило къ себѣ совершенствомъ своего ученія. Да даруетъ Господь, чтобы потомки возвратились къ правой вѣрѣ дѣдовъ своихъ! Отъ Харитона Григорьича слышалъ я также рассказы о обрядахъ, обычаяхъ, одеждѣ и прочемъ, бывшихъ въ употребленіи у литовскихъ безпоповцевъ встарину, но за множествомъ ихъ писать оставляю, да не утружу читателя. Упомяну только объ одномъ обрядѣ. «Бабу мою, рассказывалъ Харитонъ Григорьичъ, — положили въ гробъ съ крыльями». — «Какія это спрашиваю, крылья?» — «Такія, говоритъ, сшитыя изъ холста, длинныя и узкія, пальца въ два шириною, полосы отъ плечъ идутъ до самаго полу». — «Для чего же это дѣлали?» спросилъ я. — «А для того, чтобы этими крыльями, когда умереть человѣкъ, полетѣть ему на небо. Да и не только во гробъ такъ клали, старыя старухи и при жизни ходили съ такими крыльями».

Отъ Харитона возвратились мы въ Королишки, гдѣ и праздновали день святителя Николы. Народу въ часовнѣ было немало; а послѣ службы и послѣ обѣда поговорили довольно. Видя мое кроткое обращеніе, пришли ко мнѣ и закоренѣлые безпоповцы. «Мы, батюшка, къ тебѣ пришли: вы насъ не обидьте!» — Я спросилъ: «въ чемъ вы просите васъ не обидѣть?» — «Давотъ, говорятъ, моленну мы только выстроили, своими остатками усердствовали: а теперь ее у насъ отнимають на церкву». — Я отвѣчалъ: «это дѣло не мое; мое дѣло проповѣдывать слово Божіе, а то дѣло начальства.» — «Вамъ, говорятъ, лучше, какъ бы церковь была въ городѣ Вилькомирѣ; а здѣсь, въ Коро-

лишкахъ, насъ не тревожьте».—Я отвѣтилъ: «прихожане у насъ большею частію здѣсь: потому здѣсь же намъ нужно и церковь устроить. Да и удивляетъ меня, почему вамъ не хочется, чтобы наша церковь была здѣсь». Они сказали: «У насъ здѣсь моленная существуетъ больше ста лѣтъ и кладбище есть.»—«Да вы, говорю, молитесь сами по себѣ, и мы будемъ молиться сами по себѣ: чѣмъ же вамъ церковь-то наша будетъ мѣшать?»—Они отвѣтили: «ученые, грамотные люди всѣ перешли къ вамъ, да и еще переходятъ; а у насъ остаются малограмотные: ваши будутъ ходить къ намъ смотрѣть и будутъ смѣяться, что мы служить не умѣемъ».—Я сказалъ: «зачѣмъ смѣяться! смѣяться они не станутъ».—«Да намъ, говорятъ, и самимъ стыдно будетъ». Я отвѣтилъ: «Вотъ вы читать и служить не умѣете, а насъ поэтому изъ деревни гнать хотите: это тоже несправедливо». Потомъ я потребовалъ книги записныя, посмотрѣть, много ли кто изъ нихъ пожертвовалъ на построеніе моленной: по книгѣ нашлось ихъ жертвованій всего пятнадцать рублей. Я спросилъ ихъ: «можетъ въ книгѣ не все записано? Вы не больше ли жертвовали? Скажите теперь». Никакихъ еще жертвованій они не могли показать. Дѣйствительно, часовня въ Королишкахъ, весьма значительная, построена лѣтъ шесть тому назадъ, но не ихъ тщаніемъ, а тщаніемъ и трудами обратившагося къ церкви ихъ наставника Василія Семенова, который положилъ на нее всѣ свои силы, а чего недоставало, просилъ на сторонѣ. Итакъ о своихъ издержкахъ на часовню королишковскіе безпоповцы ничего не могли сказать; но хлопотать, чтобы въ Королишкахъ не было церкви, все-таки не переставали. Однако хлопоты ихъ успѣха не имѣли: преосвященный Іосифъ, епископъ Ковенскій, проникнулъ ихъ дѣли и остановилъ ихъ хлопоты; а тщаніе ея высокопревосходительства Екатерины Васильевны Потаповой о скорѣйшемъ

устроеніи единовѣрческой церкви въ Королишкахъ и совершенно пресѣкло имъ путь къ противодѣйствию сему святому дѣлу. На послѣдокъ же въ Королишкахъ осталось какихъ-нибудь два семейства, несогласныхъ къ соединенію съ церковію; а прочіе мало-по-малу просвѣщались свѣтомъ истины и начали присоединяться къ святой церкви.

Послѣ праздника Николы чудотворца мы опять ѣздили къ Харитону Григорьичу, по его требованію и 8 числа декабря мѣсяца, въ его домѣ, совершилъ я обрядъ присоединенія къ церкви надъ болящей его супругой. Тогда же присоединился одинъ его родственникъ пѣвецъ, по имени Θεодотъ, человѣкъ усердный къ церкви и начитанный. Отсюда заѣзжали въ Великую деревню, —отъ Королишекъ верстъ пять: здѣсь присоединилъ я еще одного молодаго человѣка, пѣвца Королишковской часовни, по имени Ивана. И всѣ домашніе въ семьѣ этого молодаго человѣка, —жена его, отецъ, братъ и прочіе, —также были увѣрены въ правотѣ церкви, и въ послѣдствіи присоединились; но теперь, вмѣстѣ съ нимъ, исполнить этого не рѣшились, —хотѣли сначала посмотрѣть, какъ я буду совершать надъ нимъ таинство муропомазанія. Вообще безпоповцы сѣверо-западнаго края, совершенія сей тайны никогда не выдавшіе, если и увѣрены въ правотѣ церкви и въ совершенной необходимости помазанія святымъ муромъ, однако опасаются приступить къ оному, пока не увидятъ разъ, или два, какъ оно исполняется надъ другими: отъ того и бываетъ, что въ иномъ семействѣ есть нѣсколько человѣкъ увѣренныхъ въ правотѣ церкви, и даже всѣ увѣрены, а желаніе присоединиться высказываетъ одинъ; когда же онъ присоединится, объявляетъ и еще одинъ, потомъ и другіе. Такъ постепенно ослабѣваетъ въ нихъ воспитанное безпоповствомъ отвращеніе къ тайнамъ святой церкви. Расскажу здѣсь кстати одинъ случай. Въ городѣ Новоалександровскѣ есть старушка Ульяна,

женщина неграмотная, но съ понятіемъ, набожная и любознательная, — кое-гдѣ по своимъ безпоповцамъ хаживала и выспрашивала о своихъ обрядахъ и обычаяхъ; много и меня спрашивала о святой церкви и тайнствахъ, напоследокъ сказала: «Я увѣрилась, что безъ церкви и безъ причастія святыхъ таинъ нельзя спастися; но боюсь мвропомазанія». — Я спросилъ: «Почему же ты боишься принять тайну мвропомазанія?» — «Я слышала, — говоритъ, что мвропомазаніе есть печать антихристова». — Я сказалъ: «Есть печать Божія, и есть печать антихристова. Печать антихристова будетъ имѣть въ себѣ имя антихриста, или число имени его; а печать Божія содержитъ въ себѣ имя Божіе. Мвропомазаніе и есть сія печать Божія, ибо во имя Святаго Духа совершается: ты и сама слышала, что въ мвропомозаніи говорятъ: *печать дара Святаго Духа*. Посему человекъ, не пріавшій помазанія святымъ мвромъ, незапечатлѣнъ Божіею печатію и спастися не можетъ». — Она сказала: «Ты, батюшка, не взыщи, что я такъ пытаю: вѣдь мы напуганы больно». Послѣ этого она уже неколебалась присоединиться къ церкви. Потомъ пришла присоединиться дочь ея и привела свою дочку, да подругу съ мужемъ и тремя дѣтьми.

6. Мѣстечко Яново; деревня Рымки; городъ Ковно; деревня Сали; погребеніе сутруги Харитона Григорыча; присоединенія; усердіе ищущихъ присоединенія.

Изъ села Великаго мы отправились въ Вилькомиръ, гдѣ въ наступившій недѣльный день я ходилъ въ православную церковь слушать литургію. Отсюда мы проѣхали въ мѣстечко Яново. Квартировали у Кондратя Новикова, давнишняго моего знакомаго. Ужь болѣе года, какъ онъ присоединился къ церкви; но сестра его, инокія Ироида доселѣ не была еще

убѣждена въ правотѣ церкви. Она—знаменитая у тамошнихъ безпоповцевъ начетчица и управляла уставомъ въ Рымковской моленной, гдѣ самый корень безпоповства по всей Ковенской и Виленской губерніи. Наконецъ, по милости Божіей, она познала истину, и я присоединилъ ее къ церкви, исповѣдалъ и пріобщилъ святыхъ таинъ. По моей просьбѣ Кондратій свозилъ насъ и въ деревню Рымки, — она версты двѣ отъ Янова. Собралось нѣсколько народу въ домѣ наставника. Я сталъ приводить изъ *Книги о вѣрѣ* доказательства о правотѣ церкви. Нѣкоторые сказали: «что же, — онъ намъ отъ нашихъ книгъ говоритъ; почему не слушать его!» — Наставникъ же рымковскій, желая отвлечь народъ, чтобы не слушали проповѣди Слова Божія, сказалъ: «Намъ весьма страшно, что у васъ съ еретиками, поляками и жидами, вмѣстѣ пьютъ и ѣдятъ». Я отвѣтилъ: «Вамъ кажется весьма страшнымъ даже ѣсть и пить съ еретиками, которые слову Божію противятся; а самимъ быть противниками слову Божію, не вѣрить ему и отвергать его силу не кажется страшнымъ: справедливо ли это?» Такъ поговоривши, мы разстались. Можно было примѣтить, что нѣкоторые изъ рымковскихъ безпоповцевъ вняли ученію Слова Божія.

Изъ Янова мы отправились въ Ковно, гдѣ праздновали Рождество Христово и Богоявленіе. Присоединенные священникомъ Троицкимъ исповѣданы мною и первый разъ пріобщились святыхъ таинъ. Вновь присоединилъ я тринадцать чело-вѣкъ. Былъ я въ ковенскомъ тюремномъ замкѣ по случаю исповѣди нѣкоторыхъ заключенныхъ; поговорилъ и съ заключенными безпоповцами: одинъ изъ нихъ, по его желанію, присоединенъ мною къ церкви. Ковенскіе новообратившіеся хорошо понимаютъ священное писаніе, знаютъ доказательства въ защиту церкви и любятъ вести съ безпоповцами бесѣды, которыя безъ пользы не остаются.

Не подалеку отъ города Ковны есть небольшая деревня Сали. Тамъ, у одного изъ жителей, именемъ Иларіона, есть сынъ Николай, человѣкъ хорошо начитанный, любитъ состязаться съ безпоповцами и легко ихъ побѣждаетъ, за что сподобился отъ нихъ и озлобленіе потерпѣть. Сальскіе просили меня побывать у нихъ,—и мы къ нимъ ходили въ субботу на воскресенье,—служили у нихъ вечерню, утреню и часы: весь народъ, кромѣ двухъ женщинъ, молился съ нами вмѣстѣ. Сальскіе объявили мнѣ, что все увѣрены въ правости церкви; а присоединеніе отлагаютъ до того времени, когда будетъ освящена въ Ковнѣ единовѣрческая церковь и дадутъ имъ священника: сальскіе, да и другіе старообрядцы того края опасались, что пожалуй не дадутъ имъ священника по ихъ обряду.

Въ Богоявленіе мы получили изъ Королишекъ письмо съ извѣстіемъ, что тамъ еще человѣкъ двадцать желаютъ присоединиться къ церкви: по этому случаю мы опять отправились въ Королишки. Только что успѣли пріѣхать, какъ насъ увѣдомили, что супруга Харитона Григорьича скончалась и насъ просятъ на погребеніе. Тутъ, на похороны, съѣхалось довольно народу—и православныхъ и безпоповцевъ; пріѣхали и Елванскіе. Нужно сказать, что это за елванскіе. Они были тоже безпоповцы, перелазскаго прихода, и большая часть изъ самаго селенія Перелазы,—все духовные дѣти наставника Мартемьяна Тихомирова. Когда, вскорѣ по моемъ выѣздѣ изъ Пруссіи, начались у литовскихъ безпоповцевъ разсужденія о церкви, они первые убѣдились въ ея правости и, призвавъ православнаго священника, присоединились къ церкви, въ числѣ болѣе полутораста человѣкъ. Правительствомъ раздавались тогда живущимъ въ Литвѣ земли: они выбрали себѣ мѣсто, называемое Елванки, и тутъ поселились. Изъ нихъ-то многіе пріѣхали къ Харитону Григорьичу

на похороны; съ прїѣхавшими безпоповцами начались у нихъ бесѣды о церкви. Елванскіе основательно отвѣчали на вопросы и ясно показывали неправоту раскола и истину святой церкви,—особенно двое изъ нихъ Ѡома и Корнилій. Я немного уснулъ; а народъ совсѣмъ не спалъ,—всю ночь проговорили о вѣрѣ и церкви. Для меня въ это время было много чувствительнаго сердцу,—и то, что я перваго покойника изъ дѣтей моихъ духовныхъ отпѣвалъ тогда по чину православному (при чемъ вспомнулъ и о первыхъ, мною отпущенныхъ въ расколѣ),—и то, что увидѣлся съ елванскими, присоединеніемъ которыхъ и прежде я утѣшался,—и то, что составилъ изрядный ликъ пѣвцовъ,—хорошо пѣли; а всего чувствительнѣе было, что все это стадо состояло изъ новообращенныхъ чадъ святаго церкви, и самъ бывшій ихъ пастырь съ ними, и что всѣ почти были мои первые знакомые и ученики... Когда я сталъ читать разрѣшительную молитву, было веліе молчаніе,—всѣ слушали внимательно, боялись проронить слово.

Здѣсь же утѣшилъ меня одинъ глухонѣмой, безпоповецъ перелазскаго прихода, Степанъ Михайловъ: пришелъ, кланяется и проситъ помазать его святымъ муромъ. Я подумалъ: вотъ и нынѣ сбываются словеса Христовы: *на судѣ азъ придохъ въ міръ, да невидящїи видятъ, и видящїи слѣпи будутъ* (отъ Іоанна зач. 35)! И сей, подобный евангельскому слѣпцу, глухой и нѣмой притекаетъ ко святой церкви; а зрящїи упорствуютъ. Не въ осужденіе ли онъ будетъ имъ на судѣ Христовомъ? Видя усердіе пришедшаго, я не усумнился принять его въ церковь; а онъ за вѣру свою удостоился въ послѣдствїи принять бїеніе отъ безпоповцевъ и тако злостраданіемъ засвидѣтельствовалъ свою вѣрность святой церкви.

По окончанїи погребальнаго пѣнія тѣло покойницы от-

правлено было въ Королишки, для преданія землѣ на тамошнемъ кладбищѣ. На другой день мы отдали ей и этотъ послѣдній долгъ. Когда возвратились съ кладбища, сынъ покойницы *Апелмсъ* желая сдѣлать для себя навсегда памятнымъ этотъ день погребенія матери, объявилъ, что желаетъ немедленно присоединиться къ церкви, — и желаніе его было мною исполнено. По совершеніи обряда въ королишковской моленной, когда іеродіаконъ, сопутствующій мнѣ, сталъ вписывать въ памятную книгу имя новоприсоединеннаго, я облокотился на столъ, отдохнуть немного, потому что утомился. Подлѣ меня стояла толпа народу, и я замѣтилъ, что изъ толпы одинъ молодой человекъ, смотря на меня, глубоко вздохнулъ. Это былъ одинъ изъ пѣвцовъ королишковской часовни — *Иларіонъ*, человекъ скромной по жизни. Я спросилъ его: «что ты, другъ мой, такъ крѣпко вздыхаешь»? Отъ этого моего вопроса у него слезы полились изъ глазъ. Это понудило меня еще больше его спрашивать, о чемъ онъ такъ сѣтуеть. Сквозь слезы едва онъ могъ объяснить, что очень желаетъ присоединиться къ святой церкви, да не позволяютъ родители. Я тогда же послалъ за его отцемъ и сталъ его просить, чтобы не стѣснялъ сына, дозволилъ бы ему вступить въ церковь. *Харитонъ Григорьичъ* помогъ мнѣ своими убѣжденіями, — и отецъ далъ согласіе. Прочіе королишковскіе крылошане въ это время уже сѣли за обѣдъ; но какъ только услышали, что *Иларіонъ* будетъ присоединяться къ церкви, сейчасъ же оставили обѣдъ и пришли въ моленную, чтобы быть свидѣтелями этого утѣшительнаго событія. Итакъ радостно совершилось его присоединеніе къ церкви, ибо всѣ его любили за его кротость.

Скажу здѣсь кратко объ усердіи къ святой церкви и другихъ присоединившихся. Той же королишковской часовни пѣвецъ *Иванъ* былъ на озерѣ, ловилъ рыбу, когда пріѣхалъ

священникъ Алексѣй Троицкій для присоединенія желающихъ ко святой церкви: услышавъ объ этомъ, Иванъ ту же минуту бросилъ мрежи, даже не вынулъ ихъ изъ воды, и побѣждалъ просить, чтобы священникъ присоединилъ его къ церкви. И тако Господь сподобилъ его быть подражателемъ евангельскихъ рыбаей, оставившихъ мрежи своя, дабы послѣдовать за Христомъ. Когда тотъ же священникъ Троицкій пріѣхалъ въ городъ Ковну, то два брата, одинъ 23 лѣтъ, а другой помоложе, объявили родителямъ, что желаютъ быть сынами святой церкви и идутъ присоединяться. Мать, ревнительница безпоповскаго ученія, взяла кочергу и стала бить ихъ по головамъ, избила до крови. Они поклонились отцу съ матерью до земли и явились прямо къ священнику, которымъ и были присоединены къ святой церкви. Старшему брату и послѣ много пришлось за приверженность къ церкви потерпѣть отъ родителей; наконецъ же они приняли сына въ милость и первую любовь. Во святомъ Евангеліи скажется о дѣтяхъ, принесенныхъ ко Христу и принятыхъ Имъ въ объятія. Думаю, что не зазрятъ меня, если скажу и объ усердіи дѣтей къ церкви Христовой. Братъ королишковскаго Ивана, упомянутаго выше, Евтихій, мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, вѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ просить, чтобы я присоединилъ его къ церкви. Говорю ему: «ты малолѣтень, я не могу присоединить тебя безъ воли родителей: поди, приведи отца, или мать, пусть они скажутъ, что дадутъ тебѣ позволеніе». Мальчикъ упросилъ свою мать и привелъ ко мнѣ: хотя еще сама она къ церкви не присоединилась, но просила меня принять ея сына, прибавивъ, что и сама по времени также надѣется вступить во святую церковь. Желая испытать усердіе мальчика, я опять сказалъ ему: «одного тебя присоединять не стану, а ты найди себѣ товарища, другаго мальчика: тогда присоединю обоихъ». Онъ пошелъ, хлопоталъ дня два, и по-

томъ привелъ сверстника, другаго мальчика, съ которымъ также пришла его мать ходатайствовать за него. Тогда я долженъ былъ покориться, видя ихъ усердіе, и отъ двухъ матерей принялъ приношеніе Богу.

Всѣхъ присоединенныхъ мною въ Королишкахъ было 25 человекъ. Изъ Королишекъ мы опять ѣздили въ Великую деревню, гдѣ присоединилъ я пять человекъ. Отсюда мы уѣхали опять въ городъ Вилькомиръ.

7. Вилькомиръ; Перелазы; Страшуны; поѣздка въ Вильну; бесѣда съ рымковскими безпоповцами; возвратный путь черезъ Ковну и Вильну.

Въ прежній разъ, какъ пріѣзжалъ я въ Вилькомиръ, случилось мнѣ посѣтить вилькомирскаго безпоповскаго наставника Потапія, во время его болѣзни; теперь же узналъ я, что Потапій воспользовался тѣмъ моимъ посѣщеніемъ, бывшимъ безъ свидѣтелей, и разглашаетъ, что на вопросы его я не далъ отвѣта и что онъ можетъ насъ сдѣлать безгласными. По сему случаю я послалъ къ Потапію моего спутника, іеродіакона Іоанна, съ другимъ постороннимъ человекѣмъ, звать на бесѣду при свидѣтеляхъ, въ народномъ собраніи. Потапій хорошо понималъ, что при постороннихъ людяхъ ему нельзя будетъ провозгласить себя нашимъ побѣдителемъ, что скорѣе самъ можетъ остаться безотвѣтнымъ въ бесѣдѣ, и потому началъ отказываться отъ приглашенія. «Для меня, говоритъ, не нужно никакой бесѣды; я въ своемъ во всемъ увѣренъ». Отецъ Іоаннъ отвѣтилъ ему: «хотя бы для васъ и не нужна была бесѣда, да для другихъ нужна: вы не должны скрывать истину, ежели имѣете ее». Потапій еще сказалъ: «Когда насъ, русекихъ, приводили въ вѣру, то положили Евангеліе въ огонь. Такъ и нынѣ: ежели хочетъ отецъ Павелъ меня увѣрить, пусть положитъ Евангеліе въ огонь, и

когда не сгоритъ, тогда повѣрю». На это іеродіаконъ Іоаннъ отвѣтилъ ему: «Тогда, при введеніи у насъ православной вѣры, нужно было для увѣренія людей класть въ огонь Евангеліе, потому что русскіе еще не вѣрили въ Евангеліе; намъ же, вѣрующимъ въ Евангеліе, должно слѣдовать Евангелію, въ немъ искать истины; а въ огонь класть его зачѣмъ? Развѣ и ты не вѣришь Евангелію, какъ не вѣрили наши предки—язычники?» Такъ и не пришелъ Потапій къ намъ на бесѣду; мало того, опасаясь, какъ бы мы сами съ народомъ не пришли къ нему, прислалъ ко мнѣ сноху свою сказать, чтобы мы къ нему не ходили, что бесѣдовать онъ не станетъ.

Изъ Вилькомира, по приглашенію перелазскаго наставника Мартеміана Тихомирова, отправились мы къ нему въ Перелазы. Мартеміанъ Аванасьевъ, такъ много потщавшійся въ обращеніи другихъ, самъ еще не былъ присоединенъ къ церкви, и пригласилъ насъ именно за тѣмъ, чтобы совершить надъ нимъ обрядъ присоединенія. Для этого онъ избралъ день годичнаго поминовенія своей матери и пригласилъ на поминальный обѣдъ своихъ бывшихъ прихожанъ, чтобы видѣли его присоединеніе къ святой церкви. Въ назначенный день, 19 января, при многихъ свидѣтеляхъ, я присоединилъ его надлежащимъ чиномъ; вмѣстѣ съ нимъ присоединились еще десять человекъ изъ бывшей его паствы, но не перелазскіе жители. Я говорилъ уже, что изъ перелазскаго прихода, по убѣжденію и вліянію наставника Мартеміана и брата его Павла Аванасьева, весьма много безпоповцевъ присоединилось къ церкви, около двухъ сотъ душъ. Изъ деревни Перелазъ всѣ присоединившіеся вышли вонъ и поселились въ другихъ мѣстахъ (большая часть на Елванку). За то оставшіеся въ Перелазяхъ безпоповцы уже такъ ожесточились, что желающимъ присоединяться бѣднымъ людямъ всячески въ томъ препятствуютъ, лишая всякихъ способовъ къ

прожитію; многіе бѣдныя люди, живущіе у нихъ въ пожильцахъ, и желали бы вступить въ церковь, да боятся, что ихъ выгонять вонъ изъ деревни. Одинъ изъ такихъ бѣдняковъ, изъявившій желаніе присоединиться къ церкви, хотѣлъ присоединить и дѣтей своихъ; но жена его пришла въ отчаяніе, говоритъ: «куда мы денемся! теперь зима; а насъ выгонять вонъ и воды изъ колодца почерпнуть не дадутъ!» Упомяну еще объ одномъ примѣчательномъ случаѣ. Когда новоприсоединенные выселились изъ Перелазъ, а наставникъ Мартеміанъ остался въ деревнѣ, то ожесточенные безпоповцы и его придумали выгнать, хотя онъ еще принадлежалъ къ ихъ обществу. «Ежели не выгонимъ его, онъ будетъ насъ беспокоить, все будетъ толковать о церкви: онъ съ братомъ всему вина, столько душъ перевели въ церковь!» Такъ рассуждали перелазскіе безпоповцы и условились, чтобы въ такой-то день, послѣ обѣда, выгнать Мартеміана изъ моленной и ихъ деревни. Что же? Въ тотъ самый день, во время обѣда, появилась надъ деревней грозовая туча, ударилъ громъ и сожегъ моленную и при ней общественный домъ, а избушка наставника, стоявшая неподалеку, осталась невредима. Въ ней и прожилъ Мартеміанъ Аванасьевъ до самаго присоединенія своего къ церкви и перехода въ Ковну, гдѣ состоитъ теперь священникомъ при единовѣрческой церкви. Перелазскимъ безпоповцамъ помогаетъ тѣснить желающихъ присоединенія и управляющій тѣмъ имѣніемъ полякъ; надѣясь на его защиту, они у самого наставника отняли своевольно и покосили нанятые имъ луга. Этотъ управляющій совѣтовалъ Мартеміану не начинать дѣла о присоединенія къ церкви: «погодите, говорилъ, какихъ-нибудь два года: тогда возьмете священство отъ Рима.»

Изъ Перелазъ мы заѣзжали въ Елванки, а отсюда елванскіе отвезли насъ на своихъ коняхъ въ деревню Страшуву,

Трокскаго уѣзда Виленской губерніи. Здѣсь много желающихъ разсуждать о святой церкви, и потому я прожилъ въ Страшунахъ цѣлую недѣлю. Въ прилучившіеся праздники народъ сходилъ къ намъ на службу почти со всей деревни, — вмѣстѣ и молились; пріѣзжали и сторонніе посѣтить насъ и побесѣдовать. Наконецъ, страшунскіе объявили, что они совершенно увѣрились въ правотѣ церкви; нѣкоторые даже теперь изъявили желаніе присоединиться; но прочіе удержали ихъ: «погодите, — говорятъ, — когда намъ поставятъ священниковъ, тогда присоединимся всѣ вмѣстѣ.»

Отсюда мы ѣздили по желѣзной дорогѣ въ Вильну, къ преосвященному Іосифу, викарію литовскому, просить его преосвященство о поставленіи священниковъ на три единоувѣрческіе прихода, которые предположено было открыть въ Ковнѣ, Новоалександровскѣ и Королишкахъ. Королишковскіе выбрали въ священники къ своей церкви бывшего наставника своего Василя Дарандова; новоалександровскіе также своего наставника Артемія Сухорукова, а ковенскіе перелазскаго наставника Мартеміана Тихомирова. Я зналъ, что всѣ эти люди весьма достойны такого избранія и съ своей стороны радъ былъ ходатайствовать предъ духовнымъ начальствомъ о возведеніи ихъ въ священныя степени, питая надежду, что попечительные и просвѣщенные архипастыри не откажутъ намъ въ нашей просьбѣ. И какъ было, въ самомъ дѣлѣ, не исполнить прошенія народа, желающаго имѣть священниками тѣхъ самыхъ наставниковъ, которые такъ много потрудились надъ ихъ обращеніемъ къ церкви, къ которымъ они привыкли и полное имѣютъ довѣріе, которыхъ жизнь и добрая нравственность имъ извѣстна! Правда, выборъ священниковъ изъ числа новообращенныхъ не всегда бываетъ удаченъ, а тогда лишь, когда новообратившійся къ единоувѣрію и хотящій поставитися во священство, при скромной жизни, настолько просвѣщен-

ныя имѣеть понятія, что не питаетъ слѣпаго пристрастія къ своимъ только обрядамъ, напротивъ, будучи вполнѣ увѣренъ въ правотѣ догматовъ и таинствъ святой церкви, достойно чтить и содержимые ею обрядовые обычаи, будучи вполнѣ преданъ святой церкви, съ истинною любовію относится къ ея іерархіи и священству. Что три наставника избранные на священство, именно таковы, въ этомъ я былъ совершенно увѣренъ и тѣмъ съ большей готовностію взялся объ нихъ ходатайствовать. Итакъ, заручившись полномочіемъ отъ общества, я отправился въ Вильну. Преосвященный Іосифъ милостиво меня принялъ, и благосклонно выслушавъ просьбу, потребовалъ отъ меня показанія о тѣхъ лицахъ, за которыхъ просили общества; затѣмъ немедленно послалъ объ нихъ представленіе въ Петербургъ къ преосвященнѣйшему архіепископу Макарію, отъ котораго вскорѣ послѣдовало архипастырское утвержденіе нашей просьбы. Въ настоящее время, какъ извѣстно, три названныя выше лица уже поставлены во священники и трудятся на пользу душевную своихъ пасомыхъ въ званіи истинныхъ и законныхъ служителей престола Божія.

Изъ Вильны я возвратился въ деревню Страшуны; страшунскіе отвезли насъ въ Яново, откуда мнѣ нужно было перваго февраля явиться въ Рымки, ибо мы условились съ рынковскимъ безпоповскимъ наставникомъ Саввою сойтись въ этотъ день для бесѣды, на которую онъ обѣщалъ пригласить и Лазарскаго первенствующаго ихъ настоятеля Лукьяна, — это обѣщаль онъ сдѣлать не по собственному своему желанію, а по нашей просьбѣ, въ которой отказать намъ постыдился. Перваго февраля мы пришли въ рынковскую моленную; но оказалось, что Лукьянъ не пріѣхалъ, даже, какъ мы слышали, и рынковскимъ совѣтовалъ спрятаться, не ходить на бесѣду. «Если мы, — говорилъ, — явимся на бесѣду, а на вопро-

сы ихъ отвѣтить не сможемъ, то послѣ и съ народомъ говорить будетъ намъ трудно, — скажутъ: почему вы тогда замолчали, и отвѣта не дали? А ежели не пойдемъ на бесѣду, то можемъ и послѣ безъ сумнѣнія учить народъ». Но рынковскіе наставники не послушали Лукьяна, — скрыться не захотѣли. Да они и безъ этого могли отказаться отъ бесѣды—своимъ неученіемъ; а Лукьяну такъ поступить, предъ всѣми сознаться въ невѣдѣніи, было бы стыдно. Въ часовнѣ служили часы. Помолившись, когда кончилась служба, я поздоровался съ народомъ и началъ говорить ему отъ писанія о святой церкви. Наставники возразить ничего не могли, — все молчали; народъ самъ вступилъ въ бесѣду, и потому въ порядкѣ, безъ шума, бесѣда идти не могла. Когда народъ зашумитъ, я попрошу уняться; уймется, — я начну читать имъ и говорить; послушаютъ, — и опять зашумятъ. Такъ было многократно. Нѣкоторые шумѣли нарочно съ тою цѣлю, чтобы помѣшать мнѣ говорить. Даже самъ наставникъ началъ ихъ унимать, чтобы держали себя чинно. Это ихъ разсердило, — нѣсколько женщинъ подбѣжали къ наставнику и за полу потащили его изъ часовни: едва могъ упроситься, чтобы оставили, и все-таки пригрозили, что не забудутъ ему этого, за чѣмъ унималъ ихъ. Между прочимъ показали мнѣ подложную священническую присягу, составленную акибы при патріархѣ Іоакимѣ. Я сталъ доказывать, что такой присяги никогда церковь не издавала, и напечатанной акибы при патріархѣ Іоакимѣ совсѣмъ нѣтъ, а тетрадка, показанная ими, есть подложное сочиненіе, — и сталъ указывать признаки подложности. Николай, что изъ деревни Сали, подошелъ ко мнѣ, и поглядѣвши тетрадку хотѣлъ говорить. Но только что началъ, какъ народъ кинулся на него, схватили и потащили вонъ, — сзади, кажется, и ударили разъ-другой. А Николай еще изъ первѣйшихъ прихóжанъ рынковской часовни и значительный жерт-

вователь. Я спросилъ: «за что вы парня такъ обижаете?»— «Онъ, — говорятъ, — при разговорѣ о церкви никогда не дастъ намъ ходу, — все защищаетъ церковь». Я сказалъ: «если вы правы, докажите ему отъ писанія, и онъ васъ послушаетъ.»— «Онъ больно уменъ, — говорятъ, — противъ него мы отвѣчать не сможемъ.» Николай между тѣмъ, не желая лишиться бесѣды, опять взошелъ въ часовню и сталъ на своемъ мѣстѣ. Тутъ одинъ изъ народа сказалъ: «Отче, писано есть: не сыпте бисера предъ свиніями, да не поперутъ е ногами; что вы намъ проповѣдуете? Мы все потопчемъ!»— Это сказалъ онъ для того, чтобы понудить меня прекратить бесѣду. Я отвѣчалъ: «Друзья мои! Зачѣмъ вы хотите уподобляться свиніямъ! Я думаю, напротивъ, что вы разумное Божіе созданіе, могущее понимать Слово Божіе: потому и бесѣдную къ вамъ». И хотя съ немалою трудностію, однако самонужнѣйшее я прочелъ имъ и разъяснилъ. Наконецъ, въ заключеніе бесѣды, я сказалъ рымковцамъ: «Ваша моленная въ здѣшнемъ краю составляетъ корень старообрядства, и я прежде, когда еще былъ безпоповцемъ, въ вашей моленной, при стеченіи народа, говаривалъ не въ пользу церкви; но когда позналъ я, что православная греко-россійская церковь никакой ереси не имѣетъ, то почелъ себя обязаннымъ сказать вамъ истину, дабы вы на будущемъ судѣ Христовомъ не обвиняли меня, что съ проповѣдью въ пользу раскола я приходилъ къ вамъ, а истину Евангелія умолчалъ». Они отвѣтили: «вы намъ сказывали, что писано въ Евангеліи, и вы не будете виноваты, что мы не хотимъ покориться: эта вина пусть будетъ на насъ и на чадѣхъ нашихъ до вѣка». — «Не разумно, безъ разсужденія вы такъ говорите, — замѣтилъ я, — на себя и на дѣтей своихъ берете такой грѣхъ, чтобы не слушать Евангелія! И зачѣмъ на дѣтей своихъ налагаете клятву? Богъ дастъ, они можетъ быть сдѣлаются усердные послѣдователи Евангелія!» По окончаніи бесѣды мы возвратились въ

Яново къ Кондратію, у котораго и въ этотъ разъ имѣлъ я пристанище. За обѣдомъ я сказалъ Николаю: «ты всѣхъ насъ счастливъ: мы не сподобились изгнаны быть за правду, а ты и бѣненіе получилъ». На другой день рымковскіе опять на него напали. Онъ пошелъ на торгъ, вмѣстѣ съ Павломъ Аванасьевымъ, братомъ Мартеміана, и Ковенскимъ Корвиліемъ (оба пріѣзжали нарочно, чтобы участвовать на бесѣдѣ въ Рымкахъ): здѣсь рымковскіе обступили его и начали ругать всячески. Николай сказалъ имъ: «теперь браниться-то вы сильны; а вотъ еслибы вы сильны были Словомъ Божиимъ, это было бы хорошо!»

Надлежало мнѣ подумать о возвращеніи въ Москву, въ свою обитель. Сначала я заѣхалъ въ Ковну поблагодарить его сіятельство ковенскаго губернатора князя А. М. Оболенскаго за его покровительство и содѣйствіе устроенію единовѣрческихъ церквей, ибо онъ обращенію безпоповцевъ весьма сочувствовалъ. Изъ Ковны отправился въ Вильну. Здѣсь подалъ преосвященному Юсіфу донесеніе о присоединенныхъ мною къ святой церкви и просилъ владыку отпустить меня въ обратный путь, а спутнику моему Іоанну дозволить, проводивши меня до Пскова, паки возвратиться въ Виленскую епархію и побыть здѣсь для обученія новообратившихся клиросной службѣ, на что онъ и соизволилъ. Предъ отъѣздомъ изъ Вильны я былъ у краеначальника, его высокопревосходительства А. Л. Потапова. Изволилъ принять милостиво и спрашивалъ, сколько присоединилось и сколько желающихъ присоединиться, и обѣщалъ имъ свое покровительство. Тутъ его высокопревосходительство сказалъ мнѣ также, что на двѣ церкви — королишковскую и новоалександровскую отпущено правительствомъ пять тысячъ рублей, а на церковь новоалександровскую не отпущено, потому что петербургскіе единовѣрцы обѣщались построить ее на свой счетъ, о чемъ у его

высокопревосходительства есть собственноручное письмо петербургскаго кушца Мартынова. Были и у князя П. Р. Багратиона, который весьма внимательно и подробно разспрашивалъ меня о моей поѣздкѣ къ старообрядцамъ и вообще о старообрядчествѣ въ литовскомъ краѣ. На другой день по совѣту и благословенію преосвященнаго Іосифа, ходилъ я вмѣстѣ съ назначеннымъ во священники въ Королишки Василюмъ Дарандовымъ къ ея высокопревосходительству Е. В. Потаповой, въ предполагаемыя къ устроенію церкви попросить иконъ, изъ числа пожертвованныхъ для сѣверозападныхъ церквей. Ея высокопревосходительство приняла насъ милостиво, сама потрудила показать намъ иконы и сказала: выбирайте любыя, сколько нужно. Я выбралъ въ три церкви по три иконы, весьма хорошія, нѣкоторыя и въ окладахъ. А въ королишковскую церковь Екатерина Васильевна изволила пожертвовать дароносицу серебрянную позлащенную, весьма хорошей работы, сдѣланную изъ выжиги съ эплетъ супруга, за котораго и просила молиться. Общала также похлопотать о скоромъ устройствѣ церквей, — и попеченіемъ ея высокопревосходительства тогда же начали дѣлать иконостасъ въ королишковскую церковь, также во всѣ три церкви выдано по два облаченія и серебрянные вызолоченные сосуды. Наконецъ я пришелъ принять напутственное благословеніе у преосвященнаго Іосифа: онъ благословилъ меня святою иконою отъ мощей виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія и отпустилъ меня съ миромъ и благожеланіями.

Изъ уменъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря Священноинокъ Павелъ.

(Окончаніе будетъ).

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ ИЛИИ ПРОРОКА.

Въ сей день памяти пророка Божія Илиі, великаго о законѣ Божіемъ ревнителя и обличителя неправдъ, воспоминаю я свое бывшее въ едосѣвствѣ великое закону Божію сопротивленіе и возскорбѣлъ о первомъ своемъ заблужденіи. О бывшихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ всегда нужно поминать и скорбѣть, хотя они обратившемуся ко св. церкви, по данной ей власти вязать и рѣшать, прощены; но всегда сокрушаться о первыхъ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ по небреженію моему забываю, а въ сей день они ясно возобновились въ памяти моей по причинѣ одного воспоминаемаго нынѣ, обличеннаго пророкомъ законопреступленія, которому мои преступленія были подобны. Ахаавъ, израильскій царь, былъ современникомъ Илиі пророка; близъ дому царева былъ виноградъ Навуея, и восхотѣлъ царь виноградъ той купить у Навуея, и сказалъ ему: даждь мнѣ за цѣну виноградъ твой, и я на томъ мѣстѣ сдѣлаю вертоградъ зелій, т.-е. огородъ. Навуея же не захотѣлъ продать винограда своего царю, потому что виноградъ сей былъ наслѣдіемъ отцовъ его, — и оскорбился Ахаавъ царь, что Навуея не продалъ ему виноградъ, и отъ печали не ялъ хлѣба; и сказалъ о томъ Іезавели женѣ своей. Она же, услышавъ то, сказала Ахааву: «Ты

ли нынѣ твориши тако царю израилевъ? Не скорби, я сдѣлаю, что виноградъ будетъ твой»; и написала она письмо отъ лица царева къ живущимъ съ Навуѳеємъ старѣйшинамъ съ повелѣніемъ имъ назначить постъ, а противъ Навуѳея поставить клеветниковъ, что онъ не постился и этимъ не почтилъ Бога и царя, и за то его осудить на смерть. Повелѣніе было исполнено и Навуѳей былъ побить каменіемъ: и такъ посту тому конецъ совершился убійствомъ и кровію. О семъ постѣ днесъ и церковь воспоминаетъ на обличеніе Ахааву, — тако глаголя: «о постъ исполнь крове и беззаконія!» (на литіи славникъ). И послалъ Богъ Ілію пророка обличить неправедное убійство, и изрещи судъ на убійцу, что такожде будетъ пролита и его кровь и пси полижутъ ю, и въ крови его блудницы измыются (3 Царствъ гл. 21 и 22 ст. 38). Что же это законопреступное дѣяніе мнѣ напоминаетъ, скажу теперь. Ученіе еодосѣвскаго согласія, въ которомъ я родился, состоитъ въ томъ, что нынѣ время послѣднее есть, что наступило царство антихристово, что въ сіе плачевное время никакъ не должно быть браку, но неотмѣнно должно поститься отъ дѣторожденія, что хотя можно жить и въ городахъ, наживать богатство и вести торговлю, но все-таки должно жить дѣвственно, а брачиться нынѣ дѣло законопреступное. Такое ученіе я по неопытности своей, или иначе сказать, по надменности разума, съ великою ревностію распространялъ въ молодомъ поколѣніи, говоря: нынѣ такое время, что и въ мірѣ живущимъ брачиться невозможно, но возбранено. Я хотя и читалъ Евангеліе, но не внималъ евангельскому ученію глаголющему о дѣвствѣ: *яко не вси вмѣщаютъ словесе сего* (отъ Мат. зач. 78), и говорилъ о сихъ словахъ евангельскихъ (какъ и всѣ еодосѣвцы говорятъ), что слѣдовать симъ словамъ евангельскимъ нынѣ не время, нынѣ должны всѣ вмѣщать безбрачную жизнь. Мимо ушей моихъ безъ

вниманія проходили и сіи слова Христовы, яко (только) въ *воскресеніе мертвыхъ ни женятся, ни посвягаютъ* (отъ Мат. зач. 102). Не внималъ я и апостольскому законоположенію и разсужденію о бракѣ, что бракъ избавляетъ, отъ блуда, что *блудодѣяннїя ради* (т.-е. еже не впасти кому въ блудъ) *каждо свою жену да иматъ, и какаждо жена своего мужа да иматъ* (къ Коринѣ. зач. 136). Не внималъ я, хотя и читалъ, словамъ вселенскаго учителя Іоанна Златоустаго, повелѣвающаго родителямъ дѣтей своихъ въ сохраненіе цѣломудрїя бракомъ совокупляти (на посланіе къ Солунянномъ правоученіе пятое, и къ Тимоѣюе первое правоученіе). Не внималъ я и сему наказанію св. Златоуста, яко блудъ убійство родить, и убійство презлѣйшее, что тамъ бываетъ прежде рожества убійство (На посланіе къ Римлянномъ правоученіе двадесять четвертое). Слѣдуя еѣдосѣвскимъ учителямъ, я мнилъ, что возможно весь міръ, всю вселенную подклонить подъ одно безбрачное узаконеніе и отъ брачнаго пути отклонить; я, съ еѣдосѣвцами, покушался удержати и остановить великую рѣку всемірнаго, Богомъ уставленнаго чадорожденїя. Теперь, еслибы я самъ не былъ въ этомъ заблужденїи, кажется трудно 'было бы вѣрить, что можетъ человѣкъ впасть въ такое помраченіе. Но когда Богъ началъ изливать на меня обильную Свою милость, и просвѣщать потемненную душу мою свѣтомъ Евангелїя, тогда я началъ разсуждать такъ: когда Творецъ природы нашея, создавый на единѣ сердца наша, глаголетъ о дѣвствѣ, яко не вси вмѣщаютъ сего, то но противоборствуемъ ли мы Творцу, если противимся Его законоположенію? Апостоль Павель, емуже поручена вселенная, иже восхищенъ бысть до третїаго небесе, мірянамъ во избѣжаніе блуда бракъ законополагаетъ, и нынѣ живущіе въ мірѣ тоуже немощію обложени и во огражденіе отъ блуда такожде брака требуютъ; но мы справедливо ли

поступаемъ, что выше апостольскаго закона своемысленно законы полагаемъ? И по отнятіи брака, по словамъ св. Златоуста, не родятся ли блуды, а отъ блуда, по словамъ его же, не происходятъ ли убійства? Въ таковыхъ моихъ размышленіяхъ мнѣ невольно пришла на умъ нынѣ пѣваемая церковная пѣснь: «о постѣ исполнь крове и беззаконія!» И дѣйствительно, размышляя я, невольно узаконенный еедосѣевскими наставниками брако-отметательный постѣ не оканчивается ли, по выше приведеннымъ свидѣтельствамъ, пролітіемъ крове и всякимъ беззаконіемъ? И я хотя не изощряю меча и не пронзаю гортани отрочатомъ, но возбраняя бракъ, не причастенъ ли происходящему отъ такого ученія грѣху убійства? И такъ разсуждая, благодареніе Богу, по милости Его избавился я отъ бывшія во мнѣ не по разуму ревности. — Притомъ во мнѣ возникло второе недоумѣніе: если наши предки, убѣгая ереси (такъ мыслилъ я о соборной св. церкви), страдали, кровь проливали за истину, то почему страданіе ихъ и терпѣніе такой худой плодъ бракоборства принесло? Неужели на нихъ сбываются словеса св. апостола Павла, что въ послѣднія дни отступятъ нѣщы отъ вѣры, возбраняюще жениться, и удаляющесея отъ брашенъ, созданіе Божіе осквернено глаголюще? Хотя еедосѣевцы, филиповцы, аристовы и подпольники и бракоборствуютъ, хотя филиповцы мясо ѣсть и возбраняютъ, хотя еедосѣевцы всѣ въ западномъ краю хмѣль дьявольскимъ твореніемъ быти глаголютъ и нѣтовщина кортофель дьявольскимъ твореніемъ быти мудрствуетъ, хотя и въ поповщинѣ подобныхъ тому толкованій довольно: но какъ же сіе апостольское пророчество объ отступленіи отъ вѣры можетъ сбыться на насъ? Мы, кажется, отъ вѣры не отступали. И недоумѣнное пребысть недоумѣннымъ, до времени, пока даль Богъ узрѣть правоту непорочныя православныя церкви и убѣдиться въ неправильномъ отъ нея отступленіи глаголемыхъ ста-

рообрядцевъ. Тогда я увидѣлъ, что глаголемые старообрядцы отступили и отъ вѣры, ибо явились противниками евангельскаго ученія о тайнахъ тѣла и крове Господни и о вѣчности церкви. Мудрено ли, что за симъ отступленіемъ отъ истины евангельской послѣдовали другія, — какъ бракорство и прочія нечестивыя хуленія на тварь Божию? Богу благодареніе, поставившему ноги моя во дворѣхъ Іерусалима. Аминь.

Священноинокъ Павелъ.

КОНДАКИ СВ. РОМАНА СЛАДКОПЪВЦА

на Преображеніе Господа нашего Иисуса Христа.

Акростихъ: *Εἰς τὴν μεταμορφωσιν* (на Преображеніе) (а).

На горѣ Ты преобразился и, сколько вмѣщали, ученики Твоя славу Твою, Христе Боже, увидѣли, для того, чтобы когда узрять Тебя распинаемымъ, уразумѣли, что Ты по произволенію страдаешь, и міру проповѣдали, что Ты воистину Отчее сіяніе.

(*Εγερθητε*) Возстаньте лѣнныя, всегда по землѣ пресмыкающіеся и къ землѣ склоняющіе душу мою помыслы, подвигнитесь и поднимитесь на высоту божественнаго восхожденія. Притечемъ къ Петру и къ сынамъ Зеведеевымъ, и купно съ ними достигнемъ Фаворской горы, да увидимъ съ ними славу Бога нашего и услышимъ гласъ, который они услышали свыше и проповѣдали Отчее сіяніе.

(*Ἰδοὺ*) Се время праздника; шествуютъ съ нами и чинно предходятъ ревностные созерцатели Божественныхъ поистинъ зрѣлищъ, люди Господа избранные. Итакъ выберемъ всѣ прямую стезю евангельскую, правымъ шествуя путемъ. Ибо

(а) Переводъ съ греческаго рукописнаго Кондакаря, хранящагося въ московской Синодальной библіотекѣ.

тамъ ясно открываются спасительныя шествія самого Бога, оттуда явилось и возсіяло Отчее сіяніе.

(Σαρως) Ясно Матѳеѣи и Маркъ и Лука повѣтствуютъ намъ въ своихъ писаніяхъ о страшномъ и Божественномъ преображеніи. Послушаемъ нынѣ, что говорятъ они. Ибо послѣ пламеннаго дерзновенія и исповѣданія Петра вводятъ они Владыку говорящимъ: пострадать Мнѣ должно и умереть, и Я сего желаю, и незаконныя какъ вѣтры приразятся ко Мнѣ, но не погасятъ Отчее сіяніе.

(Γαϛ) Итакъ ничто да не смущаетъ сердце вашихъ, ибо Я, желая отдать душу Мою за всѣхъ, могу и положить ее и взять ее; если же не восхожу, никто не удержитъ; если не повелю, не осмѣлятся подойти ко Мнѣ смерть, плотию уловлю ее, — устремится она и попадетъ въ сѣти, тростию сокрушится, адъ опустѣетъ, когда приметъ Отчее сіяніе.

(Η κτισις) Тварь вся возвѣститъ творцемъ своимъ Меня, сущаго на престолѣ и крестѣ, и тогда видя землетрясеніе и прочее при семъ происшедшее, вмѣстѣ съ разбойникомъ возгласитъ сотникъ: Божій Сынъ воистину, волею страждетъ; и нечестивый народъ если и будетъ скрежетать зубами, но умягчится. Итакъ если кто любитъ Меня, пусть возьметъ крестъ свой и послѣдуетъ за Мною, ибо хотя убиваютъ, падаютъ и возстаютъ Отчее сіяніе.

(Νου) Но уже и теперь, хотя и прежде времени, Я показываю вамъ свойство Мое, дабы вы имѣли дерзновеніе, потому что Я Божій Сынъ, имѣющій нѣкогда потерпѣть безславіе за мнимое нарушеніе закона, — потому что и Моисея и закона Я есмь Господь, и потому что Я по сѣтеству Богъ, и не выступитъ на среду выдающій себя за Бога, зависти полный человекъ, и познаетъ во Мнѣ Отчее сіяніе.

(Μετα) Послѣ же сихъ самыхъ словъ Искушитель немного спутя дней, взявши Петра и Іакова и Іоанна брата его, воз-

водитъ на гору и преображается предъ ними, и вдругъ зрится какъ солнце, и явились два мужа вмѣстѣ съ Нимъ, воспѣвая и говоря: Единый Святый Владыка, Ты поистинѣ Отчее сіяніе.

(Еβρα) Возопилъ одинъ изъ нихъ: я нѣкогда на горѣ Синайской отъ Тебя принялъ скрижали и о Тебѣ возвѣщалъ неблагодарнымъ и неразумнымъ, и о томъ, что будетъ людямъ дерзкимъ, предсказалъ: сіе дерзнете воздать Господу беззаконные; ибо Ты предпоказалъ мнѣ, какъ на древѣ повѣсятъ Тебя, жизнь всѣхъ, чтобы избѣжали смерти взирающіе на Тебя, Отчее сіяніе.

(Γοιαντα) Такъ сказавъ сіе, Онъ другому уступилъ мѣсто воспѣвать и звать къ Искупителю: на колесницѣ огненной подъялъ ты, Владыка, меня раба своего, и не попалишь зашающаго раба и опять Пилату судія всѣхъ предстанешь. Теперь Петръ со страхомъ подходитъ, и вопіетъ говоря: и я буду говорить, Владыка, и не попали меня, Отчее сіяніе.

(Αφ) Изъ того, что сказали они, узнавши бесѣдующихъ, Кіеа отвѣчалъ Господу и сказалъ: хорошо, Человѣколюбче, быть намъ здѣсь навсегда, и если хочешь, мы устроимъ здѣсь рядомъ скинію Тебѣ и Моисею и Іліи. Въ то время, какъ говоритъ онъ, облако свѣта свыше осѣвило ихъ, показывая невещественный лучъ, Отчее сіяніе.

(Μεγαλως) Весьма устрашаетъ учениковъ не только то, что видятъ страшнаго, но и голосъ возгремѣвшій подобно грому, и они вдругъ падаютъ на землю. Ибо, какъ сперва на Іорданѣ, и теперь Отецъ съ неба возвѣщаетъ о Сынѣ: Сынь Мой есть сей; Его, говорить, слушайте, о Немъ Я благоволилъ, всѣ примите Его, — Онъ есть Сынь, Отчее сіяніе.

(Ορατε) Видите, возлюбленные, ясное чудо, ибо какъ скоро пришелъ голосъ, невидимъ сталъ Ілія и Моисей, чтобы славное присутствіе ихъ не сдѣлало сомнительнымъ принесшееся

возвѣщеніе, ибо когда трое находились бы вмѣстѣ, не вполне ясно было бы, ради кого оно было, между тѣмъ какъ по истинѣ очевидно было, что съ ними находилось Отчее сіяніе.

(*Радѣа*) Удобно и ясно можно было для святыхъ учениковъ, что и Петръ показываетъ, разумѣть и познать ихъ (Моисея и Ілію), ибо не малое было различіе, когда одинъ стоялъ какъ Господь славы, другіе какъ рабы бесѣдовали съ Владыкою всего; одинъ испускалъ свѣтъ и осіявалъ все, другіе были осіяваемы, съ трудомъ взирая, трепеща и прославляя Отчее сіяніе.

(*Φωτος*) Когда такой свѣтъ блисталъ тамъ, и божественный голосъ принеся къ нимъ, какъ сказали, мы сейчасъ, ученики отъ страха сокрыли лица свои на землю. Когда же все сіе кончилось, Творецъ всѣхъ возбуждаетъ ихъ и возставляетъ кроткимъ голосомъ, говоря: возстаньте, други мои, и молчите о семъ, до тѣхъ поръ, когда увидите возставшимъ изъ мертвыхъ меня, Отчее сіяніе.

(*Ω*) О неизмѣримая радость, которую получили мудрые ученики Господа, и сошли вмѣстѣ съ Нимъ съ горы, спѣша благовѣстить и прочимъ: ищите тогоже посредствомъ любви божественной. Чѣмъ же тогда сіи превзошли прочихъ, на сіе скажу я: ничѣмъ страннымъ или особеннымъ, но тѣмъ самымъ, чему учатъ глаголы благіе, божественные, коими увеселяется Отчее сіяніе.

(*Συνετη*) Быть удостоился съ нимъ Петръ, какъ любящій паче всѣхъ прочихъ, и какъ уже дерзнувшій на первое исповѣданіе, отчего и Петромъ именуется. Былъ съ нимъ и сынъ Зеведеевъ, ибо Спаситель всѣхъ возлюбилъ его паче всѣхъ, и притомъ дѣвственникъ онъ и одинъ именуется наперникомъ. Почему исполненъ благодати и богословствуетъ объ Отчемъ сіяніи.

(*Ιακωβος*) Взятъ былъ съ нимъ Іаковъ мудрый, услышавшій съ нимъ голосъ съ неба и вмѣстѣ съ нимъ обѣщавшій пить

чашу Господню, то есть пріобщиться страданій Его и даже до смерти подвизаться для славы Божіей. И онъ твердъ явился, когда Иродъ думалъ весьма угодить Евреямъ тѣмъ, что убилъ проповѣдающаго Отчее сіяніе.

(N^o) Нынѣ, великій Боже, словомъ сотворившій все, чудно просвѣщающій священника и вѣрныхъ царей, увеселяющій свѣтомъ и силою Твоею, ниспосли намъ лучи Твоего милосердія и отжени всю обдержашую насъ тьму, возсіявъ надъ нами великія милости Твои, дабы пребыли мы непоколебимыми, стѣну имѣя, Владыка, родившую тебя — Отчее сіяніе.

Св. М. Б—кій.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

XXII. Паремія, положенная на вечернѣ седмой недѣли по пасхѣ, на воспоминаніе перваго вселенскаго собора. Быт. 14, 14—20.

Въ сей пареміи содержится повѣствованіе о походѣ Авраама противъ царей, захватившихъ въ плѣнъ Лота, о побѣдѣ его надъ ними и о торжественной встрѣчѣ побѣдителю.

Гл. 14. ст. 14. Слышавъ Аврамъ, яко плѣненъ бысть Лоть, братаничъ (*племянникъ*) его, сочте домочадцы своя триста осьмнадцать, и погна въ слѣдъ ихъ даже до Дана.

Вскорѣ послѣ того, какъ Лоть поселился въ Содомѣ, Ходолломоръ царь Еламскій (царь народа, принадлежавшаго къ Симову потомству (Быт. 10, 22), и жившаго на сѣверѣ отъ персидскаго залива), съ тремя союзными царями вторгнулся во владѣнія царей Содома, Гоморры, Адама, Севоима и Сигора, для наказанія этихъ царей за то, что они отложились отъ него послѣ двѣнадцатилѣтней покорности ему. Произошло сраженіе на долину Смоляной (*Сиддимъ*), гдѣ теперь Мертвое море, — и кончилось поражениемъ отложившихся царей. Побѣжденные бросились бѣжать въ горы и въ бѣгствѣ многіе попадали въ смоляные колодцы, которыми покрыта была долина. Побѣдители взяли всю конницу у Содомлянъ и

Гоморрянъ, все хлѣбныя ихъ запасы, множество людей захватили въ плѣнъ и въ числѣ ихъ Лота племянника Авраама со всемъ его имуществомъ и удалились къ сѣверу (Быт. 14, 1—13). Получивъ извѣстіе, отъ одного изъ уцѣлѣвшихъ въ бѣгствѣ, о плѣнѣ Лота, Авраамъ по состраданію къ близкому своему родственнику, котораго несмотря на разлуку съ нимъ продолжалъ любить, — рѣшился освободить его силою. Для сего онъ *сочте домочадцы своя триста и осмнадцать*. Домочадцы—это рабы, рожденные въ домѣ господина; этихъ-то рабовъ, болѣе вѣрныхъ и преданныхъ господину, чѣмъ приобретенные куплею, — Авраамъ *сочте*, т. -е. собралъ въ числѣ 318-ти душъ, приказалъ имъ вооружиться, и ставъ во главѣ этого отряда, *погна въ слѣдъ ихъ* (непріятелей) *даже до Дана*, т. -е. пустился за ними въ погоню и настигъ ихъ на сѣверной границѣ Палестины, у *Дана* ^(а), мѣстности лежавшей при истокахъ Иордана. Въ походѣ участвовали съ Авраамомъ союзники его: Мамврій съ братьями Есхоломъ и Авнаномъ (Быт. 14, 24).

15. И нападе на ня ноцію самъ и отроцы его съ нимъ: и порази ихъ и гони ихъ даже до Ховила, иже есть ошуюю Дамаска.

При малочисленности своего отряда въ сравненіи съ многочисленнымъ войскомъ непріятелей, Авраамъ могъ одержать надъ ними верхъ только посредствомъ военной хитрости, — онъ напалъ на нихъ ночью, когда они безпечно спали и не ждали опасности; притомъ, какъ сказано въ еврейскомъ текстѣ, напалъ *раздѣлясь*, т. -е. онъ раздѣлялъ свой отрядъ на нѣсколько частей, какъ сдѣлалъ впоследствии Гедеонъ при на-

---

(а) Чтобы означить двѣ самыя крайнія точки Обѣтованной земли на сѣверѣ и югѣ, св. писаніе часто употребляетъ выраженіе: *отъ Дана до Вирсавіи*.

паденіи на Мадіанитянь, —окружилъ ими непрітелей со всѣхъ сторонъ, потомъ по данному знаку, съ военными кликами вторгнулся въ станъ ихъ, и этою нечаянностію произвелъ между ними беспорядокъ и испугъ, а для того, чтобы не дать имъ опомниться отъ испуга и оправиться отъ пораженія, *гони ихъ, преслѣдовалъ даже до Ховила, иже есть ошуюю Дамаска*, или иначе—находится на сѣверѣ отъ Дамаска (ибо восточные переднею стороною свѣта считаютъ востокъ и обращаясь къ востоку имѣютъ на лѣвой сторонѣ сѣверъ), въ двухъ верстахъ отъ Дамаска (Иос. Фл.), а самъ Дамаскъ отстоитъ отъ Дана на 100 верстъ. Какое участіе въ пораженіи непріятеля принимали союзники Авраама, не сказано можетъ быть потому, что они занимали только сторожевой постъ въ то время, когда было произведено нападеніе на непріятельскій станъ.

16. И возврати вся конныя Содомскія, и Лота сына брата своего возврати, и вся имѣнія его, и жены и люди.

Цѣлю похода, предпринятаго Авраамомъ, было собственно освобожденіе Лота; но Авраамъ не ограничился только этимъ: онъ отнялъ у непріятеля всѣхъ плѣнныхъ мужескаго и женскаго пола и всю добычу, и сдѣлалъ это совершенно безкорыстно, ибо самъ онъ изъ всей добычи не воспользуется ни одною веревочкою, ни однимъ ремнемъ сапожнымъ, — все возвратитъ царю Содомскому и сосѣднимъ съ нимъ. Однимъ союзникамъ своимъ, участвовавшимъ въ походѣ, Авраамъ предоставитъ взять свою долю изъ добычи (ст. 23. 24).

17. Изыде же царь Содомскій въ срѣтеніе ему, повнегда возвратитися ему отъ сѣча Ходоллоγοморскаго и царей сущихъ съ нимъ, въ юдолю Савину: сіе же бяше поле царево.

Царь Содомскій, встрѣтившій Авраама, — это вѣроятно не тотъ царь, который потерпѣлъ поражение, ибо онъ въ бѣгствѣ послѣ пораженія упалъ въ смоляной колодезь и тамъ погибъ (ст. 10), — а преемникъ его. Онъ вышелъ на встрѣчу Аврааму не для того только, чтобы выразить ему благодарность за отмщеніе непріятелю, но и для того, чтобы выпросить у Авраама содомскихъ плѣнныхъ (ст. 21), — онъ ошибочно предполагалъ, что Авраамъ, по праву побѣдителя, удержитъ ихъ за собою, и не довѣрялъ безкорыстію его. — Долина *Савина*, на которой происходила встрѣча, извѣстна была во время Моисея подъ именемъ *царева поля*, каковое имя получила, вѣроятно, отъ описываемой въ семъ стихѣ и слѣдующемъ встрѣчи царей. На семъ полѣ въ послѣдствіи Авессаломъ воздвигнетъ себѣ памятникъ (2 Цар. 18, 18). По свидѣтельству Юсіфа Флавія оно отстоитъ отъ Іерусалима на двѣ стадіи, т. - е. меньше чѣмъ на полверсты.

18. И Мелхиседекъ царь Салимскій взнесе хлѣбъ и вино: бѣше же священникъ Бога вышняго.

Салимъ, въ которомъ обиталъ Мелхиседекъ, — это первоначальное имя города, который въ послѣдствіи сталъ называться *Гевусомъ*, а потомъ, со времени Давида, Іерусалимомъ. Впрочемъ и при Давидѣ иногда этотъ городъ назывался также Салимомъ (Пс. 75, 3). — Мелхиседекъ царь Салимскій принималъ участіе въ торжественной встрѣчѣ Аврааму единственно по безкорыстному чувству уваженія къ нему, какъ избраннику Божію, ибо ни за себя, ни за свои владѣнія онъ не связанъ былъ долгомъ благодарности къ Аврааму. Мелхиседекъ встрѣтилъ Авраама, какъ свойственно людямъ гостепріимнымъ, съ хлѣбомъ и виномъ, подобно тому какъ у насъ встрѣчаютъ знатныхъ гостей съ хлѣбомъ и солью. *Бѣше же священникъ Бога вышняго.* Совмѣщеніе царскаго достоинства съ священ-

ническимъ, необычное у Евреевъ, было обычно у другихъ народовъ, — у Китайцевъ оно досель продолжается въ лицѣ богдыхана. Вѣроятно и цари Хананейскихъ племенъ, среди которыхъ жилъ Мелхиседекъ, были также священниками, но они служили твари вмѣсто Творца, не знали единого истиннаго Бога, превышаго всѣхъ тварей и Владыку вселенной. Мелхиседекъ ничего не имѣлъ съ ними общаго: онъ былъ священникомъ Бога вышняго, создавшаго небо и землю (ст. 19), Того самаго Бога, Которому служилъ Авраамъ, и Котораго самъ Авраамъ будетъ исповѣдовать, предъ царемъ Содомскимъ, также Богомъ *вышнимъ, создавшимъ небо и землю* (ст. 22). Разность одна: Авраамъ въ этомъ исповѣданіи назоветъ сего Бога еще *Господомъ*, по-еврейски *Иегова* (вѣчно сущій), — имя Бога завѣта, свойственное Ему, собственно какъ Богу Авраама и избраннаго, отъ него имѣющаго произойти народа. Мелхиседекъ, хотя чтить истиннаго Бога, не могъ назвать Его *Иеговою*, потому что не принадлежалъ къ избранному племени и находился только въ томъ завѣтѣ или союзѣ съ Богомъ, какой установленъ былъ при Ноѣ (Быт. 9, 9). Союзъ этотъ былъ собственно союзомъ Бога со всѣмъ человѣческимъ родомъ, имѣвшимъ произойти отъ Ноя, а не съ избранною частію его. Мелхиседекъ находился внѣ этого тѣснѣйшаго союза: онъ зналъ Бога, какъ Бога вселенной и Бога всѣхъ народовъ и подобно Іову и Валааму, жившимъ среди язычниковъ, былъ хранителемъ первоначальныхъ откровеній Божіихъ, данныхъ въ лицѣ Ноя всѣмъ людямъ, и преданій объ истинномъ Богѣ допотопныхъ. Но какимъ образомъ среди Хананейскаго населенія, языческаго, могъ явиться священникъ Бога вышняго? Конечно, какъ чтитель истиннаго Бога, онъ могъ быть исключеніемъ въ этомъ отношеніи между Хананеями, какими были Іовъ и Валаамъ между соплеменниками, хотя самъ былъ Хананеемъ. Но могло быть, что хотя онъ жилъ между

Хаанаеями, самъ однако принадлежалъ къ потомству Симоу, часть котораго первоначально могла жить въ странѣ, занятой потомъ Хаанаеями, и вытѣснена ими. Чтò вѣроятнѣе, трудно рѣшить, при молчаніи бытописателя о происхожденіи Мелхиседека ^(а). И это умолчаніе, равно какъ умолчаніе о началѣ дней и кончинѣ Мелхиседека, было допущено не случайно, а съ таинственнымъ намѣреніемъ, какъ толкуеть ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (гл. 7), именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ лицѣ Мелхиседека представить образъ Христа, Сына Божія, Который по Божеской своей природѣ не принадлежитъ ни къ одному человѣческому родословію, Который есть безъ Отца въ своемъ временномъ рожденіи, а въ предвѣчномъ безъ матери, Которому нѣтъ начала и конца. Кромѣ того соединеніе въ лицѣ Мелхиседека царскаго и священническаго достоинства, служить также прообразомъ Іисуса Христа, вѣчнаго Царя, царствію Которого не будетъ конца (Лук. 1, 33), и вѣчнаго первосвященника, однажды принесшаго себя въ жертву на крестѣ, но вѣчно ходатайствующаго за насъ ради сей жертвы (Евр. 7, 25). Св. апостоль видить также предъизображеніе Христа въ имени *Мелхиседека* и въ имени *Салма*, въ которомъ онъ царствовалъ. Первое имя означаетъ *царь правды*, второе—*міръ*. Соответственно сему и Христосъ есть *царь правды* (Зах. 19, 9) и *князь мира* (Иса. 9, 6), ибо царствуетъ надъ людьми, оправданными Его честною кровію предъ Богомъ и примиренными съ Нимъ. Преимущественно Мелхиседекъ, по Апостолу, служить образомъ Христа Сына Божія, какъ свя-

---

(а) Догадки раввиновъ и нѣкоторыхъ древнихъ учителей христіанскихъ, думавшихъ видѣть въ Мелхиседекѣ или Сына Божія, или Духа Святаго, или ангела, или одного изъ допотопныхъ патриарховъ—Эноха либо Сима,—такъ произвольны, что не стоятъ опроверженія.

щенникъ, и Апостоль въ подтвержденіе сей истины не разъ ссылается на свидѣтельство о ней иерарха: «Ты еси іерей по чину Мельхиседекову» (Исая. 40, 4. Евр. 5, 6; 7, 17, 21). Служеніе Иисуса Христа, какъ священника по чину или подобію Мельхиседекову, имѣеть превосходство предъ всеѣмъ священствомъ левитскимъ. Указаніе на сіе превосходство Апостоль видитъ въ томъ, что Авраамъ, родовачальникъ левитскаго сословія, принялъ благословеніе отъ Мелхиседека, но «безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется» (Евр. 7, 7),—и въ томъ, что далъ ему десятину изъ военной добычи. О семъ благословеніи говорится въ слѣдующихъ двухъ стихахъ пареміи.

19. 20. И благослови Аврама и рече: благословенъ Аврамъ Богомъ вышнимъ, иже созда небо и землю. И благословенъ Богъ вышній, иже предаде врага подъ руки тебѣ.

Поднесши Аврааму хлѣбъ и вино, согласно съ житейскимъ обычаемъ гостепріимства, Мелхиседекъ *благослови Аврама*, т.-е. привѣтствовалъ его благимъ словомъ, не словомъ простой житейской вѣжливости, но освящающимъ священническимъ словомъ, которое изрекъ въ качествѣ лица посредствующаго между Богомъ и человѣкомъ. Какое же это благое, освящающее слово? Слово исповѣданія милости Божіей къ Аврааму и слово прославленія Бога за сію милость. *И рече: благословенъ Аврамъ Богомъ вышнимъ, иже созда небо и землю*,—т.-е. поздравляю тебя, Авраамъ, съ полученною тобою побѣдою, какъ знаменіемъ *благословенія*, благоволенія къ тебѣ Бога всемогущаго.—*И благословенъ Богъ вышній, иже предаде враги подъ руки тебѣ*. Если успѣхомъ въ нападеніи на враговъ ты обязанъ *благословенію* Бога вышняго, Который предалъ тебѣ ихъ, хотя

они были многочисленнѣ твоихъ ратниковъ, то и отъ насъ да будетъ Онъ *благословенъ*, т.-е. прославленъ за сіе.— Что всѣ эти привѣтственные слова Авраамъ выслушалъ отъ Мелхиседека, какъ отъ священника, это видно изъ того, что Авраамъ далъ ему десятую часть изъ своей военной добычи (ст. 21), ибо у всѣхъ народовъ было въ обычаѣ жертвовать десятину Божеству въ лицѣ его служителей.

Почему разсмотрѣнную нами паремію о военномъ торжествѣ Авраама положено читать на службѣ въ честь 1-го вселенскаго собора?

Вопервыхъ потому, что ратники Авраама, отца вѣрующихъ, собранные имъ въ числѣ 318 душъ противъ непріятеля, предъизображали 318 отцевъ перваго вселенскаго собора, бойцевъ православной вѣры, побѣдившихъ и осудившихъ нечестиваго Арія и его сообщниковъ. На сіе предъизображеніе указываетъ св. Амвросій Медиоланскій (*De fide ad Gratianum*).

Вовторыхъ потому, что упоминаніе въ разсмотрѣнной пареміи о Мелхиседекѣ имѣетъ отношеніе къ догмату о единосущія и совершенномъ равенствѣ Сына Божія съ Богомъ Отцомъ, защищенному и утвержденному на 1-мъ вселенскомъ соборѣ, вопреки лжеученію Арія, отвергавшаго сей догматъ и учившаго, что Сынъ Божій получилъ бытіе во времени, какъ тварь, а не предвѣчно рожденъ отъ Бога Отца. Указаніе на истину предвѣчнаго рожденія Сына Божія отъ существа Бога-Отца содержится въ исторіи Мелхиседека, ибо, по Апостолу, для того не упомянуто въ сей исторіи объ отцѣ и матери Мелхиседека, о его родословіи и началѣ дней, чтобы онъ уподобленъ былъ Сыну Божію, не отъ плотскихъ родовачальниковъ происшедшему по своему Божественному естеству, но прежде вѣкъ существующему и предвѣчно рожденному

отъ существа Бога Отца. На сіе подобіе Мелхиседека Сыну Божію указаль, прежде Апостола, также псалмопѣвецъ въ одномъ изъ пророчественныхъ о Христѣ псалмовъ, 109-мъ. Въ этомъ псалмѣ самъ Богъ является свидѣтельствующимъ о Сынѣ: *изъ чрева прежде денницы родихъ тя. Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (ст. 3 и 4). Здѣсь рожденіе Сына, подобнаго Мелхиседеку священника, отъ существа своего Богъ Отецъ представляетъ подь образомъ рожденія *изъ чрева*, и чрезъ то указываетъ на Его единосущіе съ собою; а что Онъ родился прежде *денницы* (утренней звѣзды), это значитъ, что Онъ родился предвѣчно, прежде всего сотвореннаго (слич. пс. 71, 17). Что св. церковь, установившая чтеніе разсмотрѣнной пареміи въ празднованіе 1-го всел. собора, имѣла въ виду именно предъизображеніе Мелхиседекомъ предвѣчнаго Сына Божія, это видно изъ слѣдующей стихиры, воспѣваемой въ сей праздникъ: «Изъ чрева родился еси прежде денницы, отъ Отца безматеренъ прежде вѣкъ: аще и Арій тварь тя, а не Бога славитъ, дерзостію смѣшая Тя зиждителя тваремъ. безумно, но соборъ иже въ Никеи Сына Божія Тя проповѣда Господи, Отцу и Духу сопредстольна» (стих. на Господи воззвахъ).

Въ третьихъ потому, что вообще побѣда Авраама, хранителя истинной вѣры, надъ царями, вторженіемъ своимъ въ мирныя гражданскія общества возмутившими миръ ихъ, служить образомъ торжества пастырей церкви, сошедшихся на великій соборъ, надъ нечестивыми врагами ея и главы ея Христа, возмутившими ея миръ своимъ лжеучевіемъ. На сіе сходство того и другаго торжества указывается также въ одной изъ пѣсней, положенныхъ на праздникъ 1-го всел. собора: «Якоже древле божественный Авраамъ, ввоинившися вси всечестніи богоглаголивии людіе, враги твоя, Блаже, неистовыя твоею силою крѣпко погубиша».

По этой же послѣдней причинѣ, т.-е. по сходству побѣды Авраамовой съ духовною побѣдою церкви надъ лжеучителями, разсмотрѣнная паремія читается во дни памяти прочихъ вселенскихъ соборовъ.

Не безъ глубокаго основанія таже паремія положена въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, — въ недѣлю святыхъ Отецъ, предковъ І. Христа по плоти. Въ сію недѣлю на литургіи предписано читать изъ Ев. Маттея о родословіи Іисуса Христа по плоти. Но чтобы симъ чтеніемъ не вытѣснялась мысль, что по Божеской своей природѣ Христосъ выше всякаго человѣческаго родословія, не имѣетъ на землѣ ни отца, ни матери, — Церковь нашла нужнымъ напомнить о Его предвѣчномъ рожденіи, между прочимъ чрезъ повѣствованіе Моисея о Мелхиседекѣ, который служитъ въ этомъ отношеніи образомъ Іисуса Христа, не потому, чтобы Мелхиседекъ не имѣлъ родословія и отца съ матерію, а потому что въ исторіи о немъ не упоминается о его родословіи и объ отцѣ съ матерію.

Свящ. Вас. Нечаевъ.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ОБРЪТЕНІЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ И ТВОИМЕННИТВА БЛАГОВЪРНАГО ГОСУДАРЯ, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

И весь народъ искаше прикастися Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся (Луки 6, 19).

Вы вѣсте, слушатели христіане, какъ Іисусъ Христосъ, вѣзмъ Господь, во днѣхъ плоти Своея, помазанный отъ Бога Духомъ Святымъ и силою, пройде, благодѣтельствуя и исцѣляя вся насилуванныя отъ діавола (Дѣян. 10, 36—38). По мѣрѣ умноженія чудесъ, въ которыхъ открывалось Божественное посольство Іисуса, прохождаше паче и паче слово о Немъ: и схождахуся народи мнози слышати, и исцѣлитися отъ Него отъ недуговъ своихъ (Лук. 5, 15). Это стремленіе народа бывало столь сильно и притекали ко Іисусу сонмы столь многочисленныя, что иногда народи даже угнѣтаху, то-есть тѣснили Его (Марк. 5, 24), якоже нападати на Него, да Ему прикоснутся (Марк. 3, 40).

Такое устремленіе народа къ Господу Іисусу всегда было вознаграждаемо какимъ-либо особеннымъ явленіемъ благодати Божіей. Нынѣшнее евангельское чтеніе напоминаетъ намъ одинъ изъ примѣровъ сего. Множество много людей собралось окрестъ Господа Іисуса въ ожиданіи отъ Него слова спасенія и благодати исцѣленій (Лук. 6, 17—18). Снисходя къ единомусердному усердію стекшагося народа, Сшедый съ небесе (Іоан. 3, 13) нисходитъ къ народу съ горы, — и ста

на мѣстѣ равнѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ по этой блаженной равнинѣ разливается отъ Іисуса потокъ исцѣленій на всѣхъ, имѣвшихъ особенную въ томъ нужду, и въ такомъ изобиліи, что *и весь народъ искаше прикоснуться Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся.* За тѣмъ пустынная равнина обращается не только во всеисцѣляющую лечебницу, но и въ домъ всемірнаго ученія; къ тѣлесной цѣльбѣ, въ которой, конечно, и не всѣ собравшіеся имѣли нужду, присоединяется общепользное врачество душъ: Господь Іисусъ, *отверзъ уста Своя, учаше* (Мѣ. 5, 2), объ истинномъ пути къ блаженству и о многоразличныхъ стезяхъ сего пути. *И бысть, егда сконча Іисусъ словеса сія, дивляхуся народи о ученіи Его* (Мѣ. 7, 28); а мнози изъ нихъ простерлись и далѣе *въ слѣдъ Его* (Мѣ. 8, 1). Изъясняя причину сего, Евангелистъ говоритъ: *бѣ бо уча ихъ яко власть имѣя* (7, 29). Нѣтъ сомнѣнія, что покаяющее умы слушателей, дѣйствіе этой всевластной проповѣди было тѣмъ увлекательнѣе, чѣмъ надъ большимъ числомъ слушателей обнаруживалось, и чѣмъ увлекательнѣе былъ видъ общаго единодушнаго удивленія внимавшихъ проповѣди, тѣмъ болѣе было ей удобства распространять свою силу и на малорасположенныхъ подчиняться ей; подобно тому, какъ это бывало и при другихъ случаяхъ евангельской проповѣди (напр. Іоан. 7, 44—49), и какъ въ настоящемъ же случаѣ общее единодушное исканіе прикосновенія ко Іисусу раждало соревнованіе между искавшими, и чрезъ то привлекало всеисцѣляющую силу Христову въ такомъ изобиліи, что она *исцѣляше вся.*

Слушатели христіане! *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8.). *Всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о насъ* (7, 25.). Онъ, для ближайшаго усвоенія намъ спасительныхъ плодовъ своего ходатайства, не престаётъ подавать и приближать къ намъ *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3.). Его всеисцѣляющая сила не престаётъ исходить доннѣ, и исходить въ церкви, *яже есть тѣло Его, исполненіе Исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Еф.

1, 23.). Сія сила обитаєть въ храмахъ христіанскихъ и исходитъ ко всѣмъ въ облаченіи таинствъ. Она исходитъ и непосредственно, чудеснымъ образомъ, по сильной вѣрѣ нѣкоторыхъ и особой нуждѣ. Поелику же, несмотря на все это, многіе, зазираемые сердцемъ, не имуть довольно дерзновенія къ Богу, чтобы непосредственно отъ Него испрашивать себѣ милости, съ непоколебимою надеждою получить просимое (1 Іоан. 3, 21. 22.) *отъ дающаго Бога всѣмъ нелицемеримнѣ и не поношающаго* (Іак. 1, 5.): то Великодаровитый воздвигаетъ еще особыхъ чрезвычайныхъ посредниковъ Своей благодати изъ числа людей намъ подобострастныхъ, дѣйствіе которыхъ на людей тѣмъ ближе къ намъ. Облегчая чрезъ это доступъ къ *богатству благодати, юже преумножилъ естъ въ насъ* (Еф. 1, 7. 8.), Господь Іисусъ Христосъ какъ еще во время земной своей жизни *даде* апостоламъ власть *цѣлѣти всякъ недугъ, и всяку болѣзнь* (Мат. 10, 1.), такъ и доселѣ не престаєть давать *власть такую челоувкомъ* (Матѣ. 9, 8.). Пріятія ея сподобляются *сосуды избранны* (Дѣя. 9, 15.), люди «воспріявшіе Христа въ души» своей, крѣпкою и чистою *вѣрою* отверзшіе Ему входъ *въ сердца* свои ко вселенію въ нихъ (Еф. 3, 17), и по праву могущіе говорить о себѣ съ блаженнымъ Павломъ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20.),—люди, подвигами добродѣтели уготовавшіе себя въ «обитель Духа Святаго», «Троицѣ вселеніе», какъ именуєть Церковь многихъ изъ нихъ, и въ числѣ ихъ Богоноснаго отца нашего Сергія. Вселившаяся въ сіи сосуды *сила Христова* (2 Кор. 12, 9.) неоскудно живетъ въ нихъ и свѣтло украшаетъ и самый тѣлесный составъ ихъ, такъ что не только ею хранятся *вся кости ихъ* (Псал. 33, 21.), но еще нерѣдко ея присутствіе въ мощахъ ихъ открывается явными знаменіями нетлѣнія и чудотвореній. Примѣръ сего у насъ предъ очами: «се нетлѣнныя и живоносныя мощи» преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія, «яко сокровище безцѣнное, вручи намъ чудєсь Богъ» въ сей самый день, за четыреста сорокъ восемь лѣтъ предъ симъ.

И слава Господу, по Его всемогущему и вседержавному

слову: *вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12, 32.), среди христіанъ православныхъ сохраняется усердіе къ исканію благодатныхъ прикосновеній ко Христу. Весь народъ ищетъ прикасаться къ Нему не только духомъ, но и духовно-чувственно—какъ въ таинствахъ, такъ и въ тѣхъ особыхъ сосудахъ силы Христовой, каковы суть подлежащія мощи Богоноснаго Сергія. Въ продолженіе почти четырехъ съ половиною вѣковъ, съ неоскуднымъ усердіемъ прибѣгаетъ православный народъ русскій къ сему стражу и великому заступнику земли Россійскія, «яко намъ сродному». Многочисленными сонмами стекается онъ сюда въ обитель Сергія изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, чтобы почтить память ея основателя на мѣстѣ его подвиговъ и «предстоя» и «припадая» къ его мощамъ, «яко» самому ему «живу сущу», входитъ въ ближайшее духовное общеніе съ нимъ, причащаются силы Христовой, въ его нетлѣнныхъ останкахъ живущей. Въ этомъ единомыслии какъбы состязаются между собою и равно сподвизаются и знатные и незнатные, и сильные земли и немощные, и богатые и бѣдные. Благочестивѣйшій Самодержецъ нашъ, нерѣдко видѣнный здѣсь, какъ смиренный поклонникъ великой святыни Русской, именемъ Сергія нарицаетъ одного изъ сыновъ своихъ, котораго рожденіе онъ, ко благу Россіи, веселящейся о чашахъ Отца отечества, испросилъ здѣсь же при мощахъ преподобнаго.

Поистинѣ, «вся Богопросвѣщенная Россія» общимъ молитвеннымъ усердіемъ «исповѣдуетъ» Богоноснаго Сергія «быти своего покровителя и заступника». Потому и вся она его «чудеса исполнена и милостями облагодѣтельствована», и часто такими, которыя въ одно время суть общи для всѣхъ сыновъ Россіи. Не милость ли Его ко всему народу Русскому, и притомъ непрестанная, и то, что по его молитвамъ и заступничеству,—кто дерзнетъ сказать: по нашему достоинству?—сохраняется незыблемо сія обитель? Обитель, куда всякій, по желанію, можетъ уединяться хотя на время, чтобы, отрѣшась здѣсь отъ житейскихъ заботъ и попеченій, тѣмъ удобнѣе внимать Богу и судьбамъ Его, оживлять въ себѣ сѣмена расхищаемой міромъ любви къ Богу и въ Богѣ

ко всёмъ о Христѣ братіямъ! Обитель, которая доступностію всёмъ, преподаваемыхъ ею, духовныхъ утѣшеній, всегдашнею готовностію служить на пользу общую, а также своимъ гостепріимствомъ и страннопитаніемъ поучаетъ всёхъ, внимательныхъ къ ея примѣру, безкорыстной преданности общему благу, столь много значащей въ дѣлѣ созиданія общественнаго благосостоянія! Обитель, блюдушая въ себѣ отъ мірскихъ мятежей свѣтъ духовнаго ученія, и подъ сѣнію своей святыни дающая тихій пріютъ воспитанію служителей истинной мудрости, той мудрости, которая объявляетъ о себѣ, что она *красна предъ Господемъ и человекѣ единомыслиемъ братій и любовію искреннихъ* (Сир. 25, 1, 2), и испытанные питомцы которой призываются, между прочимъ, къ упроченію общественнаго блага и единства чрезъ назиданіе онаго на основаніи чистой вѣры и доброй христіанской нравственности! Обитель, скажемъ еще, и что главное, обитель хранящая святыню, отъ коей, по благодати Бога дивнаго во святыхъ Своихъ, всё и каждый, по мѣрѣ достоинства, могутъ износить на дѣла свои и отношенія, какъ частныя, такъ и общественныя, благословенія мира и единомыслія, которыя завѣщавалъ братіи своей, отходя отъ міра, преподобный Сергій, и ненарушимость которыхъ въ землѣ русской охраняетъ онъ съ небесъ, какъ открылось это, на примѣръ, въ его чудесномъ дѣйствіи подавленія крамоль, свѣдавшихъ Россію въ смутныя времена самозванцевъ и междоусобствія, и неоднократно открывалось во многихъ другихъ опытахъ.

Между благотворными дѣйствіями чтимой всенародно святыни однимъ изъ важнѣйшихъ должно поставить то, что она подвигаетъ на поклоненіе себѣ многочисленныя сонмы, единодушно проникнутыя общимъ желаніемъ молитвеннаго подвига. Чрезъ то самая молитва становится Богопріятіе. Это засвидѣтельствовало Давидъ, когда сказалъ: *приниче съ высоты святыя своея, Господь съ несесе на землю призръ, вегда обратися людемъ вкупъ* (Пс. 101, 20. 23). Что созерцалъ горѣ Богосвѣтлымъ взоромъ пророка сей *мужъ по сердцу* Божію (Дѣян. 13, 22), тому старался соответствовать и въ своей дѣятельности. Этотъ мужъ,

одинъ изъ опытнѣйшихъ въ молитвенномъ подвигѣ, почиталъ долгомъ *въ дому Божіи ходитъ единомыслиемъ* (Пс. 54, 15), и часто, приступая къ молитвѣ, призывалъ къ участию въ ней всѣхъ, до кого могъ достигать его голосъ: *возвеличите Господа со мною, и вознесемъ имя Его вкупъ* (Пс. 33, 4). Слово Божіе ясно учитъ, что *миръ между собою*, единодушіе есть необходимая и добрая *соль* всякой нашей жертвы Богу, а слѣдовательно и молитвенной (Марк. 9, 49. 50). Посему-то, между прочимъ, судилъ Господь, чтобы Ему созидались храмы на землѣ, въ которыхъ сыны Его, оставляя за прагомъ все своекорыстное, всякое личное пристрастіе, согласно и единодушно сливались бы въ одинъ молитвенный сонмъ, и еще въ ветхозавѣтныя времена *созда яко единорога святилище свое* (Пс. 77, 69). Путемъ *единомыслія* (Прем. Сол. 18, 9) и единодушной готовности служить Богу истинному (Исх. 19, 8) введенъ былъ Израиль на путь завѣта съ Богомъ. И еще чрезъ Соломона возвѣстилъ Богъ, сколь любезно Ему въ Церкви ея единство, когда сказалъ: *едина есть голубица моя, совершенная моя: едина есть матери своей, избранная есть родившей ю* (II Пѣс. 6, 8). А Тайнозритель Новаго завѣта повѣдаетъ намъ, что и по устроенію пренебеснаго жилища Божія не разрозненно доходятъ недостойныя наши молитвы къ Богу, но *дымъ кадильный съ молитвами всѣхъ святыхъ* восходитъ *предъ Бога отъ руки одного ангела* (Апок. 3, 4). Согласно съ симъ поучаетъ апостоль: *миръ возлюбимъ, и яже къ созиданію другъ ко другу. Иже бо сими служитъ Христови, благоугоденъ есть Богови* (Римл. 14, 19. 18). И Церковь Христова, послушная этимъ внушеніямъ, всегда старается сливать дѣтей своихъ въ одинъ молитвенный сонмъ при всѣхъ молитвенныхъ и Богослужебныхъ собраніяхъ, поставляя всѣхъ ихъ подъ водительство одного предстоятеля, и возбуждая и поддерживая въ нихъ духъ молитвенный такими возглашеніями: «миромъ Господу помолимся; рцемъ вси: Господи помилуй». Этому понятію о высокомъ значеніи единодушія въ дѣлѣ молитвы не противорѣчитъ ученіе о высокомъ значеніи уединенной молитвы; поелику и молитва, въѣ види-

маго общенія съ людьми возносимая, достойна Бога и благоуспѣшна только при *единеніи* порознь молящихся *въ союзъ мира* (Еф. 4, 3), только тогда, когда возносится въ духѣ единомыслія, утверждающагося *въ томъ же разумнѣи и въ той же мысли* (1 Кор. 1, 10), какъ и Церковь вселенская, и въ духѣ невидимаго общенія со всѣми любовію.

Способствуя благоуспѣшности молитвы, единодушіе въ молитвѣ, равно какъ и вообще въ служеніи Богу, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самую крѣпкую опору общественнаго единства. Единство общества тогда только прочно, когда утверждается на единодушной готовности всѣхъ членовъ служить Богу вѣрно и неизмѣнно; потому что тогда оно пріосѣняется силою Того, Который пришелъ, *да чада Божія расточенная соберетъ во едино* (Іоан. 11, 52.), и Который дѣйствительно, какъ овцу заблудшую, возложилъ *на рамя свои* (Лук. 15, 5.) весь родъ человѣческой, и явился *единымъ пастыремъ*, да весь родъ человѣческой *будетъ едино стадо* (Іоан. 10, 16.). *Отче святыи*, вопіялъ Онъ въ первосвященнической своей молитвѣ предъ крестными страданіями, *Отче святыи, молю о вѣрующихъ въ Мя: да вси едино будутъ* (Іоан. 17, 11. 20. 21.). *И не изнеможетъ у Бога* сей глаголъ, какъ и *всякъ Его глаголъ* (Лук. 1, 37.); только бы мы не *изнемогшествовали* (Мал. 2, 8.) его въ самихъ себѣ невѣріемъ и *противленіемъ слову* (1 Петр. 2, 8.). Напротивъ того всѣ самоизмышленныя человѣческія мѣры къ скрѣпленію общественнаго единства и блага общаго сами по себѣ недѣйствительны. Въ этомъ увѣряетъ насъ древній опытъ, столько же почти древній, сколько древенъ родъ человѣческой на землѣ. *Сотвори Богъ человека правого, и поелику право едино, то слѣдовательно и способнаго къ единомыслію и единодушію*; а они, говоритъ боговдохновенный мудрецъ, *взыскала помысловъ многихъ* (Еккл. 7, 30.); отпавъ такимъ образомъ отъ единой истины, люди впали въ разномысліе, и вскорѣ распались на отдѣльныя общества, не всегда довольно дружныя между собою. И хотя для этихъ обществъ не совсѣмъ потеряна надежда какъ внутренняго единства, такъ и вѣшняго взаимнаго единенія; но это потому,

что Богъ устави́лъ *предучиненая времена и предѣлы селенія ихъ: взыскати Господа, да поне осяжутъ Его, и обрящутъ, яко не далече отъ единого коегождо насъ суица* (Дѣя. 17, 26. 27), и чрезъ то сблизятся и между собою. Таково основаніе единства человѣческихъ обществъ по установленію Верховнаго Законодавца человѣческой природы. И человѣческія измышленія только тогда способствуютъ скрѣпленію общественнаго единства, когда сами утверждаются на семь основаніи. Въ нынѣшнее время вошло въ обычай ждать многой общественной пользы отъ общаго оглашенія всѣхъ общественныхъ нуждъ и недостатковъ, не только общественныхъ, но и частныхъ: по этой надеждѣ усиленно стараются о водвореніи повсюду, такъ называемой, гласности. Справедливость требуетъ сказать, что это желаніе не совсѣмъ умѣренное: въ сплетеніи дѣлъ человѣческихъ есть *тайная срама* (2 Кор. 4, 2), есть *нечистота*, которая не должна даже именоваться среди христіанъ (Еф. 5, 3), не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы все это не было именуемо достойнымъ именемъ, ко всеобщему отвращенію, но въ томъ, чтобы не было и дѣла, котораго имя нечисто, а если, по несчастію, оно есть и нерѣдко встрѣчается, то, по крайней мѣрѣ, чтобы частое и повсемѣстное именованіе такого дѣла не разносило всюду и не множило злыхъ плевелъ, не оскверняло чистыхъ или очищающихъ себя. Упомянутое желаніе неумѣренно и потому, что ему не суждено вполнѣ сбыться, *дондеже придетъ Господь, Иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ советы сердечныя* (1 Кор. 4, 5). Впрочемъ это — и неблагоуправленное желаніе: поелику распространеніе повсюду свѣта возможно только тогда и тамъ, когда и гдѣ нѣтъ ненавидящихъ *свѣта*, и не приходящихъ *къ свѣту* по опасенію, что *обличатся дѣла ихъ, яко лукава суть* (Іоа. 3, 20). Но и ограниченное, и благоуправленное, это желаніе тогда только осуществимо съ истинною пользою для человѣка, когда освѣщеніе будетъ заимствуемо не отъ мертвеннаго свѣта человѣческой разсудительности, но отъ *свѣта животнаго* (8, 12), который исходитъ отъ Того, Кто единъ есть *свѣтъ истинный* (1, 9). Во дни первосвя-

щенника Илія во Израилѣ страшное нечестіе водворилось у самыхъ *дверей скинии свидѣнія*, найдя себѣ служителей въ дѣтихъ первосвященника. Общая молва *изъ устъ всѣхъ людей Господнихъ*, общіе *недобрые слухи* огласили преступленіе. Оглашеніе принесло плоды обличенія. Что же произошло? Зло не прекратилось, и принесло конечный плодъ по роду своему. Почему же это? *Прославилъ сыны твоя на чѣ Мене*, пророчески объяснилъ самому Ілію *человѣкъ Божій* отъ имени Господня (1 Цар. 2, 22. 30). Не было довольно страха Божія и заботливости о томъ, чтобы служеніе Богу было съ равною строгостію обязательно для всѣхъ и всѣми было совершаемо съ равною чистотою; и ревностное оглашеніе зла не пособило искорененію его. Примѣръ поучительный для всякаго народа, заботящагося объ утверженіи общественнаго благоденствія, и онъ, конечно, не забыть православному народомъ русскимъ, не напрасно обыкшимъ заимствовать освященіе всѣхъ своихъ дѣлъ отъ богатства святыни, вѣренной ему провидѣніемъ Вседержителя.

Псалмопѣвецъ, радостно взирая на *Іерусалимъ зиждемый яко градъ*, слитый въ одно зданіе, куда восходятъ *колына, колына Господня*, *исповѣдаться имени Господню*, обращался ко всѣмъ сынамъ Израиля съ приглашеніемъ *просить мира Іерусалиму, и обилія любящимъ* его. Кто изъ усердныхъ поклонниковъ святыни, почивающей въ Лаврѣ Сергіевой, не повторитъ теперь и здѣсь вмѣстѣ съ нами это благожеланіе Псалмопѣвца, въ чувствѣ благоговѣйной благожелательности обративъ оное къ святой Лаврѣ Сергіевой: *буди миръ* окрестъ стѣнъ твоихъ, во всей землѣ Русской, *и обиліе въ столпотѣняхъ твоихъ*, обиліе и вещественныхъ средствъ къ собственному благосостоянію и къ пособию нуждающимся, и дарованій духовныхъ. *Ради братьей нашихъ и ближнихъ* нашихъ глаголемъ *миръ о тебѣ: дому ради Господа Бога нашего* и Богоноснаго отца нашего Сергія, *взыскуемъ благая тебѣ* (Пс. 121, 3—9).

Но недовольно одного слова благожеланія: нужно и дѣло, способствующее выполненію желаемаго. Итакъ скажемъ и себѣ по движенію несправдливой сыновней благожелательности

къ православному отечеству: храни, святыне—любивая Россія, храни богобоязненно сіе безцѣнное сокровище, какъ и всякую святыню, тебѣ вѣренную, храни неоскуднымъ благочестивымъ усердіемъ къ ней, а паче всего вѣрою, любовію, чистотою. *И Богъ, дивный во святыхъ своихъ, дастъ силу и державу людемъ своимъ* (Пс. 67, 36). Тогда-то вполнѣ и всегда силою твоею, Богомъ тебѣ данною и въ тебѣ поддерживаемою, *возвеселится царь*, и о спасеніи твоёмъ и безопасности *возрадуется зѣло* (Пс. 20, 2).

Богъ же терпѣнія и утѣшенія, по молитвамъ и заступленію преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія, да дастъ намъ *тоже мудрствовать другъ ко другу о Христѣ Иисусѣ, да единодушно едиными усты славимъ Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа* (Римл. 15, 5. 6), совершающаго святыхъ, которыми стоить міръ, и держатся порядокъ и любовь въ мірѣ. Аминь.

Протоіерей Филаретъ Сергіевскій.

СТАРЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИНОКА ПАЛОМНИКА (1857—1860 г.).

VIII. Общій взглядъ на исторію храма Воскресенія.

Храмъ Гроба Господня построенъ на мѣстѣ, гдѣ былъ распятъ и погребенъ Христосъ Богъ нашъ. Излишнимъ было бы доказывать, что мѣсто это, столь драгоцѣнное для первыхъ христіанъ, было охраняемо и строгомо ими весьма внимательно. Тотчасъ по смерти Искупителя св. Іаковъ меньшій былъ избранъ епископомъ Іерусалимской церкви. Когда наступило время предсказанное Спасителемъ (Мѡ. 24, 16), *время бѣгства*, христіане, бывшіе въ Іерусалимѣ подъ начальствомъ своего епископа Симеона, укрылись за Іорданъ и возвратились, по отшествіи Тита, въ Іерусалимскія развалины, чтобы продолжать стеречь Гробъ Господень. Рядъ епископовъ іерусалимскихъ продолжался непрерывно до императора Адріана. По его повелѣнію христіане были выгнаны изъ Іерусалима. Но Богъ хотѣлъ, чтобы въ то время, когда христіане должны были удалиться отъ Св. Гроба, преданіе о св. мѣстахъ сохранилось чрезъ самое языческое поруганіе ихъ. Ибо на мѣстахъ, гдѣ были *воздвигнуты* христіанскія церкви, — на св. *Гробъ и Голгоотъ*, императоръ Адріанъ, въ безсильномъ своемъ гнѣвѣ противъ Божіихъ опредѣленій, поставилъ идола боговъ и въ капищѣ Венеры приносили богомерзкія жертвы. На мѣстѣ, гдѣ прежде былъ храмъ Соломоновъ, онъ поставилъ храмъ Юпитеру Капитолійскому, какъ

бы объявляя войну обѣимъ откровеннымъ религіямъ. Но онъ лишь утвердилъ этимъ способомъ преданіе, какъ ясно говорить о семъ Гиббонъ въ *Исторіи* паденія Римскаго государства: «христіане въ теченіи почти двухъ вѣковъ должны были уступить честь стражи при Гробѣ Господнемъ идоламъ». Безчисленные доказательства въ пользу преданій о святыхъ мѣстахъ собраны въ твореніяхъ первыхъ христіанъ, заслуживающія полной вѣры, равно какъ у многихъ писателей языческихъ, которые о томъ воспоминаютъ.

Блаженный Иеронимъ долгое время остается неисчерпаемымъ источникомъ доказательствъ. Ибо онъ посѣщалъ св. мѣста въ IV вѣкѣ, собиралъ и приводилъ въ порядокъ преданія, очищалъ ихъ критикою, искалъ источниковъ, доходилъ до истины и съ тщательностію, достойною такой святой и возвышенной души, записалъ эти преданія въ своихъ твореніяхъ. Опираясь на этихъ преданіяхъ, христіане, во время Константина Великаго, стали съ успѣхомъ въ развалинахъ низвергнутыхъ языческихъ храмовъ и идоловъ отгребать святые памятники, и подъ руководствомъ благочестивой матери этого императора, св. Елены, былъ найденъ даже и самый св. Крестъ. Вотъ какъ выражается въ этомъ отношеніи протестантскій писатель докторъ Шубертъ въ описаніи своего путешествія по востоку: «Когда мы остановились передъ храмомъ, началась бесѣда о предметахъ достойныхъ вниманія въ храмѣ св. Гроба и о самомъ мѣстѣ св. Гроба. Я долженъ выразить здѣсь мое мнѣніе о исторической важности этого храма. Сомнѣнія въ отношеніи мѣстъ Голгофы и св. Гроба, окруженныхъ теперь такою честью христіанами, опирались главнымъ образомъ на томъ, что мѣста эти находятся теперь внутри городскихъ стѣнъ. Полагали въ этомъ обстоятельстве усматривать очевидное противорѣчіе съ св. Писаніемъ, равно какъ съ обычаями древнихъ Евреевъ и законами, какими управлялась столица еврейская. Но сомнѣніе это было совершенно устранено изысканіями о положеніи древняго города и стѣны іерусалимской во времена Христовы. Изысканія эти выказали самымъ яснымъ образомъ, что тогдашнія стѣны имѣли другое направленіе, нежели стѣны нынѣшнія; что онѣ не распространялись

отъ замка Давидова на западъ, какъ нынѣшнія крѣпостныя укрѣпленія, но протягивались отъ восточнаго угла замка сперва въ направленіи на сѣверо-востокъ, а потомъ прямо на востокъ, до самыхъ нынѣшнихъ Дамасскихъ воротъ. Достаточно бросить взглядъ на планъ св. града, чтобы убѣдиться въ этомъ. Велѣдствіе этого прежняго ограниченія города, весь западный городской уголь, который съ перваго взгляда кажется приставкой, противной симметріи, и въ которомъ теперь помѣщается монастырь Латинскій, большая часть монастыря Греческаго и храмъ св. Гроба, — находится за предѣлами прежнихъ стѣнъ, а слѣды ихъ необманчиво видны еще доселѣ при вратахъ *Судныхъ*. Въ этой части нынѣшняго города, еще во время Иисуса Христа, стояли отдѣльные дома новаго города, такъ-называемая *Везева*, — окруженные садами, и несомнѣнно въ царствованіе Клавдія, по старанію Агриппы I, окружили его стѣною, составляющею третье опоясаніе Іерусалима. Эта перемѣна прежняго объема города произошла черезъ 10 лѣтъ по распятіи Христовомъ. Кромѣ этихъ доказательствъ, которыя я бы назвалъ отрицательными, но которыя совершенно устраняютъ сомнѣніе, есть еще весьма много другихъ утвердительныхъ доказательствъ достовѣрности мѣстъ св. Гроба и Голговы. Любовь зоркая и ясновидящая, когда идетъ дѣло о открытіи слѣдовъ любимаго предмета, нашла и отыскала безошибочно мѣсто Голговы, даже посреди развалинъ опустошеннаго Титомъ Іерусалима. Устрашенная горсть учениковъ Христовыхъ, наподобіе голубей, хорошо знающихъ дорогу въ отечество, слетѣлась на эти святые мѣста и праздновала на нихъ память величайшей побѣды. Императоръ Адріанъ, который разумѣется былъ весьма просвѣщенъ (но никакое просвѣщеніе не замѣнитъ при злой волѣ простоты христіанства), желая положить конецъ путешествіямъ постоянно совершаемымъ Назореями къ Голговѣ, бывшей уже тогда частию города *Эли-Капитолины*, приказалъ черезъ 60 лѣтъ, по опустошеніи Іерусалима, воздвигнуть капище Венеры на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ былъ распятъ, а на скалѣ, въ которой былъ изсѣченъ Св. Гробъ, сталъ идолъ Юпитера. Это записано у многихъ писателей и

не подлежит сомнѣнію. Мерзостные обряды Венеры разогнали пустынных голубей, привыкшихъ къ чистому воздуху въ прозрачно голубомъ сводѣ небесъ, но и въ этомъ случаѣ, какъ то часто бываетъ, вмѣсто любви ненависть готовила пути Провидѣнію. Не прошло двухъ вѣковъ, какъ въ 326 году по Р. Х. царица Елена отправилась въ путешествіе въ Іерусалимъ, снабженная полномочіемъ отъ своего сына императора Константина, чтобы исполнить его волю. Она искала св. мѣсть, чтобы почтить ихъ построеніемъ христіанскихъ храмовъ. Тогда-то именно оставшіяся еще развалины вышеупомянутыхъ римскихъ капищъ служили ей указаніемъ въ изысканіяхъ и управляли рукою копающихъ работниковъ. Лишь только очистили языческія развалины, открыли невдалекѣ отъ Голговы пещеру св. Гроба, соответствующую самымъ точнымъ образомъ описаніямъ, заключающимся въ старыхъ книгахъ; а когда очистили ее при звучномъ церковномъ пѣснопѣніи и триумфѣ христіанскомъ и освятили заново, какъ мѣсто, предназначенное для молитвы, тогда появилась архитектура христіанская въ своемъ первомъ произведеніи, полная юной красоты».

Нельзя пропустить здѣсь также весьма важнаго объ этомъ предметѣ мнѣнія другаго протестантскаго писателя, доктора Шульца, извѣстнаго по своимъ глубокимъ изысканіямъ надъ исторіей Іерусалима и топографіи св. города. Въ брошюрѣ подъ названіемъ *Іерусалимъ* (Eine Vorlesung), которая несмотря на свой малый объемъ важнѣе многихъ обширныхъ сочиненій, написанныхъ объ этомъ предметѣ, — онъ доходитъ до слѣдующаго заключенія: «Если хотите знать мое убѣжденіе, то долженъ объявить вамъ, что преданіе въ отношеніи св. Гроба кажется мнѣ достойнымъ вѣры и все принуждаетъ меня къ утверженію, что храмъ Гроба Господня означаетъ то мѣсто, которое называлось Голговою.»

Можно бы привести и еще много мнѣній другихъ протестантскихъ писателей въ отношеніи этого предмета.

Не вспоминаю писателей православныхъ и латинскихъ, ибо убѣжденъ, что для *вѣрующихъ* и этихъ цитатъ достаточно; для *невѣрующихъ* же мнѣнія писателей протестант-

скихъ всегда имѣютъ несравненно болѣе цѣны, чѣмъ православныхъ и латинскихъ. Такъ вотъ почему я и указалъ два извѣстныхъ въ этомъ отношеніи сочиненія протестантскихъ писателей, въ которыхъ можно найти рациональную о храмѣ св. Гроба полемику. Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ оказывается, что храмъ св. Гроба не только построенъ на мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ Христосъ, но и то, что сіе относится къ отдаленной древности. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей о церковной древности, христіане въ 119 году по Р. Х. получили позволеніе выстроить святилище на гробѣ Богочеловѣка и заключить въ немъ другія св. мѣста; храмъ же этотъ былъ лишь увеличенъ и обновленъ при Еленѣ, матери Константина Великаго. Другіе писатели, опровергая это мнѣніе, говорятъ, что христіане не имѣли права строить церквей до самыхъ временъ Константина Великаго. Во всякомъ случаѣ остается вѣрнымъ, что христіане имѣли довольное число домовъ или часовень, гдѣ публично отправляли свое Богослуженіе, и это еще предъ гоненіемъ Диоклетіановымъ, хотя можетъ быть яснаго права построенія святиль и не имѣли. Но какъ бы то ни было, если, какъ упомянуто выше, язычники окружили стѣною мѣста, которыя были святы для христіанъ; если на Гробѣ Христовомъ поставили идолъ Юпитера, а на Голгоѣѣ—Венеры; если лѣсокъ возлѣ Виелеема посвятили Адонису,—то это обезчещеніе служить лучшимъ доказательствомъ чести, какой окружаютъ эти мѣста христіане отъ древнѣйшихъ временъ. А стояли ли на этихъ мѣстахъ христіанскіе храмы или нѣтъ, до этого мало намъ дѣла.

Во всякомъ случаѣ извѣстно, что заложеніе храма св. Гроба достигаетъ временъ Константина Великаго, письмо котораго, писанное объ этомъ предметѣ іерусалимскому епископу Макарію, сохранилъ Евсевій епископъ кесарійскій, очевидный свидѣтель освященія этого храма въ 335 году по Р. Х.—Въ этомъ письмѣ императоръ Константинъ выражаетъ желаніе, чтобы зданіе это превзошло величиною и красотою все, что только было великимъ и прѣкраснымъ на свѣтѣ, не для того, чтобы можно было увеличить святость самыхъ мѣстъ Гроба и Голгоѣы, но чтобы воздвигнуть памятникъ великому

чуду обрѣтенія св. животворящаго Креста. Онъ поручаетъ епископу Іерусалимскому, чтобы донесъ ему, какихъ потребно для сего мраморовъ, какихъ колоннъ, сколько золота.... и т. д. — Епископъ Евсевій въ житіи Константина Великаго описываетъ величественность этого храма, выстроеннаго въ продолженіи шести лѣтъ и названнаго Мартиріонъ (*свидѣтельство*). Освященіе храма продолжалось 8 дней; пѣнопѣнія христіанскія уже съ тѣхъ поръ не прекращались на этомъ мѣстѣ, но судьбы Божіи допустили разныя измѣненія въ судьбахъ святилища, воздвигнутаго во славу Его св. Еленою.

Войско Хозроя, царя персидскаго, подкрѣпленное 26,000 Евреевъ, пылающихъ духомъ мщенія, овладѣло Іерусалимомъ въ 614 году по Р. Х.—19,000 христіанъ погибло въ это время, храмъ Гроба Господня ограбленъ и Крестъ взятъ. Но Хозроя убилъ сынъ его Сироесъ, заключилъ миръ съ христіанами, отдалъ обратно св. Крестъ, а храмъ св. Гроба привелъ въ прежнее величіе во время епископа Іерусалимскаго Модеста.

Хотя калифъ Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ въ 636 году, однако оставилъ христіанамъ свободу вѣроисповѣданія и обрядовъ, но въ одномъ только этомъ храмѣ. Они пользовались этой свободой въ теченіи четырехъ вѣковъ, и достигли своего апогея при Гарунѣ-аль-Рашидѣ. Но съ тѣхъ поръ преслѣдованія начали усиливаться. Калифъ египетскій Гакемъ, который по безумію искалъ божеской почести, опустошилъ храмъ св. Гроба около 1008 года; исправили же его снова лишь черезъ 37 лѣтъ послѣ сего, во времена греческаго императора Константина Мономаха. Такъ продолжалось до крестовыхъ походовъ.

Въ 1099 году вторгнулись въ Палестину крестоносцы. Годфридъ Бульонскій взялъ Іерусалимъ, вступилъ босыми ногами и безъ оружія въ храмъ св. Гроба. Всѣ христіанскіе рыцари послѣдовали его примѣру. «Ночь почти уже наступила, пишетъ Мишо въ исторіи крестовыхъ походовъ, когда армія христіанская сосредоточилась около св. Гроба. Глубокая тишина царствовала уже тогда въ городѣ и на стѣнахъ, весь св. городъ дрожалъ отъ пѣней и покаянныхъ псалмовъ

и повторялись слова Исаи: вы, которые любите Іерусалимъ, утѣшайте другъ друга». Но исконнымъ владѣльцамъ храма— Грекамъ и обращеннымъ ими православнымъ Арабамъ отъ этого не стало легче: крестовосцы овладѣли всѣми св. мѣстами и начали тотчасъ преслѣдовать православныхъ.

Патріархъ вынужденъ былъ бѣжать на край своихъ владѣній за Іорданъ въ Каракъ, желая лучше жить съ невѣрными, нежели съ еретиками. Только личная доброта первого короля, которымъ былъ избранъ братъ Годфрида Балдуинъ, нѣсколько смягчала преслѣдованія за вѣру, но при преемникѣ его она возобновилась.

О состояніи храма въ это время мы имѣемъ свѣдѣнія изъ описанія нашего первого паломника игумена Давиила, посѣтившаго Іерусалимъ при Балдуинѣ около 1115 года. Не прошло еще вѣка, какъ Саладинъ, въ 1187 году отпраздновалъ свой триумфальный въездъ въ Іерусалимъ и 100,000 крестовосцевъ вышло изъ св. града, оставивши св. Гробъ и Голгоу какъ говорится на власть Божию. Но удаленіе крестовосцевъ изъ Іерусалима вовсе не было такимъ несчастьемъ для него, какъ селятся доказать это латинскіе писатели, доселѣ основывающіе, на временномъ владѣніи крестовосцевъ іерусалимскимъ храмомъ, свои права на него. Саладинъ, по примѣру Омара, пощадилъ св. храмъ и отдалъ его законнымъ его владѣльцамъ, то-есть, православнымъ Грекамъ и Арабамъ. Арабскій писатель Емадъ-Еддивъ, описывая событія того времени, говоритъ: «христіане плакали, и слезы падали изъ ихъ очей, *какъ капли дождя изъ тучи*. Нѣсколько усердныхъ мусульманъ совѣтовали Саладину, чтобы онъ разрушилъ ихъ храмъ, утверждая, что если гробъ Мессіи будетъ уничтоженъ и мѣсто, на которомъ стоитъ храмъ, вспахано, христіане не будутъ имѣть болѣе причинъ ходить къ этимъ мѣстамъ на поклоненіе. Но другіе были такого мнѣнія, что надобно сохранить этотъ памятникъ, ибо не храмъ, но Голгоа и Гробъ побуждаютъ христіанъ къ почитанію этихъ мѣстъ; что даже и тогда, еслибы *земля съ небомъ сошлась*, еще народы христіанскіе не перестали бы стремиться къ Іерусалиму; наконецъ, что калифъ Омаръ,

который былъ вѣрнымъ чителемъ корана и въ первомъ вѣкѣ исламизма овладѣлъ *Эль-кодсомъ*, позволилъ христіанамъ въ немъ жить и почтилъ ихъ храмъ». Вотъ что писалъ о св. мѣстахъ мусульманинъ за семь вѣковъ до нашего времени. Во время владѣнія Іерусалимомъ египетскихъ султановъ, Копты, какъ египетскіе подданные, и Абиссинцы, имѣли случай войти внутрь св. Гроба: первые съ тѣхъ временъ построили себѣ и молитвенницу (часовню) съ престоломъ къ западной стѣнѣ храма; мѣсто же Абиссинцевъ, пользуясь ихъ оскуднѣніемъ, заняли Армяне, поселившіеся въ Іерусалимѣ уже въ турецкія времена; они, вступивъ въ общеніе съ Абиссинцами и служа попеременно на ихъ жертвенникѣ, какъ *Евтихіане*,—умѣли постепенно лишить ихъ всего ими владѣмаго въ храмѣ. Армяне также заняли мѣсто православныхъ Грузинъ.

По прошествіи болѣе трехъ столѣтій *Турки* отняли Іерусалимъ у Египтянъ и съ тѣхъ поръ (если не считать кратковременнаго владѣнія Сирією и Палестиною египетскаго паши Мегметъ-Али въ 1832 году) владѣютъ имъ доселѣ. Въ ихъ владычество, съ помощію золота и подкуповъ, Армяне и Латины утвердились и расширили свои владѣнія внутри св. храма и на другихъ св. мѣстахъ. Но зданіе великаго Константина пережило всѣ эти измѣненія: въ немъ произошло много перемѣнъ, присоединено къ нему нѣсколько св. мѣстъ, но главное зданіе осталось то же самое. Несмотря на опустошенія, которымъ подвергся Іерусалимъ, а съ нимъ и храмъ св. Гроба подъ ударами варваровъ-Монголовъ орды Хоразмійцевъ въ 1243 году, все-таки до самаго 1808 года каждый поклонникъ могъ любоваться по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ святилищемъ, воздвигнутымъ въ IV вѣкѣ.

Но въ 1808 году въ ночи съ 11 на 12-е іюня сдѣлался пожаръ въ Армянскомъ придѣлѣ (въ южной части первой галлерей храма). Францисканскій пономарь, который бодрствовалъ въ это время, поправляя свои лампы, первый замѣтилъ огонь и началъ звать на помощь. Но огонь быстро расширялся, встрѣчая пищу себѣ въ множествѣ горючихъ материаловъ, а средства къ помощи были недостаточны. Въ

продолженіи двухъ часовъ обрушился куполь надъ ротондой св. Гроба, увлекъ за собою галерею, повалилъ колонны и придѣлы въ ней расположенные и даже часть стѣнъ. Долго не могли угасить пожаръ;— однако никто не погибъ. Уцѣлѣли только украшенія входной стороны храма (южной), которая видна и до сихъ поръ,—камень помазанія и Гробъ Господень, въ которомъ чудесно сохранилась хрещатая деревянная дверь, стоящая нынѣ въ патриаршемъ синодикѣ; весьма мало пострадали придѣлы Ангела и Латинская церковь «Явленія». Пламень пощадилъ часовню Коптовъ и правую половину Голговы; не повредилъ почти ни мало придѣла колонны *поруганія*, и *раздѣленія ризъ*, и вовсе не коснулся подземной церкви св. Елены. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, пожаръ слагали то на неосторожность, то на злобу и ненависть представителей одного, или другаго вѣроисповѣданія. Оплакавъ ничѣмъ вознаградимыя потери, Греки, вспомоствуемые щедрою милостынею изъ Россіи, испросивъ позволеніе у Порты, и преодолевая тысячи препятствій, возстановили храмъ, если не въ первобытной красѣ, то строго соблюдая тѣ же размѣры, — словомъ сдѣлали, что могли.

Краснорѣчивѣйшее, а можетъ быть и точнѣйшее описаніе храма св. Гроба оставилъ намъ Шатобрианъ въ своемъ *Itinéraire*; онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ европейскихъ путешественниковъ, которые навѣщали его предъ этимъ несчастіемъ. По этому описанію архитектура носила печать вѣка Константина: украшенія и колонны были коринтскаго ордена. Несмотря на то, что нѣкоторые столпы и колонны были или очень тяжелы, или очень тонки, словомъ, что вообще не соответствовали вышинѣ святилища, несмотря на то, что хоры греческіе были ниже притвора, что непріятно дѣйствовало на глазъ, прерывая видъ свода,—все-таки храмъ былъ величественъ, зданіе въ прекрасномъ стилѣ и видны были слѣды великой пышности въ украшеніяхъ. Соображаясь съ этимъ описаніемъ видно, что дѣло реставраціи (возстановленія), послѣ пожара 1808 года, хотя поручено было архитектору не отличавшемуся особеннымъ вкусомъ, исполнено добро-

совѣстно по прежнему плану: не только сохранилось то же самое основаніе, но даже держались самымъ тщательнымъ образомъ прежняго плана и въ подробностяхъ, пользуясь оставшимися стѣнами. Столпы еще тяжелѣе, нежели пишетъ Шатобріанъ, — купола возвышены менѣе, чѣмъ прежде; но раздѣленіе церквей то же самое, что прежде и, гдѣ случится попасть на древній остатокъ или карнизъ стѣнъ, пробивается стиль византійскій.

Храмъ св. Гроба много бы выигралъ, еслибы царствовала въ немъ большая чистота; но вслѣдствіе отношеній, въ какихъ живутъ въ немъ разныя вѣроисповѣданія, при сосѣдствѣ соединенныхъ съ нимъ зданій, какъ-то монастырей греческаго и латинскаго и другихъ прилегающихъ турецкихъ зданій, поддерживаніе чистоты становится вещью почти невозможной. И потому въ нѣкоторыхъ частяхъ, особенно въ сѣверной, грязь неописанная и вонь столь нестерпимая, что долгое въ нихъ пребываніе почти невозможно.

Во всякомъ случаѣ храмъ Гроба Господня если нынѣ и не можетъ назваться прекраснымъ, но все отличается нѣкоторою величиною въ размѣрахъ и древностію въ стилѣ. Все еще онъ носитъ печать зданія отъ временъ Константина, ибо въ отношеніи фундамента, стѣнъ и плана есть та же самая святыня. Никогда храмъ этотъ не былъ разоренъ совершенно и гласъ хвалебныхъ пѣсней на святыхъ мѣстахъ не умолкалъ въ немъ со времени обрѣтенія животворящаго древа и возстановленія съ подобающею честью Голгофы и пещеры св. Гроба.

Описавъ довольно подробно св. мѣста, заключающіяся въ храмѣ св. Гроба, самый храмъ и его исторію, надъ которою столько вѣковъ трудились критики, разбирая каждый отрывокъ въ авторахъ, размѣряя каждую пядь земли, каждое разстояніе одного мѣста отъ другаго, доискиваясь справедливости каждаго преданія, — окончу мое описаніе словами Шатобріана. «Счастливы были древніе паломники, пишетъ онъ въ своемъ путешествіи, что не имѣли надобности вдаваться въ критику; ибо имѣли дѣло съ людьми, религія которыхъ никогда не споритъ о правдѣ, изъ которыхъ каждый

имѣлъ убѣжденіе, что для того, дабы видѣть край такимъ, какимъ онъ есть, надобно смотрѣть на него сквозь стекло его преданій и воспоминаній!—Въ самомъ дѣлѣ по святой землѣ надобно странствовать съ Библіей въ рукахъ и съ Евангеліемъ въ сердцѣ!»

Тому же, кто хочетъ путешествовать по Іудеѣ съ духомъ отрицанія и сомнѣнія, можно сказать, что не стоитъ ѣздить такъ далѣко!

А. Л—ъ.

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬ САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ

СХИМОНАХЪ МАРКО.

При лучезарномъ сіяніи великаго свѣтила подвижничества въ нашемъ вѣкѣ блаженнаго старца Серафима Саровскаго, какъ бы тускнѣеть свѣтлый отблескъ добродѣтелей другаго современнаго ему свѣтила пустыни Саровской блаженнаго старца схимонаха Марка, жизнію и подвигами своими напоминашаго соименнаго ему пустынножителя древности, преподобнаго Марка Эраческаго ^(а). Вся Россія знаетъ о чудной жизни и подвигахъ старца Серафима изъ многократно издаваемыхъ его жизнеописаній: но многимъ ли вѣдома утаенная со Христомъ

(а) Преп. Маркъ Эраческій (или Аонскій по мѣсту рожденія) съ молодыхъ лѣтъ удалился отъ гоненій на христіанъ въ пустынную гору Эраческую въ ливійской пустынѣ, гдѣ пустынножительствовавъ въ строгомъ уединеніи, не видя лица человѣческаго, и достигъ высшей степени христіанскаго совершенства. Волосы, покрывая все его тѣло, служили ему одеждою, пища приносилась ему руками безплотныхъ, и самое слово его, по слову евангельскому, сильно было для передвиженія горъ. Послѣ многолѣтняго пустынножительства обрѣтенный преподобнымъ Серапіономъ, повѣдалъ о въ ему подробности своей равноангельной жизни, и въ присутствіи его безболѣзненно и радостно отошелъ въ вѣчность (около 400 г.). Память его совершается Церковію 5 апрѣля.

въ Богъ, не менѣе чудная жизнь старца Марка? Правда, въ одномъ изъ давнихъ жизнеописаній отца Серафима, въ видѣ приложенія находимъ о немъ краткое сказаніе; но давно замѣненная болѣе полными и новѣйшими жизнеописаніями старца Серафима, книга эта не упоминается даже въ самыхъ полныхъ каталогахъ книгопродавцевъ. Имѣя это краткое сказаніе о жизни блаженнаго схимонаха Марка, имѣя и другое рукописное сказаніе о подвижникахъ Саровской пустыни, восполняющее первое о немъ сказаніе, имѣю возможность предлагаемымъ біографическимъ очеркомъ обновить память о богоугодной его жизни для тѣхъ, которые вѣдали о ней прежде, и познакомить съ нею тѣхъ, которые лишились доселѣ возможности пріобрѣсти это душеполезное вѣдѣніе.

Схимонахъ Марко родился въ 1733 году, въ Курскѣ, отъ родителей званія купческаго, и при св. крещеніи наименованъ Михайломъ ⁽⁶⁾. Еще въ младенчествѣ замѣтны были въ немъ нѣкоторыя странности, внушавшія опасенія родителямъ, чтобы сынъ ихъ, приходя въ возрастъ, не утратилъ способностей умственныхъ. Отрокъ чуждался сверстниковъ своихъ по лѣтамъ, чуждался игръ и забавъ дѣтскихъ, былъ угрюмъ и молчаливъ, такъ что иной разъ трудно было добиться отъ него слова. Въ теплое время года, обычное время препровожденіемъ отрока служили уединенныя прогулки по окрестностямъ роднаго города: любилъ онъ одиноко бродить по полямъ, теряться въ чащѣ лѣса, въ созерцаніи красотъ природы нерѣдко забывалъ о пищѣ и домѣ родительскомъ, такъ что вынуждалъ иногда присныхъ своихъ отправляться на поиски за нимъ. Родители всячески воспрещали ему подоб-

---

(6) Именъ и фамилій родителей схимонаха Марка не сохранилось въ обоихъ о немъ сказаніяхъ, хотя быть можетъ и вѣдомы они его сродникамъ, если только таковыя еще сохранились въ Курскѣ.

ныя безвѣстныя отлучки, казавшіяся имъ пустымъ бродяжни-
чествомъ. Покорный имъ, отрокъ умѣлъ и дома среди семьи
своей сохранять безмолвіе. Въ дальнемъ углу дома за печью
было обычное его мѣсто: тамъ сиживаль онъ въ задумчивости,
мало принимая участія въ занятіяхъ и бесѣдахъ своей семьи;
изучившись же подъ руководствомъ своей матери грамотѣ,
читываль псалтирь и богодухновенными ея изреченіями пи-
талъ свою душу, въ которой подъ покровомъ угрюмости и
молчаливости проявлялся уже залогъ освѣненія благодатнаго.
По собственному признанію его въ послѣдствіи, сидя однажды
глубокимъ вечеромъ на обычномъ мѣстѣ своемъ за печью, въ
состояніи среднемъ между бодрствованіемъ и дремотою, имѣлъ
онъ духовное видѣніе страшнаго суда Божія. Ощущеніе ви-
дѣнія было такъ сильно, что онъ цѣлыя сутки оставался безъ
словъ, какъ бы въ оцѣпенѣніи. Съ этихъ поръ единствен-
нымъ его желаніемъ и цѣлію всей его жизни было избѣгнуть
лютой участи грѣшниковъ, имъ видѣнной духовно. Онъ рѣ-
шился посвятить жизнь свою на служеніе Богу въ чинѣ ино-
ческомъ, и въ подвигахъ поста и молитвы ожидать прибли-
женія дня и часа, наступленія коихъ «никтоже вѣсть». (Матѣ.
24, 36). На 24 году возраста своего Михайлъ оставилъ
домъ родителей своихъ, и постранствовалъ по св. мѣстамъ
русскимъ, въ 1757 году прибылъ въ Саровскую пустынь и
поступилъ въ число ея братіи. Удаленная отъ селеній мір-
скихъ, окруженная лѣсомъ дремучимъ, благодатная обитель
эта, чиномъ своимъ пустыннымъ, плѣнила юнаго пришельца.
Въ ней обрѣлъ онъ то безмолвіе, къ коему отъ младенчества
стремилась его душа. Это была свѣтлая эпоха въ исторіи
пустыни Саровской, привлекая къ ней благоговѣніе всей
Россіи. Подъ богомудрымъ управленіемъ строителей ея, бла-
женныхъ старцевъ Ефрема, Пахомія, Исаи и Нифонта, воз-
росли въ ней духовно и преуспѣли въ подвигахъ иноческихъ

великіе подвижники Сарова Питиримъ, Іоакимъ, Назарій игумень Валаамскій, отшельники Серафимъ, Дорошеѣ, Александръ и сей Марко, и по времени и по преуспѣванію иноческому принадлежащій къ ихъ благодатной средѣ. Вступивъ въ нѣдра св. обители, юноша Михаилъ. Въ началѣ подвизался на поприщѣ св. послушанія, безропотно и со смиреніемъ исполняя волю строителя и старцевъ, и нелѣбно труждаясь въ работахъ монастырскихъ, нерѣдко весьма тяжелыхъ. Отличаясь совершеннымъ послушаніемъ всѣмъ и каждому, Михаилъ еще въ то же время началъ проявлять въ нѣкоторой степени многотрудный въ истинномъ своемъ назначеніи даръ юродства. Въ глубинѣ смиренія своего, помышляя себя отребіемъ міра, достойнымъ всякихъ обидъ и поношеній, онъ возжаждалъ водъ поруганія, какъ питія прохлаждающаго. Подвигъ непонятный для многихъ, весьма часто злоупотребляемый праздными тунеядцами, естественнo не замедлилъ навлечь на Михаила насмѣшки и преслѣдованія со стороны ближнихъ. Его многошвенная и ветхая одежда, необыкновенная молчаливость, неблаговременное вкушеніе пищи на соблазнъ другихъ, усѣченность и странность его рѣчей, многимъ изъ старшей братіи казались неумѣстными и неприличными званію иноческому; почему неоднократно съ поруганіемъ былъ изгоняемъ Михаилъ изъ стѣнъ монастыря, какъ неисправимый и ненужный въ числѣ братіи. Благодушно принималъ онъ поношенія и изгнанія изъ обители, и удалялся въ окружающій ее лѣсъ, не желая далеко отлучаться отъ Богомъ дарованнаго ему мѣста для подвиговъ иноческихъ. Жительствуя довольно долгое время внѣ обители, терпѣніемъ своимъ и подвигами пустынными, вынуждалъ онъ братію пустыни Саровской принимать его снова въ свою среду. Но обычно недолго пребывалъ онъ тамъ, ибо юродствомъ своимъ, подъ которымъ скрывалась нерѣдко благодатная прозорливость, вскорѣ возбуждая онъ противъ

себя преслѣдованія, оканчивавшіяся новымъ изгнаніемъ его изъ обители. 20 лѣтъ провелъ такимъ образомъ пустыннолюбивый Михайль, и не бывъ еще инокомъ по званію, жизнію и сокровенными, единому Богу вѣдомыми подвигами своими, достигалъ уже совершенства иноческаго. Все болѣе начала обнаруживаться въ усѣченныхъ и прикровенныхъ его рѣчахъ благодатная прозорливость, привлекая къ себѣ вскорѣ вниманіе благоговѣйнаго строителя Саровскаго старца Пахомія. Самъ будучи опытнымъ подвижникомъ, Пахомій проникъ во глубину сокровищницы благодатной, таившейся въ Михайлѣ подъ покровомъ юродства. Онъ далъ ему особую келлію въ самой обители Саровской и вскорѣ облекъ его въ мантию, наименовавъ Меѳодіемъ; сроднившись съ лѣсною пустынею, новопостриженный инокъ недолго оставался и теперь въ стѣнахъ обители: томимый жаждою безмолвія пустыннаго, уже съ благословенія строителя Пахомія, отошелъ онъ вскорѣ опять на пустынножитіе во глубину лѣсовъ Саровскихъ. Вначалѣ, по прежнему обычаю своему, не имѣлъ онъ нигдѣ постоянного жилища, но для молитвенныхъ подвиговъ и отдохновенія тѣлеснаго уединялся въ пещеры и кущи хворостяныя, нерѣдко же имѣлъ покровомъ небо, а одромъ голую землю, ни мало не заботясь о самомалѣйшемъ, болѣе покойномъ отдохновеніи своего тѣла; стужу зимнюю и зной лѣта съ одинаковымъ терпѣніемъ переносилъ подвижникъ Божій, такъ что отъ перемѣнъ воздушныхъ почернѣло и утратило обычный видъ свой его лицо. Какъ безплотный, нечувствителенъ оставался онъ къ укушеніямъ насѣкомыхъ лѣсныхъ, изъязвлявшихъ до крови его лице, руки и босыя ноги, ибо весьма рѣдко, лишь зимнимъ временемъ, носилъ онъ убогую обувь; болвшую же часть года ходилъ босымъ, отчего ноги его всегда покрыты были язвами и царапинами отъ сучьевъ лѣсныхъ. Лѣтомъ и зимою покрывалъ онъ свое тѣло ветхимъ

многошвеннымъ рубищемъ, подъ коимъ носилъ на голомъ тѣлѣ тяжелыя вериги. Не разбиралъ никогда, вкусна ли была его пища или нѣтъ, но одинаково довольствовался хлѣбомъ свѣжимъ и гнилымъ, и всегда самъ ходилъ за нимъ въ обитель, равно и за водою, отнюдь не позволяя кому-либо услужить себѣ въ этомъ, хотя и много было желающихъ облегчить ему труды пустынножитія. Въ послѣдствіи, когда подвиги его пустынные начали привлекать къ нему братію и посѣтителей пустыни Саровской, усердствующіе къ старцу отшельнику упросили его позволить имъ построить для него теплую деревянную келлію въ одной верстѣ разстояніемъ отъ обители, гдѣ принималъ онъ приходившихъ къ нему за совѣтомъ духовнымъ. Въ келлію эту болѣе покойную уклонялся онъ впрочемъ лишь по нуждѣ, и большую часть дня проводилъ на открытомъ воздухѣ въ странствованіяхъ по пустыннымъ дебрямъ лѣса Саровскаго. Въ кельи своей старецъ не имѣлъ самаго необходимаго: все имущество его состояло изъ ветхой рогожки и деревяннаго обрубка, служившихъ ему ложемъ, двухъ выдолбленныхъ тыгвъ для пищи и воды, и нѣсколькихъ орудій для воздѣлыванія небольшого имѣвшагося у кельи его огорода и дѣланія сѣрныхъ спичекъ, что въ зимнее время служило ему келейнымъ занятіемъ. Овощами съ огорода своего довольствовался онъ самъ, и еще раздавалъ ихъ приходившимъ къ нему братіямъ и посѣтителямъ; имъ же раздавалъ онъ и спички своего руководѣля на благословеніе, самъ же ни у кого ничего не бралъ, исключая восковыхъ свѣчъ, и то по усиленной лишь просьбѣ, ради Бога. «У меня нужное все есть, говаривалъ нестяжательный старецъ, излишнее же никогда не полезно». Одинъ изъ братіи Саровской, видя крайнее убожество пустынножителя, спрашивалъ его: отчего не имѣеть въ кельи своей самаго необходимаго въ жизни! Старецъ отвѣчалъ: «я тридцать лѣтъ такъ живу,

молитва не возносится такъ легко къ Богу, какъ въ это время всеобщаго покоя и тишины. Ученикъ спросилъ его однажды: «не боится ли дикихъ звѣрей въ лѣсу въ столь позднее время?» такъ какъ въ Саровскомъ лѣсу не рѣдкость было повстрѣчаться тогда не только съ волками, но и съ медвѣдями. «Все возможно и вездѣ безопасно человѣку о укрѣпляющемъ его Господѣ,—отвѣчалъ старецъ, лишь бы возложили мы на Него все наше упованіе. Звѣри видимые не такъ страшны, ибо всегда послушны своему Владыкѣ и Творцу, покорившему ихъ вѣрнымъ Своимъ рабамъ: гораздо страшнѣе невидимые звѣри душегубцы, въ злобѣ своей противящіеся Господу и уязвляющіе его рабовъ». Зимой старецъ проводилъ въ кельи своей и ночи, совершая свои вечернія и полунощныя молитвословія, участникомъ въ коихъ дѣлалъ иногда и своего ученика. Вечеромъ, въ болѣе теплое время подъ открытымъ небомъ, а въ болѣе холодное — въ кельи, старецъ, положивъ три земныхъ поклона съ молитвою: Боже, очисти мя грѣшнаго, пѣвалъ по три раза умиленнымъ голосомъ величанія Всемилоствому Спасу: величаемъ Тя, живодавче Христе, насъ ради во адъ шедшаго... Или: Величаемъ тя, живодавче Христе, и чтимъ образъ твой...; пресвятой Богородицѣ: — Достояно есть величати тя; и дневнымъ святымъ: въ понедѣльникъ—Архангеламъ, во вторникъ—Предтечѣ, въ среду и пятокъ—Кресту, въ четвергъ—Апостоламъ и Николаю Чудотворцу, въ субботу всѣмъ святымъ, а болѣе преподобнымъ, поименно. Послѣ того дѣлалъ нѣсколько поклоновъ съ умною молитвою ко Господу Іисусу Христу, Пресв. Богородицѣ и св. ангелу Хранителю, и пропѣвъ: Достойно есть яко во истину... оканчивалъ вечернее свое молитвенное правило. Около полуночи, послѣ перваго сна, старецъ опять вставалъ на молитву, которую совершалъ въ темнотѣ ночной безъ огня. Послѣ обычныхъ поклоновъ, сказавъ: молитвами святыхъ

Отецъ нашихъ, . . произносилъ: слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ; Царю небесный; Трисвятое, и, по Отче нашъ, пѣлъ слѣдующія стихиры по одному разу: Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благій; Милосердія сущи источникъ; Се женихъ грядетъ въ полунощи; Душе моя, душе моя, — и величанія на Господскіе и Богородичныя праздники по три раза, сначала величанія на праздники Богородичныя кромѣ Успенскаго, потомъ величанія на праздники Господскіе по порядку событій жизни Господа, и наконецъ величанія Пятидесятницы и Успенія Богоматери. Далѣе пѣлъ разные тропари, какъ-то: Кресту Твоему поклоняемся, пять разъ, при чемъ всякій разъ падалъ ницъ на землю съ распростертыми крестообразно руками; Повелѣнное тайно приѣмъ, одинъ разъ; Премудрости Наставниче, три раза; стихиры: Воскресеніе Твое, Христе Спасе, три раза; за тѣмъ: Воскресеніе Христо-во видѣвше; Предварившія утро, яже о Маріи; Аще и во гробъ свизшелъ еси; Еже прежде солнца Солнце зашедшее иногда, по одному разу; Крестъ Хранитель; Плотію усувъ; Всесвятый Душе (недѣля Пятидесят.). Свѣте неизмѣнный (Преображ. Господ.); Апостоли отъ конецъ (Успен. Богом.) по три раза; послѣ того пѣлъ стиховны Пасхи: Да воскреснетъ Богъ, — всѣ; Христосъ воскресе трижды, и наконецъ: И намъ даровавъ. По совершеніи этого правила, старецъ отходилъ ко сну до звона къ заутрени: въ это время опять вставалъ на молитву, но къ участію въ ней не допускалъ сожительствовавшаго съ нимъ инока, почему осталось неизвѣстнымъ, какъ совершалъ онъ это утреннее молитвословіе. Ученикъ спросилъ однажды своего старца—отчего нечитаетъ онъ при молитвословіяхъ своихъ акаѳистовъ, псалтыри, апостола и св. евангелія? Старецъ отвѣчалъ: «когда былъ я помоложе, то прочитывалъ все это въ продолженіи дня раздѣльно по

частямъ, равно пѣваль часы и обѣдницу ^(а) въ надлежащее къ тому время, когда не бываль за службою въ монастырѣ; нынѣ же, когда стала нападать на меня слѣпота, согрѣшилъ— оставилъ, и прочитываю лишь кое-что на память, и Господь помогаетъ мнѣ». Въ другой разъ ученикъ спросилъ своего старца: отчего на вечернемъ лишь молитвенномъ своемъ правилѣ величаетъ онъ преподобныхъ и другихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, на полуношномъ же сіе упускаетъ? Старецъ задумался надъ вопросомъ и, помолчавъ немного, сказалъ: «молчать бы слѣдовало, но тебѣ скажу: въ вечернемъ правилѣ зрю себя идущимъ въ дальній, безвѣстный и опасный путь ко гробу, почему прибѣгаю къ помощи и заступленію тѣхъ, которые прошли оный и достигли въ вѣчный покой; въ полуношномъ же правилѣ зрится мнѣ всеславное второе пришествіе Судіи и Господа моего, и слышится архангельская труба, возстающая меня изъ гроба ноши на судъ Божій. Тогда не время мнѣ призывать святыхъ: припадаю съ дерзновеніемъ къ самому Христу Господу и Его Пречистой Матери, Заступницѣ нашей въ день суда, я, какъ простецъ и невѣжа, не умѣя иначе прославлять ихъ милосердіе, величаю земное ихъ житіе отъ рождества и до смерти, и затѣмъ, озаряемый славою тридневнаго Христова воскресенія, мирно и премирно праздную внутреннюю Пасху. Когда въ человѣкѣ обитаетъ миръ духовный, тогда и пасха у него на душѣ!» Затѣмъ старецъ, преисполненный чувствомъ умиленія, запѣлъ тихимъ голосомъ пасхальный стихъ: «О пасха велія и священнѣйшая Христе, о Мудросте

(а) Обѣдницею называется особый чинъ молитвенный, въ составъ коего входятъ многія молитвословія литургіи за исключеніемъ самаго таинства свхаристіи, и которымъ какъ бы отчасти восполняется лишеніе не имѣющихъ возможности присутствовать при полной литургіи.

и Слово Божій и Сило! Подавай намъ истѣе Тебе причащаться въ невечернемъ дни царствія Твоего! Приходившихъ къ старцу братій и посѣтителей Саровскихъ по большей части принималъ онъ въ своей кельѣ молча, давалъ прикладываться къ висѣвшей на его персяхъ Богоматерней иконѣ, одѣлялъ спичками своего рукодѣля, всячески стараясь высказать имъ свою о Господѣ любовь и вмѣстѣ соблюсти ненарушимымъ внутреннее безмолвіе. На вопрошенія приходившихъ за совѣтомъ духовнымъ старецъ обычно писалъ отвѣты на стѣнѣ углемъ или тростию своею на землѣ. Весьма рѣдко давалъ отвѣты устные. Сущность совѣтовъ старца, которыми назидаль онъ братію Саровскую, состояла въ нижеслѣдующемъ: «ходи въ церковь неупустительно, имѣй послушаніе къ настоятелю и старцамъ, храни любовь съ всею братіею; за трапезою внимай себѣ и чтенію, не разсматривая кто сколько вкушаетъ нищи; не ожидай поклона братняго, но предваряй его своимъ; болѣе молчи, въ баню безъ нужды не ходи, будь какъ мертвый, имѣя глаза, уши и уста какъ бы не имѣя; молись почаству, въ кельѣ имѣй благоеловенное рукодѣлье, умную молитву твори на всякомъ мѣстѣ, повсегда; ни съ кѣмъ не спорь, лучше уступи, считай себя худшимъ всѣхъ, говори лучше только: благослови и прости, отвергая душевредное самооправданіе». Смирennemудрый старецъ, самъ считавшій себя отребіемъ міра, недостойнымъ даже жительства въ обители, особенно обильно преподавалъ наставленія, ведущія къ смиренію. Онъ часто говаривалъ, что «блаженства райскаго, нами утеряннаго, нельзя иначе возратить какъ путемъ смиренія и уничиженія, по образу Сына Божія, смирившаго Себя до рабія зрака, до смерти, смерти же крестныя (Фил. 2, 8). Если Онъ, всесвятый Господь, возлюбилъ смиреніе, явилъ намъ всесовершенный образъ сей добродѣтели, умывъ ноги Своимъ ученикамъ, то тѣмъ болѣе должны сми-

ряться мы, преисполненные грѣховъ. По достойно приличествуетъ намъ считать себя худшими всѣхъ, чѣмъ весьма удобно избѣгнемъ козней врага нашего, оружіемъ смиренія и молитвы низлагая его гордыню». Особенно остерегалъ мудрый старецъ приходившихъ къ нему братій отъ перехода изъ обители въ обитель, и предлагавшимъ ему вопросы касательно этого предмета всегда писалъ одинаковый отвѣтъ: «дома сиди, изъ монастыря не ходи; отъ врага не уйдешь и отъ помысловъ его не избавишься. Терпи, и спасешися.» Однажды ученикъ засталъ своего старца сидящимъ у порога кельи въ глубокой задумчивости. Онъ напряженно смотрѣлъ на востокъ, и слезы струились по его ланитамъ. Братъ долгое время наблюдалъ за старцемъ, и наконецъ рѣшился прервать безмолвіе его вопросомъ: о чемъ это, отче, ты такъ задумался? Старецъ отвѣтствовалъ: «размышляю объ изгнаніи Адама изъ рая сладости, какъ онъ, изгнанный изъ чертога небеснаго, сидѣлъ прямо рая, и зря на востокъ плакалъ и вопіялъ ко Господу: Милостиве, помилуй мя падшаго». Благодатный старецъ, достигшій великаго преуспѣянія въ молитвѣ, помогалъ ею и другимъ ко благу душевному; прозорливымъ же окомъ своимъ проникалъ иногда въ глубину сердечную людей, искавшихъ отъ него назиданія и благословенія. Однажды посѣтили его два странника-богомольца. Старецъ встрѣтилъ ихъ на прагѣ своей келліи, далъ приложиться къ висѣвшей на персяхъ его иконѣ, и потомъ, оторвавъ лоскутъ своей ветхой многошвенной одежды, далъ его одному изъ посѣтителей, сказавъ: «отмахнись, батюшка, отъ комаровъ, чтобы не туманили они тебѣ голову». Вышедъ отъ старца, этотъ посѣтитель повѣдалъ своему спутнику, что дѣйствительно непотребные помыслы весьма стужали ему во всю дорогу, какъ шли они къ старцу, но только-что исполнилъ онъ совѣтъ прозорливаго старца и обмахнулся даннымъ ему лос-

куткомъ, какъ тотчасъ же ощутилъ миръ и прекращеніе мысленной брани: помыслы злые разсѣялись какъ комары, и причиняемое ими смущеніе замѣнилось спокойствіемъ души. Одинъ изъ иноковъ Саровскихъ, пустынножительствовавшій въ лѣсу, при уединенныхъ подвигахъ своихъ предался неумѣренному посту, отъ котораго пришелъ въ крайнее изнеможеніе, такъ что надлежало ожидать плачевнаго окончанія подвига его, принятаго подвижникомъ не по разуму и безъ совѣта старческаго. Духомъ прозорливости позналъ великій Марко искушеніе, постигшее собрата. Онъ пришелъ къ изнемогшему постнику въ пустынную келью и принесъ съ собою укрухъ хлѣба и овощей съ своего огорода. Правую руку приподнявъ жезлъ свой, а лѣвою подавая снѣдь брату, Марко съ угрозою говорилъ: «ѣшь, ѣшь!»—Братъ, убоявшись жезла и угрозъ старца, вкусилъ цици и нѣсколько укрѣпился. Потомъ, внимая совѣту великаго старца, осудившаго неразумный его подвигъ, оставилъ онъ сей подвигъ благовременно, и тѣмъ избѣжалъ дурныхъ послѣдствій. Нѣкто изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, обитавшій не вдалекѣ отъ обители Саровской, пользовался особымъ благорасположеніемъ старца. Старецъ любилъ благочестивое семейство помѣщика и иногда посѣщалъ ихъ усадьбу, отстоявшую верстахъ въ 17-ти отъ обители. Тамъ въ саду устроена была усердствовавшими къ старцу хозяевами уединенная для него келья, гдѣ и пребывалъ онъ во время своихъ посѣщеній. Супруга благочестиваго помѣщика, тоже весьма благочестивая, была лютеранскаго вѣроисповѣданія. Старецъ всегда убѣждалъ ее оставить заблужденія лютеранскія и присоединиться къ св. православной церкви. Помѣщица медлила и хотя не отрицала истины православія, но все желала имѣть какое-либо знаменіе превосходства его надъ лютеранствомъ. Она просила старца помолиться объ этомъ, и старецъ обѣщалъ ей, что ради вѣры

и благочестія ея мужа дастся ей знаменіе во благо. Дѣйстви-
тельно, вскорѣ помѣщица имѣла знаменательное сновидѣніе,
какъ ее поразившее, что она болѣе уже не медлила присоеди-
ниться къ православной церкви, и сдѣлалась потомъ ревност-
ною послѣдовательницею святаго ея ученія. Подъ конецъ
жизни старецъ Марко весьма болѣзновалъ ногами: отъ продол-
жительныхъ стояній на молитвѣ и многотрудныхъ хожденій по
пустыни, ноги старца отекали, распухли и покрылись язвами,
такъ что онъ нѣкоторое время лишенъ былъ возможности
ходить. Нѣкоторые изъ братій Саровскихъ, соболѣзнуя стар-
цу въ недугѣ, совѣтовали ему обратиться къ помощи врачей
земныхъ; но старецъ не внялъ этому совѣту и всецѣло пре-
далъ себя небесному Врачу душъ и тѣлесъ. Онъ съ вѣрою
взялъ елея отъ лампы, горѣвшей предъ иконою Пресв. Бо-
городицы живоноснаго ея источника, находящейся въ теп-
ломъ соборѣ Саровской пустыни и почитаемой тамъ чудотвор-
ною, — помазалъ елеемъ этимъ болѣзновавшія свои ноги, и, ко
всеобщему удивленію знавшихъ его недугъ, вскорѣ совершенно
отъ него исцѣлился благодатною помощію Матери Господней,
непосрамившей его упованія. Но за болѣзнію, столь дивно
исцѣленною, слѣдовало новое искушеніе великому старцу,
уготовлявшее его въ смиреніи духа готовиться къ переходу
въ вѣчность. Исконный врагъ спасенія человѣческаго, не
оставляющій подвижниковъ Божіихъ въ самой высокой мѣрѣ
духовнаго ихъ преуспѣванія, но присно стужающій имъ своими
прилогами, навелъ на старца брань уныніемъ. Это было ров-
но за полгода до кончины старца. Отстоявъ вечерню въ мо-
настырѣ на Страстной седмицѣ, Марко остался въ церкви,
и сѣвъ на скамьѣ, началъ горько плакать. Братъ, исправляв-
шій пономарское послушаніе, увидѣвъ старца плачущимъ,
спросилъ его о причинѣ столь неутѣшнаго плача. Марко от-
вѣтствовалъ: Горе мнѣ! врагъ наводитъ на меня отчаяніе:

онъ говоритъ мнѣ: нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его (Псал. 3, 3). Братъ отвѣчалъ: «отче, тебѣ не плакать отъ сего подобаетъ, но и насъ укрѣплять, ибо, какъ кажется мнѣ, завидно стало врагу твое земное теченіе, и онъ наводитъ на тебя это искушеніе, можетъ, предъ скорою твоею кончиною, предъ которою особо бореть онъ истинныхъ рабовъ Божіихъ, желая помѣшать имъ получить награду небесную». Марко упалъ въ ноги утѣшавшему его брату, прося себѣ его молитвъ. Вскорѣ подвижникъ былъ утѣшенъ благодатнымъ видѣніемъ обителей небесныхъ, уготованныхъ Господомъ для любящихъ Его. Видѣніемъ этимъ отъялось тяготившее старца искушеніе и вмѣсто его насадилась въ сердцѣ его тихая и святая радость о Бозѣ Спасѣ своемъ. Въ восторгъ духа неоднократно повторялъ онъ потомъ сожительствовавшему съ нимъ брату: «Есть намъ по чемъ надежду имѣть спасенія! Есть намъ ради чего потрудиться во спасеніе!» О бывшемъ ему видѣніи повѣдалъ онъ потомъ нѣкоторымъ и изъ братіи Саровской, возбуждая ихъ къ подвигамъ иноческимъ и свидѣтельствуя, что самыя лютыя земныя искушенія и страданія малозначущи предъ обиліемъ блаженства райскаго, небесныхъ жилищъ праведныхъ. Въ концѣ октября 1817 года, старецъ разболѣлся въ своей пустынноческой кельи, и былъ приведенъ братією въ обитель Саровскую для купутствованія въ вѣчность. Ему отведена была особая келья въ монастырѣ: здѣсь прощался онъ со всею братією и усердно испрашивалъ себѣ молитвеннаго ихъ поминовенія по смерти. Все болѣе и болѣе ослабѣвая въ силахъ тѣлесныхъ, подвижникъ просилъ духовника своего принять отъ него исповѣдь и причастить его Св. Христовыхъ Тайнъ, послѣ чего, совершено было надъ нимъ соборнѣ тайнство Елеосвященія. Послѣ сего, старецъ погрузился въ молитвенное молчаніе, и въ такомъ состояніи пробылъ до самой кончины. Въ воскресенье, 4 ноября 1817 го-

да, утромъ, въ промежуткѣ времени между раннею и позднею литургіею, предаль онъ мирно душу свою въ рудѣ Божіи. Многотрудное тѣло старца-пустынника съ честію было опрятано по чину иноческому старшими изъ братіи Саровской. Облеченное въ одежды схимонашескія, вскорѣ затѣмъ было оно положено во гробъ и вынесено въ соборъ, гдѣ усердствовавшіе къ почившему старцу не преставали отправлять по немъ панихиды. Бренныя останки старца Марка были преданы землѣ съ южной стороны лѣтняго собора Саровской пустыни, вокругъ коего столь многіе подвижники и молитвенники-старцы той обители обрѣли себѣ пристанище вѣчное, донинѣ пребывая какъ бы на стражѣ молитвенной у святилища Божія. Рядомъ съ могилою схимонаха Марка, возлегъ приснопамятный старецъ Серафимъ. Тутъ же вокругъ собора покоище вѣчное доблестныхъ строителей Саровскихъ: Ефрема, Пахомія, Исаи, Нифонта. И лишь старецъ игуменъ Назарій Валаамскій уединился отъ сонма ихъ у стѣнъ алтаря теплаго собора. Блаженный схимонахъ Марко, и по отшествіи своемъ въ страну загробную, не преставае содѣйствовать спасенію тѣхъ изъ братіи Саровскихъ, которые питали къ нему вѣру и почитали его память, памятуя труды его пустынные. Въ воспоминаніе о подвижникѣ Божіемъ, на мѣстахъ подвиговъ его въ лѣсу Саровскомъ сооружены были кресты. Одинъ изъ нихъ установленъ былъ не вдаль отъ бывшей пустынной кельи старца на берегу рѣчки Саровки, а другой на горѣ въ лѣсной чащѣ, гдѣ любилъ совершать молитвы свои почившій старецъ. Усердствовавшіе къ нему иноки имѣли обычаемъ приходивъ къ крестамъ этимъ на поклоненіе и пѣть при нихъ крестныя стихиры, въ коихъ молитвенно прославляя Распятаго на дрѣвѣ крестномъ Владыку и Господа, вкупѣ воспоминали и доблестнаго послѣдователя Его въ крестоношеніи схимонаха Марка. Одинъ братъ,

сильно боримый помыслами вражими, утро и вечеръ приходилъ къ крестамъ старца и съ слезною молитвою произносилъ при нихъ слова псаломскія: «суди, Господи, обидящія мя, побори борющія мя: приими оружіе и щитъ и востани въ помощь мою» (Псал. 34, 12)! Однажды, когда произнесъ онъ эти слова и съ умиленіемъ припалъ къ кресту, испрашивая себѣ помощь Всевышняго въ мысленной брани, внезапно озарилъ его какъ бы нѣкій лучъ, отчего ощутилъ онъ въ сердцѣ своемъ покой и радость: помыслы, тяготившіе душу его, разсѣялись предъ обиліемъ свѣта, и божественное утѣшеніе замѣнило собою томительное смущеніе, его угнетавшее. Другой братъ, желая подражать пустынному житію и подвигамъ почившаго о Господѣ старца, началъ призывать его въ молитвахъ своихъ на помощь въ задуманномъ дѣлѣ. Однажды ночью, въ сонномъ видѣніи предсталъ ему Марко; какъ бы стоящимъ у входа въ свою пустынническую келью. Братъ началъ просить старца—впустить его въ свою келью; но старецъ, отмахиваясь отъ него рукою, сказалъ: «иди, иди на западъ, а здѣсь тебѣ не мѣсто!» Братъ убѣдительно началъ просить старца впустить его въ келью, но получилъ опять тотъ же отвѣтъ, повергшій его въ великую скорбь. Тутъ появился незнакомый ему прекрасный юноша и началъ убѣждать старца—впустить къ себѣ скорбящаго брата. «Ты видишь, какъ онъ скорбитъ и плачетъ», говорилъ юноша старцу. «Невмѣстно ему здѣсь, пусть идетъ на западъ», отвѣтствовалъ ему старецъ. «Но я хоть по временамъ буду приходить въ твою келью», осмѣлился сказать плачущій братъ. «Вотъ по временамъ хорошо, душеполезно будетъ, ходи, ходи»,—сказалъ старецъ, и на этомъ сновидѣніи инока окончилось. Онъ принялъ его какъ извѣщеніе того, что предположенное имъ намѣреніе подражать пустыннымъ подвигамъ старца Марка не будетъ ему полезно, и поэтому оставилъ

намѣреніе совершенно переселиться въ пустыню, а испросилъ только благословеніе настоятеля, уклоняться иногда въ келью старца на безмолвіе, непродолжительное по времени. Нужно полагать, что явившійся подѣ иносказаніемъ запада подразумѣвалъ жизнь въ монастырѣ среди братіи, а подѣ кельею своею строгое безмолвіе въ пустынѣ, неудобовмѣстимое для необучившихся вполнѣ брани со врагомъ въ общежитіи человѣческомъ. Такъ и по смерти своей не преставалъ приснопамятный Марко содѣйствовать благу душевному своихъ учениковъ, проявляя, что для нихъ и за гробомъ была многомошца его мольба. Уповательно впрочемъ, что и для всѣхъ, воспоминающихъ подвиги въ Бозѣ почившаго блаженнаго старца, схимонаха Марка, и испрашивающихъ ему небснаго со святыми упокоенія, будетъ онъ соотвѣтствовать своими преподобническими мольбами ко благу и спасенію: «много бо можетъ молитва праведнаго» (Іаков. 5, 16), при вѣрѣ и усердіи къ его памяти.

А. Ковалевскій.

К О Н Д А К И

на Успеніе Пресвятыя Богородицы,

съ акростихомъ: Τοῦ ταπεινοῦ Κοσμά Ἰμνος (смиреннаго Космы
пѣснь) (а).

Глава 2. Самогласенъ.

Въ молитвахъ неусыпающую Богородицу и въ предстатель-
ствахъ непоколебимое упованіе—гробъ и смерть не удержали:
ибо какъ Матерь жизни, къ жизни представилъ ее въ утробу
Вселившійся приснодѣвственную.

(Τεχνήσον) Огради помышленія мои, Христе мой, ибо стѣну
міра воспѣть дерзаю, чистую Матерь Твою; на столпѣ (бо-
жественныхъ) глаголовъ укрѣпи меня и въ тяжелой борьбѣ съ
помышленіями заступи меня: ибо Ты моленія взывающихъ и
просящихъ съ вѣрою исполняешь. Итѣкъ и мнѣ даруй языкъ
пригодный и помысль непостыдный: ибо всякій даръ озаренія
отъ Тебя ниспосылается, Свѣтоподатель, во утробу вселившій
ся приснодѣвственную.

(Θιος) Какой мудрецъ уразумѣетъ и скажетъ, какъ Матерь
Живораждающаго всѣхъ и тварь отъ тьмы свободившаго,
могильнымъ камнемъ покрывается и во гробѣ мертвыхъ по-

(а) Св. Косма, епископъ Маіумскій (8-го вѣка), творецъ сихъ кон-
даковъ, написалъ и канонъ на Успеніе: *Преукрашенная*.

лагается? Или опять какъ темница тлѣнія приняла тѣло нетлѣнное? Чудесныя и славныя дѣла совершаетъ и показываетъ Богъ, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Ἐντρον) Сну жизни подчинилась Марія, бодрствуя окомъ; представившись плотію, молить и заступаетъ; успеніемъ перешла въ иную жизнь и въ райскихъ обитаетъ мѣстахъ, та которая имѣла чрево скинію, ширшею небесъ, будучи истиннымъ домомъ и престоломъ и многомѣстимымъ небомъ Божиимъ. Съ нею, какъ сынъ Ея, всегда пребываетъ Господь, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Τιμητικῶς Досточестно, пристойно пѣснями ублажимъ, люди, оную весь, послужившую (присно) живущей славнымъ и всемірнымъ гробомъ, и (присно) живущую не удержавшую во гробѣ. Раю сладости равночестна Геѳсиманія! Въ ней Христось, бывши недавно въ молитвѣ, получилъ успокоеніе; потомъ положилъ и непорочное тѣло Матери, изъ нетлѣнія въ утробу Вселившійся приснодѣвственную.

(Ἀλιθηνόν) По истинѣ нѣчто подобное тому, что было со Христомъ, должно воспѣть въ невѣстѣ Маріи и Дѣвѣ, Матери Царя всѣхъ. По слѣдамъ смерти прошла она, причастная существу человѣческому, чтобы Родившійся отъ нея какъ отъ жены, на ней показалъ смертнымъ и тлѣннымъ и странствующимъ предѣлы, до какихъ можетъ достигнуть совершенная природа, — на ней, которую восхитилъ въ бессмертную обитель Христось, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Πάς) Ибо всякій человѣкъ, поживъ, увидить смерть. Марія же, протекши времена, живетъ съ Владыкою, высшимъ времени, не потерпѣвши разрѣшенія плоти чрезъ тлѣніе, потому что безчестную обиду разрѣшенія не надлежало принять тому сосуду общей жизни, который по избранію предуготовалъ Богъ, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Ἐπί) О свѣ приходитъ на мысль, какъ Создатель соиз-

волилъ Сію перенести отъ земли на небо, и съ полною заботливостію предуготовивши все, радостнотворно переселилъ изъ міра тлѣннаго. Мудрыхъ учениковъ, которыхъ облака принесли къ Пречистой, мгновенно собралъ къ Дѣвѣ изъ дальняго разсѣянія въ утробу Вселившійся приснодѣвственную.

(*Иѡу*) Узрѣла Ее дванадесять, поклонились ей съ подобающею честію, какъ всечестной. Она же, когда увидѣла апостоловъ, тотчасъ вспомнила объ Учителѣ и матерински возмущившись нѣсколько во глубинѣ души, слезами очей оросила ланиты свои, и возопила: радуйтесь чада Сына моего и Бога, которыхъ духовно усыновилъ въ утробу Вселившійся приснодѣвственную.

(*Неумакт*) Изволеніемъ Господа я отхожу къ Нему, и потому съ радостію и поспѣшностію оставляю здѣшнюю жизнь, дабы мнѣ какъ матери собесѣдовать съ Сыномъ и какъ рабѣ сожителствовать со Владыкою; сиротствомъ почитаю, если не съ Нимъ живу; знаю, кого чисто родить удостоилась я, и какъ же съ радостію не спѣшить мнѣ идти туда, гдѣ находится въ утробу Вселившійся приснодѣвственную?

(*Оидатѣ*) Знаете вы слова Слова, которыя Онъ возвѣстилъ когда вели Его на распятіе: не плачьте нынѣ. Се и я зранѣ напоминаю вамъ: не плачьте, не стенайте, не рыдайте, помышляя, что преставленіе мое есть радость для меня; держайте, скоро и вы придете къ намъ, и о томъ, что сорадоваться съ Нимъ будутъ ученики Его, сказалъ Самъ Господь, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(*Упо*) Собственными руками и съ пѣснопѣніями перенесите нынѣ, апостолы, тѣло мое во гробъ. Ибо погребаемая вашими руками, я буду погребаема какъ бы дланями Сына моего; усыновленными считаю я учениковъ Его и не чуждое для васъ дѣло погребсти мать; ибо братьями назвалъ васъ и

друзьями наименовалъ вѣлжннй Сынъ мой и Богъ, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Καυ) Хотя и во гробъ слагаю я тѣло, но какъ по рожденіи сохранилась дѣвою, такъ и нынѣ сохранена буду отъ мертвенности. Хотя оставляю живущихъ въ мірѣ, но сущихъ въ мірѣ не оставляю покровомъ и помощію, ходатайственнымъ заступленіемъ всегда умоляя Сна моего быть къ нимъ челоѣколюбивымъ и спасти всѣхъ отъ вражескихъ искушеній ко грѣху. Ибо какъ обѣщаль, слушаетъ Матерь свою въ утробу Вселившійся приснодѣвственную.

(Οταυ) Когда Она сказала сіе, съ молитвою свѣтло испустила духъ, и ангелы вмѣстѣ съ Господомъ предстали невидимо, чтобы принять духъ Всепѣтой и съ честію отнести его въ жизнь нетлѣнныхъ обитателей, всегда восхвалять его, какъ Божіе духовное жилище, на которое теперь изливаетъ благоуханіе и благовонное вѣяніе въ утробу Вселившійся приснодѣвственную.

(Συυ) Вмѣстѣ съ ангелами тотчасъ же и свѣтильники міра, достославные апостолы, почтивъ тѣло приличнымъ погребеніемъ и благославными хвалами, съ объятіями припадали къ нему, съ источниками слезъ лобызали его, благословляли, каплями слезъ орошали, молили вспомнить о нихъ, и услышалъ учениковъ Богъ, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Μετα) Вмѣстѣ съ своими проповѣдниками, какъ думаю, и Творецъ всего въ незримои видѣніи преклонился на грудь пренепорочной и лобзаніями родственными осыпалъ Ту, изъ сосцовъ коей и въ объятіяхъ которой, странно сказать, во младенчествѣ, скача и играя питался млекои. Самою природою побуждаемый, не отрекся материнской любви Онъ, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Αραυτες) Со страхомъ взявши тѣло самовидцы Слова, ро-

дившагося чисто изъ онаго тѣла, на раменахъ своихъ дориносить его и торжественными пѣснопѣніями славословять Ту, которая послужила посредствомъ къ тому, что плодъ едемскій, съѣденный нѣкогда со вкущеніемъ язвы, замѣненъ крестомъ. Ее, какъ виновницу благъ, дароваль ученикамъ Богъ-Слово, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(τφει) Когда поднять былъ на высоту одръ Той, которая являлась вышею всѣхъ тварей, Ея мощамъ воздавали честь вѣрные, иные поклоняясь, иные же и прикасаясь; ибо поистинѣ врачествомъ душъ было прикосновеніе къ Чистой, къ ея тѣлу, сподобившемуся Божественнаго наитія, къ ея одеждѣ, осіявающей христіанъ, почему прибѣгающихъ и зывающихъ къ Ней оправдываетъ въ утробу Вселившійся приснодѣвственную.

(Ματαίος) Суетный же Еврей,—ибо и тогда они были суета суетъ, какъ обидчики и петля,—дерзаетъ положить руку на край одра, намѣреваясь опрокинуть тѣло, но тотчасъ же получаетъ наказаніе изсушеніемъ рукъ, и вразумившись устрашается своего дѣянія, и не упорствуетъ уже въ намѣреніи, но проситъ прощенія злу и увѣровалъ, говоря: Онъ самый есть, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Νεοπαυει) Во вновь изсѣченномъ изъ камня гробѣ въ чистыхъ плащаницахъ положившіе ее видятъ, что Та, которую положили они, неизреченно восхищена, и гробъ пусть; и разсмотрѣвъ познали, что отъ Бога было сдѣлано восхищеніе Ея, и съ твердою увѣренностію въ семъ восхвалили Бога о Ней, и сказали: поистинѣ дивенъ Господь, представившій ее къ Себѣ, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

(Οπλον) Ты—оружіе крѣпкое, твердая сила, предстательство и храненіе, упованіе крѣпкое и стѣна необоримая, міръ сохраняющая вѣрою и державу царства побѣдами; рати же варваровъ всегда предающая на избіеніе, міръ государству

молитвами твоими дарующая; ибо творить все по прошенію твоему Бывшій изъ Тебя; на все, о чемъ просишь, соизволяетъ въ утробу Вселившійся приснодѣвственную.

(Σωσον) Спаси, Дѣво, и меня и всѣхъ, ибо всѣ мы среди скорбей и прегрѣшеній имѣемъ нужду во спасеніи твоёмъ, и дерзновенія пѣсни сей не отринь, даруй мнѣ прощеніе; ибо скудный умъ не изобилуетъ сокровищемъ честныхъ хваленій. Почему въ замѣнъ убожества разума и жизни, Ты даруй мнѣ твои милости, ибо Тебя помощницею для всякаго дыханія содѣлалъ Богъ, въ утробу вселившійся приснодѣвственную.

Св. М Б—ій.

УМИРАЮЩІЕ О ГОСПОДѢ ^(а).

„И слышахъ гласъ съ неба, глаголющъ ми: блаженн мертвіи умирающіи о Господѣ отнынѣ“ (Апок. 14, 13).

Кому изъ вѣрующихъ во Христа не желательно участвовать въ блаженствѣ, свойственномъ умирающимъ о Господѣ?— Посему стоитъ позаботится о томъ, чтобы познать вѣрнѣйшее средство къ достиженію сего блаженства и, познавъ, воспользоваться онымъ. И такъ разсмотримъ, кто суть умирающіе о Господѣ, коихъ небесный гласъ, слышанный св. Апостоломъ Іоанномъ и записанный имъ въ его Откровеніи, называетъ блаженными.

Гласъ небесный повелѣлъ написать святому Апостолу Іоанну слова: «блаженн мертвіи умирающіе о Господѣ отнынѣ», немедленно послѣ того, какъ св. Апостоль произнесъ: «здѣ есть терѣніе святыхъ, иже соблюдаютъ заповѣди Божіи и вѣру Іисусову». А изъ сего открывается само собою, что умирающими о Господѣ небесный гласъ называетъ святыхъ, которые соблюдаютъ заповѣди Божіи и вѣру Іисусову. Посему, чтобы видѣть намъ, кто суть умирающіе о Господѣ, которыхъ небесный гласъ называетъ блаженными, разсмотримъ, кто истинно соблюдаетъ заповѣди Божіи и вѣру Іисусову, а для сего изложимъ во первыхъ, въ чемъ состоятъ заповѣди Бо-

---

(а) Изъ рукописей покойнаго Леанасія, архіепископа Казанскаго.

жія и вѣра Іисусова, вовторыхъ, какъ должно соблюдать заповѣди Божіи и вѣру Іисусову.

Въ чемъ состоятъ заповѣди Божіи и какъ должно соблюдать ихъ? Всѣ Божественныя заповѣди, предписанныя намъ въ словѣ Божіемъ, какъ необходимыя условія, отъ соблюденія коихъ зависитъ вѣчное и небесное наше блаженство, состоятъ существеннымъ образомъ, по ученію самого Іисуса Христа, Сына Божія, въ высочайшей любви къ Богу и въ любви къ ближнему, равной любви нашей къ себѣ самимъ. «Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслию твоею. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ» (Матѣ. 12, 37—40). Такъ отвѣчалъ Іисусъ Христосъ нѣкоторому законнику, спросившему Его: какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?

Для истиннаго соблюденія заповѣдей Божіихъ требуются три необходимыя условія, безъ соблюденія коихъ невозможно получить блаженство. *Вопервыхъ*, требуется, чтобы мы не нарушали ни одной Божіей заповѣди, но соблюдали всѣ оныя. Необходимость сего явствуется изъ того, что если мы и весь законъ Божій сохранимъ, но въ одномъ чемъ-нибудь согрѣшимъ, то становимся виновны во всемъ, и что посему если постоянно не исполняемъ всего, что написано въ законѣ Божіемъ, то находимся подъ Божественнымъ проклятіемъ. Что, согрѣшивъ въ чемъ-нибудь одномъ противъ закона Божія, мы становимся виновны во всемъ, сіе видно изъ словъ Апостола Іакова: «иже весь законъ соблюдеть, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ. Рекій бо: не прелюбы сотвориши, рекль есть: и не убіеши. Аще же не прелюбы сотвориши, убіеши же, былъ еси преступникъ закона» (Іак. 2, 11—12). А что если мы постоянно не исполняемъ всего, что написано

въ законѣ Божіемъ, то находимся подъ проклятіемъ Божіимъ, — это явствуетъ изъ угрозы, произнесенной Самимъ Богомъ: «проклятъ всякъ», говоритъ Онъ, «иже не пребудеть во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законѣи, яко творити я» (Гал. 3, 10. Второз. 27, 26).

Вовторыхъ, для истиннаго исполненія заповѣдей Божіихъ требуется, чтобы мы пенарушимо и постоянно сохраняли все оныя, во все продолженіе нашей жизни, до самой смерти. Необходимость сего явствуетъ изъ того, что тотъ, кто будетъ нарушать заповѣди Божіи и не раскается въ томъ, тотъ, хотя бы прежде былъ самый святой и праведный, не только лишится царствія небеснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ награды за все свои прежнія добродѣтели, сколько бы онѣ велики ни были, но еще большому подвергнется суду и осужденію отъ Бога, нежели тотъ, кто, по невѣденію своему, никогда не исполнялъ ихъ. Что тотъ, кто будетъ нарушать заповѣди Божіи и не раскается въ томъ, лишится царствія небеснаго, сіе видно изъ словъ Іисуса Христа: «никтоже возложивъ руку свою на рало, и зря вспяты, управленъ есть въ царствіи небеснѣмъ» (Лук. 9, 62.); а что онъ вмѣстѣ съ симъ лишится и награды за все свои прежнія добродѣтели, сіе видно изъ словъ Господа у пророка: «аще совертитъ праведникъ отъ правды своея», говоритъ онъ, «и сотворитъ неправду по всемъ беззаконіемъ, яже сотворилъ беззаконникъ, вся правды его, яже сотворилъ есть, не помянутся: въ преступленіи своемъ, имже преступи, и во грѣсѣхъ своихъ, имиже согрѣши, въ нихъ умретъ» (Иезек. 18, 24). Посему-то и св. апостоль Павелъ, забывая задняя, всегда простирался впередъ. Что таковой человекъ еще большому подвергается суду и осужденію отъ Бога, это видно изъ словъ св. апостола Петра: «аще отбѣгше», говоритъ онъ, «скверня міра познаніемъ Господа нашего Іисуса Христа, сими же паки сплетшеся побѣждаемы бываютъ, бы-

ша имъ послѣдняя горша первыхъ. Лучше бо бѣ имъ не познати пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять отъ преданныхъ имъ святыхъ заповѣдей» (2 Петр. 2, 20, 21).

Втретьихъ, для истиннаго соблюденія заповѣдей Божіихъ требуется, чтобы мы исполняли оныя со всеѣмъ усердіемъ, со всею охотою, со всею ревностію, исполняли именно такъ, какъ Богъ велитъ исполнять ихъ. Необходимость сего явствуетъ какъ изъ того, что мы должны любить Бога всеѣмъ сердцемъ, всею душою и всею мыслию, такъ и изъ того, что изъ любви къ Нему мы непремѣнно должны оставить любовь къ міру и все вообще мірскія заботы о богатствѣ, о пищѣ, о питіи и объ одеждѣ и тому подобномъ, такъ что если мы не оставляемъ любви къ міру и всеѣхъ вообще мірскихъ заботъ и попеченій, то мы не любимъ Бога, не можемъ любить Его и даже ненавидимъ Его и враждуемъ противъ Него. Въ истинѣ сего удостовѣряютъ насъ частію слова самого Іисуса Христа, частію слова апостоловъ Іакова и Іоанна. Іисусъ Христосъ именно говоритъ, что мы не можемъ служить Богу и мамонѣ или богатству, и требуетъ отъ насъ, для должной любви къ Богу, чтобы мы не заботились ни о пищѣ, ни о питіи, ни объ одеждѣ. «Никтоже можетъ», говоритъ Онъ, «двѣма господинома работати: либо единого возлюбить, а другаго возненавидитъ: или единого держитса. о друзѣмъ же нерадѣти начнетъ. Не можете Богу работати и мамонѣ. Сего ради глаголю вамъ: не пецытеся душею вашею, что ясте или что пиете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся» (Матѣ. 6, 24. 25). Святый апостоль Іоаннъ запрещаетъ любить міръ и все находящееся въ мірѣ и служащее къ удовлетворенію похоти плоти, похоти очей и гордости житейской, именно потому, что кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви къ Богу. «Не любите міра», говоритъ онъ, «ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плоти, похоть очесъ и

гордость житейская, вѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть» (1 Іоан. 2, 15. 16). А св. апостолъ Іаковъ любовь къ міру прямо называетъ враждою противъ Бога. «Прелюбодѣи и прелюбодѣйцы», взываетъ онъ, «не вѣсте ли, яко любви міра сего вражда Богу есть? Иже бо восхоцетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ. Или мните, яко всеу глаголетъ писаніе: до ревности любить духъ, живущій въ насъ» (4, 4. 5).

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ, въ чемъ состоятъ заповѣди Божіи и что необходимо требуется для соблюденія ихъ, обратимся тецерь къ вѣрѣ Іисусовой и покажемъ также, въ чемъ она состоитъ и что необходимо требуется для истиннаго сохраненія оной.

Вѣра Іисусова главнымъ образомъ состоитъ въ вѣрованіи, что Іисусъ изшелъ отъ Бога и Богомъ посланъ былъ къ намъ на землю (Іоан. 17, 8), что Онъ Христосъ, обѣтованный праотцамъ въ ветхомъ завѣтѣ пророками и Единородный Сынъ Божій (Іоан. 20, 31. сн. 1 Іоан. 2, 12), что Онъ единосущенъ Богу Отцу, такъ что Онъ во Отцѣ и Отецъ въ Немъ (Іоан. 14, 11; 10, 38), что Онъ творилъ чудеса не иною какою силою, какъ силою Божества (Мар. 3, 28—30), что Онъ есть единый ходатай Бога и человѣковъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ (1Тим. 2, 5. 6), такъ что нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія и нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ бы надлежало намъ спастися (Дѣян. 4, 11. 12), что правда Божія независимо отъ закона явилась чрезъ вѣру въ Него всѣмъ и для всѣхъ вѣрующихъ (Рим. 3, 21. 22), что Богъ предложилъ Его въ жертву умиловленія чрезъ вѣру въ кровь Его, чтобы показать правду Свою въ прощеніи прежде содѣланныхъ грѣховъ (Рим. 3, 25), — что кровь Его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (1 Іоан. 1, 7), — что Онъ пришелъ на землю во плоти (1 Іоан. 4, 2. 3), что Онъ есть Господь нашъ и что Богъ Отецъ воскресилъ Его

изъ мертвыхъ (Рим. 10, 9. 10). Въ семь существеннымъ и главнымъ образомъ состоитъ вѣра Іисусова, безъ которой невозможно спастись намъ.

Для истиннаго сохраненія сей вѣры Іисусовой, подобно какъ и для истиннаго соблюденія заповѣдей Божіихъ, три также требуются необходимыя условія, безъ соблюденія коихъ сохраненіе оной не можетъ быть для насъ спасительно.

Вопервыхъ, для истиннаго соблюденія вѣры Іисусовой требуется, чтобы мы непремѣнно вѣрили *всему* тому, въ чемъ состоитъ она главнымъ и существеннымъ образомъ. Сіе необходимо потому, что если мы не вѣруемъ и одному чему-нибудь такому, въ чемъ главнымъ и существеннымъ образомъ состоитъ она, то теряемъ спасеніе. Такъ на примѣръ кто не признаетъ Его Христомъ, обѣтованнымъ праотцамъ въ в. завѣтѣ пророками, тотъ лжець и антихристъ, отмѣтающійся Отца и Сына. «Кто есть лживый», говоритъ св. апостолъ Іоаннъ, «точію отмѣтайся, яко Іисусъ нѣсть Христосъ. Сей есть антихристъ, отмѣтайся Отца и Сына» (1 Іоан. 2, 22). Кто не признаетъ Его единороднымъ Сыномъ Божіимъ, уже осужденъ по тому самому, что не вѣруетъ въ Него, какъ въ единороднаго Сына Божія. «Вѣруй въ Онъ», т. е. въ единороднаго Сына Божія, говоритъ самъ Іисусъ Христосъ, «не будетъ осужденъ, а не вѣруй уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя единороднаго Сына Божія» (Іоан. 3, 18). Кто не признаетъ чудесъ Его сотворенными Божественною силою, а приписываетъ оныя другой какой нибудь причинѣ, тотъ не будетъ прещенъ во вѣки, но повиненъ будетъ вѣчному суду. «Аминь глаголю вамъ», говоритъ Онъ, «яко вся отпустятся согрѣшенія сыномъ человѣческимъ, и хуленія, елика аще восхулятъ; а иже восхулитъ на Духа Святаго, не имать отпущенія во вѣки, но повиненъ есть вѣчному суду» (Мар. 3, 29). Кто такъ же не вѣруетъ воскресенію

Его изъ мертвыхъ, у того вѣра тщетна и тотъ еще во грѣхахъ: «аще Христось не воста», говоритъ апостоль Павелъ, «суетна вѣра ваша; еще есте во грѣсѣхъ вашихъ» (1 Кор. 15, 17).

Возторыхъ, для истиннаго соблюденія вѣры Иисусовой требуется, чтобы мы соблюдали ее во всю жизнь до самой смерти, хотя бы и гонимы и мучимы были за онаю. Необходимость сего явствуетъ частію изъ того, что Иисусъ Христось общаетъ намъ вѣчное спасеніе единственно въ такомъ случаѣ, когда мы все претерпимъ за Него до конца, и такимъ образомъ пребудемъ Ему вѣрны до смерти. Такъ Онъ предреченіе Свое апостоламъ о предстоявшихъ имъ, за исповѣданіе Его, страданіяхъ окончилъ сими словами: «претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ» (Матѣ. 10, 22); частію и изъ яснаго повелѣнія Его, даннаго ангелу Смирнскія церкви: «буди вѣренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота» (Апок. 2, 10); частію изъ того, что Иисусъ общаетъ признать Своимъ послѣдователемъ и ученикомъ предъ Отцемъ Своимъ на небесахъ только того, кто не отвергнется Его предъ человѣками среди самыхъ гоненій и страданій за вѣру въ Него, а напротивъ тому, кто отвергнется Его предъ человѣками, угрожаетъ Своимъ отъ Него отверженіемъ предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ. «Всякъ иже исповѣсть Мя,» говоритъ Онъ, «предъ чловѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ моимъ, Иже на небесѣхъ; а иже отвержется Мене предъ чловѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ» (Матѣ. 10, 32. 33).

Втретнихъ, наконецъ, для истиннаго сохраненія вѣры Иисусовой, необходимо требуется, чтобы мы содержали ее въ сердцѣ, а не на языкѣ только, и выражали ее не словами только, но паче дѣлами. Что мы должны содержать вѣру въ сердцѣ, сіе видно изъ слѣдующихъ словъ св. апостола Павла:

«аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса и вѣруеши въ сердцѣ твоємъ, яко того Богъ воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися: сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе» (Рим. 10, 9. 10). А то, что мы необходимо должны выражать вѣру добрыми дѣлами, явствуетъ изъ словъ частію Іисуса Христа, частію апостоловъ Петра и Іакова. Іисусъ Христосъ именно говоритъ, что не всякъ говорящій Ему: Господи, Господи, увидеть въ царствіе небесное, но только исполняющій волю Отца Его небеснаго. Апостоль Петръ говоритъ, что тотъ, кто не соблюдаетъ съ вѣрою добродѣтели, воздержанія, терпѣнія, благочестія, братолюбія и любви, слѣпъ, закрылъ глаза и забылъ очищеніе прежнихъ грѣховъ (2 Петр. 1, 5—9). А св. апостоль Іаковъ говоритъ, что какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва (2, 26), и какъ бесполезно для насыщенія ласковое слово, такъ бесполезна и вѣра безъ дѣлъ тому, кто ее имѣетъ, для спасенія (2, 14—16).

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, въ чемъ состоятъ заповѣди Божіи и вѣра Іисусова, а также что требуется для истиннаго соблюденія какъ заповѣдей Божіихъ, такъ и вѣры Іисусовой, не трудно теперь видѣть намъ, кто истинно сохраняетъ оныя, и слѣдовательно умираетъ о Господѣ, и получаетъ блаженство. Истинно сохраняетъ заповѣди Божіи, и слѣдовательно умираетъ о Господѣ, и по смерти получаетъ блаженство тотъ только, кто сообразно заповѣдямъ Божіимъ любитъ Бога всѣмъ сердцемъ, всею душею и всею мыслию, и любитъ ближняго какъ самаго себя; кто не нарушаетъ ни одной Божественной заповѣди, но соблюдаетъ оныя всѣ вообще; кто соблюдаетъ ихъ такимъ образомъ постоянно, во всю свою жизнь, до самой смерти, со всѣмъ усердіемъ, со всею охотою и со всею ревностію. Истинно соблюдаетъ вѣру Іисусову, и слѣдовательно умираетъ о Господѣ и по смерти дѣ-

лается блаженнымъ тотъ только, кто всѣмъ сердцемъ и во всю свою жизнь, до самой смерти, несмотря на всѣ соблазны; искушенія и гоненія, вѣруеть, что Иисусъ пришелъ на землю отъ Бога и Богомъ посланъ; что Онъ есть истинный Христосъ, обѣщанный пророками патріархамъ ветхозавѣтнымъ, и вмѣстѣ едиnorodный Сынъ Божій, что единосущенъ Отцу, такъ что Онъ во Отцѣ и Отецъ въ Немъ, что Онъ есть единый Жодатай Бога и человѣковъ, давший себѣ избавленіе за всѣхъ, что кровь Его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха, что Онъ пришелъ во плоти, что Онъ есть нашъ Господь и что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ; и сію вѣру свою выражаетъ не языкомъ только и словами, но паче добрыми дѣлами и святою жизнію. А изъ сего само собою ясно открывається, что тотъ, кто не любитъ Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею и всею мыслию своею, но съ любовію къ Богу старается совмѣстить и любовь къ міру и всѣ мірскія заботы о богатствѣ, о честяхъ, о вкусныхъ и лакомыхъ яствахъ, о пріятныхъ и сладкихъ питіяхъ, о пышныхъ и красивыхъ одеждахъ, кто не любитъ ближняго своего какъ самого себя, и не поступаетъ съ нимъ такъ, какъ хочетъ, чтобы поступалъ съ нимъ ближній его, кто соблюдаетъ не всѣ заповѣди Божіи, а только нѣкоторыя, и притомъ не постоянно, не во всю жизнь, не до самой смерти, безъ усердія, безъ ревности, безъ охоты, и какъ бы только отъ скуки или только для своихъ корыстолюбивыхъ видовъ, также кто, хотя и хвалится, что онъ имѣетъ вѣру Іисусову, но не имѣетъ ея въ сердцѣ своемъ, не обнаруживаетъ ея въ добрыхъ дѣлахъ, и не только не имѣетъ довольно твердости исповѣдать ее при угрожающей ему за нее опасности и защитить ее отъ враговъ, но еще и самъ дерзко разсуждаетъ о ней и содѣлываетъ ее предметомъ издѣванія, — тотъ поколику не только не имѣетъ въ себѣ истинной любви къ Богу, но есть врагъ Божій, повин-

ный объёмъ скривляемъ закона Божія и состоящей подъ Божественнымъ проклятіемъ, и поколику вѣра его есть вѣра мертвая, — тотъ не живетъ о Господѣ, и если не покается, то и не умретъ о Господѣ, и слѣдовательно не будетъ и не можетъ быть блаженъ по смерти.

Теперь каждый видитъ, что должно намъ дѣлать, чтобы умереть о Господѣ, и такимъ образомъ послѣ смерти получить на небесахъ въ будущей жизни блаженство. Но какъ жестоко слово сіе, и кто можетъ послушати его? подумаютъ, можетъ быть, нѣкоторые. Подлинно, жестоко слово сіе, но оно жестоко только для нераскаянныхъ и никогда нехотящихъ раскаяться грѣшниковъ. Ибо они, оставаясь нераскаянными, лишаются всякаго утѣшенія и на землѣ и на небѣ, и въ сей и въ будущей жизни, и во времени и въ вѣчности. Они, пренебрегая богатство благодати Божіей, и кротости и долготерпѣнія, не помышляютъ, что благодать Божія ведетъ ихъ къ покаянію, а потому, по упорству своему и нераскаянному сердцу, собираютъ себѣ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія. Напротивъ, для тѣхъ грѣшниковъ, которые раскаиваются во грѣхахъ своихъ и предъ Богомъ всегда, и предъ отцемъ духовнымъ въ извѣстныя времена, и предъ ближними своими каждодневно, или, по крайней мѣрѣ, еще не отчаялись въ своемъ покаяніи, сколько самыхъ сладостнѣйшихъ утѣшеній предлагаетъ Евангеліе, при всей строгости закона Божія и нашей немощи! «Не придохъ, говоритъ Спаситель міра, призвати праведники, но грѣшники на покаяніе». «Не коснѣтъ Господь обѣтованія, говоритъ св. апостоль Петръ, якоже нѣщцы коснѣніе мнятъ, но долготерпѣть на насъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе придутъ». «Аще исповѣдуемъ грѣхи наша, говоритъ св. Апостоль Іоаннъ, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша и очиститъ насъ отъ всякія неправды». «Ни единынѣ осужденіе, восклицаетъ апостоль Павелъ, сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу.»

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПРАВОСЛАВНАГО

ВЪ ОТВѢТЪ ПРОТЕСТАНТУ.

Предъ нами книга, сочиненіе доктора Гаана (Hahn): *Исповѣданіе евангелической церкви въ ея отношеніи къ римской и греческой*. Сущность исповѣданія этой церкви въ ея отношеніи къ римской и греческой изложена на 18 и 19 страницахъ разсматриваемаго нами сочиненія; тамъ сказано:

«Съ VI столѣтія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе церковь теряла свой первоначальный характеръ въ ученіи, въ жизни, и управленіи; ученія противныя священному Писанію, каковы напримѣръ ученіе о чистилищѣ; суевѣрныя и вредныя постановленія, нравы и обычаи, каковы напримѣръ почитаніе святыхъ и призываніе ихъ въ молитвѣ, почитаніе иконъ и мощей и безбрачіе духовныхъ, индульгенціи и многое другое, хотя и не безъ сопротивленія со стороны просвѣщенныхъ учителей, на востокѣ и западѣ все болѣе и болѣе принимались и распространялись, а привязанность духовенства къ міру, особенно епископовъ римскихъ и константинопольскихъ, приводила къ продолжительнымъ ожесточеннымъ спорамъ о различныхъ болѣе или менѣе важныхъ предметахъ, преимущественно къ спорамъ о первенствѣ. Все это имѣло ближайшимъ слѣдствіемъ разногласіе и взаимное враждебное другъ къ другу отношеніе, а наконецъ, именно съ XI вѣка, полное

раздѣленіе восточной и западной церкви, когда папа Левъ IX и патріархъ Михаилъ Керуларій въ 1054 году положили одиѣвъ на другаго и на церкви, въ коихъ они были предстоятелями, отлученія, которыя, несмотря на многія попытки къ соединенію, доселѣ остаются не разрѣшенными».

«Такъ церковь въ массѣ перестала быть единою и вселенскою, какъ она перестала быть и апостольскою и святою, а сдѣлалась римскою и греческою церковію. Видимая церковь, въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась тогда и въ послѣдствіи, была обезображена человѣческими постановленіями, іудейскими и языческими обычаями и нравами, и обременена взаимными проклятіями своихъ предстоятелей, которые назывались святыми отцами. Ничего нѣтъ удивительнаго, что церковь въ такомъ состояніи не могла противиться сильнымъ заблужденіямъ ложнаго мекскаго пророка, и нѣкогда цвѣтущія церкви въ Азій, въ самой Святой землѣ, носившей Спасителя міра, и въ Африкѣ, даже и въ большой части Европы опустошены и разрушены».

«Только единичные свидѣтели истины то тамъ, то здѣсь просвѣчивали изъ всеобщей тьмы и представляли богатое утѣшеніемъ доказательство того, что Господь своей церкви не оставлялъ и духъ Его въ ней владычествовалъ, какъ Онъ это и обѣщаль, что и въ то время, какъ во дни Іліи тѣ семь тысячъ, которыя не были извѣстны пророку, были еще истинные поклонники, которые не преклоняли своихъ колѣнъ предъ идолами тогдашняго вѣка. Свидѣтели истины, эти передовые члены истинной невидимой церкви, были предтечами реформаторовъ, которые возстановили древнюю апостольскую католическую церковь.»

Но прежде нежели высказалъ сочинитель это исповѣданіе, онъ свидѣтельствовался Богомъ, что онъ не имѣетъ дѣла съ личностями. Мы ему вѣримъ, ибо ясно видимъ, что дѣло

идеть не о личностяхъ, а о церкви вселенской. Постараемся и мы имѣть дѣло не съ личностями, а съ идеями протестантскаго богослова.

Что же мы узнаемъ отъ этого богослова? Во 1-хъ то, что вселенская или апостольская церковь съ VI вѣка своего существованія начала терять, а къ XI вѣку и совершенно потеряла все свои существенные признаки, именно: сперва перестала быть апостольскою и святою, а потомъ единою и вселенскою; во 2-хъ эта вселенская церковь опять возстановлена въ XVI вѣкѣ именно реформаторами.

Прежде мы слышали, что протестанская церковь такъ хорошо устроена, что есть чему поучиться у нея и церкви православной ^(а). Теперь же мы слышимъ гораздо болѣе. Намъ говорятъ, что протестантская церковь есть единственная представительница апостольской истины на землѣ. И не только говорятъ, но стараются обставить слова свои и доказательствами и разнаго рода объясненіями. Чтобы дать отвѣтъ протестанту, выслушаемъ его доказательства.

«Истина одна, говоритъ докторъ Гаанъ, и церковь истинная можетъ быть только одна. И эта истинная церковь есть та, которая зиждется на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ самого Іисуса Христа».

Гдѣ же эта истинная апостольская церковь? Можно ли ее обрѣсти? Можно ли, такъ сказать, ощутить ея присутствіе? Можно, говоритъ докторъ Гаанъ. «Стоитъ только вѣрное или правильное составить понятіе объ истинной церкви. Черезъ составленіе такого понятія объ истинной церкви мы пріобрѣтаемъ не только норму для измѣренія объема церкви, насколько онъ доступенъ глазу человѣческому, но также норму

(а) См. нашу статью: «Нѣсколько словъ въ отвѣтъ протестанту», въ Душ. Чт. 1867 г., Ч. I. стр. 204—220.

для надлежащаго преодоленія церковнаго заблужденія, норму для продолженія благословеннаго дѣла великихъ реформаторовъ, которые хотѣли первоначальную апостольскую католическую церковь не только возстановить по прежнему образу ея въ писаніи заключеннаго ученія, но и строеніе ея подвигать впередъ и приводить къ полнотѣ или окончанію».

Вотъ это опредѣленіе: «Объ истинной церкви, съ просвѣщенными христіанами всѣхъ вѣковъ отъ дней апостольскихъ можно говорить въ двоякомъ смыслѣ, *въ тѣсномъ и обширномъ*. Церковь въ тѣсномъ, *собственномъ* смыслѣ, по опредѣленію реформаторовъ, изложенному въ ихъ вѣроисповѣдныхъ сочиненіяхъ, есть община святыхъ, въ которой Евангеліе проповѣдуется чисто и святая таинства совершаются по Евангелію или по установленію Христову. Церковь въ обширномъ смыслѣ, напротивъ, есть собраніе крещенныхъ, носящихъ имя христіанъ, — собраніе внѣшнее, вѣдомое міру; въ этомъ собраніи или обществѣ много злыхъ и лицемеровъ, — злыхъ и лицемеровъ священнослужителей на всѣхъ степеняхъ іерархіи; она есть стадо, въ которомъ много паршивыхъ овецъ, даже много и волковъ въ овечьей шкурѣ; есть большая засѣянная нива на полѣ міра, на которой много плевелъ среди пшеницы. Церковь въ тѣсномъ смыслѣ подобна фундаменту, на которомъ держится зданіе, подобна столбамъ, безъ которыхъ рушилось бы зданіе; она есть сущность, безъ которой внѣшняя церковь, какъ ея проявленіе, была бы пустою, бессодержательною формою; она подобна душѣ, которая живетъ и поддерживаетъ тѣло и по мѣрѣ того, какъ она удаляется и ослабѣваетъ, тѣло дряхлѣетъ и мало-по-малу умираетъ; она есть тотъ внутренній свѣтъ, о которомъ говоритъ Господь, что съ омраченіемъ его все омрачается; соль, безъ которой церковь должна потерять свою управляющую, поддерживающую и улучшающую міръ силу; закваска, которая

хотя незамѣтно, тѣмъ не менѣе проникаетъ все тѣсто; она подобна тому числу праведниковъ, ради которыхъ Господь хотѣлъ пощадить Содомъ и безъ которыхъ настоящій родъ долженъ сойти въ могилу, подобно трупѣ, какъ это случилось съ человѣческимъ родомъ во дни Ноя.»

Въ этомъ описаніи истинной церкви подъ двумя видами или подъ двумя смыслами мы имѣемъ въ своихъ рукахъ ту норму, которою докторъ Гаанъ думаетъ измѣрить объемъ истинной церкви, поразить церковное заблужденіе и продолжить благословенное дѣло великихъ реформаторовъ. Всмотримся пристальнѣе въ эту норму.

Просвѣщенные христіане всѣхъ вѣковъ отъ дней апостольскихъ *истинную* церковь понимаютъ въ двойномъ смыслѣ, въ тѣсномъ и обширномъ. Слѣдовательно церковь въ обширномъ смыслѣ, т. - е. какъ собраніе крещеныхъ, носящихъ имя христіанъ, собраніе, въ которомъ много злыхъ и лицемеровъ и т. д., есть церковь *истинная*?

Если нами въ общинѣ крещеныхъ, носящихъ имя христіанъ, не смотря на то, что между ними много злыхъ и лицемеровъ, много злыхъ и лицемеровъ даже между священнослужителями, признана истинная церковь: то зачѣмъ же намъ выдумывать другую церковь? Вѣдь церковь можетъ быть только одна. Если же христіанское общество, въ которомъ много злыхъ и лицемеровъ, не есть истинная церковь; въ такомъ случаѣ на какомъ же основаніи просвѣщенные христіане отъ дней апостольскихъ до дней доктора Гаана включительно признаютъ истинною церковь и такую общину христіанъ? Въ церкви въ тѣсномъ смыслѣ или общинѣ святыхъ Евангеліе проповѣдуется и таинства совершаются по установленію Христову. А въ церкви въ обширномъ смыслѣ какъ проповѣдуется Евангеліе и какъ совершаются святая таинства? Тоже чисто? Тоже по установленію Христову? Въ такомъ случаѣ какое же различіе между

этими общинами? Какое преимущество церкви въ тѣсномъ смыслѣ предъ церковью въ смыслѣ обширномъ? А если въ послѣдней и Евангеліе проповѣдуется не чисто и таинства совершаются не по установленію Христову, то какъ же можно назвать это общество церковью, а не сектою еретическою?

Далѣе: члены общины святыхъ откуда берутся? Такъ святыми они и рождаются? Или они сначала бываютъ членами общества крещенныхъ, а потомъ, силою благодати Божіей усовершеннаясь, выдѣляются изъ этой общины и переходятъ въ общество святыхъ? Сперва бываютъ членами церкви въ обширномъ смыслѣ, а потомъ членами церкви въ тѣсномъ смыслѣ? Если возможенъ переходъ изъ одного вида церкви въ церковь другаго вида: то когда, при какихъ условіяхъ совершится этотъ переходъ для тѣхъ членовъ видимой церкви, которыхъ нельзя причислить ни къ злымъ, ни къ лицемѣрамъ?

Теорія протестантовъ о церкви въ двухъ видахъ оказывается еще болѣе запутанною, еще болѣе не состоятельною, даже дикою, когда мы обратимъ вниманіе на отношеніе церкви одного вида или смысла къ церкви другаго вида или другаго смысла.

Церковь въ тѣсномъ смыслѣ въ отношеніи къ церкви въ смыслѣ обширномъ есть фундаментъ, столпы, душа, свѣтъ, закваска, праведники, ради которыхъ Господь готовъ шадить города, осужденные на разрушеніе.

Праведники?—Кто же они? Подъ этими праведниками разумѣются, по словамъ доктора Гаана, сперва какіе-то единичные свидѣтели истины, которые въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, то тамъ, то здѣсь просвѣчивали изъ всеобщей тьмы, покрывавшей весь міръ христіанскій, и которые были предтечами реформаторовъ, возстановившихъ истинную, каѳолическую апостольскую церковь, а потомъ подъ этими праведниками, слѣдовательно, разумѣются реформаторы—Лютеръ, Кальвинъ,

Цвингль и Штраусъ? и Бауръ? и Швеглеръ? и Ренанъ? Неужели же все это праведники?

«Истинная церковь есть закваска.» Но что же эта закваска квасила въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, когда не было тѣста, или тѣсто было испорченное, согнившее? Сохранится ли отъ порчи или поврежденія самая закваска, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій лежавшая въ гниломъ тѣстѣ? Церковь въ тѣсномъ смыслѣ есть душа для церкви въ смыслѣ обширномъ, которая оживляетъ тѣло, и тѣло ослабѣваетъ и со-всѣмъ умираетъ, когда душа оставляетъ его. По исповѣданію евангелической церкви вселенская церковь въ обширномъ смыслѣ была труномъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій; значитъ никто ее не одушевлялъ и слѣдовательно не было и души.

«Церковь въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. община святыхъ есть столпы, на которыхъ держится зданіе, фундаментъ, душа». Не слишкомъ ли много сказано? Не слѣдовало бы забывать, что никто не можетъ положить другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ (1 Кор. 3, 11), что христіане не чуждые и пришельцы, но сожители святымъ и свои Богу, будучи утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя самого Иисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе стройно возрастаетъ въ храмъ посвященный Богу, на которомъ и мы всѣ устроены въ жилище Божіе Духомъ (Еф. 11, 19. 22). Устроены въ жилище Божіе Духомъ, въ Котораго мы вѣруемъ, яко Господа животворящаго и поемъ: Святымъ Духомъ всяка душа живится. Если наши души живятся Святымъ Духомъ: то какъ же душею нашей духовной жизни можетъ быть община святыхъ людей?

Преимущество истинной церкви состоитъ въ томъ, что въ ней проповѣдуется евангеліе чисто и таинства совершаются по установленію Христову. Но эта истинная церковь въ свою очередь, по ученію протестантскому, невидима, по крайней мѣ-

рѣ была невидима въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Спрашивается: какимъ же образомъ члены видимой церкви, или церкви понимаемой въ смыслѣ обширномъ, могли, такъ сказать, приобщиться къ этому преимуществу, когда для нихъ остаются и невидимыми и невѣдомыми тѣ лица, которыя отличаются этими преимуществами? Кто они, гдѣ они? Какъ истинно проповѣдуется между ними евангеліе, и какъ они совершаютъ таинства? Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что наше православное церковное общество есть церковь въ обширномъ смыслѣ, т. е. есть зданіе, но безъ фундамента, и столповъ, есть храмина, но безъ свѣта, есть тѣло, но безъ души, есть градъ, обреченный на погибель, и если стоитъ, то стоитъ только ради праведниковъ. Гдѣ эти праведники, гдѣ наша душа, гдѣ закваска, гдѣ нашъ свѣтъ? Все это лежитъ внѣ нашей церковной общины, въ общинѣ святыхъ, которая въ свою очередь невидима; куда же намъ идти за свѣтомъ? Разумѣется куда? Въ ту страну, гдѣ проповѣдуются подобныя теоріи,—въ германскіе университеты. Итакъ стоитъ только отказаться отъ православія и признать, что истина Христова евангелія принадлежитъ не цѣлому тѣлу Христову—церкви, а интеллигенціи, признать, что то, что гг. доктора Богословія германскихъ университетовъ признаютъ за истину, будетъ истина Христова, истина апостольская: тогда и наша церковь будетъ церковью не въ обширномъ смыслѣ, но и въ тѣсномъ, или что тоже—въ смыслѣ настоящемъ, истинномъ. Пусть же самъ докторъ Гаанъ покажетъ намъ, какъ нужно пользоваться имъ объявленою нормою, чтобы измѣрить объемъ истинной церкви. Пусть самъ онъ покажетъ, какъ чрезъ опредѣленіе церкви въ тѣсномъ и обширномъ смыслѣ выходитъ, что протестантская церковь есть единственная представительница на землѣ апостольской истины.

Вотъ его слова.

«Исторія и опытъ совершенно соотвѣтствуютъ тому описанію, которое самъ Господь далъ церкви въ своихъ притчахъ, именно въ притчѣ о различныхъ почвахъ земли, на которую падаетъ сѣмя слова Божія, отъ чего происходитъ различіе въ плодахъ, — и въ притчѣ о плевелахъ, оказавшихся между пшеницею на полѣ, на которомъ посѣяно было только доброе сѣмя. Принятіе проповѣди Евангелія было въ мірѣ различно и плоды отъ этаго были такъ же различны и уже въ первыя времена выросли плевелы заблужденія съ ихъ плодами въ обществахъ, устроенныхъ самими апостолами, какъ мы это читаемъ въ ихъ писаніяхъ. Главные источники заблужденія — суевѣріе и безвѣріе. Корни суевѣрія скрываются въ предубѣжденіяхъ іудейскихъ и языческихъ, которыя привнесены первыми слушателями Евангелія, или въ причудливомъ принятіи преданныхъ мнѣній, обычаевъ и нравовъ; корни безвѣрія скрываются въ произвольномъ принятіи субъективныхъ мнѣній, мечтаній. Когда предубѣжденія іудейскія и языческія, а также мнѣнія, обычаи и нравы по преданію, субъективныя мнѣнія и мечтанія приняты были всею вселенскою церковью, тогда истинной церкви въ обширномъ смыслѣ, какъ внѣшняго общества христіанъ, въ которомъ бы проповѣдалось Евангеліе неизвращенно и таинства, установленныя Господомъ, совершались правильно, на землѣ не стало; тогда оставалось *только въровать*, что истинная церковь еще продолжается, какъ община святыхъ, какъ того требуетъ исповѣданіе вѣры, произносимое при крещеніи на основаніи обѣтованія Господня, что врата адовы не одолѣютъ ей; и въ этой вѣрѣ, которая во время глубочайшаго паденія церкви для всѣхъ благочестивыхъ душъ была единственнымъ источникомъ утѣшенія, реформаторы нашли силу и мужество возстановить древнюю, апостольскую, католическую церковь и прервавшееся строеніе оной продолжить. Всѣ безпристрастные друзья истины въ дѣ-

лѣ реформаторовъ признали возобновителей истинной католической церкви въ противоположность ложной церкви, такъ-называемой Римской и Греческой. Черезъ ихъ благословенное дѣло апостольская католическая церковь сдѣлалась опять видимою. И какъ велико было число тѣхъ, которые въ молчаніи признавали поврежденіе внѣшней церкви въ ученіи, въ богослуженіи, въ жизни, это показало принятіе ихъ апостольскаго ученія и успѣхъ ихъ дѣла. Невидимая церковь, сомнѣніемъ вѣрныхъ и просвѣщенныхъ исповѣдниковъ Евангелія, которые ни въ комъ другомъ ищутъ спасенія, какъ въ Единомъ отъ Бога данномъ, которые исповѣдуютъ Учителемъ и Господомъ не другаго кого, какъ Единаго, въ Которомъ сокрыты всѣ сокровища мудрости и знанія и Которому дана всякая власть на небеси и на земли, и которые не приклонили колѣнъ своихъ ни предъ какимъ намѣстникомъ Христовымъ, но только предъ Тѣмъ, Котораго Самъ Богъ святилъ,—этотъ доселѣ сокровенный сомнѣніемъ истинныхъ поклонниковъ Божіихъ въ духѣ и истинѣ дерзнулъ теперь выступить и причислить себя къ смѣлымъ герольдамъ (Herolde) Божіимъ, и такимъ образомъ доселѣ сокрытая, суевѣріемъ обезображенная и незаконною порчею искаженная, истинная, древняя церковь стала видима. Отцы обновленной церкви преимущественно ее назвали католическою, и сознание ея членовъ, что они истинные католики, въ смыслѣ древней матери—церкви, сознание истиннаго католичества въ противоположность римскому и греческому выразилось многообразнымъ образомъ въ Евангелическо-церковной литературѣ. . . . Эта обновленная церковь, подобно матери церкви, въ которой она признаетъ свой первообразъ, стоитъ уже болѣе 300 лѣтъ и, несмотря на сильныя стѣсненія и опустошенія, продолжаетъ возрастать, такъ что во всѣхъ частяхъ земнаго шара ея членовъ насчитывается до 80 милліоновъ.

80 милліоновъ—цифра большая, но все же цифра опре-

дѣленная. Эти 80 милліоновъ протестантовъ разсѣянныхъ по лицу земли и суть представители древней, апостольской, католической церкви. Кажется, загадка разгадана; кажется довольно ясно показано, какъ, подъ прикрытіемъ двухъ смысловъ, церковь апостольская перешла въ протестантскую. Иисусъ Христосъ далъ обѣщаніе создать церковь и врата адовы не одолѣютъ ей. Естественно рождается вопросъ: какъ же протестанты говорятъ, что церкви Христовой не было на землѣ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, именно съ XI до XVI вѣка? Нѣтъ! отвѣчаютъ протестанты, мы не говоримъ, что церкви не было на землѣ, церковь всегда была, только въ теченіи указаннаго времени она была невидима; христіане были видимы, но въ церковь только вѣрвали, что она есть. Иное дѣло носить имя христіанъ и креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа; иное дѣло быть членомъ истинной церкви. Пока не явились протестанты, не видно было на землѣ членовъ истинной церкви; явились протестанты, — въ лицѣ ихъ истинная церковь стала видима. Съ этого времени церковь въ обширномъ смыслѣ слилась съ церковью въ тѣсномъ смыслѣ въ одно, какъ это было во времена апостоловъ.

И такъ теорія о церкви въ двухъ смыслахъ нужна только на время, именно, когда видимая церковь находилась въ крайней порчѣ; но эти два смысла какъ во времена апостольскія не имѣли никакого значенія, такъ потеряли оное и во времена евангелической церкви. Какъ во времена апостольскія всякій христіанинъ былъ членомъ истинной церкви, такъ и теперь всякій протестантъ есть истинный членъ истинной церкви. А православный? Надъ православнымъ все еще тяготѣтъ гнѣвъ Божій; онъ носитъ на челѣ своемъ печать отверженія; онъ только носитъ имя христіанина, онъ только крещенъ; но въ немъ нѣтъ души, нѣтъ свѣта, онъ безъ опоры и поддержки, онъ трупъ.

Ужели это все правда? И во 1-хъ, ужели въ самомъ дѣлѣ реформаторамъ удалось возстановить древнюю апостольскую церковь? Во 2-хъ: а мы православные ужели блуждаемъ во тьмѣ?

1) Возстановляютъ падшее или разрушившееся. Спрашивается: для чего реформаторамъ нужно было возстановить древнюю апостольскую церковь, коль скоро они нашли ее падшею или разрушившеюся? Чтобы глумиться надъ апостолами? Чтобы возстановленная ими апостольская церковь служила свидѣтельствомъ и памятникомъ безсилія апостоловъ, выразившагося въ томъ, что они не сумѣли устроить церкви такъ, чтобы она не подвергалась разрушенію и не имѣла нужды въ исправленіяхъ? Такъ реформаторы, говоря о возстановленіи церкви апостольской, сами не замѣчаютъ, что тѣмъ самымъ они безславятъ дѣло апостоловъ. Но это безславіе апостольскаго дѣла падаетъ на голову реформаторовъ. Крѣпость и несокрушимость церкви, созданной на основаніи апостоловъ и пророковъ и имѣющей краеугольнымъ камнемъ Самого Иисуса Христа (Еф. 2, 29), зависитъ не отъ мнѣнія тѣхъ или другихъ мыслителей, но единственно отъ божественной силы, внутренно сохраняющей церковь отъ порчи или поврежденія, зависитъ отъ того, что Самъ Иисусъ Христосъ благоволитъ пребывать въ ней во вся дни до скончанія вѣка (Матѣ. 28, 20); отъ того, что Онъ умолилъ Отца и Тотъ послалъ другаго утѣшителя, Духа Святаго, Духа истины, Который пребудетъ въ ней въ вѣкъ, Который научаетъ ее всему и наставляетъ на всяку истину (Іоан. 14, 16. 26; 16, 13). Въ этой-то церкви, по слову апостола, слава Богу во Христѣ Иисусѣ во все роды отъ вѣка и до вѣка. (Еф. 3, 21). Нѣкогда Оза думалъ поддержать Кивотъ Завета и пораженъ былъ смертію. Этотъ ветхозавѣтный образъ есть живое выраженіе или олицетвореніе духовнаго состоянія или духовной жизни христіанина, который

дерзнулъ бы помыслить, что Кивоть Божій, святая, соборная и апостольская церковь, не только могъ покачнуться, но и упалъ и разбился. То, что православнаго христіанина приводитъ въ ужасъ, въ чемъ онъ видитъ духовную смерть, протестанта не смущаетъ нисколько; онъ спокойно говоритъ, что къ XI вѣку церкви не было; на мѣстѣ церкви онъ видитъ густой мракъ, язычество смѣшанное съ іудействомъ. Правда, образъ, въ которомъ ему представляется вселенская церковь, его смущаетъ и тяготитъ, и онъ отводитъ взоръ свой отъ церкви и устремляетъ его къ созерцанію какихъ-то отдѣльныхъ единицъ, то тамъ, то здѣсь, изъ всеобщей тьмы просвѣчивавшихся одиночныхъ свидѣтелей истины. Но спрашиваемъ: откуда протестанту извѣстно, что подобные единичные свидѣтели истины дѣйствительно были и въ то время, когда церковь, столпъ и утверженіе истины, отступила отъ истины? Онъ ссылается на времена пророка Іліи. Пророкъ Ілія жаловался Богу на то, что всѣхъ истинныхъ Божіихъ поклонниковъ истребили, остался онъ одинъ Ілія. Богъ въ отвѣтъ на эту жалобу сказалъ, что Онъ соблюлъ себѣ 7 тысячъ человѣкъ, которые не преклонили колѣнъ своихъ предъ Вааломъ. Ужели протестантъ не замѣчаетъ, что указываемое имъ библейское событіе, всю тяжесть скорѣе падаетъ на него, чѣмъ защищаетъ его? Что во дни пророка Іліи, именно въ то время, когда пророкъ думалъ, что онъ одинъ остался, были 7 тысячъ читателей истиннаго Бога, этому мы вѣримъ. Ибо ясно написано въ писаніи, что именно такой былъ Ілія Божескій отвѣтъ. Пусть же протестантъ, съ такимъ холоднымъ презрѣніемъ указывающій рукою на востокъ, какъ на страну всеобщаго заблужденія и мрака, пусть же скажетъ, когда и къ нему былъ Божескій отвѣтъ, подтверждающій, что востокъ весь погруженъ во мракъ и что еслибы не оставалось нѣсколько единицъ, совершенно непо-

хожихъ на восточныхъ христіанъ, а единомысленныхъ съ будущими реформаторами, то истина Христова Евангелія утратилась бы для всего человѣчества. Не скорѣ ли въ Божескомъ отвѣтѣ, вразумившемъ пророка Ілію, и протестанту читать себѣ вразумленіе въ родѣ слѣдующаго: напрасно ты думаешь, что въ то время, когда еще тебя и на свѣтѣ не было, истинными Божіими поклонниками были только тѣ немногіе, которые похожи были на тебя, а прочіе всѣ преклонили колѣна свои предъ идолами. Если и во Израилѣ, небольшомъ государствѣ, вышло 7 тысячъ человѣкъ, не преклонившихъ колѣвъ своихъ предъ Вааломъ, то кто же далъ право сокращать число истинныхъ поклонниковъ Божіихъ до вѣсколькихъ единицъ во всемъ христіанскомъ мірѣ? И откуда бы эти единицы, эти мнимые свидѣтели истины могли заимствовать свѣтъ истины, когда во всей церкви тогдашняго времени господствовало заблужденіе? И такъ, одно изъ двухъ: или мысль о возстановленіи церкви апостольской невозможна для вѣрующаго въ церковь, какъ въ дѣло Самого Бога, подобно тому какъ для здраваго разума человѣческаго невозможно рѣчь о возстановленіи небесъ съ ихъ свѣтилами, непрестанно повѣдающими славу Божію; или, когда говорятъ о возстановленіи апостольской церкви, подъ этою церковью разумѣется что-нибудь другое, а не апостольская церковь; подобно тому какъ говоря объ измѣненіи солнечныхъ системъ Штолмея и Коперника, разумѣютъ не самую солнечную систему, созданную Творцемъ, а вѣчто другое.

Реформаторы стоятъ въ послѣднемъ кругѣ, хотя сами того не замѣчаютъ. Намъ, стоящимъ внѣ этого круга, дѣло представляется яснымъ. Реформаторы говорятъ: мы возстановили древнюю апостольскую католическую церковь. Мы спрашиваемъ: какую это древнюю апостольскую церковь? Ту, въ которой слава Богу во всѣ роды отъ вѣка и до вѣка? Нѣтъ!

Потому что эта церковь есть дѣло самого Бога, есть дѣло самого Иисуса Христа и Духа Святаго; эта церковь не можетъ ни старѣться, ни возобновляться, не можетъ ни разрушаться, ни возстановляться. Какую же? Ту, которая могла, а съ VI вѣка дѣйствительно начала впадать въ заблужденіе, начала принимать ученія противныя Священному Писанію, вводить суевѣрныя и вредныя для нравственности постановленія, языческіе и іудейскіе обычаи. Само собою очевидно, что церковь въ возстановленномъ видѣ не можетъ быть ни крѣпче, ни благообразнѣй, чѣмъ какою она была въ первоначальномъ своемъ видѣ, до поврежденія или порчи. Значить и возстановленную реформаторами церковь можетъ постигнуть та же участь, какая постигла церковь апостольскую въ ея первоначальномъ видѣ, т. -е. и въ реформатскую церковь могутъ вторгнуться и безвѣріе и суевѣріе и пороки и заблужденія, вредныя для нравственности постановленія и т. д. Въ такомъ случаѣ гдѣ убо похвала реформаторовъ? Отгнася. Апостольская церковь, по ихъ сознанію, начала повреждаться съ VI вѣка; почему же возобновленная церковь не можетъ начать повреждаться съ 6 дня послѣ обновленія? Или возобновленная церковь не тождественна съ апостольскою, если она свободна отъ поврежденія, или, если она тождественна, то непременно носить въ самой себѣ возможность повреждаться, точно такъ же, какъ и въ возрожденномъ чловѣкѣ, какъ въ сынѣ Адама, есть непременно сѣмя тли. Что же послѣ этого могутъ сказать реформаторы на слѣдующее наше скромное замѣчаніе: есть люди, которые вѣруютъ, что они возстановили нѣчто древнее, что, впрочемъ по ихъ же сознанію не свободно было отъ заблужденія, и думаютъ въ этомъ возстановленномъ видѣть залогъ непререкаемой истины на всѣ будущія времена. Или признавая тождественность протестантской церкви съ древне-апостольскою, не вздумаютъ ли

реформаторы увѣрять насъ, что онѣ возстановленной своей церкви сообщили большую крѣпость и силу, чѣмъ какую могли сообщить апостолы древней католической и апостольской церкви? Въ такомъ случаѣ пусть они реформаторы держатъ отвѣтъ предъ святымъ апостоломъ Павломъ: «вы уже насытились; вы уже и въ самомъ дѣлѣ восцарствовали, чтобы и намъ съ вами царствовать! Мы безумны для Христа, а вы мудры во Христѣ; мы немощны, а вы крѣпки, вы въ славіи, а мы въ безчестіи» (1 Кор. 4, 8. 10). «Не срамляя васъ, сіе пишу, но якоже чада моя возлюбленная наказую» (14).

2) Мы православные христіане ходимъ во мракѣ, и истины нѣтъ у насъ. Духовную слѣпоту нашу по доктору Гаану изобличаютъ: почитаніе святыхъ и ихъ мощей, призваніе святыхъ въ молитвахъ, почитаніе иконъ, чистилище, безженство духовенства, индульгенціи, раздѣленіе церкви на двѣ—на римскую и греческую, анаеоматствованія или отлученія, положенныя одною церковью на другую и наконецъ гнѣвъ Божій поразившій церковь рукою ложнаго меккскаго пророка.

Съ минуты раздѣленія вселенской церкви, какъ выражается докторъ Гаанъ, на римскую и греческую, церковь Христова перестала быть единою, а съ этимъ вмѣстѣ перестала быть и истинною церковью; ибо единство есть существенный признакъ истинной церкви. Мало того, что церковь раздѣлилась; но каждая изъ этихъ двухъ церквей одна другую обременила проклятіями. Значить все кончено; церкви не стало; вмѣсто церкви г. Гаану видится что-то проклятое. И не одному Гаану, а всему протестантскому міру въ такомъ видѣ представляется вселенская церковь съ XI до XVI вѣка. Протестантство иначе и разсуждать не смѣетъ, не нанося себѣ смертельнаго пораженія. Ибо можетъ ли быть мѣста для протестантства, явившагося въ XVI вѣкѣ, какъ для самостоятельной истины, если оно допустить, что истина никогда не скры-

валась съ лица земли, а всегда на ней пребывала въ церкви Христовой?

Правда, анаематствованіе положенное въ Константинополь на Римъ, а въ Римъ на Константинополь и прочіе восточные патріархаты, само по себѣ есть явленіе весьма прискорбное, но дѣлать изъ этого явленія такое заключеніе, какое дѣлаютъ протестанты, совершенно неосновательно.

Пусть протестанты возьмутъ во вниманіе свое отношеніе къ папству и папства къ протестантству. Папство, положившее анаему на восточное православіе, какъ относится къ протестантству? Съ благословеніемъ, или тою же анаемою, какъ и къ православной церкви? Конечно съ анаемою. Эта римская анаема смущаетъ ли протестантство? Нисколько. Ибо и протестантство въ свою очередь честитъ римскую церковь вавилонскою блудницею. Надобно полагать, что такое отношеніе протестантства къ католичеству не есть явленіе утѣшительное для сердца протестантовъ, точно такъ же, какъ для сердца православнаго прискорбно то отношеніе, какое образовалось между православнымъ и римскимъ католичествомъ съ XI вѣка. Почему же протестанты изъ своего отношенія къ католичеству не выводятъ того же заключенія, какое они вывели изъ отношенія церкви православной къ церкви римско-католической? Если раздѣленіе послѣдовавшее съ XI вѣка, какъ утверждаютъ протестанты, разрушило церковь, ибо она на опытъ перестала быть единою; то почему такое же раздѣленіе, образовавшееся на западѣ съ XVI вѣка, потеряло свою разрушительную силу? Тамъ раздѣленіе уничтожило церковь, а здѣсь создало ее? Что нибудь одно: или то, что раздѣленіе церквей, хотя само по себѣ есть крайне прискорбное явленіе въ мірѣ христіанскомъ, еще не уничтожаетъ церкви Христовой вообще; или то, что и въ настоящее время нѣтъ церкви

Христовой на землѣ. Ибо и въ настоящее время существуетъ раздѣленіе между церквами.

Протестантство принимаетъ первое положеніе, на томъ конечно, основаніи, что оно отрицаетъ католичество какъ ложь, а себѣ присвоиваетъ истину. Что дозволяетъ протестантство себѣ, почему же того не дозволяетъ себѣ православію? Пусть Римъ и положилъ анаѣму на православную церковь; но эта анаѣма нисколько не смущаетъ православной церкви. Будучи увѣрена въ самой себѣ, какъ истинѣ, православная, восточная церковь произнесла свой судъ надъ папствомъ, какъ заблужденіемъ и положила на него отлученіе.

Точно такъ поступала церковь и прежде во времена аріанства или несторіанства. Аріане или несторіане отвергали ученіе православной церкви, но церковь этимъ не смущалась; она, будучи увѣрена въ себѣ самой, какъ истинѣ, смѣло произносила отлученіе и на аріанство и несторіанство. Понятно ли протестанту теперь, что дѣлаемые имъ выводы изъ прискорбнаго явленія въ христіанскомъ мірѣ, именно изъ взаимныхъ отлученій, положенныхъ восточною и западною церквами другъ на друга, нисколько не страшны для сыновъ церкви православной; не страшны, потому что они не основательны, невѣрны. Протестантъ, указывая на взаимныя проклятія положенныя одною на другую церквами восточною и западною, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что и по его понятію, восточная и западная церковь не одна и та же. Теперь протестантъ хорошо высмотрѣлъ, что за церковь эта западная или Римская церковь. Это не церковь, говоритъ онъ, а вавилонская блудница. Зачѣмъ же онъ смущается, когда читаетъ въ церковныхъ лѣтописяхъ, что церковь Константинопольская положила анаѣму на Римскую? Развѣ ему стало теперь жаль вавилонской блудницы? Съ протестантской точки зрѣнія на католичество скорѣе смущеніе должно бы по-

слѣдовать въ томъ случаѣ, еслибы протестантъ не встрѣтилъ въ лѣтоисяхъ этихъ анаематствованій. Ибовъ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы право уличить и церковь православную въ сообществѣ съ блудницей вавилонской. Просимъ замѣтить, что въ этомъ отвѣтѣ протестанту мы придерживаемся языка Лютерова, но не православнаго. Но г. Гаанъ не обращаетъ надлежащаго вниманія на различіе восточной церкви отъ западной. Это приводитъ его къ тремъ особенно бросающимся въ глаза, погрѣшностямъ или недостаткамъ.

1) Первая погрѣшность состоитъ въ томъ, что къ заблужденіямъ вселенской церкви онъ относитъ тѣ заблужденія, какія имѣли мѣсто только въ Римской церкви, напр. безбрачіе всего духовенства, ученіе о чистилищѣ, объ индульгенціяхъ.

2) Опуская изъ виду различіе между православною церковью и Римско-католическою, онъ никакъ не можетъ дойти до правильнаго взгляда на споры между восточными патріархами и Римскимъ папою о первенствѣ. Докторъ Гаанъ эти споры относитъ къ униженію церкви. Съ православной точки зрѣнія дѣло представляется совсѣмъ иначе. Первенство, котораго домогался папа въ церкви, дѣйствительно унижительно для церкви Христовой. Протестанты сами знаютъ, какого первенства домогался папа. Это—его главенство въ церкви, какъ видимаго намѣстника Іисуса Христа. Протестанты сами объявили такое притязаніе папы заблужденіемъ, потому что кромѣ единой невидимой главы Іисуса Христа, нѣтъ въ церкви никакой другой видимой главы. Самъ Гаанъ, какъ мы выше видѣли, желая восхвалять герольдовъ Божіихъ, членовъ своей протестантской церкви, говоритъ, что они не преклонили колѣнъ своихъ ни предъ какимъ другимъ намѣстникомъ Христовымъ, но только предъ тѣмъ, Кого святилъ Самъ Богъ. Зачѣмъ же восточнымъ па-

тріархамъ ставить въ вину или въ безславіе, что они вели споръ съ папами о первенствѣ? Эти споры со стороны восточныхъ патріарховъ были законны и необходимы. Папы хотѣли и востокъ подчинить себѣ, какъ они подчинили въ послѣдствіи до времени реформаціи весь западъ. Противъ такого преобладанія папы восточные патріархи вооружились и спасли самостоятельность и независимость церкви. Это ихъ слава, а не безчестіе.

3) Опуская изъ виду различіе между православнымъ востокомъ и католическимъ западомъ, докторъ Гаанъ, какъ и всякой другой протестантъ, дѣлаетъ важное опущеніе при изчисленіи заблужденій Рима, —мы разумѣемъ прибавленіе въ символъ вѣры «и отъ Сына». Но это не заблужденіе, говорятъ протестанты. Мы спрашиваемъ ихъ: сами отъ себя они это говорятъ, или кто другой имъ сказалъ объ этомъ? Что прибавленіе въ символъ вѣры *и отъ Сына* не есть заблужденіе Римской церкви, не есть плодъ мудрованія разума челевѣческаго, рѣшившагося искать истины вѣры внѣ вселенской церкви, говорятъ ли протестанты сами отъ себя, или повторяютъ это со словъ папы, — въ обоихъ случаяхъ они вмѣстѣ съ папою безотвѣтны предъ судомъ вселенской церкви. Вселенская церковь на первыхъ двухъ своихъ соборахъ составила и сынамъ своимъ завѣщала, на основаніи словъ Спасителя (Іоан. 14, 26.) вѣру въ Духа святаго «отъ Отца исходящаго», а папа прибавилъ: «и Сына». Эту прибавку папы, вмѣсто подлинныхъ словъ Спасителя, велѣдъ за папой повторяютъ и протестанты. Церковь восточная сохранила символъ вѣры вселенской церкви неизмѣннымъ и тѣмъ самымъ даетъ о самой себѣ непререкаемое свидѣтельство, какъ о вѣрной хранильницѣ чистаго ученія вселенской церкви.

Владычество магометанъ надъ востокомъ, о коемъ говоритъ д-ръ Гаанъ, нисколько не измѣняетъ нашего взгляда на

восточную православную церковь. Мы даже могли бы это замѣчаніе г. Гаана оставить вовсе безъ отвѣта, если бы нашъ отвѣтъ не давалъ намъ случая еще въ большемъ свѣтѣ представить несостоятельность ученія протестанта, что истины Христовой не стало въ христіанскомъ мірѣ съ XI вѣка по вѣкъ XVI.

«Что-жъ удивительнаго, спрашиваетъ д-ръ Гаанъ, что церковь въ такомъ положеніи не могла устоять противъ сильныхъ заблужденій мекккаго лжепророка и вѣкогда цвѣтуція церкви опустошены и разрушены?» Въ этихъ историческихъ событіяхъ протестанты думаютъ видѣть руку Божию, высыпавшую обуялую соль православія подъ ноги мусульманства.

Спрашиваемъ: какъ это понимать? Значить ли это то, что въ періодъ силы и могущества Магомета и его преемниковъ всѣ приняли магометанство и не осталось христіанъ на всемъ востокѣ? Что именовавшіе себя въ то время христіанами и въ домахъ и въ церквахъ вмѣсто Евангелія и Апостола стали читать алкоранъ? Что символъ вѣры Никео-Константинопольскаго собора потерялъ всякой смыслъ и значеніе? Что литургія Василия Великаго и св. Златоуста прекратились на всемъ востокѣ и молитвы стали совершаться въ духѣ магометанства? Что таинства церкви замѣнены обрѣзаніемъ и разными омовеніями, какъ это дѣлается у магометанъ? Спрашиваемъ опять: это ли все нужно разумѣть подъ словами доктора Гаана, что церковь не могла устоять предъ сильными заблужденіями мекккаго лжепророка? Или эти слова его означаютъ то, что христіане, подпавшіе владычеству могометанъ, ими ограбленные, презираемые, угнетенные, чрезъ то самое потеряли право быть чадами Божиими? Какъ! ученики Христовы тогдашняго времени, при постигшихъ ихъ тяжкихъ

бѣдствіяхъ не могли для себя почерпнуть утѣшенія и въ словахъ Сладчайшаго Іисуса: «блажени есте, егда поносятся васъ, гонятъ и всячески злословятъ несправедливо за меня»? не могли отъ того только, что ихъ гнали, всячески преслѣдовалъ не Неронъ, не Діоклитіанъ, не Юліанъ, не Хозрой, а мусульманинъ? Да и вообще христіанская ли мысль, мысль ли Евангелія и апостоловъ опредѣляютъ внутреннія достоинства христіанской вѣры и христіанской жизни внѣшнимъ случайнымъ положеніемъ лица или цѣлаго общества среди міра? «Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ. Такъ гнали пророковъ бывшихъ прежде васъ» (Мат. 5. 12). «Посмотрите братіе, кто вы избранные: не много между вами мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ» (1. Кор. 1, 26). «Злословятъ насъ, а мы благословляемъ; насъ гонятъ, мы терпимъ; насъ хулятъ, мы молимся; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ всѣми попираемый». (1 Кор. 4, 12. 13). Пусть каждый безпристрастно судитъ теперь: на чьей сторонѣ истина, святая истина—на сторонѣ ли тѣхъ, которые утверждаютъ, что народы восточные при всѣхъ тяжкихъ, ихъ постигшихъ политическихъ бѣдствіяхъ, не отчуждены отъ царства Христова, отъ царства свѣта и истины, какъ скоро они имѣли у себя всеокровище, завѣщанное вселенкою церковью,—или на сторонѣ тѣхъ, кои утверждаютъ противное? Пусть нѣкогда цвѣтуція церкви и храмы разрушены, пусть богослуженію лишилось внѣшняго благолѣпія, пусть число христіанъ сократилось на востокѣ чрезъ отпаденіе многихъ изъ нихъ въ магометанство; пусть какое угодно предположимъ внѣшнее бѣдствіе обрушившееся на оставшихся въ нѣдрахъ христіанства: но въ этомъ обществѣ не оскудѣвала вѣра, надежда, любовь, не прекращалась молитва, не останавливалось приношеніе безкровной жертвы, совершались таинства, чрезъ кои

на душу вѣрующую нисходятъ дары святаго Духа,—и церковь Христова на востокѣ никогда не переставала вѣровать въ себя, какъ единую, святую, соборную и апостольскую церковь. И всегда была и есть такая, т. е. единая, святая, соборная и апостольская и никогда не перестанетъ быть такою во вѣки вѣковъ.

Е. В.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

XXIII. Паремія, положенная на вечернѣ во вторникъ пятой седмицы великаго поста. Быт. 15, 1—15.

Въ сей пареміи описывается откровеніе Божіе Аврааму о судьбѣ его потомства.

Гл. 15 ст. 1. Бысть слово Господне къ Авраму въ видѣннй нощю, глаголя: не бойся Аврааме: азъ защищаю тя, нзда твоя многа будетъ зѣло.

Описываемое въ первыхъ одиннадцати стихахъ разсматриваемой пареміи откровеніе Божіе Аврааму дано было ему чрезъ *видѣніе*, подъ которымъ разумѣется то, когда чело-вѣкъ, подъ наитіемъ Духа Божія, приходитъ въ нѣкоторое восторженное состояніе и въ семь состояніи, при бездѣйствіи внѣшнихъ чувствъ, духомъ воспринимаетъ впечатлѣнія отъ міра духовнаго, —отъ самого Бога, или ангеловъ, и самъ иногда является дѣйствующимъ или говорящимъ съ ними. Откровеніе чрезъ *видѣніе* дается обыкновенно въ бодрственномъ состояніи, ибо въ св. Писаніи ясно отличается отъ Божія откровенія во снѣ. «Аще будетъ въ васъ пророкъ Господень, въ видѣннй ему познаюся и во снѣ возглаголю ему» (Числ. 12, 6), сказалъ самъ Господь Моисею. Состоянію, въ которомъ находился Авраамъ, сподобившійся *видѣнія*, было по-

добно тому, въ которомъ находились напрімѣръ: пророкъ Исаія, когда призываемъ былъ къ пророческому служенію (гл. 6), св. апостоль и евангелистъ Іоаннь Богословъ, бывшій въ *дустъ въ день недѣльный* (Апок. 1, 10), св. апостоль Павелъ. Послѣдній говоритъ о себѣ, что не помнитъ, въ тѣлѣ ли былъ, или внѣ тѣла, когда восхищенъ былъ въ рай и слышалъ здѣсь неизреченные глаголы (2 Кор. 12, 3. 4). Видѣніе Аврааму было *нощю*. Что бы ни значило это, то ли, что дѣйствительно была ночь, или что она только въ видѣніи представлялась Аврааму, во всякомъ случаѣ сіе видѣніе, какъ и вообще пророческія видѣнія, было не во снѣ, потому что оно, какъ видно будетъ въ стихѣ 12-мъ, смѣнилось сномъ. — *Не бойся Авраме*, сказалъ Богъ Аврааму, давая слышать ему только голосъ, но не являясь его зрѣнію. Чего Авраамъ могъ бояться? Онъ могъ бояться опасности отъ враговъ, побѣда надъ которыми, описанная въ предшествующей главѣ (см. XXII-ю паремію), могла возбудить въ нихъ жажду мести къ побѣдителю. Оправившись отъ пораженія и испуга, они могли предпринять новый походъ въ ханаанскую землю и напасть на Авраама. Онъ могъ бояться также зависти своихъ сосѣдей и союзниковъ къ его военному успѣху и возрастающему благосостоянію. Въ успокоеніе Авраама, Господь продолжаетъ говорить: *Азъ защищаю тя, мзда твоя многа будетъ зѣло*. Послѣ такихъ словъ чего въ самомъ дѣлѣ бояться Аврааму? «Господь защититель живота моего, отъ кого устращуся? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое» (Ис. 26, 1. 3). Господь не только готовъ укрыть и защитить Авраама отъ враговъ и разныхъ опасностей, но еще за преданность Ему Авраама и упованіе на Него воздастъ ему *многую мзду*, — великими и многими дарами.

2. 3. Глагола же Аврамъ: Владыко Господи, что

ми даси? Азь же отпущаюся безчаденъ: сынъ же Масекъ домочадицы моея, сей Дамаскъ Еліезеръ. И рече Аврамъ: понеже мнѣ не даль еси сѣмене, домочадецъ же мой наслѣдникъ мой будетъ.

Не радуеть Авраама обѣщанная ему великая награда. Если, думаетъ онъ, она будетъ состоять въ увеличеніи моего богатства, она будетъ для меня излишнею. *Что ми даси?* Съ меня довольно того, что имѣю. Что мнѣ дашь такого, въ чемъ бы я имѣлъ нужду? Нѣтъ, не въ богатствѣ я нуждаюсь, а дѣтей желалъ бы имѣть; но видно мнѣ ихъ не дожидаться: *азъ же отпущаюся*—отойду изъ этой жизни—*безчаденъ*,—видно умру безъ дѣтей. — *Сынъ же Масекъ домочадицы моея, сей Дамаскъ Еліезеръ И рече Аврамъ: понеже мнѣ не даль еси сѣмене, домочадецъ же мой наслѣдникъ мой будетъ.* Правда, Господи, Ты обѣщаль мнѣ многочисленное какъ прахъ земный потомство (Быт. 13, 16). Но, какъ видно, я оказался недостойнымъ исполненія сего обѣтованія. Это для меня весьма прискорбно, потому что теперь я принужденъ усыновить кого нибудь изъ чужихъ и его сдѣлать моимъ наслѣдникомъ. И я уже имѣю въ виду челоуѣка, котораго готовъ усыновить и сдѣлать моимъ наслѣдникомъ. Вотъ у Масаки, домочадицы моея, есть сынъ Еліезеръ Дамаскинецъ (т.-е. рожденный отъ раба, купленнаго въ Дамаскъ и вѣроятно уже умершаго). Не имѣя родныхъ дѣтей, я готовъ усыновить сего домочадца моего и передать ему наслѣдство всего моего имущества. Пусть онъ же, какъ единственный мой наслѣдникъ, воспользуется и тою многою мздою, какую Ты мнѣ обѣщашь.

4. И абіе гласъ Господень бысть къ нему, гла-

голющій: не будетъ сей наслѣдникъ твой, но вже изыдетъ изъ тебе, той будетъ наслѣдникъ тебѣ.

Авраама, смущаемаго безчадіемъ и помышлявшаго объ усыновленіи домочадца, Господь успокоиваетъ прямымъ удостовѣреніемъ, что не чужой, а родной его сынъ будетъ наслѣдникомъ его.

5. Изведе же его вонъ, и рече ему: воззри на небо, и изочти звѣзды, аще возможеши исчести я. И рече: тако будетъ сѣмя твое.

Изведе его вонъ. Нѣтъ причины думать, что видѣніе, доселѣ описанное, было теперь прервано, что Господь возвратилъ Авраама къ обыкновенному состоянію изъ восторженнаго, въ которомъ онъ доселѣ находился. Это восторженное состояніе продолжалось, — Аврааму въ видѣніи представлялось, какъ Господь вывелъ его изъ кущи подъ открытое небо, и какъ, указывая на небо, сказалъ ему, что потомство его будетъ также многочисленно, какъ звѣзды на небѣ. Обѣтованіе о многочисленномъ потомствѣ Авраамъ слышалъ и прежде (Быт. 13, 16), но теперь оно имѣло для него особенное значеніе, ибо предварено было положительнымъ удостовѣреніемъ, что это многочисленное потомство произойдетъ отъ него чрезъ роднаго его сына.

6. И вѣрова Авраамъ Богу, и виѣлися ему въ правду.

И вѣрова Авраамъ Богу. Авраамъ отъ всей души повѣрилъ, что Богъ данное ему обѣтованіе о сынѣ и о многочисленномъ потомствѣ не только *можетъ* исполнить, но *непрѣменно исполнитъ*. И эту сердечную вѣру Господь *вмѣнилъ ему въ правду*. Нетерпѣливая жалоба Авраама на безчадство показала въ немъ недостатокъ правды предъ Богомъ, показала, что онъ неправъ былъ предъ Богомъ, неодно-

кратно общавшимъ ему многочисленное потомство. Но Господь съ такимъ благоволеніемъ воззрѣлъ на вѣру Авраама, возбужденную въ немъ новымъ подтвердительнымъ обѣтованіемъ, что не поставилъ ему въ вину неправоту его жалобы на свое безчадство, снова призналъ его правымъ предъ Собою. Св. апостоль Павелъ примѣромъ вѣры Авраама, вмѣненной ему въ правду, доказываетъ ту истину, что и намъ всемъ оправданіе предъ Богомъ даруется не за дѣла, а за вѣру въ искупительную силу смерти Христовой, за насъ претерпѣнной (Рим. 4, 3. Гал. 3, 6). А св. апостоль Іаковъ для того, чтобы не подумалъ кто, что можно оправдаться одною вѣрою безъ дѣлъ закона, утверждаетъ, что вѣра Авраама потому вмѣнилась ему въ правду, что споспѣшествовала дѣламъ его (Іак. 2, 21—24). Это была вѣра живая, сердечная, слѣдственно не могла не сопровождаться богоугодными дѣлами.

7. Рече же къ нему: Азь есмь Богъ, изведый тя изъ страны халдейскія, яко дати тебѣ землю сію наслѣдствовать.

Утѣшительно было для Авраама обѣтованіе, что его наслѣдникомъ будетъ родной его сынъ; не менѣе утѣшительно для Авраама другое обѣтованіе, что вся страна, въ которую онъ приведенъ изъ земли Халдейской, сдѣлается достояніемъ его въ лицѣ его потомства, имѣющаго произойти отъ его роднаго сына.

8. И рече: Владыко Господи, по чесому уразу-мѣю, яко наслѣдiti ю имаю?

Какъ обладаніе землею ханаанскою обѣщано Аврааму лично, а въ лицѣ его потомства, такъ удостовѣреніе въ несомнѣнности исполненія этого обѣщанія Авраамъ желаетъ получить не для себя лично, а для своего потомства. Вѣра Авраама въ обѣтованіе Божіе, какую передъ симъ онъ обна-

ружилъ, была такъ велика, что вмѣнена ему въ правду. По этому не вѣроятно, чтобы онъ лично нуждался въ желаемомъ удостовѣреніи, — оно, по убѣжденію Авраама, нужно было для его потомства. Обѣтованіе о наслѣдованіи земли ханаанской, думалъ Авраамъ, можетъ исполниться не прежде, какъ потомство его возрастетъ въ многочисленный народъ. Для сего потребно на малое время, и въ это время оно можетъ испытать много превратностей въ своей судьбѣ, много скорбей и бѣдствій. Не мудрено, что эти скорби и бѣдствія, при долговременномъ ожиданіи обѣтованнаго наслѣдія, могутъ поколебать въ потомкахъ Авраама вѣру въ обѣтованіе. Но сему естественно было желать Аврааму, чтобы Господь особеннымъ образомъ запѣчатлѣлъ для его потомковъ истину своего обѣтованія, и предварительно открылъ имъ, какъ оно должно исполниться.

Господь призналъ уважительнымъ желаніе Авраама, и вѣрность свою въ исполненіи обѣщанія о наслѣдіи земли ханаанской оградилъ завѣтомъ съ Авраамомъ и его сѣменемъ (ст. 18). Описаніе обряда вступленія въ сей завѣтъ содержится въ слѣдующихъ стихахъ.

9. 10. Рече же къ нему (Господь): возми Миѣ юницу трилѣтну, и козу трилѣтну и овна трилѣтна, и горлицу, и голубя. Взя же онъ вся сія, и раздѣли я на полы и положи я противолічна едина къ другому: птиць же не раздѣли.

У древнихъ былъ обычай при заключеніи союзовъ поступать такъ: лица вступавшія въ союзъ брали жертвенныхъ животныхъ, закалали ихъ, трупы разсѣкали на двѣ ровныя половины съ головы до хвоста, полагали ихъ одну противъ другой такъ, чтобы можно было между ними пройти, и проходили между ними. Это прохожденіе между частями разсѣ-

ченнаго трупѣ служило, со стороны вступающихъ въ союзъ, свидѣтельствомъ передъ Богомъ, что они обязываются жить и дѣйствовать единодушно для взаимнаго блага, въ такой же неразрывной связи, въ какой были части животнаго до его разсѣченія, и что нарушитель этого обязательства готовъ принять казнь: пусть его разрубить Богъ, какъ разрубленъ трупъ животнаго (Иерем. 35, 18).—Приступая къ засвидѣствованію предъ Авраамомъ и его потомствомъ вѣрности своего обѣтованія о наслѣдованіи земли ханаанской, Господь благоволилъ для сего употребить обрядъ, принятый у людей при заключеніи союзовъ,—по крайнему снисхожденію къ людямъ. Для сего обряда Онъ повелѣваетъ Аврааму приготовить по одному животному изъ всѣхъ тѣхъ, какія впослѣдствіи указаны въ законѣ для жертвоприношеній. Изъ нихъ телицу, козу и овна трилѣтнихъ (совершенныхъ по возрасту и крѣпости), Авраамъ, конечно по повелѣнію Божію, заклалъ, потомъ разсѣкъ на половины, и между этими половинами, расположенными одна противъ другой, оставилъ мѣсто для прохода, а птицъ—горлицу (дикаго голубя) и голубя (дворнаго) только заклалъ, но не разсѣкъ, соотвѣтственно тому, что и при жертвоприношеніи—птицъ не разсѣкали, а цѣликомъ полагали на огонь жертвенника (Лев. 1, 17). Впрочемъ, хотя приготовлены были жертвенныя животныя, но не видно, чтобы принесена была жертва,—потому что при описаніи дальнѣйшаго дѣйствія не упомянуто о возложеніи закланныхъ животныхъ на жертвенникъ, или вообще о сожженіи ихъ. Сказано только въ стихѣ 17-мъ, что между частями разсѣченныхъ труповъ прошелъ дымъ и свѣтильникъ огненный (т. е. прошелъ самъ Богъ въ знаменіяхъ своего присутствія—въ дымѣ и огнѣ),—и прибавлено, что «въ той день завѣща Господь Авраму завѣтъ, глаголя: сѣмени твоему дамъ землю сію отъ рѣки Египетскія до рѣки великія Евфрата» (ст. 18).

Половины разсѣченныхъ труповъ представляли обѣ вступающія въ завѣтъ стороны—Авраама съ его потомствомъ и Бога, а прохожденіе Бога въ знаменіяхъ своего присутствія между разсѣченіями означало, что Онъ принимаетъ на себя обязательство быть въ такомъ же неразрывномъ союзѣ съ Авраамомъ и его потомствомъ, въ какомъ находились части разсѣченнаго животнаго до его разсѣченія, и что Онъ будетъ также свято хранить сіе обязательство, какъ свято соблюдаютъ обязательство къ взаимной вѣрности люди, обрешіе себя на погубленіе отъ Бога въ случаѣ нарушенія обѣщанной вѣрности.— Не упомянуто о прохожденіи между разсѣченіями другой стороны, съ которой Богъ вступилъ въ завѣтъ. Богъ не потребовалъ отъ Авраама этого прохожденія, какъ знака вѣрности его съ потомствомъ союзу съ Богомъ, потому что требовалось отъ одного Бога удостовѣреніе въ вѣрности или ненарушимости даннаго Имъ обѣщанія. Но послѣ Господь потребуетъ и отъ Авраама съ его потомствомъ обязательства хранить Ему вѣрность,—при установленіи обрѣзанія.

11. Слетѣша же птицы на тѣлеса растесанная ихъ: и сѣде близу ихъ Авраамъ.

Господь не скрываетъ отъ Авраама, что его потомство, прежде чѣмъ получить въ наслѣдіе обѣтованную землю, много будетъ терпѣть бѣдствій отъ враговъ своихъ. Предзнаменованіе сего показано Аврааму въ хищныхъ птицахъ, слетѣвшихъ на разсѣченные трупы. Но Авраамъ *сѣде близу ихъ*, разсѣченныхъ труповъ, въ качествѣ стража, и прогонялъ хищныхъ птицъ (въ еврейскомъ текстѣ вмѣсто *сидѣлъ* сказано: *прогонялъ*). Это значило, что ради обѣтованій, данныхъ Аврааму, Господь будетъ защищать и спасать отъ враговъ его потомство (Ис. 104, 43). Въ слѣдующихъ стихахъ изо-

бражается съ большею ясностію откровеніе о судьбѣ потомства Авраамова.

12. Заходящу же солнцу, ужасъ нападе на Авраама, и се страхъ темень велій нападе на нь.

Все, доселѣ открытое Аврааму, открыто было чрезъ *видѣніе* въ бодрственномъ состояніи. Теперь это видѣніе перешло въ пророческій сонъ. Авраамъ мысленно видитъ, что солнце зашло, и тогда *ужасъ* (*εκστασις* изступленіе) *нападе на Авраама*. Точнѣе и яснѣе въ еврейскомъ текстѣ: «онъ погрузился въ глубокій сонъ». Сонъ этотъ не былъ естественный, а наведенъ былъ на него Богомъ, какъ нѣкогда на Адама при сотвореніи жены. Во снѣ *страхъ велій темень нападе на нь*. Авраамъ почувствовалъ, что онъ очутился въ непроницаемой тьмѣ и въ безвыходномъ положеніи слѣнца, не знающаго куда идти. Это ощущеніе повергло его въ великій страхъ, что было вмѣстѣ знакомъ близкаго присутствія Божія (Іов. 4, 15—17) и печальнымъ предчувствіемъ того, что содержится въ слѣдующемъ откровеніи. *Заходящу солнцу*: это служило также предзнаменованіемъ того, чѣмъ возбуждено печальное предчувствіе, — указывало на мрачное время, которое должно будетъ пережить потомство Авраамова до слѣдованія земли обѣтованной.

13. И речено бысть ко Аврааму: вѣдый увѣси, яко пресельно будетъ сѣмя твое въ земли не своей, и поработаютъ я, и озлобятъ я, и смирятъ я лѣтъ четыреста.

Пресельно будетъ сѣмя твое въ земли не своей. — *Не своя земля* — это земля ханаанская, потомъ египетская. Въ той и другой *сѣмя* (потомство) Авраамова, до окончательнаго водворенія его въ Палестинѣ, будетъ *пресельно*, т. е.

будеть страствовать или будетъ временнымъ обитателемъ. *Поработятъ я, озлобятъ я, и смирятъ я*: это бѣдствіе потомки Авраамовы испытають въ Египтѣ, гдѣ по смерти Іосифа они будутъ жить въ тяжкой неволѣ и угнетеніи. *Лѣтъ чотыреста*: круглое число вмѣсто 405. Начало этого счисленія времени пресельничества и угнетенія падаетъ на годъ рожденія Исаака, отъ котораго произошло потомство Аврамово, 25-й годъ по переселенія Авраама въ Хананею изъ Халдеи, — конецъ — на исходъ Евреевъ изъ Египта. Все же время пресельничества, съ пребываніемъ Евреевъ въ Египтѣ, въ книгѣ Исходъ (12, 40) и въ посланіи къ Галатамъ (3, 17) опредѣляется въ 430 лѣтъ со включеніемъ 25 лѣтъ отъ призванія Авраама до рожденія Исаака ^(а).

14. Языку же, емуже поработаютъ, сужду Азъ: по сихъ же изыдутъ сѣмо съ ниѣніемъ многияхъ.

Сужду — покараю. Разумѣются казни, которыя Господь наведетъ на народъ Египетскій, державшій Евреевъ въ порабощеніи, и которыми принудитъ Египтянъ отпустить Евреевъ.

(а) Въ стихѣ 16-мъ сказано о потомкахъ Авраама: *въ четвертомъ родѣ возвратятся сіи*. Одни видятъ здѣсь опять указаніе на четырехсотлѣтіе, упомянутое въ 13-мъ стихѣ, разумѣя подъ каждымъ столѣтіемъ *родъ*; другіе относятъ эти слова ко времени пребыванія Евреевъ въ Египтѣ, считая это время по родамъ — отъ Лелія до Каава, отъ Каава до Амрама, отъ Амраама до Аарона, отъ Аарона до Елеазара. Нѣкоторые видятъ намекъ на этотъ рядъ поколѣній въ избраніи для обряда завѣта *трехлѣтнихъ* телицы, козы и овна: какъ понадобились для сего обряда животныя вступившія въ *четвертый годъ*, такъ и Евреи выйдутъ изъ Египта въ 4-мъ родѣ. Примѣръ подобнаго соответствія есть въ книгѣ Судей: Гедеонъ, когда призываетъ былъ къ освобожденію Израильтянъ отъ порабощенія Мадіамскаго, продолжавшагося 7 лѣтъ, то долженъ былъ принести въ жертву *семилѣтняго* тельца (Суд. 6, 1. 25).

По сихъ же (т.-е. послѣ казней) Евреи *изыдутъ съ имѣніемъ многимъ*: Евреи при исходѣ изъ Египта получать отъ своихъ поработителей множество золотыхъ и серебряныхъ вещей и одеждъ, какъ вѣкоторое вознагражденіе за долговременныя тяжкія работы для нихъ (Исх. 12, 35. 36).

15. Ты же отъидени ко отцемъ твоимъ, препитанъ въ старости добръй.

Бѣдствія, предсказанныя потомкамъ Авраама, самого его не коснутся; онъ въ мирѣ отойдетъ ко отцамъ своимъ, т. е. умретъ спокойно, и душою своею, по разрѣшеніи ея отъ тѣла, присоединится къ душамъ предковъ своихъ. Что здѣсь идетъ рѣчь объ отшествіи къ отцамъ душою, а не о соединеніи съ ними по тѣлу въ одной общей усыпальницѣ, это видно изъ того, что тѣло Авраама погребено въ землѣ хананской—въ Хевронѣ (Быт. 25, 9), а не въ Халдеѣ, гдѣ жили и погребены его предки. — *Препитанъ въ старости добръй*: доживешь до старости глубокой и мирной, не утративъ свѣжести и крѣпости тѣлесной ^(а).

Свящ. Вас. Нечаевъ.

(а) Въмѣсто тафеѳ — препитанъ, откормленный,—въ другихъ греческихъ изданіяхъ, согласно съ еврейскимъ текстомъ, читается: тафеѳ — погребенный. Последнее чтеніе достойно предпочтенія.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

МАЙ.

1870.

ПИСЬМА ИЗЪ КИЕВА.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Кіевопечерская лавра. — Церкви. — Колокольня. — Типографія. — Особенности богослужебныхъ обрядовъ въ лаврѣ. — Страннопріимница и больница. — Состояніе иночества въ лаврѣ Печерской.

Въ Кіевопечерской лаврѣ, кромѣ Великой церкви, есть еще нѣсколько храмовъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательнъ, по древности и воспоминаніямъ, храмъ Пресвятой Троицы на св. вратахъ. Нынѣшній наружный видъ его соотвѣтствуетъ наружности Великой церкви и совершенно скрываетъ древность зданія, такъ что даже самые описатели лавры думаютъ, будто нынѣшнія св. врата съ Троицкою церковью стоятъ на мѣстѣ прежнихъ воротъ и прежняго храма, построенныхъ въ 1106 году правнукомъ великаго Ярослава, преп. Николаемъ Святошею, нетлѣнно почивающимъ въ ближнихъ пещерахъ лавры. Нѣтъ! Зданіе воротъ съ церковью, сооруженное св. княземъ-вратаремъ, пережило всѣ бури и опустошенія; оно вполне сохранилось до нашего времени. Въ этомъ легко убѣдимся, если осмотримъ стѣны надворотнаго храма изнутри, гдѣ примыкаютъ къ нимъ позднѣйшія пристройки: кладка стѣнъ начала XII вѣка — та же самая, какъ и въ нижней части стѣнъ Великой церкви. О сохраненіи этого древняго зданія мы впервые узнали на археологическомъ съездѣ въ Москвѣ отъ почтеннаго профессора Кіевской Д. Академіи П. А. Лошкарева. И теперь онъ самъ снисходительно указалъ намъ вѣрные, открытые имъ, признаки древности стѣнъ не только Троицкой церкви, но и кельи, примыкающей къ св. вратамъ съ лѣвой стороны (если идти изъ лавры).

Безъ сомнѣнія—это та самая келья, въ которой жилъ св. вратарь Печерскій.

„Преходить образъ міра сего и Господь многожды низлагалъ престолы князей!“ Такъ помышлялъ благочестивый потомокъ св. Владиміра, и предъизбралъ лучшую часть оставленнаго имъ наслѣдія—царство небесное вмѣсто земнаго. Онъ постригся, въ раннемъ возрастѣ, въ лаврѣ Печерской; и смиренно исполнялъ самыя тяжкія послушанія, несмотря на убѣжденія братьевъ своихъ, Изяслава и Владиміра, князей Черниговскихъ, призывавшихъ его въ домъ отчій! Три года служилъ братіи своей духовной въ поварнѣ; три года, въ послушаніи вратаря, охранялъ св. врата; потомъ служилъ при трапезѣ; совершивъ усердно эту третью степень послушанія, онъ по совѣту игумена и всей братіи уединился въ келью, гдѣ провелъ еще тридцать лѣтъ въ строжайшемъ постѣ, воздѣлывая малый садъ и съ помощью врача своего призирая болящихъ, для которыхъ устроилъ богадѣльню подлѣ святыхъ воротъ, съ церковію во имя своего ангела, святителя Николая.

На мѣстѣ княжей богадѣльни доселѣ существуетъ монастырь больничный, съ церковію чудотворца Николая. Такимъ образомъ, три отдѣльныя обители, ближнихъ и дальнихъ пещеръ и больничная, обрѣтаются внутри обширнаго иноческаго міра лавры: каждая изъ нихъ имѣетъ по нѣскольку церквей и придѣловъ. Надъ сѣверными, или экономическими вратами лавры, есть еще церковь во имя всѣхъ святыхъ, дабы никто изъ тайныхъ угодниковъ Божіихъ, спасавшихся въ безмолвіи пещеръ, не лишился, по своему смиренію, подобающей ему славы и отъ воинствующей Церкви, подобно какъ всѣ ликуютъ съ небесною своею братією въ сонмѣ Церкви, торжествующей на небесахъ.

При кельяхъ священно-архимандрита лавры, первосвятителя Кіевскаго, двѣ церкви: одна обширная, во имя святителя Михаила, гдѣ совершается въ зимнее время богослуженіе, другая же крестовая, во имя чудотворца Митрофана; обѣ устроены благочестіемъ митрополита Филарета.

Вблизи этихъ настоятельскихъ келлій, въ 8 саженьяхъ на югъ отъ Великой церкви, находится братская трапеза, построенная на развалинахъ древней въ 1720 году, и при ней пространная церковь первоверховныхъ апостоловъ, гдѣ совершается ежедневно самая ранняя, „беззвонная“ литургія, а черезъ три года въ трапезѣ варится св. муро,

освящаемое въ Великой церкви. Здѣсь же происходили нѣкогда, по древнему праву лавры, торжественные выборы ея архимандритовъ вольными голосами братіи и свѣтскихъ сановниковъ, а въ послѣдствіи времени—въ присутствіи только послѣднихъ, безъ участія ихъ. Случалось, что избиравшіе не могли согласиться между собою въ выборѣ: тогда ударяли обыкновенно въ колоколь и начинали молиться въ церкви о внушеніи имъ единомыслія. Въ житіи преп. Θεодосія сказано, что на приуготовленіе братской трапезы огонь брали съ молитвою изъ Великой церкви отъ неугасимой лампы предъ чудотворною иконою Успенія Богоматери; этотъ благочестивый обычай соблюдается и теперъ. Остатки отъ трапезы постоянно раздаются нищимъ.

У самаго входа въ трапезу лежатъ двѣ каменные плиты съ надгробными надписями. Подъ одною изъ плитъ покоится полковникъ Донскаго войска Θεодоръ Ивановичъ Флоровъ, которому въ битвѣ подъ Хотиномъ 1 августа 1739 г. отсѣчена Турками голова, тогда же найденная казаками въ лагерѣ сераскира и вмѣстѣ съ тѣломъ здѣсь погребенная. Другая плита указываетъ могилу двухъ невинныхъ страдалцевъ. На ней едва можно разобрать слѣдующія надписи, почти изглаженные временемъ:

«Кто еси мимо грядый, о насъ невѣдущій,
 Елицы здѣ естесмо положенны сущи,
 Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
 Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
 За правду бо и вѣрность къ монарсѣ нашу
 Страданія и смерти испыйлимо чашу
 Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы
 Посѣчены заставше топоромъ во главы,
 Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владични,
 Подающія всѣмъ Своимъ рабомъ животъ вичвій».

„Року (года) 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣченны среди обозу войсковаго, за Бѣлою церковю, на Борщеговцѣ и скончавшіяся: благородный судія генеральный, Василій Кочубей и полковникъ полтавскій Іоаннъ Искра; привезены 1740 года іюля 7 дня на мѣсто сіе, въ Кіевъ и того дня въ обители Свято-Печерскія лавры, на семь мѣстѣ погребены“.

Кочубей и Искра проникли коварный замыслъ гетмана Мазепы—отторгнуть, при помощи Шведскаго короля Карла XII, Малороссію отъ великаго Русскаго государства, съ которымъ она начинала сливаться нераздѣльно и до-

несли царю Петру. Но, къ несчастію, Петръ I, слишкомъ увѣренный въ Мазепѣ и озабоченный войною, счелъ доносъ Искры и Кочубея за клевету и предалъ ихъ суду гетмана, который успѣшилъ казнить своихъ обличителей. Слишкомъ поздно открылась правда, и Полтавскій побѣдитель повелѣлъ перенести прахъ невинныхъ страдальцевъ въ святую землю Печерской лавры.

Вънецъ и украшеніе всѣхъ зданій лавры—великолѣпная ея колокольня—начата строеніемъ при императрицѣ Аннѣ и окончена при Елисаветѣ (1731—1745), архитекторомъ Шейденомъ по чертежамъ графа Растрелли; въ ней четыре яруса разнородныхъ колоннъ, дорическаго, іоническаго и коринтскаго ордена; высота ея до креста 43 саж. и 2 аршина. По первоначальному плану положено было построить ее въ пять этажей, такъ что теперь колокольня, при всей своей красѣ, кажется не вполнѣ достроенною и какъ бы придавленной. Куполь колокольни вызолоченъ. Колокольня Печерская долго считалась самою высокою въ Россіи (Московскій Иванъ Великій до креста—38 саж. 1½ арш., а колокольня Сергіевой лавры—41 саж.), и теперь одна только колокольня Московскаго Симонова монастыря выше ея (44 саж. 1 арш.). По своему нагорному положенію, лаврская колокольня видна за 25 верстъ по Московской дорогѣ; съ ея же вершины (какъ увѣряютъ) вооруженный взоръ достигаетъ до городовъ Козельца, Василькова и Переяслава на разстояніи далѣе 100 верстъ. Вся панорама Кіева, Днѣпра и живописныхъ окрестностей, открывается стоящему на послѣднемъ ярусѣ столпа сего, достойнаго лавры, въ которую зоветь онъ на молитву, мирнымъ гласомъ колоколовъ своихъ. Жадно разбѣгаются взоры по очаровательному и разнообразному чертежу водъ и горъ, лѣсовъ и полей, повсюду украшенныхъ какимъ-либо священнымъ зданіемъ; потомъ опять сосредоточиваются они на одной живописной массѣ Кіева, двухъ-яруснаго, горняго и дольняго, раздѣленнаго садами и оврагами, и сіяющаго Божіими храмами; наконецъ, утомленные падаютъ прямо на св. лавру и ея пещеры, какъ на единый мирный пріютъ, посреди разнообразной картины міра.

Почти всю восточную часть лавры, сзади Великой церкви, занимаетъ знаменитая типографія Кіевопечерская. Первая (сколько извѣстна теперь) книга—Часословъ—напечатана здѣсь въ 1616 году при архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ, но, по мнѣнію митрополита Евгенія, книгопечатаніе въ лаврѣ существовало еще прежде, хотя книги того

времени и не дошли до насъ. Въ теченіи почти трехъ вѣковъ, эта типографія издала множество книгъ полезныхъ для Церкви Русской. Послѣ разновременныхъ улучшеній (особенно при митрополитѣ Евгеніѣ и въ 1832 году), она въ послѣднія семь лѣтъ совершенно обновлена и приведена въ превосходное состояніе; самое зданіе ея теперь—одно изъ самыхъ красивыхъ и величественныхъ въ лаврѣ—съ широкой галлереей и высокимъ чугуннымъ балкономъ, открывающимъ прекрасныя виды на пещеры, Днѣпровскій мостъ и все заднѣпровье. Внизу подъ первымъ этажемъ ея установлена паровая машина для приведенія въ движеніе скоропечатныхъ машинъ, двухъ токарныхъ, двухъ стругательныхъ и сверлильнаго станковъ и насоса, поднимающаго воду на верхній этажъ изъ водоема, устроеннаго среди двора типографскаго зданія и вмѣщающаго 8000 ведръ воды. При немъ наружный резервуаръ для утоленія жажды богомольцевъ снабжается водою посредствомъ красиваго фонтана. Для нагрѣванія верхняго этажа зданія имѣющаго болѣе 300 кубическихъ саженъ пространства, устроенъ пневматическій калориферъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются двѣ скоропечатныя машины, семь чугунныхъ типографскихъ станковъ и зала наборная. На второмъ этажѣ имѣются помѣщенія для просушки отпечатанныхъ листовъ. Тамъ же, на восточной сторонѣ, въ удобно устроенной залѣ помѣщается литографія, хромолитографія и ксилографія. Подлѣ типографскаго корпуса устроено двухъ-этажное зданіе словолитни, имѣющей въ нижнемъ этажѣ стереотипное и гальванопластическое отдѣленія. Ежегодно печатается и продается богослужебныхъ и другихъ духовнаго содержанія книгъ и разныхъ священныхъ изображеній на значительную сумму, и удѣляется немалая часть книгъ бѣднымъ церквамъ, разнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Румыніи и на Аѳонской горѣ.

Близъ типографіи, по одной съ нею линіи, находится вторая книжная лавка, а между нею и типографіею устроена лаврская хлѣбня и просфорня. Въ просфорнѣ продажа просфоръ начинается съ ранняго утра и продолжается почти до окончанія поздней литургіи. Изъ другихъ заведеній, заключающихся въ стѣнахъ лавры, могу указать вамъ особенно на иконописную школу: она находится на лѣвой сторонѣ отъ св. воротъ въ длинномъ, такъ-называемомъ, соборномъ корпусѣ. Лаврская иконописная устроена для поновленія св. иконъ и стѣннаго письма въ

лаврскихъ церквахъ: здѣсь пишутся иконы своими живописцами изъ братіи для поднесенія Высочайшимъ особамъ и другимъ знаменитымъ посѣтителямъ лавры, по благословенію настоятеля, и въ случаѣ нужды исправляются покупаемыя у городскихъ иконописцевъ для продажи въ лаврскихъ иконныхъ лавкахъ. Здѣсь же, въ недавнее время, заведена очень хорошая фотографія. Полезны и другія заведенія лавры: золотарня, устроенная для возобновленія позолотою иконостасовъ въ лаврскихъ церквахъ, куполовъ, крестовъ, иконныхъ ризъ и проч.; швальня для поправки церковной ризницы и шитья новыхъ одеждъ какъ священныхъ, такъ и келейныхъ для настоятеля лавры и прочей братіи; столярня, слесарня, кузница и другія заведенія необходимыя при огромномъ хозяйствѣ такой многолюдной обители.

Лавра, состоя подѣ настоятельствомъ своего архимандрита—митрополита Кіевскаго, управляется духовнымъ соборомъ, какъ древнимъ выраженіемъ общежительнаго управленія Печерской обители, подѣ предѣдательствомъ намѣстника. Прежнее право выбора, принадлежавшее братіи, въ наши дни возобновлено мудростію и милостію нынѣшняго архипастыря по отношенію къ намѣстнику лавры и осуществлено въ 1862 г. избраніемъ братіею на эту должность блюстителя ближнихъ пещеръ, члена духовнаго собора, многоуважаемаго отца архимандрита Варлаама. Въмѣстѣ съ тѣмъ, сохранены и другія учрежденія и должности, наслѣдованныя отъ древности, развившіяся и умножившіяся съ развитіемъ самой дѣятельности лавры, каковы напр. должности уставщика, эkkлeсiарха, келаря, блюстителей пещеръ, начальника больничнаго монастыря. Штатами 1786 г. опредѣлено было для лавры сто монашествующихъ съ сотнею служителей: однако лавра, по мѣрѣ возможности, старалась и старается хранить правило преп. Феодосія, который никого не отвергалъ изъ искреннихъ искателей иноческой жизни въ его обители.

Богослужебные обряды въ лаврѣ отличаются нѣкоторыми особенностями. Отмѣнные напѣвы ея извѣстны и въ печатныхъ обиходахъ подѣ именемъ Кіево-Печерскихъ распѣвовъ. Они образовались изъ напѣва собственно Болгарскаго, явившагося въ Кіевѣ со временъ в. к. Ярослава I. Все священнослуженіе совершается въ лаврѣ торжественно, благочинно и неспѣшно, начинаясь ежедневно звономъ къ утренѣ въ самую полночь. Ежедневно лѣ-

томъ по лаврскимъ церквамъ бываетъ 11, а зимою 9 литургій. Въ великой церкви служеніе литургіи неизмѣнно совершается ежедневно, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Обыкновеніе это установлено архимандритомъ Елисеємъ Плетенецкимъ, послѣ чуда совершившагося въ жестокую зиму 1618 года: когда братія расположились было отправлять службу въ теплой трапезной церкви, въ то время въ запертой Великой церкви Успенія сами собою зажгли свѣчи и раздалось пѣніе литургіи—пѣніе ангельское.

Въ Великой церкви совершается настоятелемъ лавры съ соборомъ торжественное служеніе всенощнаго бдѣнія 14 августа, подъ храмовой праздникъ Успенія Пресв. Богородицы и притомъ съ особыми обрядами: предъ величаніемъ поется среди церкви всѣмъ соборомъ погребальная служба Богородицы, т.-е. каѳизма великой субботы. При началѣ каждой статьи совершается кажденіе по всей церкви. По шестой пѣсни канона отворяются царскія врата, спускается чудотворная икона Успенія и предъ нею читается акаѳистъ. Въ день Успенія 15 августа, послѣ водоосвященія, торжественно совершается крестный ходъ вокругъ лавры, начиная отъ сѣверныхъ ея вратъ, мимо святыхъ вратъ и до пещерныхъ. Предъ каждымъ изъ нихъ останавливаются для литіи и окропляются св. водою стѣны обители и народъ. По окончаніи литургіи, „по заповѣданію“ преп. основателей лавры, поставляется среди двора трапеза, для всѣхъ желающихъ, которую благословляетъ и отвѣдываетъ самъ настоятель лавры, кievскій митрополитъ. Въ этотъ день лавра угощаетъ болѣе 5000 поклонниковъ. Такая же трапеза поставляется и въ дни памяти преп. Антонія (10 іюля) и преп. Феодосія (3 мая), но тогда богомольцевъ бываетъ менѣе.

Съ самыхъ древнихъ лѣтъ, во все продолженіе великаго поста, начиная отъ среды первой недѣли и до среды страстной недѣли, исключая субботъ и воскресныхъ дней, въ Великой церкви лавры ежедневно совершается преждеосвященная литургія. Также съ древнихъ временъ существуетъ обычай во извѣстные дни употреблять извѣстнаго цвѣта священнослужительскія облаченія. Въ праздники Господскіе употребляются парчевыя ризы съ золотыми разводами по алому полю, въ Богородичные и ангельскіе такіе же ризы по бѣлому полю, или же совершенно бѣлыя; въ апостольскіе—желтаго цвѣта; въ святительскіе—году-

баго; въ мученическіе—краснаго; въ праздники преподобныхъ—зеленаго цвѣта.

Замѣчательно, что всеобщій обычай Кіева и цѣлой Малороссіи—совершать въ великую четырехдесятницу такъ-называемыя „Пассіи“ никогда не былъ принятъ въ Печерской лаврѣ (кромя Воздвиженской церкви ближнихъ пещеръ), безъ сомнѣнія, потому, что лавра никогда не была въ распоряженіи униатовъ, которыми, по всей вѣроятности, введенъ этотъ обычай. Но, заговоривъ о пассіяхъ, я забываю, что они вовсе неизвѣстны большинству читателей „Душеполезнаго чтенія“, т.-е. жителямъ всякой Россіи. Этотъ обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: на повечеріяхъ первыхъ четырехъ пятницъ св. четырехдесятницы (т.-е. на 1-й, 2-й, 3-й и 4-й недѣляхъ великаго поста) поется стихира великаго пятка: „Тебе одѣющагося свѣтомъ яко ризою“, и по окончаніи ея, священникъ, стоя на амвонѣ предъ царскими вратами, читаетъ страстныя евангелія, съ припѣвомъ предъ чтеніемъ и послѣ чтенія ихъ: „слава страстемъ Твоимъ Господи“. Въ первый пятокъ читается евангеліе отъ Матѳея (гл. 26 и 27), во второй—отъ Марка (гл. 14 и 15), въ третій—отъ Луки (гл. 22 и 23), въ четвертый—отъ Іоанна (гл. 18 и 19). По прочтеніи евангелія, клиръ поетъ стихирѣ великой субботы: „пріидите, ублажимъ Іосифа приснопамятнаго“, и послѣ того продолжается повечеріе. Въ Софійскомъ соборѣ, въ монастырѣ Михайловскомъ, въ Братской академической и семинарской церквахъ говорятся въ это время приличныя евангельскому воспоминанію проповѣди, и стеченіе народа бываетъ очень велико. Въ приходскихъ церквахъ Кіева читаются тѣ же страстныя евангелія и въ тѣ же дни, только не на повечеріяхъ, а или предъ литургіею послѣ часовъ, или на самой литургіи, послѣ заамвонной молитвы. При этомъ обрядѣ мѣстныя серебряныя лампады замѣняются мѣдными, вмѣсто бѣлыхъ свѣчей горятъ зеленыя; а мѣстныя иконы иконостаса закрываются такъ-называемыми „страстными“ (большею частію писанными на холстѣ), на которыхъ Спаситель представляется страждущимъ, въ терновомъ вѣнцѣ, или распятымъ, а Богоматерь съ мечами, пронзающими грудь ея. Въ другихъ городахъ Малороссіи пассіи совершаются въ однихъ только соборныхъ и семинарскихъ церквахъ, и заимствованы, по всей вѣроятности, отъ Кіева.

Теперь мы выходимъ изъ стѣнъ лавры. Между типографіею и олтаремъ собора, покатый сходъ, выстланый ди-

кимъ тесанымъ камнемъ, ведетъ насъ къ такъ-называемымъ „нижнимъ“ или „пещернымъ“ воротамъ. Съ правой стороны—иконная лаврская палатка, гдѣ благочестивые поклонники запасаются крестиками и иконами на благословеніе своихъ домочадцевъ и знаемыхъ; а простирающаяся за вратами, внизъ по косогору, крытая съ просвѣтами деревянная галлерей, ведетъ изъ лавры къ пещерамъ, гдѣ почиваютъ св. мощи угодниковъ Божіихъ, святостію житія своего прославившихъ избранное ими мѣсто. Съ балкона типографскаго зданія любуемся панорамой Кіева, увѣчаннаго множествомъ позлащенныхъ куполовъ; налѣво извивается широкая, голубая лента Днѣпра, а прямо передъ нашими глазами—множество богомольцевъ: одни изъ нихъ идутъ въ лавру, другіе выходятъ изъ вратъ ея, иные спѣшатъ въ пещеры, иные возвращаются въ страннопріимницу. Съ колокольной лаврской льется гармоническій звонъ къ вечернѣ. Невольно припоминаются стихи покойнаго Хомякова:

Высоко передо мною
 Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
 Днѣпръ сверкаетъ полъ горою
 Переливнымъ серебромъ.
 Слава, Кіевъ многовѣчный,
 Русской славы колыбель!
 Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
 Руси чистая купель!
 Сладко звуки раздалися,
 Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
 Вы откуда собралися,
 Богомольцы, на поклонъ?
 Я оттуда, гдѣ струится
 Тихій Донъ—краса степей.
 Я оттуда, гдѣ клубится
 Безпредѣльный Енисей.
 Я отъ Ладоги холодной,
 Я отъ синихъ волнъ Невы,
 Я отъ Камы многоводной,
 Я изъ матушки Москвы.

Оставивъ на правой сторонѣ галлерей, ведущую къ пещерамъ, мы проходимъ мимо садовъ лаврскихъ и мимо каменнаго дома, гдѣ помѣщается производство и складъ годоваго запаса церковныхъ свѣчей для храмовъ лавры. Вотъ, на обширномъ дворѣ, каменные двурусныя гостиницы лавры, съ разными при нихъ службами, устроенныя для пріюта поклонниковъ, особенно бѣдныхъ. Ближайшая

изъ нихъ къ лаврѣ занимаетъ то самое мѣсто, гдѣ преп. Θεодосіемъ печерскимъ устроенъ былъ домъ, съ церковію во имя св. первомученика, архидіакона Стефана, для пристанища нищихъ и увѣчныхъ.

Для друзей человѣчества, любящихъ сострадать и благотворить несчастнымъ и бѣднымъ, замѣчательна при этой гостинницѣ страннопріимная лечебница, устроенная лаврою въ 1842 году на счетъ одного усерднаго благотворителя. Въ началѣ она помѣщена была въ небольшомъ и ветхомъ деревянномъ флигелѣ, и имѣла только 12 кроватей; теперь же занимаетъ собою обширный двухъэтажный каменный корпусъ, съ двумя отдѣленіями—мужскимъ и женскимъ; число кроватей и пользуемыхъ больныхъ въ нѣкоторые мѣсяцы восходитъ до 50. Бѣдные заболѣвающіе странники и поклонники здѣсь безвозмездно врачуются и пользуются всѣмъ нужнымъ содержаніемъ, а умирающіе напутствуются къ исходу въ вѣчную жизнь святыми таинствами и христіанскимъ погребеніемъ. Здѣсь же нѣкоторые изъ благочестивыхъ поклонниковъ, совершивъ свой обѣтъ поклоненія нетлѣнной святынь лавры, берутъ на себя другой обѣтъ—безмезднаго служенія болящимъ, и въ духѣ иноческаго послушанія исполняютъ этотъ обѣтъ ради Господа съ христіанскою любовію и терпѣніемъ до конца жизни. Въ 1866 г. при лечебницѣ устроенъ и храмъ для больныхъ во имя Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ радости.

Стоитъ особеннаго упоминанія и страннопріимная трапеза для бѣдныхъ, существующая при лаврской гостинницѣ въ настоящемъ ея видѣ съ 1839 года. Средства на покрытіе значительныхъ расходовъ по содержанію страннопріимной лечебницы и трапезы лавра находитъ въ собственныхъ капиталахъ и въ богоугодныхъ пожертвованіяхъ разныхъ благотворителей. Кромѣ извѣстной, незабвенной благотворительницы всѣхъ обитателей Русскихъ, блаженной памяти, графини А. А. Орловой-Чесменской, вѣчно памятной для лавры имени М. И. Флоровой, представившей въ распоряженіе лавры билетъ заемнаго банка въ 3000 руб. серебромъ съ тѣмъ, чтобы ежегодные проценты съ капитала употреблялись на пропитаніе проходящихъ въ лавру богомольцевъ-странниковъ, В. А. Турчаниновой и Е. М. Дементьевой, завѣщавшихъ на призрѣніе странныхъ въ лаврской гостинницѣ и больницѣ до 6000 руб. серебр. Были, и теперь есть многіе другіе благотворители, которые принесли и приносятъ значительныя пожертвованія въ пользу лаврской страннопріимницы съ

лечебницею, скрывая, по христіанской скромности и смиренію, имена свои отъ свѣта... Но, неограничиваясь тѣми размѣрами призрѣнія, какія опредѣляются упомянутыми пожертвованіями, лавра старается собственными усиліями расширить это призрѣніе до размѣровъ, требуемыхъ нуждами многочисленныхъ поклонниковъ ея святыни: въ страннопріимницѣ ежегодно пребываетъ на лаврскомъ хлѣбѣ до 80 и до 100 тысячъ богомольцевъ на три, четыре дня, а часто и болѣе. Въ больницѣ лаврской получаютъ помощь болѣе тысячи богомольцевъ, при чемъ лавра постоянно имѣетъ въ средѣ своего иночества образованныхъ врачей, пребывая вѣрною преданіямъ глубокой древности своей, когда она имѣла Агапита врача и Даміана цѣлебника. Изъ общихъ средствъ своихъ она удѣляетъ ежегодно на страннопріимницу болѣе 10.000 руб. сер., что составляетъ, конечно, почтенную жертву ея обществу. Другую постоянную жертвою ея церкви и обществу служатъ пожертвованія на дѣло духовнаго образованія. Имѣя собственную начальную школу, лавра сверхъ того жертвуетъ на усиленіе средствъ академіи Кіевской, на училище дѣвицъ духовнаго званія, на содержаніе бѣдныхъ учениковъ другихъ учебныхъ заведеній епархіи Кіевской. Последняя жертва ея — пять стипендій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (три въ Кіевскихъ и два въ Костромскихъ), одушевлена христіанско-патріотическою мыслію запечатлѣть въ сердцахъ духовныхъ воспитанниковъ благоговѣйную память о чудесномъ спасеніи священной жизни Государя Императора Александра II, 4 апрѣля 1866 года. Всѣ эти пожертвованія лавры составятъ въ совокупности весьма значительную для одной обители жертву на дѣло духовнаго образованія. Такъ живо отзывается всегда лавра на всякое благо, христіански-народное, церковно-общественное дѣло, стремясь въ то же время оставаться вѣрною тому особенному призванію, на которомъ должна быть сосредоточена жизнь ея по завѣту отъ богоносныхъ основателей обители.

Не только въ древнее, но и въ новѣйшее время, знаменитая, неподражаемая, великая лавра Кіево печерская оказывала и оказываетъ несомнѣнныя заслуги Русской церкви и отечеству. Жизнь многихъ приснопамятныхъ нашихъ архипастырей тѣсно связана съ лаврою, какъ мѣстомъ постриженія, иноческаго послушанія, начальственнаго служенія или наконецъ тихаго успокоенія отъ трудовъ святительства. Вспомнимъ имена Варлаама Ясинскаго, Стефана Яворскаго, св. Димитрія Ростовскаго, Павла Тоболь-

скаго, Рафаила Заборовскаго и другихъ. А служеніе лавры для сотенъ тысячъ поклонниковъ — развѣ не есть благотворнѣйшее служеніе Церкви и обществу? Не забудемъ, какой внимательности, духовной опытности, благодушія, терпѣнія требуетъ удовлетвореніе христіанскихъ потребностей этихъ поклонниковъ разныхъ званій, состоянія, образованія, душевнаго настроенія, племеннаго характера и проч. Важную услугу продолжаетъ оказывать лавра церкви и своею типографіею, права которой утверждены въ свое время патріархами, св. Синодомъ и государями. Въ XVII вѣкѣ, когда многія южно-русскія типографіи пришли въ упадокъ, лавра снабжала всю Малороссію книгами; къ ней обращались для изданія своихъ сочиненій здѣшніе духовные писатели, какъ напр. Лазарь Барановичъ. То же было въ XVIII вѣкѣ, когда притомъ подъ влияніемъ лавры развивалось типографское дѣло и въ другихъ мѣстахъ. Постепенно расширяя свою дѣятельность, лаврская типографія въ наше время достигла превосходнаго устройства, обладаетъ лучшими принадлежностями современнаго типографскаго искусства. Церковныя книги лаврской печати, уважаемая народомъ уже ради святости лавры, достойны уваженія и по чистотѣ и образцовой исправности печати. Изъ поучительныхъ книгъ въ лаврѣ печатаются избранныя творенія св. отцевъ и нѣкоторыхъ церковныхъ писателей (особенно св. Димитрія Ростовскаго), житія святыхъ печерскихъ (Патерикъ), прологъ, Четьи-Минеи, самое составленіе которыхъ и изданіе начаты въ лаврѣ св. Димитріемъ при содѣйствіи тогдашняго архимандрита лавры Варлаама Ясинскаго. Печатаются также духовные журналы, издаваемые Кіевской Академіей, и другія общепользныя изданія. Лучшее устройство живописной школы и приготовленіе такихъ иконописцевъ, въ живописи которыхъ церковность соединяется съ художественностію, есть также важная заслуга лавры.

Духъ общественной благотворительности какъ духовной, такъ и вещественной, завѣщанный преп. Феодосіемъ основанной имъ обители, не поколебался и при перемѣнѣ вещественныхъ средствъ, какую испытала лавра при отобраніи въ казну громаднхъ ея имѣній, служившихъ важнымъ пособіемъ и для самого государства, въ тяжкія годы войны и бѣдствій. Но и изъ оставшихся средствъ своихъ лавра еще пособляла отечеству: такъ въ незабвенномъ 1812 году она, съ своимъ начальствомъ и братіею пожер-

товала на военныя издержки и на разоренныхъ войною — до 60 тысячъ рублей.

Въ нашъ, скудный вѣрою, вѣкъ раздается не мало голосовъ, увѣряющихъ, что иночество есть дѣло запоздалое, не своевременное, отжившее, бесполезное.... Лукавое око міра ищетъ въ монастыряхъ слѣдовъ слабости и порока, радуется, если удастся ему усмотрѣть что-нибудь предосудительное. И дивно ли, если иногда успѣваетъ оно найти то, чего ищетъ? Если изъ того же прекраснаго цвѣтка, откуда пчела беретъ медъ свой, умѣетъ паукъ извлечь отраву, то мудро ли, что и въ многочисленныхъ обителяхъ иноческихъ, цвѣтущихъ благочестіемъ, можно увидѣть иногда людей, еще не отрѣшившихся отъ мірскихъ склонностей и привычекъ, подающихъ соблазнъ тѣмъ, кто ищетъ соблазна и пристально разглядываетъ малѣйшіе сучки въ очахъ ближняго, не видя бревна въ своемъ глазѣ? Но мнѣ кажется, что здѣсь, въ богохранимой обители Печерской, самый лукавый взоръ не открылъ бы ни малѣйшаго нравственнаго пятна. Въ теченіе почти цѣлой недѣли, большую часть дня проводили мы въ лаврѣ и не могли надивиться тому, что видѣли. По окончаніи каждой службы, монастырь казался безлюднымъ: рѣдко проходилъ монахъ или послушникъ (и всегда за своимъ дѣломъ, а не для праздноя прогулки), тихою поступью, съ потупленными очами, съ выраженіемъ смиренія на лицѣ. Во время службы церковной, каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ, исправляя свое дѣло, или молясь усердно, безъ всякой разсѣянности. Никогда не видали мы монаха бесѣдующаго съ женщинами; ни разу не встрѣчали монаха за стѣнами обители, на городскихъ улицахъ. Конечно здѣсь нѣтъ молодыхъ, почти безбородыхъ послушниковъ, облеченныхъ въ рясофоръ, т.-е. въ ту же одежду, какую носятъ монахи (за исключеніемъ мантии), но даже послушники-отроки, также какъ и посѣдѣлые въ постничествѣ старцы, служили для насъ предметомъ назиданія. Мнѣ случилось замѣтить объ этомъ одному престарѣлому и уважаемому схимонаху: „вѣроятно молодые иноки руководствуются вашими наставленіями и примѣромъ,“ сказалъ я ему. „О нѣтъ! — отвѣчалъ старецъ — не намъ наставлять новоначальныхъ: преподобные отцы наши Антоній и Феодосій сами пасутъ свое стадо.“

Новѣйшая жизнь лавры далеко не чужда преданій о такихъ подвижникахъ, въ которыхъ открывается истинный духъ древнихъ преподобныхъ отцевъ. Высшая степень

постриженія иноческаго—образъ великой схимы—сохраняется постоянно въ лаврѣ, и не забываются подвиги схимниковъ. Такъ, за сто с лишкомъ лѣтъ до нашего времени, жилъ въ Китаевской пустынѣ (приписной къ лаврѣ) схимонахъ и затворникъ Досиѳей, имѣвшій даръ умной молитвы и слезъ. Императрица Елисавета, посѣтившая Кіевъ въ 1744 году, взошла въ келью затворника, бесѣдовала съ нимъ и вручила ему кошелекъ, наполненный золотомъ. Старецъ, проводя императрицу и не внося золота въ свою пещеру, положилъ полученный имъ кошелекъ съ деньгами у входа въ глиняномъ черепкѣ. Спустя немного, крестьянинъ села Пирогова принесъ Досиѳею какую-то пищу въ подаваніе; Досиѳей, благословивъ его, сказалъ: „а у меня была самодержица и что-то дала мнѣ“. Крестьянинъ поднялъ кошелекъ, и увидѣвъ золото, доложилъ объ этомъ Досиѳею: но старецъ отказался принять его. Тогда крестьянинъ отнесъ кошелекъ въ лавру и представилъ духовному собору. Съ общаго совѣта соборной братіи и съ согласія Досиѳея, тогда же выстроена была на эти деньги, въ селѣ Пироговѣ, вмѣсто малой, обветшавшей деревянной церкви, новая, большая, деревянная же съ приличнымъ иконостасомъ и утварью. Въ началѣ текущаго столѣтія были извѣстны въ лаврѣ по строгости жизни и дару прозорливости два старца-схимника: Максимъ, наложившій на себя обѣтъ молчанія и Вассіанъ слѣпой. Послѣдняго изъ нихъ посѣтилъ въ бытность свою въ Кіевѣ государь императоръ Александръ Павловичъ, и хотя взошелъ къ нему въ полночь, безъ предварительнаго извѣщенія и не желая открывать ему высокаго своего сана, но слѣпой схимникъ узналъ его; хотя прежде никогда не встрѣчался съ нимъ. Благословенный монархъ глубоко былъ тронутъ бесѣдою мудраго старца, исповѣдывался у него, и пожаловалъ ему драгоценный наперсный крестъ, повѣнчанный хранящійся въ лаврской ризницѣ. Ученикомъ Вассіана въ духовной жизни былъ приснопамятный іеросхимонахъ Парѳеній, жившій въ наше время († 1855), духовникъ святителя-схимника Θεодосія (митрополита Кіевскаго Филарета). И теперь лавра Печерская не оскудѣваетъ богоугодными тружениками и смиренными дѣлателями вертограда Христова... Жизнь по Богъ бываетъ сокровенна; она прикрывается смиреніемъ, убѣгающимъ отъ славы человѣческой; но „вѣсть Господь сущихъ своихъ“. Онъ вѣдаетъ и время, когда явить людямъ небесную славу Своихъ избранныхъ. Не чужда лавра и преданій о явленіи

яхъ благодатной силы надъ вѣрующими и благочестивыми поклонниками святыни.

При взглядѣ на историческую жизнь лавры, нельзя не вспомнить словъ преп. Нестора о Печерской обители: „много монастырей построено боярами и князьями, съ помощію ихъ богатства, золота, серебра, но они не таковы, какъ монастырь Печерскій, который стяжалъ преп. Антоній молитвою, постомъ, слезами“. Припомнимъ также предсмертное слово преп. Феодосія: „если я угодилъ Богу, то по отшествіи моемъ начнетъ въ монастырѣ все устроиться и прибывать“. Созданная духомъ преподобныхъ Антонія и Феодосія, Печерская обитель продолжала устроиться, расти, стремилась жить тѣмъ же духомъ, хранимая молитвами ихъ предъ Господомъ Богомъ и Пречистою Богоматерію, Которой посвѣтили они обитель свою. Вотъ почему лавра прожила столько вѣковъ и превратностей, и жизнь ея не разъ, казалось, упавшая, опять обновлялась и разцвѣтала, принося съ собою силы и средства къ процвѣтанію, преспѣванію Церкви отечественной. О мірѣ сказано: „сѣмя свято стояніе его“. Для лавры этимъ святымъ сѣменемъ былъ и будетъ пребывающій въ ней духъ Антонія и Феодосія. Съ нимъ въ лаврѣ неразрывно и на вѣки соединено высшее, духовное преспѣваніе.

Графъ М. Толстой.

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ ^(а).

Въ 1823 году владыка вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, куда онъ и отправился. Прощаясь со мною, примѣтилъ онъ, что я равнодушно съ нимъ расстаюсь, и желая утѣшить меня, приказалъ при отъѣздѣ своемъ казначею Лавры о. архимандриту Арсенію тотчасъ по отъѣздѣ своемъ отвезти мнѣ образъ Спасителя благословляющаго. На оборотѣ этого образа сдѣлана его рукою надпись.—По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ пожалованъ онъ былъ орденомъ Св. Александра Невскаго, за написанный имъ пространнѣйшій катихизисъ, рассмотрѣнный и одобренный святѣйшимъ Синодомъ.—Въ слѣдующемъ

(а) Продолженіе. Начало см. въ апрѣльской книжкѣ.

же году уволенъ былъ въ Москву, кажется на цѣлый годъ. Въ Москву въ августъ мѣсяцѣ прїѣзжалъ въ послѣдній разъ императоръ Александръ I, котораго и я видѣлъ въ послѣдній разъ 30 августа, въ день его ангела, шествующаго въ Успенскій соборъ въ лентѣ Александра Невскаго.

Кажется владыка прїѣхалъ въ Москву не задолго до прибытія государя. На пути случилось съ нимъ забавное происшествіе. Одинъ изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ А. И. М. передъ отъѣздомъ его въ Москву пришелъ къ нему, чтобы съ нимъ проститься. Владыка, зная его со мною дружбу, спросилъ его: что прикажете сказать о себѣ Михаилу Михайловичу? и ежели угодно будетъ послать къ нему со мною и посылку, то у меня для сего мѣсто отыщется въ экипажѣ моемъ. — Тотъ обрадовался доброму случаю, изволилъ отправить посылку ко мнѣ съ вареньемъ изъ морошки, которую я любилъ и каковой въ Москвѣ не всегда можно найти. Служители владыки, желая бережливѣе доставить мнѣ посылку, вздумали обернуть ее во владыкино шелковое одѣяло. Преосвященный въ проѣздъ чрезъ Тверь, пожелалъ остановиться ночевать, чтобы нѣсколько отдохнуть. Озябнувъ ночью, приказалъ принести одѣяло, которое ему и было подано. Покрывшись имъ, онъ не зналъ, какъ объяснить, отъ чего руки его склеились; призываетъ своего служителя, и тутъ загадка разъяснилась. По прїѣздѣ въ Москву, рассказывалъ онъ мнѣ съ улыбкою о семъ происшествіи. Совѣстно мнѣ было слышать, что я нѣкоторымъ образомъ былъ причиною сего происшествія, и на другой же день, вмѣсто того чтобы благодарить своего пріятеля за присланный имъ мнѣ гостинецъ, я написалъ ему выговоръ; тотъ, получивши мое письмо, встревожился и написалъ къ преосвященному извинительное письмо, за что и я получилъ выговоръ отъ владыки; онъ, увидавъ меня, сказалъ мнѣ: развѣ я для того разказалъ вамъ о томъ, чтобы вы писали въ Петербургъ?

Многіе знакомые преосвященнаго просили у него дозволенія снять съ него портретъ, на что онъ долго не соглашался; наконецъ, по убѣдительной просьбѣ всѣхъ желающихъ того, согласился и дозволилъ мнѣ привести къ нему художника, мною рекомендованнаго, Андрея Петровича Соболевскаго, который удачно снималъ портреты акварелью. Владыка назначилъ мнѣ день и часъ, когда я могу его привести, что мною и было исполнено. Тогда владыка спросилъ меня: какъ прикажете мнѣ,—стоять или

сидѣть? Я отвѣчалъ ему, что желаю того, что для него спокойнѣе быть можетъ. Онъ сказалъ, что ему совершенно все равно, и что онъ не устанетъ и стоять. Тогда просилъ я его сѣсть, и чтобы ему не скучно было сидѣть безъ дѣла, я просилъ у него дозволенія читать вслухъ ему ту книгу, за чтеніемъ которой мы его застали, на что онъ согласился и благодарилъ меня. На другой день художникъ долженъ былъ по его назначенію опять пріѣхать. Но владыка увѣдомилъ меня слѣдующею запискою: „Принужденъ предварить васъ, м. г., Михаилъ Михайловичъ, что я сегодня такъ немощенъ, что начатому дѣлу продолжаться нельзя. Можно ли завтра въ предположенное время, постараюсь предварить рано. Апр. 9, пятница.“ Черезъ день получилъ отъ него слѣдующую записку: „Естьли вамъ, Михаилъ Михайловичъ, и художнику свободно будетъ, я согласенъ ожидать васъ сегодня, или въ три или съ половиною, или въ четыре часа, какъ вамъ удобнѣе. Посылаю проповѣдь и рѣчь для княгини Екатерины Алексѣевны Волконской. Прошу, чтобы сіе было отъ меня. Ранѣе не послѣлъ, не зная, гдѣ она пребываетъ.“—Черезъ день получилъ записку: „Не худо бы какъ-нибудь сегодня кончить дѣло; въ первомъ ли, во второмъ ли часу пополудни угодно быть у меня, найдете меня и, надѣюсь, готовымъ. Апр. 10, суббота“. Портретъ былъ почти готовъ, оставалось написать звѣзды на рясѣ. Я писалъ къ владыкѣ: вмѣсто того, чтобы его еще разъ беспокоить, вновь привозить къ нему художника, не угодно ли ему будетъ прислать ко мнѣ свою одежду,—сего достаточно будетъ для окончанія портрета. На сіе получилъ отъ него слѣдующую записку: „Посылается требуемая одежда. Надобно бы ей возвратиться домой ночевать. А есть ли опять нужна будетъ, то можетъ быть вновь прислана отъ ранняго утра до поздняго вечера. Мая 3“.

Неоднократно случалось мнѣ видать его въ затруднительныхъ и непріятныхъ для него положеніяхъ, а именно: въ 1824 году, по возвращеніи своемъ въ Москву, онъ былъ опечаленъ тѣмъ, что указомъ Свят. Синода типографской конторѣ предписано было остановить печатаніе написаннаго имъ (владыкою) Катихизиса, разсматриваннаго и одобреннаго Св. Синодомъ и изданнаго по Высочайшему повелѣнію. Объ этомъ случаѣ много было толковъ; продажа Катихизиса его не только запрещена была, но и находившіеся уже въ лавкахъ экземпляры отбираемы были. Любопытствующіе узнать причину того предлѣгали по 25 рублей за экземпляръ и не могли получать. — Нѣкото-

рые изъ посѣщавшихъ владыку такъ были неосторожны, что дозволяли себѣ спрашивать его: правда ли, преосвященнѣйшій, что Катихизисъ вашъ запретили? На что онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ, не мой, а изданный по Высочайшему повелѣнію, и одобренный Святѣйшимъ Синодомъ.— Авторъ Катихизиса письмомъ къ первоприсутствующему въ Синодѣ митрополиту Серафиму просилъ его „обратить вниманіе на возникшее дѣло о синодально утвержденномъ Катихизисѣ и дать сему дѣлу направленіе сообразное съ истиною, съ порядкомъ и достоинствомъ іерархіи съ миромъ и безособаизствомъ православныхъ церкви. Если сквозь дѣло хотятъ уязвить лицо, — пускай. Но должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и достовѣрность церковнаго правительства, чтобы возмущать миръ церкви“?

По сему же случаю въ день святителя Алексія сказано было имъ слово въ Чудовомъ монастырѣ на текстъ: *Не мнози учителя бывайте, много бо сорышася вси*. Запрещеніе же Катихизиса сдѣлано было по настоянію бывшаго тогда министра просвѣщенія Шишкова, ревностію его не по разуму. Неправославнымъ показалось ему то, что Символь вѣры (названный имъ министромъ молитвою), также *Отче нашъ* и десягословіе изложены были въ Катихизисѣ русскимъ, а не славянскимъ языкомъ, и сія-то именно причина прописана была въ указѣ Святѣйшаго Синода къ московской типографіи. Хотя причина такового запрещенія была не важная, тѣмъ не менѣе чувствовалъ владыка оскорбленіе нисколько не заслуженное.— Кончилось тѣмъ, что Катихизисъ его дозволено было продавать и приказано было вездѣ по оному преподавать, но до сего разрѣшенія трудно владыкѣ было переносить скорбь сію.

Въ 1825 году, посѣщая часто Александра Павловича Протасова, встрѣчалъ я у него двоюродную сестру его графиню Екатерину Петровну Растопчину, супругу бывшаго главнокомандующаго въ Москвѣ графа Растопчина; она измѣнила православной вѣрѣ и присоединилась къ римской церкви. Слышалъ я однажды разсужденіе ея о книгѣ, сочиненной архипастыремъ нашимъ по случаю присоединенія къ римскому исповѣданію роднаго племянника князя Александра Николаевича Голицына, подъ названіемъ: *Разговоры между Испытующимъ и Увѣреннымъ*. Графиня сказала: „въ Парижѣ противъ этой книги вышло сочиненіе въ нѣсколькихъ книгахъ, въ которомъ сдѣлано сильное и ясное опроверженіе противъ книги Филарета;

желала бы я знать, что бы могъ сказать теперь вашъ Филаретъ?—Протасовъ, зная, что я часто посѣщаю владыку, предлагалъ мнѣ передать ему этотъ разговоръ. Долго не рѣшался я ему о томъ говорить, не находя всегда удобнымъ начинать о семъ, при многихъ встрѣчавшихся у него посѣтителяхъ. Однажды, когда я былъ съ нимъ наединѣ, зашелъ какъ-то разговоръ о римской церкви; тогда передалъ я ему слышанное отъ графини Растопчиной. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что по настоящимъ его занятіямъ, онъ не имѣетъ довольно свободнаго времени, противъ огромнаго сочиненія направленнаго противъ его книги писать; но если угодно будетъ сдѣлать любой вопросъ, то онъ готовъ на всякой дать отвѣтъ. Это мною и передано было графинѣ. На другой же день получилъ я отъ ней выписку изъ книгъ на французскомъ языкѣ и поспѣшилъ отослать къ владыкѣ. Не прошло болѣе часа, какъ получилъ отъ него отвѣтъ, который мною и отосланъ былъ къ графинѣ. Такимъ образомъ завязалась чрезъ меня переписка съ нею, которая довольно долго продолжалась и въ которой владыка оставался всегда побѣдителемъ. Графиня, для которой возраженія писали всегда аббаты, не имѣя что на сужденія владыки отвѣчать и не говоря, что его доказательства несправедливы или неосновательны, уклонялась отъ нихъ въ сторону, начинала новые споры, что продолжалось довольно долго. Владыкѣ это наскучило; онъ сказалъ мнѣ, что онъ не желаетъ болѣе продолжать споры, которые ни къ чему не ведутъ. Последній его отвѣтъ графинѣ былъ слѣдующаго содержанія:

„Логика учить, или если угодно иначе, разсудокъ сказываетъ, что когда доказательство справедливо и заключеніе изъ доказательства выведено вѣрно, то нельзя спорить противъ заключенія; ибо что выводится изъ истины и выводится вѣрно: то по необходимости есть истина, а не ложь.— Мнѣ предложили предметъ и назначили родъ доказательства. Употребивъ данный родъ доказательства, я вывелъ заключеніе. Не говорятъ, что доказательство ложно; не говорятъ, что заключеніе выведено не вѣрно: слѣдственно и заключеніе неоспоримо.

„Но, минуя доказательство, вновь начинаютъ споръ противъ заключенія: симъ образомъ, кому есть досугъ, продолжать можно всякій споръ безъ конца, прискивая разные призраки противоположныхъ доказательствъ.

„Между прочимъ требуютъ *многочисленныхъ* доказательствъ. Доказательства не деньги, которыхъ чѣмъ больше у кого есть, тѣмъ болѣе тотъ можетъ купить. Если есть одно

твердое доказательство: то истина стоитъ безопасно, хотя бы тучи стрѣль, т.-е. возраженій, въ нее пустили. Господу надлежало доказать противъ саддукеевъ важную истину—воскресеніе мертвыхъ: Онъ употребилъ одно доказательство: *О воскресеніи же мертвыхъ нѣсте ли чли реченнаго вамъ Богомъ глаголющимъ: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Иаковль? Нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Мат. 22, 31. 32.). Неужели сказать, что доказательство сіе не годится, потому что одно, а надобны *многочисленныя?* И враги Господа не сказали сего; но *слышавше народи двляхуся* (33), и самые фарисеи признавались, *яко посрами саддукеи* (34). Итакъ требованіе многихъ доказательствъ не ослабляетъ одного даннаго: хотя впрочемъ и многія представлять полезно, когда того требуютъ обстоятельства.

„*Тысяча примѣровъ и множество текстовъ, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не приведено, составляютъ доказательство, на которое надобно что-нибудь отвѣчать, потому что оно кажется торжественнымъ, но на которое трудно дать отвѣтъ, который бы не оказался непріятнымъ. Да простятъ меня и выслушаютъ спокойно, что я спокойно говорю, по необходимости будучи вызванъ. Сія тысяча и сіе множество суть слова, въ которыхъ много звука, но мало свѣта; а истина требуетъ свѣта, какъ и сама есть свѣтъ. Это родъ ученой угрозы: но угроза не всегда означаетъ силу, и не всегда ручается за побѣду. Представлено три выписки: я и считаю три, а не тысячу.*

„О двухъ выпискахъ *въ пользу римской церкви* изъ Иеронима и Кирилла александрійскаго ничего теперь не скажу, потому что книгъ сихъ писателей не имѣю подъ рукою. Выписку изъ Кирилла не знаю и найду ли, потому что указаніе сего не обѣщаетъ. Третья выписка изъ Амвросія медіоланскаго, котораго книга близка. Итакъ перепишемъ по-русски французскую выписку и сличимъ съ подлинною книгою св. Амвросія. „Церковь, пишетъ св. Амвросій медіоланскій, есть тамъ, гдѣ Петръ. Корабль св. Петра есть ковчегъ Ноевъ, виѣ коего все погибаетъ. Общеніе (communіon) съ Римомъ есть то, которое достаточно для соединенія со всѣми католическими епископами; его-то важнаго сужденія (autorité) держаться должно въ затрудненіяхъ, какія встрѣчаются.“ На псалом. 40. слов. 11, письм. 74, къ Θεофил.

„Раскрываю толкованіе на псаломъ 40 и нахожу слѣдующее: *Гдѣ Петръ, тамъ Церковь; гдѣ Церковь, тамъ нѣтъ никакой смерти, но жизнь вѣчная. О римской церкви ни*

слова. Петръ же былъ не въ одномъ Римѣ, гдѣ хотѣли бы его заключить нынѣшніе римскіе епископы, но также и въ Антиохіи, а прежде всего въ Иерусалимѣ, который и называется въ литургіи св. Іакова и въ стихахъ св. Іоанна Дамаскина, донинѣ поемыхъ на воскресной вечерни, *матерію церквей*. Раскрываю слово, по парижскому изданію 1661 года, 62-ое, по прежнимъ изданіямъ 11, и нахожу изъясненіе повѣствованія евангельскаго о Спасителѣ изъ корабля Петрова учащемъ народы. Между прочимъ св. Амвросій говоритъ о Господѣ: „Петровъ корабль избираетъ, Моисеевъ оставляетъ, т.-е. презираетъ вѣроломную синагогу, пріемлетъ вѣрную церковь. Далѣе: *поступи во глубину*, т.-е. во глубину разсужденій о божественномъ рожденіи: ибо есть ли что столь глубокое, какъ то, что сказалъ Петръ Господу: ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго? Еще далѣе: „какъ Ноевъ ковчегъ, при потопленіи міра, всѣхъ, которыхъ принялъ, сохранилъ въ безопасности: такъ и Петрова Церковь, когда міръ сгарать будетъ, всѣхъ, которыхъ объемлетъ, представитъ невредимыхъ.“ Опять ни слова о римской церкви. Петрово же Церковь Христова названа очевидно по примѣненію къ кораблю Петрову, и къ его исповѣданію вѣры, на которомъ утверждается Церковь, и по которому Петръ, первый исповѣдникъ *Христа Сына Божія*, какъ *первый камень* положенъ въ основаніе Церкви Христовы, впрочемъ *рядомъ* съ древними камнями древняго храма, и съ другими новыми храма обновленнаго, на единомъ для всѣхъ краеугольномъ и во главу сущемъ камени, по реченному: *наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ сушу краеугольну самому Исусу Христу* (Еф. 11, 20). Основанія бо *имаго никтоже можетъ положить паче лежащаго, еже есть Исусъ Христосъ*. (1 Кор. 3, 11).“

Эта переписка владыки съ графинею Ростопчиной ведена была не непосредственно, а чрезъ меня и сохранилась у меня въ копіи. Какъ-то почтенный отецъ архимандритъ Даниловскій Іаковъ, нынѣ епископъ Муромскій, посѣтилъ меня, и увидѣвъ эту переписку, просилъ меня дать ему для прочтенія. Потомъ показали ее митрополиту, прося его дозволенія напечатать ее въ изданіи Общества любителей Духовнаго Просвѣщенія. Митрополитъ, увидавъ сію переписку, о которой вѣроятно и забылъ, съ удивленіемъ спросилъ, гдѣ могъ онъ ее достать, и когда отецъ архимандритъ сказалъ ему, что онъ получилъ ее отъ меня, сказалъ ему: оставь ее у меня для разсмотрѣнія, — и че-

резъ нѣсколько времени дозволилъ напечатать въ Читеніяхъ Общества любителей Духовнаго просвѣщенія, однако же не вполне. Она помѣщена въ книжкѣ Читеній 1865 года.

Въ томъ же 1825 году преставился блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ 19-го числа ноября въ Таганрогѣ. Извѣстіе о семъ не скоро могло достигнуть до Москвы, ибо тогда еще не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ. 27-го числа поутру я узналъ о семъ несчастіи, и въ тотъ же день вечеромъ передъ всенощною, которую я всегда слушалъ въ домовой церкви владыки, зашелъ къ нему. Я никакъ не могъ вообразить, чтобы не дошло до него сіе печальное извѣстіе. Къ удивленію моему, нашелъ его въ веселомъ расположеніи духа. Не желая быть первымъ вѣстникомъ сего печальнаго происшествія, я не начиналъ говорить о семъ; но когда онъ улыбаясь сказалъ мнѣ, что ему принесли курьезную книгу, которую сейчасъ мнѣ покажетъ,— тогда я удостоверился, что онъ ничего не слышалъ о постигшей насъ горести. Я остановилъ его, сказавъ ему: вѣроятно, преосвященный, вы ничего не знаете, что съ нами случилось. Онъ остановясь спрашиваетъ меня: а что такое? Я долженъ былъ ему объявить, что 19-го числа государь скончался. Что вы говорите? это не можетъ быть,—возразилъ онъ. Я же отвѣчалъ ему, что по несчастію, могу его въ томъ увѣрить, и онъ могъ только сказать: „Боже мой! Какое несчастіе! что съ нами теперь будетъ?“ Вслѣдъ за симъ начали къ нему пріѣзжать посѣтители, которые подтвердили мною сказанное. На другой день былъ я у обѣдни въ домовой церкви князя Сергія Михайловича Голицына. У него и обыкновенно много бывало посѣтителей, но въ сей день особенно много собралось гостей, можетъ быть потому, что надѣялись узнать что-нибудь подробнѣе о кончинѣ государя. Князь, увидавъ меня, подошелъ ко мнѣ и говорить мнѣ: „я сейчасъ получилъ письмо отъ преосвященнаго Филарета; онъ проситъ у меня дозволенія пріѣхать ко мнѣ; вѣроятно желаетъ онъ со мною переговорить о чемъ-нибудь на счетъ кончины императора. Ты видишь, сколько у меня гостей, при всѣхъ говорить ему будетъ неудобно. Надобно дать время всѣмъ разѣѣхаться, тогда мы съ тобой къ нему поѣдемъ“. Я отвѣчалъ ему: очень хорошо, и прибавилъ: „вообразите, что преосвященный до вчерашняго вечера ничего о томъ не зналъ, что я первый передъ всенощной ему о семъ объявилъ, и замѣтно было, что это его очень встре-

вожило“. Итакъ, когда всѣ гости отъ князя разѣхались, мы съ нимъ поѣхали къ преосвященному. Владыка началъ говорить: „вообразите, что со мною дѣлаетъ князь Дмитрій Владиміровичъ (а). Онъ до сихъ поръ меня ни о чемъ не увѣдомляетъ; я узналъ о семъ несчастіи отъ Михаила Михайловича, а мнѣ можетъ быть нужнѣе знать о семъ, нежели кому другому.“ Говоря это, онъ имѣлъ въ виду завѣщаніе покойнаго императора, подписанное имъ 16-го августа 1823 года. Оно составлено самимъ владыкою по порученію государя и по его приказанію положено было имъ преосвященнымъ для храненія въ ковчегъ на престолѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ съ тѣмъ, чтобы по смерти императора прежде всякаго дѣйствія оное вскрыть. Князь Сергій Михайловичъ всячески старался оправдывать кн. Дмитрія Владиміровича и уговорилъ владыку вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ нему для объясненія обо всемъ. Князь же Дмитрій Владиміровичъ не зналъ о завѣщаніи положенномъ покойнымъ императоромъ и весьма былъ удивленъ, когда услышалъ о семъ. Одному только владыкѣ извѣстна была надпись на пакетѣ собственноручная покойнаго императора такая: „Въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ, прежде всякаго другаго дѣйствія“. Въ то же самое время получено было приказаніе отъ великаго князя Николая Павловича, чтобы тотчасъ принесена была присяга воцарившемуся императору Константину I, пребывавшему тогда въ Варшавѣ, и чтобы прежде сего не приступали ни къ какому иному дѣйствию. Вслѣдствіе такого повелѣнія, 30-го ноября и учинена была присяга императору Константину Павловичу. Послѣ того между двумя братьями происходилъ великодушный споръ. Старшій Константинъ, какъ давно уже отрекшійся отъ наследованія престола, настаивалъ, что онъ не перемѣнитъ прежняго своего намѣренія. Младшій, т. е. великій князь Николай Павловичъ, не соглашался также принять престолъ. Довольно долго продолжался между двумя братьями сей споръ. Наконецъ 12 декабря великій князь Николай Павловичъ вынужденнымъ нашелся въ семъ спорѣ уступить и манифестомъ изданнымъ 12-го декабря объявилъ о своемъ восшествіи на престолъ. Вслѣдъ затѣмъ, т. е. 14-го

(а) Голицынъ, бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ Москвы.

декабря послѣдовало въ Петербургъ извѣстное уже всѣмъ возмущеніе. 18-го же декабря и въ Москвѣ принесена была присяга императору Николаю Павловичу. Предъ присягою, при многочисленномъ съѣздѣ всѣхъ знатныхъ особъ, архіепископомъ вынесенъ былъ изъ олтаря ковчегъ, въ которомъ хранилась послѣдняя воля императора Александра, и положенъ былъ на аналой стоявшій на амвонѣ. Потомъ архіепископъ поднесъ къ предстоящимъ тутъ ковчегъ съ сими словами: изволите ли видѣть печать императора? По разсмотрѣніи всѣми, она была снята. Изъ ковчега вынуть былъ пакетъ также запечатанный съ надписью собственноручною императора, которую преосвященный также всѣмъ показавъ сказалъ: изволите ли видѣть собственноручную надпись покойнаго императора? Тогда вскрытъ имъ большой пакетъ, въ которомъ находились отреченіе отъ престола великаго князя Константина Павловича, также письма его къ покойному императору и къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и завѣщаніе императора Александра о назначеніи послѣ себя наследникомъ престола великаго князя Николая Павловича. Въ слѣдъ за симъ произнесена была архипастыремъ рѣчь о послѣдней волѣ императора, за рѣчью слѣдовала присяга.

Наканунѣ сего дня, т.-е. 17-го декабря, былъ я у владыки и онъ рассказывалъ мнѣ, въ какомъ опять находился безпокойствѣ и затруднительномъ положеніи. Въ два часа ночи его разбудили и доложили, что пришелъ къ нему священникъ отъ церкви Троицы, что на Листахъ, который имѣетъ ему сообщить о дѣлѣ, нетерпящемъ времени. Владыка призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ его: что ему нужно? Тотъ объявляетъ, что онъ получилъ отъ своего начальства предписаніе о немедленномъ приведеніи къ присягѣ императору Николаю Павловичу команды морскаго вѣдомства, приписанной къ вышеозначенной церкви. Новое было затрудненіе для владыки, не получившаго ни отъ кого официальнаго увѣдомленія о присягѣ; надо было дѣйствовать на угадъ: и разрѣшить и воспрепятствовать священнику приведеніе къ присягѣ казалось опаснымъ. Чтобы выиграть нѣсколько времени до полученія чего-нибудь вѣрнаго, владыка сказалъ священнику: пооди домой и принеси мнѣ подлинную бумагу, которую ты получилъ; а между тѣмъ карандашомъ написалъ наскоро записку князю Дмитрію Владиміровичу, спрашивая его, не получилъ ли онъ чего изъ Петербурга. Князь отвѣчалъ ему, что онъ ничего не получалъ. Можно себѣ пред-

ставить то затруднительное положеніе, въ какомъ былъ владыка. Между тѣмъ священникъ принесъ къ нему бумагу; рассмотрѣвъ ее и убѣдившись, что она должна быть настоящая, владыка приказалъ священнику приводить команду къ присягѣ. Уже въ 8 часовъ утра князь Дмитрій Владиміровичъ увѣдомилъ владыку, что полученъ манифестъ о воцареніи императора Николая и что въ этотъ день должна быть ему принесена присяга. Замѣшательство произошло оттого, что каждый министръ по своей части послалъ по своему вѣдомству курьеровъ; посланный морскимъ министромъ упредилъ другихъ, а потому начальствомъ Сухаревской Башни сдѣлано было распоряженіе о присягѣ ранѣе, что владыкѣ доставило не мало безпокойства.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, князь Сергій Михайловичъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, куда пригласилъ и меня ему сопутствовать, и кажется 20 числа мы выѣхали изъ Москвы. Наканунъ того дня владыка при прощаніи со мною просилъ меня доставить его письма: одно къ с.-петербургскому митрополиту Серафиму, а другое къ преосвященному Григорію, бывшему тогда ректоромъ С.-Петербургской академіи и петербургскимъ викаріемъ (въ послѣдствіи митрополитъ Новгородскій и Петербургскій). 24 декабря наканунъ праздника Рождества Христова пріѣхали мы въ Новгородъ, гдѣ и остановились ночевать. Князь спрашиваетъ меня: гдѣ же намъ слушать утреню? Я отвѣчалъ ему: всего лучше было бы въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ мы приложимся ко всѣмъ мощамъ. Предложеніе мое было принято. А слушать обѣдню я посоветовалъ въ Юрьевъ монастырь, объ украшеніи котораго всѣ тогда такъ много толковали, что любопытно было бы все это видѣть. Князь сказалъ, что и онъ бы этого желалъ; но какъ ему извѣстно, что графиня Анна Алексѣевна Орлова теперь тамъ, и вѣроятно захочетъ познакомить его съ отцемъ Фотіемъ, чего онъ никакъ не желаетъ, то и находить неудобнымъ туда ѣхать. А какъ мы непремѣнно желалось видѣть этотъ монастырь, то я представилъ князю, что въ день такого великаго праздника вѣроятно будетъ тамъ много народа, и мы можемъ стать въ такомъ мѣстѣ, что насъ никто и не увидитъ, а когда обѣдня кончится и всѣ изъ церкви выдутъ, мы свободно тогда все можемъ рассмотреть. Князь на мое предложеніе согласился. Такимъ образомъ мы поѣхали въ Юрьевъ, и помѣстились въ церкви у западной стѣны. Архимандритъ Фотій служилъ обѣдню въ богатомъ облаченіи съ пана-

гією изъ крупныхъ изумрудовъ, осыпанную брилліантами. Графиня Ордова пріобщалась св. Христовыхъ Таинъ. Когда же обѣдня кончилась, и всѣ изъ церкви вышли, мы остались одни, и начали разсматривать образа богато украшенные драгоценными каменьями. Я сказалъ князю: видите ли вы, какъ хорошо сдѣлали, что меня послушали; теперь мы на просторѣ все разсмотримъ. Вслѣдъ за этимъ моимъ словомъ, является къ намъ посланный отъ графини Анны Алексѣевны, и говоритъ, что графиня убѣдительно проситъ насъ зайти къ отцу Фотію. Не знаю, какъ она могла провѣдать, что мы тутъ; вѣроятно ящикъ нашъ проболтался. Князь отвѣчалъ посланному, что онъ извиняется предъ графинею и не можетъ исполнить ея воли, потому что одѣтъ въ дорожномъ платьѣ и въ теплыхъ сапогахъ. Потомъ оборотясь ко мнѣ, сказалъ: уйдемъ поскорѣе, — и мы поспѣшили къ своей каретѣ. Не зналъ, гдѣ находится келья отца Фотія, мы шли именно противъ крыльца его, а на крыльцѣ уже стояла графиня дожидаясь насъ, говоря: за что же вы для такого великаго праздника хотите огорчить о. архимандрита, что не желаете принять его благословенія? Сколько ни отговаривались мы тѣмъ, что одѣты по дорожному, что не учтиво будетъ въ первый разъ представиться въ такихъ костюмахъ, графиня настояла на своемъ и мы въ теплыхъ сюртукахъ и въ дорожныхъ сапогахъ должны были ей повиноваться. Отецъ Фотій принялъ насъ очень ласково, чего не всегда ожидать можно отъ него, потому что онъ многихъ трактовалъ по своему. Намъ подали кофе; графиня сама наливала сливки и говорила: не правда ли, что это веде утѣшеніе послѣ такого продолжительнаго поста? Отецъ Фотій много говорилъ о событіяхъ тогдашняго времени, и мы болѣе часу у него пробыли; при прощаніи съ нами далъ князю просфору, а мнѣ благословенный хлѣбъ, и цѣловалъ насъ въ голову. На другой день пріѣхали мы въ Петербургъ, остановились въ собственномъ домѣ князя находящемся близъ Синяго моста. — Въ Петербургъ не совсѣмъ еще было спокойно; безпрестанно встрѣчались закрытыя рогожею повозки, въ которыхъ привозили изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ преступниковъ участвовавшихъ въ заговорѣ, кончившемся бунтомъ 14 декабря, и провозили ихъ въ крѣпость, гдѣ они содержались. По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ поспѣшилъ я исполнить порученіе нашего владыки и на другой день отправился въ Невскую Лавру къ митрополиту Серафиму; онъ принялъ ласково, и узнавъ, что я

пріѣхаль вчера вмѣстѣ съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, съ веселымъ лицомъ сказалъ мнѣ: какую вы мнѣ сказали радость! этого человѣка я такъ много люблю и уважаю. Долго удерживалъ меня у себя, спрашивалъ, что и какъ у насъ въ это время было, и рассказывалъ мнѣ подробно о недавно случившихся происшествіяхъ въ Петербургѣ, и вздохнувъ прибавилъ: „Вотъ, сударь, до чего мы дожили, и мнѣ пришлось воевать. Въ это время я находился во дворцѣ для приведенія къ присягѣ во ожиданіи Государя, который находился еще на площади, гдѣ происходилъ бунтъ,—и долгое время мы его ожидали; наконецъ изволилъ прислать своего генераль-адъютанта ко мнѣ, приглашая меня пріѣхать на мѣсто бунта. Я поспѣшилъ сѣсть въ карету, а генераль-адъютантъ изволилъ стать на запятки, и когда мы доѣхали до мѣста, гдѣ эти беспорядки происходили, я вышелъ изъ кареты въ мантии и держа въ рукахъ крестъ, началъ говорить бунтовавшимъ: именемъ Распятаго увѣрю васъ въ истинѣ; я уже одною ногою стою во гробѣ и обманывать васъ не стану“. Нѣкоторые изъ нихъ начали креститься и подходить ко кресту, чему я не мало обрадовался, какъ вдругъ одинъ выскочилъ изъ толпы имѣя шпагу въ рукѣ, и помахивая ею закричалъ: что вы этому старому плуту вѣрите? Онъ васъ обманываетъ; и за тѣмъ надъ головою моею пролетѣло нѣсколько пуль; тогда Государь приказалъ мнѣ удалиться; меня провели по какимъ-то доскамъ, посадили въ сани, за которыми сталъ діаконъ и меня обратно привезли во дворецъ въ Дворцовую церковь, гдѣ и находился я до прибытія Государя долгое время, и тогда уже принесена была присяга. Митрополитъ кіевскій Евгеній также выѣзжалъ на площадь, но и онъ возвратился безъ успѣха!“— Домъ митрополита въ Лаврѣ очень хорошъ; комната, въ которой я у него сидѣлъ, хорошо убрана, канапе и кресла обиты малиновымъ бархатомъ съ золотомъ. Простаясь съ нимъ, я отправился къ преосвященному Григорію, который жилъ въ академическомъ домѣ, будучи академіи ректоромъ. Этотъ меня также принялъ очень ласково по дружбѣ его съ нашимъ владыкою, много объ немъ спрашивалъ и несмотря на то, что я торопился его оставить, дорожа его временемъ по большимъ его обязанностямъ, онъ все у себя удерживалъ и пріятливостію своею много расподожилъ меня къ себѣ. Когда я по возвращеніи своемъ въ Москву передалъ о томъ нашему владыкѣ, онъ сказалъ мнѣ: да, я имѣлъ честь быть учителемъ преосвя-

щеннаго Григорія, а теперь многomu желаль бы у него поучиться“. Вотъ какъ онъ цѣнилъ его.

Михаилъ Евреимовъ.

(Продолженіе будетъ.)

II-Е МАЯ ВЪ МОСКВѢ И ВЪ МОСК. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

11-го мая, въ день памяти св. равноапостольныхъ Меѳодія и Кирилла, просвѣтителей славянъ, Православное Миссіонерское Общество по § 5 своего устава совершало свой годичный церковный праздникъ. Во время литургии въ Усп. соборѣ, которую совершалъ преосвященный Леонидъ, членомъ совѣта Миссіонерскаго Общества, священникомъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ, было произнесено слово о дѣйствіяхъ благодати Божіей въ просвѣщеніи вѣрою Христовою народа русскаго и чрезъ него сопредѣльныхъ съ нимъ племень и народовъ. По литургии было отправлено молебствіе св. Меѳодію и Кириллу, въ которомъ кромѣ участвовавшихъ въ священнодѣйствіи божественной литургии, приняли участіе нѣкоторые изъ членовъ Миссіонерскаго Общества.

Въ тотъ же день въ домовоѣ церкви при Московскоѣ Духовной Академіи на литургии произнесено студентомъ П. Каптеревымъ одобренное академическимъ начальствомъ слово—о значеніи праздника въ день свв. Кирилла и Меѳодія. Вотъ это слово.

„Поминайте наставники ваща, иже глаголаша вамъ слово Божіе.“ Евр. 13, 7.

Нынѣшній день, посвященный имени великихъ славянскихъ учителей, свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, есть великій день, близкій, дорогой сердцу каждаго русскаго, каждаго славянина. Еслибы мы могли теперь подняться на такую высоту, чтобы заразъ окинуть взглядомъ всѣ тѣ многочисленныя земли, которыя населяютъ ученики и почитатели св. братьевъ, то мы наглядно убѣдились бы въ великости нынѣшняго дня, ибо намъ представилась бы такая картина: въ безчисленныхъ храмахъ, покрывающихъ эти страны, священники Бога вышняго совершаютъ торжественныя служенія въ честь св. братьевъ; церковныя вѣти въ своихъ проповѣдяхъ изображаютъ заслуги св. братьевъ міру славянскому; для различныхъ славянскихъ обществъ, день, посвященный имени св. братьевъ, также

торжествененъ, какъ и для церкви; массы народа также не остаются совершенно чуждыми этому торжеству церкви и горячихъ друзей славянства: путемъ церковнаго поученія и путемъ печатнаго слова и въ нихъ проникаетъ сознание важности заслугъ свв. Кирилла и Меѳодія, — и вотъ произносятся имена св. братьевъ миллионы устъ: картина по истинѣ величественная, заставляющая сильно биться сердце каждаго славянина. А между тѣмъ за 6—8 лѣтъ тому назадъ въ этотъ же самый день мы не увидѣли бы ничего особеннаго на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ славяне. Жизнь церковная и жизнь гражданская текли своимъ обычнымъ путемъ. Что же произвело такую дивную перемѣну въ какія-нибудь 6—8 лѣтъ въ чувствахъ и мысляхъ славянъ? Развѣ не знали славяне апостольской заповѣди: „поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе?“ Развѣ не знали славяне, чѣмъ они обязаны свв. братьямъ Кириллу и Меѳодію, не признавали своего близкаго духовнаго родства съ ними? Конечно они знали все это, знали и апостольскую заповѣдь и заслуги Кирилла и Меѳодія. Но почему же нынѣ день, посвященный имени свв. Кирилла и Меѳодія, такъ великъ и торжествененъ, заповѣдь апостольская о поминовеніи наставниковъ, глаголавшихъ слово Божіе, такъ усердно выполняется, а лѣтъ 6—8 тому назадъ этотъ день совсѣмъ не былъ празднуемъ, заповѣдь апостольская доходила только до уха, а не до сердца славянъ?

Историческія судьбы славянъ были таковы, что онѣ мало способствовали развитію живыхъ, братскихъ отношеній между различными славянскими племенами. Когда три вѣтви славянскаго племени—восточная, южная и западная, жили политически самостоятельно, то каждая изъ нихъ имѣла столько своихъ внутреннихъ частныхъ дѣлъ и нуждъ, столько своихъ особенныхъ частныхъ враговъ, что имъ некогда было слѣдить за жизнію родственныхъ племенъ, обмѣниваться взаимно своими мыслями и чувствами; свои особенные интересы, свои особенные враги поглощали все ихъ вниманіе. Умственное же развитіе славянъ того времени не было настолько высоко, чтобы вырвать ихъ изъ этой замкнутости и возвысить до сознанія необходимости интересовъ обще-славянскихъ, необходимости живаго, тѣснаго духовнаго союза. Вслѣдствіе такой замкнутости жизни различныхъ вѣтвей славянскаго племени, вслѣдствіе такой розни и раздробленности между ними, южные и западные славяне потеряли свою политическую

независимость. Потеря политической самостоятельности въ первое время не только не побудила славянъ къ болѣе тѣсному общенію между собою, но еще болѣе увеличила ихъ прежнюю рознь, ибо насильственно приковала ихъ интересы къ интересамъ другихъ, неславянскихъ народовъ съ другою вѣрою, съ другимъ языкомъ, съ другими нравами и обычаями, и такимъ образомъ отвратила ихъ взоры отъ своихъ славянскихъ братій. Вниманіе же восточныхъ славянъ, сохранившихъ свою политическую независимость, совершенно поглощено было великимъ внутреннимъ дѣломъ—образованіемъ изъ множества мелкихъ княжествъ одного великаго государства. Такимъ образомъ глубокая рознь между славянами продолжалась. Но очевидно эта рознь была не естественнымъ явленіемъ между народностями одного племени, имѣвшими нѣкогда одну религію, сходныя народныя преданія, говорившими близко родственными нарѣчіями. И печальные плоды этой розни—потеря нѣкоторыми племенами славянскими политической независимости, отнятіе завоевателями прежнихъ правъ и вольностей у завоеванныхъ, притѣсненіе ихъ религіи и вообще стремленіе завоевателей уничтожить самую національность покоренныхъ славянъ—мало-по-малу въ теченіе вѣковъ привели славянъ къ сознанію того, какъ пагубна ихъ рознь. Бѣдствія (этотъ великій учитель людей) убѣдили ихъ въ той истинѣ, что безъ единства нѣтъ силы, что только при тѣсномъ живомъ общеніи всѣхъ славянъ, при постоянной взаимной помощи и поддержкѣ, при горячемъ сочувствіи къ нуждамъ другъ друга они могутъ сдѣлать тщетными всѣ усилія враговъ. Въ жизни славянъ совершился великій переворотъ; стремленіе отъ враждебной розни къ братскому единенію отъ прежней замкнутой жизни къ живому обмѣну мыслей и чувствъ особенно развилось и ясно выразилось въ настоящее время. А когда какія-либо идеи и стремленія сильно овладѣваютъ какою-либо народностью, то эта народность обращается къ своему прошлому, и въ туманной дали протекшихъ вѣковъ между дѣятелями сѣдой старины ищетъ ратоборцевъ подобныхъ идей и стремленій, чтобы почтить ихъ за ихъ труды своею любовью и уваженіемъ, ихъ примѣромъ подкрѣпить и ободрить себя, чтобы любовію и благоговѣніемъ къ нимъ освятить сочувствіе и привязанность къ своимъ идеямъ и стремленіямъ. Такими дѣятелями въ настоящемъ случаѣ являются великіе просвѣтители славянъ, св. братья Кириллъ и Меѳодій.

Своею дѣятельностію св. Кириллъ и Меѳодій различныя вѣтви и племена славянъ соединили прочною связью, ибо къ единству происхожденія славянъ, единству языка и преданій, они прибавили еще единство религіи. Если вообще каждая религія безотносительно къ ученію, ея проповѣдуемому, способна объединять принимающія ея народности, развивать между ними живыя и тѣсныя отношенія въ духѣ любви, то это еще болѣе нужно сказать о христіанствѣ, сущность котораго есть любовь — „о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще дѣловъ имате между собою“ (Іоан. 13, 35); христіанство прямо заповѣдуетъ едиными усты и единымъ сердцемъ славить Бога, Который есть любовь (1 Іоан. 4, 8); и главная добродѣтель христіанская есть живое сочувствіе и посильная помощь своимъ ближнимъ. И одушевленное стремленіе современныхъ славянъ къ братскому единенію и общенію между собою, къ живому обмѣну мыслей и чувствъ, къ посильной помощи во взаимныхъ нуждахъ есть не болѣе какъ только осуществленіе, проведеніе въ жизнь того высокаго начала всеобъемлющей, всякую рознь и вражду покрывающей, любви, которое такъ давно было возвѣщено славянамъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Одною изъ самыхъ прочныхъ связей между родственными народностями служитъ единство или родство языка. Языкъ есть полнѣйшее и необходимѣйшее отраженіе духа народа, его отличительныхъ свойствъ и взглядовъ, пріемовъ мышленія, наклонностей, обычаевъ; языкъ развивается съ развитіемъ народа, склоняется къ паденію при его упадкѣ и вымираетъ съ его исчезновеніемъ; однимъ словомъ, онъ есть зеркало души, такъ что „по языкамъ, сказалъ одинъ знатокъ языковъ, лучше можно узнавать народы, чѣмъ по ихъ нравамъ, обычаямъ и дѣланіямъ“. При единствѣ языка важно не внѣшнее сходство въ звукахъ, а внутреннее сходство въ возрѣніяхъ и понятіяхъ, которое необходимо выражается въ сходныхъ звукахъ, и именно это-то внутреннее сходство, необходимо выражающееся въ сходныхъ звукахъ, такъ прочно и связываетъ племена, говорящія однимъ и тѣмъ же языкомъ или близко родственнымъ, а не внѣшнее родство звуковъ само по себѣ. При такомъ отношеніи языка къ внутренней жизни человѣка заботиться о развитіи языка извѣстныхъ племенъ значитъ заботиться объ ихъ духовномъ развитіи и вмѣстѣ о развитіи и укрѣпленіи тѣхъ связей, которыя соединяютъ и объединяютъ эти племена. Дѣятельность Ки-

рилла и Меѳодія въ этомъ отношеніи имѣеть великое значеніе. Они составили славянскую азбуку и такимъ образомъ этотъ постоянно переливающийся, вѣчно подвижный міръ звуковъ заключили въ твердые и опредѣленные образы буквъ, внесли въ него строгій порядокъ и точность, и чрезъ это сдѣлали возможнымъ то развитіе языка, которое даетъ ему литература. Но Кириллъ и Меѳодій не только составили славянскую азбуку, но и первые дали образецъ ея употребленія, переложивъ на славянской языкъ библейскія и богослужебныя книги. Выразивъ на немъ глубокія умозрительныя и нравственныя истины, возвышенныя міру Богочеловѣкомъ и потомъ Его апостолами, одушевленныя рѣчи пророковъ, трогательныя пѣсни царя Давида, безыскусственныя, простыя, но въ своей простотѣ и безыскусственности возвышенныя историческія повѣствованія о первобытномъ челоуѣчествѣ и народѣ еврейскомъ, притчи и пѣснопѣвія царя Соломона, Кириллъ и Меѳодій тѣмъ самымъ дали значительный толчокъ развитію славянскаго языка, а слѣдовательно и вообще духовному развитію славянъ и такимъ образомъ еще болѣе укрѣпили и усилили узы, связывавшія различныя племена славянскія въ одно цѣлое. При этомъ нужно обратить особенное вниманіе на то, что библейскія и богослужебныя книги постоянно употребляются въ церкви при богослуженіяхъ, а умѣющій читать можетъ читать ихъ и дома. Православнымъ біблію читать не воспрещается. Поэтому трудъ Кирилла и Меѳодія не ограничивался, какъ обыкновенные литературныя труды, избраннымъ небольшимъ кружкомъ читателей, но былъ доступенъ массамъ и введенный въ употребленіе при богослуженіи всѣхъ почти славянъ сплавивалъ и соединялъ воедино цѣлыя массы славянскихъ племенъ.

Торжественное празднованіе дня посвященнаго имени св. братьевъ Кирилла и Меѳодія, служа выраженіемъ современныхъ стремленій славянскихъ племенъ къ братскому единенію, для насъ, славянъ восточныхъ, должно въ то же время быть выраженіемъ и напоминаемъ тѣхъ обязанностей, которыя естественно налагаются на насъ современнымъ настроеніемъ славянскаго міра. Когда нѣсколько братьевъ, различныхъ по степени физической крѣпости и умственнаго развитія, образуютъ между собою тѣсный союзъ съ цѣлю взаимной помощи, хотять составить одну семью, то тотъ братъ, который отличается большею физическою, а главное умственною и нравствен-

ною крѣпостію и развитостію, естественно становится въ силу этого своего превосходства руководителемъ, воспитателемъ, нравственнымъ опекуномъ своихъ братьевъ, не нарушая къ нимъ своихъ братскихъ отношеній. И по древнимъ русскимъ обычаямъ старшій братъ въ силу своего естественнаго превосходства по смерти отца заступалъ въ семьѣ его мѣсто. Родственные племена славянскія, такъ сильно стремящіяся нынѣ образовать одну семью, тѣсный духовный союзъ, имѣютъ различныя степени политической самостоятельности и умственнаго развитія и между ними восточной отрасли славянъ по полной политической самостоятельности и великому могуществу, по большому сравнительно съ другими славянами развитію языка, науки и литературы, принадлежитъ старшинство и съ нимъ по естественному порядку нравственное руководство въ отношеніи къ славянской семьѣ. Да поможетъ Богъ всемогущій этому старшему брату въ семьѣ славянской честно и хорошо выполнить его высокое призваніе религиозно-нравственнаго и умственнаго воспитателя своихъ славянскихъ братьевъ, а примѣръ великихъ просвѣтителей славянъ да послужитъ ему руководительною звѣздою на этомъ поприщѣ. Свв. Кириллъ и Меѳодій прежде начала своихъ апостольскихъ трудовъ достойнымъ образомъ приготовились къ нимъ основательнымъ ознакомленіемъ съ славянскимъ языкомъ, съ понятіями, обычаями и вообще возрѣніями славянъ, на сколько они выразились въ языкѣ, составленіемъ славянской азбуки, и даже переводомъ священныхъ книгъ первой необходимости по свидѣтельству житія ихъ. И славяне восточные, приступая къ выполненію своего высокаго призванія, да не забываютъ, что если они по своему развитію занимаютъ мѣсто старшаго брата въ семьѣ славянской, то въ то же время они стоятъ между младшими членами семьи европейской, что ихъ собственное воспитаніе и развитіе не окончилось, а только еще начинается и, призванные быть воспитателями и учителями своихъ меньшихъ братьевъ, они съ тѣмъ большею энергіею должны учиться сами, съ большимъ прилежаніемъ заботиться о собственномъ развитіи и самоусовершенствованіи.

Такимъ образомъ столь простая апостольская заповѣдь: „поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе“, получаетъ въ настоящее время для славянскаго міра глубокой смыслъ и значеніе. Побуждая христіанъ къ исполненію ихъ естественнаго долга памятованія о своихъ учителяхъ, глаголавшихъ слово Божіе, она приводитъ

славянамъ на память ихъ обязанность вспомошествовать другъ другу въ дѣлѣхъ религіозно-нравственнаго и умственнаго развитія и примѣромъ великихъ учителей Кирилла и Меѳодія укрѣпляетъ ихъ стремленіе къ братскому единенію и любви. Въ силу такого великаго значенія своего эта апостольская заповѣдь да исполняется не только въ день, посвященный имени свв. Кирилла и Меѳодія и не только въ церкви во время богослуженія, но и во всякое время, въ церкви и дома, при частныхъ трудахъ и занятіяхъ,—данашеется она на сердцѣ каждаго славянина.

ПИСЬМО ОПТИНСКАГО ІЕРОСХИМОНАХА МАКАРІЯ КЪ КАЗНАЧЕЮ И ДУХОВНИКУ БРАТИИ ПРИ АРХІЕРЕЙСКОМЪ ДОМѢ ^(а).

Достопочтеннѣйшій о Господѣ отецъ Виталій! Писаніе ваше отъ 6-го февраля получилъ, въ которомъ пишете—смущаетесь находясь въ постоянномъ обращеніи съ людьми; но что же дѣлать, если Господу угодно было поставить васъ на сіе дѣло,—надобно бороться. Мы воины духовные и имѣемъ враговъ сильныхъ и лютыхъ, всегда готовыхъ на пораженіе наше; а когда мы употребимъ смиреніе въ подвигѣ нашемъ, то они не могутъ постоять противъ сего, но скоро обращаются въ бѣгство. Развѣ тѣмъ исцѣляются наши страсти, чтобы мы были уединены и никто бы насъ не трогалъ? Напротивъ, онѣ отъ того умолкаютъ, а не истребляются, и при случаѣ возникаютъ сильнѣе, по слову преподобнаго Кассіана, и совершенно лишаютъ насъ покоя; при обращеніи же съ другими и при побужденіи страстями, мы познаемъ свою немощь, смиряемся, каемся, а по времени получаемъ и исцѣленіе. Чтеніе книгъ приноситъ теоретическое познаніе, а для уврачеванія страстей требуется дѣятельное прохожденіе соображенія съ людьми, но не такое обращеніе, чтобы вдавать себя въ мірскія молвы и бесполезныя бесѣды. Св. Іоаннъ Лѣств. пишетъ, что недугующему душевными страстями, ниже слѣдъ безмолвія видѣть должно попустить.

Милосердый Господь да вразумитъ васъ, поможетъ и да укрѣпитъ въ дѣлѣ послушанія, служащаго ко спасенію вашему и ближнихъ. 27 февраля 1860 г.

(а) Въ изданіе писемъ отца Макарія (4 тома 1863) это письмо не попало.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ІЮНЬ.

1870.

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ ^(а).

Въ Петербургѣ (въ 1825 году) прожилъ я съ княземъ С. М. Голицынымъ болѣе мѣсяца; въ продолженіи этого времени я посвщаль обоихъ преосвященныхъ, и митрополитъ Серафимъ пріѣзжалъ къ князю. По вечерамъ же всего чаще проводилъ я время у Натальи Кирилловны Загряжской, урожденной графини Разумовской. Всякій день у нея собиралось лучшее петербургское общество. Она жила въ одномъ домѣ съ княземъ Кочубеемъ, на племянницѣ (б) которой онъ былъ женатъ. Князь Сергій Михайловичъ былъ принятъ особенно милостиво государемъ, который часто приглашалъ его къ себѣ. Однажды государь сказалъ ему, что недоволенъ архіепископомъ[московскимъ за то, что будто онъ разрѣшалъ въ бывшей тогда присягѣ Константину Павловичу, чего не слѣдовало ему дѣлать; также за то, что какой-то образъ явившійся въ Москвѣ носимъ былъ по улицамъ. Князь увѣрялъ государя, что ему; донесено было обо всемъ не такъ и не справедливо. Въ скоромъ времени послѣ этого государемъ пожалованъ былъ архіепископу бриліантовый крестъ для ношенія на черномъ клобукѣ.

Въ концѣ генваря 1826 года мы собирались возвратиться въ Москву и наканунѣ выѣзда нашего поѣхали къ митрополиту Серафиму, чтобы съ нимъ проститься; мы встрѣтили его на Невскомъ проспектѣ вѣдущимъ [въ] Сунодѣ. Онъ просилъ насъ перейти въ его карету, что мы и сдѣлали; поговоривъ съ нимъ довольно времени, тутъ

(а) Продолженіе. См. апрѣльскую и майскую книжки.

(б) Марья Васильевнѣ Васильчиковой.

и простились съ нимъ въ надеждѣ скоро опять съ нимъ свидѣться въ Москвѣ, куда онъ долженъ былъ прибыть для коронованія императора. Въ Москву мы возвратились 1-го февраля; здѣсь ожидали тогда прибытія изъ Таганрога тѣла покойнаго императора. Слухи въ Москвѣ ходили очень неблагопріятные, — говорили, что съ прибытіемъ тѣла его, будетъ бунтъ въ Москвѣ; слухи эти такъ напугали жителей, что многія семейства собирались выѣзжать изъ Москвы. По этому поводу владыка 28 генваря 1826 года разослалъ предписаніе ко всему московскому духовенству слѣдующаго содержанія: „Братіямъ и сослужителямъ о Господѣ радоватися. Приближается время пренесенія тѣла въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Павловича чрезъ сей градъ. Чуждые народы сопровождаютъ память его молитвою и оплакиваніемъ, колыми паче отечество наше, колыми паче сей первопрестольный градъ. Устройте сердца ваши провести сіе время во благоговѣніи, въ смиреніи предъ судьбами Божіими, которыя великими лишеніями и скорбями посѣщаютъ насъ по грѣхамъ нашимъ, и въ прилежныхъ молитвахъ, да упокоитъ Всеблагій Богъ душу преставльшагося царя и да не престанетъ сохранять царство и градъ отъ сыновъ отступленія, запечатлѣнныхъ печатію отчаянія, и отъ всякаго зла. Внушайте и прочимъ православнымъ людямъ, чтобы приготовляемыхъ для царскаго величія почестей не дѣлали для себя предметомъ одного празднаго любопытства, но чтобы взирали на оныя съ умиленіемъ и благоговѣйнымъ помышленіемъ, какъ переходитъ земное величіе, и какъ отъ великаго царя до малѣйшаго изъ подданныхъ для всѣхъ одна не преходящая надежда есть царствіе Божіе.“

Несмотря на распространившіеся слухи о имѣющемъ быть возмущеніи въ Москвѣ, когда привезено будетъ тѣло покойнаго императора изъ Таганрога, оно встрѣчено было, какъ и слѣдовало, очень спокойно; процессія тянулась отъ серпуховской заставы до самаго кремля. Пышную и печальную церемонію смотрѣлъ я изъ дома какого-то купца, уступленнаго имъ на сей день графу Владиміру Григорьевичу Орлову, который просилъ меня сопровождать внуку его Е. П. Д., бывшую въ послѣдствіи княгинею Долгоруковою. Тѣло покойнаго императора поставлено было въ Архангельскомъ соборѣ, подъ богато-устроеннымъ балдахиномъ на возвышенномъ полу; и въ семь случаевъ владыка нашъ имѣлъ непріятное столкновеніе съ главноначальствующимъ кремлевскою экспедиціею княземъ Николаемъ

Борисовичемъ Юсуповымъ, которому устройство сей церемоніи было препоручено. Предположено было поднять полъ до того, чтобы онъ покрывалъ и гробницы съ св. мощами, которыя тогда были бы попираемы ногами. Владыка не согласился на это и успѣлъ недопустить сего. На другой день по привезеніи тѣла императора, т.-е. 4-е февраля, архіепископомъ совершена была въ Архангельскомъ соборѣ заупокойная литургія и сказано имъ весьма краснорѣчивое слово на текстъ: *Подобенъ ему не бысть предъ нимъ царь, иже обратися къ Господеви, всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею, и всею силою своею.—Обаче не отвратися Господь отъ ярости гнѣва своего великаго.* (4 Царст. 23, 25. 26). Не помню, сколько дней оставалось тѣло императора въ Москвѣ, но помню, что къ нему не только цѣлые дни, но и цѣлыя ночи стекалось множество народа всякаго званія. Всѣ желали проститься съ своимъ царемъ, котораго такъ искренно любили, свидѣтельствомъ чего служили проливаемые слезы. Съ такою же церемоніею проведено было тѣло государя изъ Москвы и до Санкт-Петербурга; не довзжая Петербурга, оно въ Чесмѣ переложено было въ другой гробъ и привезено было 6 марта въ Петербургъ, а 13 числа марта 1826 года предано было землѣ въ Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ.

30 апрѣля императрица Марія Ѳеодоровна прибыла въ Москву, гдѣ встрѣчена была въ Успенскомъ соборѣ архіепископомъ и привѣтствована была отъ него рѣчью. Она изволила отправляться черезъ Москву, для встрѣчи возвращавшейся изъ Таганрога вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны; но послѣдняя, достигнувъ только до города Бѣлева Тульской губерніи, переселилась въ вѣчность, недождавшись свиданія съ матерью. Тѣло ея изъ Бѣлева препровождено было въ Петербургъ черезъ Можайскъ, куда и императрица Марія Ѳеодоровна отправилась; сюда же прибылъ и архіепископъ московскій и служилъ въ присутствіи ея величества заупокойную обѣдню, послѣ которой сказывалъ надгробное слово. Императрица Марія Ѳеодоровна изъ Можайска возвратилась въ Москву и до пріѣзда императора оставалась въ окрестности Москвы въ селѣ Влахернскомъ, принадлежащемъ князю Сергію Михайловичу Голицыну.

Приближалось время коронаціи; много стало сѣзжаться архіереевъ; надобно было нашему владыкѣ всѣхъ удобно размѣстить, и сдѣлать разныя распоряженія касательно коронаціонной церемоніи въ Успенскомъ соборѣ. Насталъ

и 22 день августа, назначенный для коронаціи. Чтобы не опоздать въ кремль, въ который позже 5 часовъ утра уже не пропускали, я отправился туда наканунѣ того дня; всенощное бдѣніе слушалъ въ Архангельскомъ соборѣ, и ночевалъ въ царскихъ теремахъ; раннюю обѣдню слушалъ въ Чудовѣ монастырѣ, и потомъ отправился на мѣста устроенныя рядомъ съ Архангельскимъ соборомъ для зрителей; отсюда виденъ былъ выходъ съ Краснаго крыльца царской фамилии. Прежде проходила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна подъ газетовымъ балдахиномъ, а спустя нѣсколько времени и императоръ Николай Павловичъ съ императрицею Александрой Ѳеодоровною и вся царская фамилія шествовали. Коронованіе совершалъ митрополитъ новгородскій и петербургскій Серафимъ; нашъ же владыка въ сей день пожалованъ былъ митрополитомъ и не прежде возложилъ на себя бѣлый клобукъ, какъ отнесъ оный въ Чудовъ монастырь, положилъ его въ раку святителя Алексія, и какъ бы отъ него принялъ оный и возложилъ на себя. Въ сей же день поздравлялъ я и князя Сергія Михайловича, получившаго Александровскую ленту.

По возвращеніи изъ Успенскаго Собора императоръ съ императрицею въ коронахъ и порфирахъ проходили мимо насъ въ Архангельскій соборъ для прикладыванія къ образамъ и мощамъ; отсюда заходили въ Благовѣщенскій соборъ, и чрезъ Красное крыльцо пошли въ грановитую Палату къ обѣду. Для зрителей, въ числѣ которыхъ былъ я, устроенъ былъ балконъ у окна Грановитой Палаты, съ котораго очень хорошо было видно, какъ государь съ обѣими императрицами въ коронахъ и порфирахъ на тронѣ изволили кушать. Въ то же время за накрытыми столами сидѣли всѣ приглашенные; одни только великіе князья цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ не сѣли за столъ, а ходили во время обѣда; я видѣлъ, какъ императоръ всталъ и, держа въ рукахъ бокаль, взглянулъ на тайникъ и пилъ здоровье великихъ княженъ, находившихся въ ономъ для смотрѣнія церемоніальнаго обѣда. Государь очень усталъ и торопиль скорѣе окончить обѣдъ, такъ что едва успѣвали подать одно блюдо, какъ тотчасъ отнимали и начинали подавать другія. За обѣдомъ я первый разъ увидѣлъ графа Сперанскаго. Вечеромъ городъ весь и Иванъ Великій великолѣпно были иллюминированы. Государь съ государынею и со всею царскою фамиліею прокатывались по городу, улицы были переполнены народомъ. Нѣсколько дней праздника продолжались;

для простаго народа было угощеніе на Дѣвичьемъ полѣ; при дворѣ и у многихъ были балы.

Митрополитъ Серафимъ имѣлъ пребываніе въ Новоспаскомъ монастырѣ; однажды я встрѣтилъ у него митрополита Кіевскаго Евгенія, съ которымъ тутъ познакомился. Наконецъ наступило время государю со всею царскою фамиліею отправиться въ Сергіеву Лавру, куда за нѣсколько дней предъ тѣмъ для встрѣчи ихъ тамъ отправился и митрополитъ Московскій; туда же я поѣхалъ; это было предъ праздникомъ дня преподобнаго Сергія; по приѣздѣ въ Лавру посѣтилъ я митрополита; онъ меня принялъ не въ своемъ домѣ, который приготовленъ имъ былъ для помѣщенія вдовствующей императрицы, а въ кельяхъ отпа-ризначаго; императору же съ супругою приготовлено было помѣщеніе въ академіи. Между прочимъ я сказалъ владыкѣ, что въ день преподобнаго Сергія я постоянно бывалъ въ Троицкомъ соборѣ, а нынѣ лишень буду сего утѣшенія, потому что со мною нѣтъ мундира, безъ чего въ присутствіи государя въ соборъ не пропустятъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „если желаете быть, то могу я къ вамъ прислать своего человѣка, который проведетъ васъ въ алтарь, черезъ что вы не лишитесь удовольствія праздновать день преподобнаго Сергія близъ его мощей“. На другой день дѣйствительно владыка прислалъ своего служителя, который меня проводилъ въ алтарь, откуда мнѣ удобно было видѣть, какъ на правомъ клиросѣ, обитомъ парчею, помѣстились обѣ императрицы и императоръ; подлѣ него стоялъ хоръ пѣвчихъ, и государь подпѣвалъ имъ. Великій же князь Михаилъ Павловичъ съ великою княгинею Еленой Павловной стояли на лѣвомъ клиросѣ. По возвращеніи въ Москву и по окончаніи всѣхъ празднествъ государь изволилъ со всею царскою фамиліею и со всѣмъ дворомъ отправиться въ Петербургъ.

Не помню когда именно, но знаю, что въ одну изъ субботъ случилось мнѣ быть у владыки, какъ это и всегда бывало, у всенощной въ домовою его церкви; по окончаніи всенощной заходилъ къ нему, и просидѣвъ у него довольно долго, спросилъ его: а гдѣ вы завтра изволите служить? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ служить въ селѣ Черкизовѣ, гдѣ будетъ освящать престоль, — и притомъ спросилъ меня: а вы приѣдете ли туда? Я отвѣчалъ: ежели вы будете тамъ говорить слово, то приѣду, а если нѣтъ, то не буду. На сіе онъ сказалъ мнѣ, что онъ къ тому не готовится, а потому и говорить не будетъ.

Послѣ сего я еще оставался довольно долго и не прежде 10 часовъ съ нимъ простился. На другой день вечеромъ прихожу я къ нему, и онъ улыбаясь встрѣтилъ меня съ сими словами: „А что же, милостивый государь, — приказали вы мнѣ сказать проповѣдь, а сами и не пріѣхали?“ — Какъ же могъ я ожидать сіе, отвѣчалъ я ему, послѣ того какъ вы изволили сказать мнѣ, что говорить не будете? — „Да я и точно не былъ намѣренъ говорить, сказалъ онъ мнѣ, и приготовлялся уже ко сну, но никакъ не могъ заснуть; мысль о вопросѣ вашемъ: буду ли я говорить, меня не оставляла, и я рѣшился встать и написать слово, послѣ чего я и могъ уснуть“. Изъявилъ я удивленіе къ такой его способности, и тогда рассказалъ онъ мнѣ, что когда онъ былъ Тверскимъ архіепископомъ, то въ пріѣздъ туда изъ Петербурга на короткое время, служилъ тамъ тринадцать дней сряду, и при каждомъ служеніи говорилъ безъ приготовленія; что тогда проповѣди его бывали продолжительнѣе тѣхъ, которыя имъ были писаны, потому что во время сказыванія безъ приготовленія рождались новыя мысли и новыя разсужденія.

Однажды за нѣсколько дней до дня ангела его былъ я у него и зная, что въ сей день онъ всегда уѣзжалъ на Перерву, просилъ я секретаря его Александра Петровича Святославскаго въ сей день принести ему отъ меня поздравленіе, присовокупивъ къ тому, что я желалъ бы и самъ для сего пріѣхать на Перерву, но не знаю, понравится ли ему это, потому что, уѣзжая изъ Москвы, вѣроятно, онъ не желаетъ принимать поздравленій, слѣдственно и думать не слѣдуетъ его преслѣдовать, на что секретарь отвѣчалъ: „конечно такъ, сударь, но вамъ-то онъ будетъ радъ;“ почему 1-го декабря и отправился я къ владыкѣ на Перерву. Онъ меня ласково принялъ. Изъ свѣтскихъ гостей никого у него не встрѣтилъ, были только архіереи и нѣсколько архимандритовъ; посидѣвъ у него нѣсколько времени, подошелъ я къ нему, чтобы принять отъ него благословеніе и проститься съ нимъ; тогда онъ всталъ, взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ: *да не како ослабѣютъ на пути, и хотя не договорилъ: не отпустимъ ихъ не ядшихъ*, но понятно было, что онъ не хотѣлъ отпустить безъ обѣда, и такимъ образомъ провелъ я у него день очень пріятно.

Какъ-то случилось мнѣ быть у него вмѣстѣ съ семействомъ Нарышкиныхъ. Онъ объявилъ намъ, что на дняхъ отправляется въ Лавру; тогда Нарышкины начали упраши-

вать захватъ къ нимъ въ деревню, находящуюся близъ Троицкой дороги, на что онъ изъявилъ согласіе; а какъ онъ зналъ, что и моя деревня находится по близости отъ нихъ, то сказалъ: „а Михайль Михайловичъ меня къ себѣ не приглашаетъ?“ Я сказалъ ему, что только потому не приглашалъ его, что не смѣлъ его симъ беспокоить, но почель бы за счастье, ежели бы онъ и меня посѣтилъ; на что онъ отвѣчалъ, что онъ съ удовольствіемъ бы пріѣхалъ и ко мнѣ, только не будетъ умѣть меня отыскать; тогда я просилъ его о семъ не заботиться и сказалъ, что мною высланъ будетъ верховой въ село Мытищи, который проводить его по прекрасной дорогѣ не далѣе 5 верстъ. Въ назначенный день посланный мною въ Мытищи челоувѣкъ проводилъ его въ село Болшево, гдѣ и я встрѣтилъ его при церкви со множествомъ собравшагося народа. Осмотрѣвъ церковь, онъ прибылъ ко мнѣ въ домъ, и при входѣ въ первую комнату сказалъ: *Миръ дому сему и всѣмъ живущимъ въ немъ.* Тутъ я его познакомилъ съ матушкой моею и сестрою. Онъ вышелъ на балконъ, долго любовался прекрасными видами и сказалъ: это мѣсто живописное. Послѣ поданнаго чаю, просилъ я его остаться завтракать, но онъ не согласился, сказавъ мнѣ, что такимъ образомъ онъ не успѣетъ въ тотъ день пріѣхать и въ Лавру, потому что надобно еще захватъ и къ Нарышкинымъ, куда онъ отъ меня и отправился. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ я къ нему въ Лавру благодарить его за посѣщеніе меня, засталъ его прогуливающагося по своей террасѣ; онъ сказалъ мнѣ: „хотя ваше мѣстоположеніе и весьма красиво, но я не промѣнялся бы съ вами, потому что остаюсь и своимъ очень доволенъ.“

Въ 1830 году священникъ церкви Троицы, что на Капелькахъ, съ причтомъ и съ прихожанами начали просить меня, чтобы я согласился быть при сей церкви старостою, потому что въ ихъ приходѣ не находится никого, кто бы могъ занять сію должность. Такъ какъ церковь пришла въ такую ветхость, что необходимо нужно было приступить къ постройкѣ, я отказывался отъ принятія на себя этой обязанности, да и домъ мой былъ въ другомъ приходѣ; несмотря на сіе они успѣли меня уговорить, но прежде окончательнаго изъясненія на то согласія, я сказалъ, что считаю нужнымъ переговорить о семъ съ владыкою. Владыка сказалъ мнѣ, что церковнымъ старостою можетъ быть принадлежащій къ другому приходу; но когда объяснилъ я ему, что есть другое обстоятельство, которое

страшить меня принять должность старосты, а именно то, что немедля должно будетъ приступать къ строенію, потому что колокольня, находящаяся на стѣнѣ церковной, дала большую трещину, отъ чего оказывается въ сводѣ самой церкви трещина, почему необходимо будетъ сломать колокольню, выстроить ее отдѣльно, чтобы не допускать трещинѣ увеличиваться: тогда владыка сказалъ мнѣ, что онъ на другой же день передъ вечернею пріѣдетъ все сіе осматрѣть. Это было 29 числа іюля наканунѣ приходскаго праздника въ честь Іоанна Воина; во всѣхъ церквахъ давно начались вечерни и нашъ священникъ хотѣлъ начинать вечерню, полагая, что по случаю дождя владыка не пріѣдетъ, хотя я и увѣрялъ его въ противномъ; и только что начали вечерню, какъ онъ пожаловалъ, такъ что я одинъ вынужденъ былъ его встрѣчать. Онъ прошелъ прямо въ алтарь и по окончаніи уже службы началъ все осматривать, что мною было указано. Онъ согласился, что опасенія касательно непрочности церкви справедливы, и что немедля надобно приступить къ строенію. Въ это самое время пошелъ такой сильный дождь, какого я никогда не запомню, и владыка уѣхалъ. На другой день, когда явился я къ нему благодарить его за принятое имъ безпокойство, онъ улыбаясь встрѣтилъ меня такими словами: „здравствуйте, господинъ староста иже на Капелькахъ; только, когда возвращался я отъ васъ домой, на меня не по капелькамъ лилъ дождь, а какъ изъ ушата“. Послѣ того сталъ спрашивать: сколько же для строенія есть у васъ церковныхъ денегъ? и когда сказалъ я ему, что есть только четыре тысячи ассигнаціями, то возразилъ мнѣ: какъ же съ такой незначительной суммой вы хотите приступить къ тому? Я отвѣчалъ, что нужно только начать, а тамъ и помогутъ, чему много было примѣровъ: надѣюсь на милость Божію. Онъ сказалъ: „ну ежели надѣтесъ на милость Божію, то приступайте къ дѣлу“. Тогда же я просилъ его дать мнѣ сборную книгу, и хотя онъ не охотно таковая выдавалъ, особенно для московскихъ церквей, но видя, что я прошу по необходимости, мнѣ въ томъ не отказалъ. По прошествіи года не могъ я всего строенія окончить, такъ какъ оказалось много еще новыхъ непредвидѣнныхъ построекъ и денегъ на приведеніе къ окончанію всего много еще не доставало; тогда просилъ я владыку еще на годъ дозволить продолжать сборъ по книгѣ, на что онъ, видя много недостатковъ, вторично изъявилъ согласіе. Но и новыя пожертвованія оказались недостаточны. Въ алтарѣ

большой церкви оказалась новая трещина, а жертвователи давали деньги съ тѣмъ условіемъ, чтобы сдѣланъ былъ новый придѣлъ во имя святителя Митрофана; притомъ колокольна мною затѣяна довольно высокая и на новый колоколъ къ ней въ 215 пудъ употреблено было девять тысячъ рублей ассигнаціями; нужно было также сдѣлать новую ограду, ибо старая совсѣмъ развалилась. Священникъ уговорилъ меня обратиться къ владыкѣ, который тогда находился въ Петербургѣ, съ новою просьбою о продолженіи еще на годъ сбора по книгѣ; просьба была послана и черезъ недѣлю была возвращена къ преосвященному викарію, съ таковою резолюціею: „Февраля 27. Преосвященный, призвавъ священника, вразумить его о слѣдующемъ: что сборныхъ книгъ просятъ только рѣдкія изъ московскихъ церквей, и рѣдко, по крайнимъ нуждамъ; что если легко давать книги просящимъ по произволу, то сборщиковъ будетъ болѣе подавателей; что скудость пособій надобно было предвидѣть, а потому не предпринимать многого лишняго, напримѣръ высокой колокольни, коея высота не служитъ ко спасенію; что послѣ того, какъ снисходительно дана книга и еще снисходительно повторена, надлежало подумать, вводить ли во искушеніе себя и начальство новою просьбою о книгѣ съ такимъ притомъ забвеніемъ собственныхъ обязанностей, что на книгѣ не видно слѣда ни счета, ни обревизованія предписаннаго въ самомъ заглавіи книги; что священнику надлежало не на однѣ деньги устремлять глаза, но на правильность и чистоту дѣла. Впрочемъ господина старосту, за примѣрное попеченіе о своей должности, и необыкновенный успѣхъ въ благоустроеніи сей церкви весьма уважаемъ, и благодаримъ, и многое ему отъ Бога благословеніе призываемъ“.—Изъ подобной резолюціи владыки можно было усматривать, какой онъ былъ мастеръ похвалая дѣлать выговоры, которые до меня касались. По возвращеніи его изъ Петербурга въ Москву, явился я къ нему, и онъ встрѣтивъ меня съ улыбающимся лицомъ, сказалъ мнѣ: „вѣрно вы меня браните, что я не исполнилъ просьбы вашей“. Я отвѣчалъ: „прошу у васъ прощенія за безпокойство, которое я вамъ доставилъ“. Онъ сказалъ, что не бывало такого примѣра, чтобы три года сразу давать сборныя книги,—и просилъ извинить за сдѣланный отказъ.

Вскорѣ послѣ того новый придѣлъ во имя святителя Митрофана былъ готовъ, и я просилъ у него разрѣшенія

освятить; тогда спросилъ онъ меня: а кто же будетъ у васъ освящать? Я отвѣчалъ: „тотъ, кто отъ васъ назначенъ будетъ“. А развѣ вамъ не угодно будетъ, чтобы я освящалъ?—Напротивъ, отвѣчалъ я,—я очень бы желалъ сего, но не смѣлъ васъ беспокоить. Онъ сказалъ, что это его нисколько не можетъ беспокоить и что онъ съ удовольствіемъ исполнить мое желаніе, и прибавилъ, что въ слѣдующее воскресенье, которое приходилось 9 декабря, онъ готовъ будетъ для сего. На вопросъ мой: кого изъ архимандритовъ прикажетъ онъ мнѣ пригласить на служеніе съ нимъ?—отвѣчалъ мнѣ, что выборъ сослужащихъ предоставляетъ мнѣ. При семъ просилъ я его послѣ освященія посѣтить меня, и остаться у меня кушать. Хотя онъ по обыкновенію рѣдко гдѣ оставался обѣдать, но далъ мнѣ слово исполнить мое желаніе. По окончаніи освященія и литургіи сказывалъ слово и пріѣхалъ ко мнѣ на обѣдъ; на другой день я ѣздилъ его благодарить и онъ остался очень доволенъ устройствомъ церкви.

Княжна Анастасія Михайловна Голицына и сестра ея Елизавета Михайловна Ермолова просили меня доставить владыкѣ портфель и записную книгу, что мною къ нему и было послано при письмѣ къ нему, на которое онъ тотчасъ мнѣ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „Примите, милостивый государь Михаилъ Михайловичъ, посредство увѣрить княжну Анастасію Михайловну и Елизавету Михайловну Ермолову, что я съ благодарностію принимаю ихъ вещи—портфель и книгу записную, чтобы имѣть утѣшеніе употреблять вещи, пришедшія изъ добрыхъ рукъ съ благословеніемъ. Благословеніе Божіе надъ вами, и, есть ли смѣю употребить слово друга, любви моя со духомъ вашимъ. Филаретъ митрополитъ Московскій. 1827, мая 22.“

Вскорѣ послѣ того митрополитъ вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ; проводя его, я отправился въ Ростовъ, и по возвращеніи оттуда писалъ къ нему въ Петербургъ; на мое письмо онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующимъ: „Письмо ваше, милостивый государь мой Михаилъ Михайловичъ, не прощенія заслуживаетъ, а благодарности, которую и примите отъ меня за чувствованія любви и довѣренности, не моимъ достоинствомъ, но вашимъ сердцемъ вамъ внушенныя; и наипаче за молитву о мнѣ. Молитва другъ о другѣ есть лучшее изъ общеній. Несовершенства же молитвы должно по возможности исправлять, но не должно унывать отъ нихъ. Надобно разли-

чать дѣло молитвы отъ услажденія въ ней. Дѣло дѣлаетъ человѣкъ, и долженъ дѣлать постоянно и неослабно по правилу и порядку; а утѣшеніе даруетъ Богъ по благодати, когда то нужно для привлеченія, или подкрѣпленія человѣка, и когда человѣкъ принять оное можетъ. Подобнымъ образомъ и чувство собственной немощи не на то употреблять должно, чтобы тяготиться и упадать духомъ, но чтобы оставлять надежду на себя и чрезъ молитву о помощи переходить къ надеждѣ на Бога. Такъ Апостолъ сказываетъ Коринтянамъ, что онъ не надѣялся остаться въ живыхъ, и сіе случилось для того, продолжаетъ онъ, *да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога возставающаго мертвѣя.* Потому и еще говорить: *благоволю въ немощахъ: егда немоществую, тогда силенъ есмь.* Всесильный Богъ да совершитъ спасительную силу свою и въ нашихъ немощахъ! Что вы долго не слышите обо мнѣ, удивляюсь; на другой день по пріѣздѣ увѣдомлялъ я о себѣ преосвященнаго викарія, съ тѣмъ чтобъ чрезъ то увѣдомить и прочихъ сотрудниковъ моихъ и воспоминающихъ обо мнѣ изъ пасты. Князю Сергію Михайловичу, княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ и Елизаветѣ Михайловнѣ прошу свидѣтельствовать мое почтеніе. Къ нему я писалъ вчера. Портфель оказался полезнымъ и въ дорогу и здѣсь. Записной книжкѣ употребленіе предназначено. *Размышленія на Евангеліе*, съ тѣхъ поръ, какъ получены отъ князя Сергія Михайловича, находятся въ моей малой походной библиотекѣ. Пріятно употреблять вещи съ добрыми воспоминаніями. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе и Аниѣ Михайловнѣ Грессеръ. Она и другіе да простятъ мнѣ, что я по стѣсненію времени, увѣхалъ не простясь со многими, съ которыми желалъ проститься. Радуюсь, что графиня Анна Алексѣевна почтила гробъ отца Амфилохія. Помянувъ о ней, не могу умолчать, что ей встрѣтилось искушеніе, думаю, трудное. По учрежденію въ Юрьевѣ общежитія предписано,—ни настоятелю, ни братіи не принимать никого на духъ, безъ письменнаго позволенія отъ епархіальнаго архіерея. Распоряженіе не гласное, но не тайна, потому что уже дамы въ Петербургѣ говорятъ о семъ. Богъ да устроитъ все во благое. Только трудно бываетъ и потому жалко, когда переходятъ изъ крайности въ крайность. По моему мнѣнію, въ сношеніяхъ монашествующихъ съ мірскими всегда нужна великая осмотрительность, которая не въ томъ состоитъ, чтобы сегодня неограниченно дозволить, а завтра неограниченно запре-

тить. Желательно, чтобы графиня приняла сей случай съ христіанскимъ терпѣніемъ, не яко отъ человѣковъ, но яко отъ Бога; чтобы не спѣшила употреблять человѣческое противодѣйствіе, но съ молитвою и бдѣніемъ подождала мановенія Божія, которое бы указало путь изъ затрудненія къ безопасности и спасенію. Благословеніе Божіе Екатеринбургнѣ Владиміровнѣ и Варварѣ Михайловнѣ! Я писалъ къ нимъ, имѣя долгъ отвѣтствовать; а что я не всегда платежный должникъ, прошу не прогнѣваться. Благословеніе Божіе Екатеринбургнѣ Сергѣевнѣ, если можно ей передать сіе, ибо мнѣ думается, что она не въ городѣ. Пора кончить и съ вами бесѣду; мира душъ вашей желаю. 1827 года іюня 11.“

„Только вчера пришелъ на мѣсто конецъ моей свиты; завтра, есть ли Богъ благоволитъ, принесу къ здѣльному алтарю память и объ отсутствующихъ“.

Михаилъ Евреиновъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ СВЯЩЕННОИНОКА ПАВЛА О СЛУЧАѢ СО СВЯТЫМИ ТАЙНАМИ.

Честнѣйшій отецъ Василій! Въ одинъ изъ дней моего къ вамъ посѣщенія, въ прошломъ 1869 году, по разрѣшеніи нѣкоторыхъ обоюдныхъ вопросовъ, я сказалъ вамъ о чудеси отъ Св. Тайнъ тѣла и крови Христовы: како св. хлѣбъ въ рукахъ злоупотребившаго св. Тайнами раскольника измѣнилъ самый наружный видъ свой, явился во образѣ дѣйствительнаго тѣла. О семъ чудеси повѣдалъ мнѣ самъ дерзнувшій злоупотребить Святыми Тайнами, когда онъ и я еще были въ глаголомомъ старообрядчествѣ и я былъ отцемъ его духовнымъ по старообрядству. Вы изволили мнѣ замѣтить, что сіе чудо слѣдовало бы описать и огласить для прославленія имени Божія. Вашъ совѣтъ я принялъ и имѣлъ намѣреніе описать преславное то чудо, но отлагалъ до личнаго свиданія съ самимъ того чудеси зрителемъ, дабы подробнѣе записать оное со словъ его. Случай позволилъ мнѣ имѣть съ нимъ свиданіе, и я ему предложилъ, не угодно ли ему снова рассказать мнѣ о томъ чудеси, для оглашенія его въ печати. Онъ съ большимъ

удовольствіемъ на то согласился, только не согласенъ объявить своего имени. Въ истинѣ своего разказа онъ удостовѣряетъ своею совѣстію, въ присутствіи отца своего духовнаго; я и самъ его знаю, какъ человѣка удаляющагося отъ лжи и боящагося Господа. Онъ родился отъ родителей православныхъ и самъ въ юности съ усердіемъ ходилъ во св. церковь, и усердствовалъ примати Св. Тайны, тѣло и кровь Господню ежегодно и не однократно, но по дважды и по трижды; въ расколъ сталъ совращаться лѣтъ осмнадцати, по случаю знакомства съ раскольниками. Когда уже въ сердцѣ его стали вкореняться ихъ ученія, Богъ, щадя его, предостерегалъ его отъ заблужденія троекратнымъ видѣніемъ. Нѣкоторый старецъ, нося икону угодника Божія Митрофана Воронежскаго, говорилъ ему: „Сему святому молись, Богъ его молитвами тебя избавить отъ сего заблужденія“. Онъ это видѣніе пересказывалъ глаголемымъ старообрядцамъ; они ему сказали: это тебѣ отъ врага: онъ тебя удерживаетъ, чтобы ты не зналъ истину. Бѣдный юноша на ихъ слова расположился. Но иногда у старообрядцевъ случается, что не скоро переkreщиваютъ, но искушаютъ приходящихъ къ нимъ по обряду монашества; особенно Фодосѣевцы не смѣшатъ переkreщивать молодаго человѣка, опасаясь, не вздумалъ бы онъ жениться. — Такъ и переkreщиваніе нашего юноши отложилось на долгое время. Между тѣмъ Богъ, хотя его возвратить во истину Свою, показалъ ему преславное чудо о пречистыхъ тайнахъ, которое сотворилось сице: донесено было о семъ юношѣ начальству, что онъ удаляется отъ церкви. Года тогда были для старообрядцевъ не весьма послабительные; послѣдовало ему увѣщаніе; онъ побоялся послѣдствій упорства и, по наученію самихъ же старообрядцевъ, рѣшился видимо принять Св. Тайны, но злоупотребить ими. Онъ, принявъ Св. Тайны, не проглотилъ ихъ, но удержалъ во рту, въ толпѣ причастниковъ уклонился отъ употребленія антидора и теплоты, и св. Тайны выпустилъ изъ рта въ платокъ, на то уготованный; по окончаніи же св. литургіи возвратившись домой, онъ пожелалъ посмотрѣть испущенную имъ изо рта въ платокъ часть Св. Тайны, и когда онъ взялъ въ руки и смотрѣлъ Св. Тайны, то обрѣлъ въ нихъ нѣкую твердость и совершенное сходство по самому виду съ тѣломъ. Потомъ онъ дерзнулъ перстами рукъ своихъ св. часть раздѣлять, и замѣтилъ въ ней присутствіе жилокъ. Тогда объялъ его ужасъ, и онъ, не зная, что сотворить съ Св. Тайнами,

отнесъ ихъ на рѣку и пустилъ въ воду. Сколько его ни колебаль страхъ, однако по ожесточенію его и по совѣтамъ глаголемыхъ старообрядцевъ, онъ остался непреклоннымъ въ заблужденіи и снова крестился. Но послѣ сего чудо Св. Тайнства всегда припоминалось ему и всегда возбуждало въ немъ удивленіе, и онъ сказывалъ о немъ своимъ отцамъ духовнымъ, — въ числѣ ихъ и мнѣ грѣшному, и знаменитымъ начетчикамъ, пытая у нихъ: что это есть? а ему отвѣтствовали, что не надо на это обращать вниманія, но слушать писанія. Такъ говорили, а сами являлись противными писанію глаголющему: „аще не снѣсте плоти Сына чelовѣческаго, ни пиете крове Его, живота не имате въ себѣ“. Когда же милосердый Богъ соблагОВОЛИЛЪ излѣять милость Свою на меня грѣшнаго, показать мнѣ истину св. соборныя и апостольскія Церкви, тогда и онъ, какъ только услыхалъ о томъ, возгорѣлъ сердцемъ, прѣхалъ въ Москву въ Никольскій единовѣрческій монастырь, со вниманіемъ выслушалъ приведенныя мною доказательства истины отъ Св. Писанія, и со усердіемъ присоединился къ св. Церкви, и теперь состоитъ въ числѣ ея послушныхъ сыновъ.

Священноинокъ Павелъ.

О семъ вышеписанномъ чудеси святыхъ Тайнъ, бывшемъ надо мною, яко воистину бысть, свидѣтельствую моею совѣстью въ присутствіи отца моего духовнаго, что и подтверждаю своеручнымъ подписомъ. Незвѣстный.

Подпись незвѣстнаго, моего духовнаго сына свидѣтельствую отецъ его духовный присоединявшій его изъ раскола, Никольской единовѣрческой церкви священникъ Алек. Бриліантовъ.

ПИСЬМА ИЗЪ КІЕВА.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Совѣйскій кафедральный соборъ.—Первообразъ его—Цареградская церковь Совѣи.—Ея устройство.—Сходство по устройству цареградскаго храма съ Кіевскимъ и разности.—Судьбы Кіевосовѣйскаго собора.—Возобновленіе фресковъ.—Описаніе мозаическихъ изображеній.—Фресковыя изображенія многочисныя и единоличныя.—Икона Совѣи и другія замѣчательныя иконы.—Святая мощи.—Утварь.—Библіотека.—Гробница в. к. Ярослава.—Усыпальница подъ Совѣйскимъ соборомъ.—Фрески на западной стѣнѣ.—Архіерейскій домъ и колокольня.

Въ центрѣ Старо-Кіевской площади величественно возвышается изящная, увѣнчанная позолоченнымъ куполомъ

колокольна Софійскаго собора, а за нею золотомъ сіяютъ пятнадцать куполовъ этого храма, созданнаго в. к. Ярославомъ I — древнѣйшаго православнаго святилища, сохранившагося въ цѣлости на землѣ Русской,—святилища, гдѣ за восемь вѣковъ до нашего времени молился великій „христіолюбецъ“ Ярославъ, а за нимъ безчисленный сонмъ древнихъ князей и святителей, гдѣ сохранилось, и въ наши дни открыто цѣлое сокровище священныхъ изображеній.

Знаменательная мысль—посвятить храмъ Премудрости Божіей (Софіи),—принадлежитъ глубокой древности христіанской. Св. Равноапостольный Константинъ, украшая храмами свою новую столицу, воздвигъ, между прочимъ, церковь во имя св. Софіи, Премудрости Божіей. Но церковь эта существовала очень не долго: была ли она слишкомъ мала, или ее разрушило землетрясеніе, только сынъ Константина, Констанцій, долженъ былъ построить ее вновь. Послѣ многихъ перестроекъ этого храма при премирникахъ Константина, императоръ Юстиніанъ, въ VI вѣкѣ, рѣшилъ замѣнить его новымъ колоссальнымъ зданіемъ. Онъ собралъ все, что могли представить въ его распоряженіе матеріальныя средства имперіи и опыты строительнаго искусства, чтобы воздвигнуть храмъ, способный противустоять и землетрясеніямъ, часто случавшимся въ Константинополь, и пожарамъ, нерѣдко опустошавшимъ столицу, и въ то же время—быть достойнымъ монументомъ его царствованія.

Сто архитекторовъ и десять тысячъ рабочихъ, подъ главнымъ руководствомъ двухъ зодчихъ—Анеима Траллесскаго и Исидора Милетскаго, въ продолженіи семи лѣтъ трудились надъ сооруженіемъ храма. Все, что можно было сыскать драгоцѣннѣйшаго, было употреблено для постройки и украшенія его. Когда храмъ былъ оконченъ, Юстиніанъ воскликнулъ: „я побѣдилъ тебя, Соломонъ!“

Въ области зодчества, какъ въ области поэзіи, живописи и другихъ искусствъ, отъ времени до времени появляются такія произведенія, которыя, обозначивъ собою новое направленіе въ развитіи искусства, дѣлаются надолго типическими, повторяясь въ существенныхъ чертахъ во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ того же рода. Храмъ св. Софіи въ Константинополь имѣлъ именно такое значеніе по отношенію къ зодчеству византійскому. Въ его планѣ, сооруженіи, украшеніяхъ проявились тѣ существенныя черты, которыя повторялись въ послѣдующихъ монументахъ.

ментахъ восточной имперіи и отличаютъ стиль византійскій отъ всѣхъ другихъ.

Планъ церкви былъ планъ базилики, но значительно преобразованный. Онъ представлялъ видъ креста равноконечнаго, обыкновенно называемаго греческимъ и византійскимъ. Центръ креста, вслѣдствіе этого, явился центромъ зданія; вокругъ него сосредоточились всѣ части храма, и на него, потому, были обращены все вниманіе и изобрѣтательность строителей. Средину зданія, по словамъ историка Прокопія, образовали четыре толстыхъ столба, два съ сѣвера и два съ юга, расположенные симметрически и на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Столбы были сооружены изъ отборныхъ огромныхъ камней, съ лицевой стороны полированныхъ и такъ искусно соединенныхъ между собою, что столбы казались высѣченными изъ одного камня. Объемъ и высота ихъ были такъ значительны, что казалось—то были утесы, оторванные отъ горы. Эти столбы были соединены между собою арками такъ, что на каждомъ опирались концы двухъ арокъ; верхъ арокъ поднимался до высоты изумительной. Средина подъ двумя арками, къ востоку и западу, оставалась пустою; средина же двухъ остальныхъ занята была колоннадою, надъ которою оставалось кругообразное, очень высокое отверстіе, куда проходилъ снаружи свѣтъ. Между четырьмя арками было четыре части свода, въ видѣ треугольниковъ, на которыхъ лежала нижняя часть купола. Этотъ куполь наброшенъ былъ съ такою смѣлостію, которая заставляла сомнѣваться въ его надежности. Казалось онъ не на столбахъ опираясь, а привѣшенъ былъ золотою цѣпью къ небу. Куполь этотъ имѣетъ въ поперечникѣ около тридцати саженъ, и держится на высотѣ тридцати саженъ. Громадность всего зданія соразмѣрна громадности купола: церковь имѣетъ въ длину 40 саженъ, а въ ширину 36. Внутреннія галлерей были утверждены на множествѣ цѣльныхъ и огромныхъ мраморныхъ колоннъ. Между ними восемь изъ порфира, шестнадцать изъ серпентина, четыре изъ бѣлаго мрамора; верхній ярусъ меньшихъ колоннъ былъ изъ того же мрамора. Капители колоннъ изъ краснаго мрамора, серпентина и бронзы, покрытой позолотою. Полы и перила галлерей были также изъ мрамора. Стѣны, въ свою очередь, обложены были мраморомъ, агатомъ и перламутровыми раковинами. Но главное украшеніе сводовъ, купола, арокъ и стѣнъ алтаря составляла мозаика. По золотому полю,

разноцвѣтными кусками стекла, были изображены, между прочимъ: въ олтартъ—Божія Матерь въ исполинскомъ видѣ, сидящая на престолѣ, съ благословляющимъ младенцемъ Спасителемъ; по сторонамъ Ея апостолы Петръ и Павелъ; надъ Нею нерукотворенная икона Спасителя, съ двумя парящими ангелами по сторонамъ. Въ сводѣ купола изображенъ былъ Спаситель, сидящій на радугѣ, а подъ куполомъ, на треугольникахъ между арками, четыре херувима. Надъ большими входными дверьми съ запада, внутри церкви, также было изображеніе Спасителя, сидящаго и благословляющаго припавшаго къ ногамъ Его императора. Олтартъ отдѣлялся двѣнадцатю серебряными съ золотыми капителями колоннами, разставленными попарно. На колоннахъ развѣшены были иконы Спасителя, Богоматери, апостоловъ. Надъ престоломъ, оставленнымъ изъ золотыхъ досокъ (верхняя изъ нихъ, опирающаяся на золотые столбы, слита была съ примѣсю другихъ металловъ и разноцвѣтныхъ, истолченныхъ драгоценныхъ камней), возвышалась въ видѣ пирамиды сѣнь, утвержденная на четырехъ серебряныхъ столбахъ и аркахъ. Амвоны, рѣшотки, вся утварь церковная, по своей драгоценности и блеску,—все соответствовало желанію императора въ созданіи этой церкви превзойти, если можно, Соломона.

Если кто-нибудь спросить: что разумѣть подъ именемъ Софіи? — лучшимъ отвѣтомъ послужить ваша статья, многоуважаемый В. П., „о пареміи изъ книги Притчей въ Богородичные праздники“ (Душ. Чтеніе 1861. III. 207—228). Тамъ любознательный читатель увидитъ, что подъ именемъ Премудрости (Софіи) разумѣется Самъ Господь и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, по слову апостола (1 Кор. I, 23 и 24): „мы проповѣдуемъ... Христа, Божію силу и Божію премудрость.“ Подъ Премудростію, устроившею домъ, разумѣютъ Сына Божія отцы и учителя церкви: св. Игнатій Богоносець, св. Амвросій Медиоланскій, бл. Августинъ. Но въ упомянутой пареміи (Премудрость созда себѣ домъ и проч.) ипостасная Премудрость изображается не въ предвѣчномъ своемъ бытіи, а въ состояніи воплощенія; она устрояетъ на землѣ Церковь, и на своей трапезѣ предлагаетъ людямъ въ пищу пречистое Свое тѣло, то самое тѣло, которое наитіемъ Св. Духа образовалось въ утробѣ Приснодѣвы Маріи. Посему, хотя въ пареміи не говорится прямо о Богоматери, но такъ какъ она послужила орудіемъ воплощенія Сына

Божія, то весьма естественно подразумѣвать ее тамъ, гдѣ говорится о воплощеніи втораго Лица святаго Троицы.

Между церквами, построенными Юстиніаномъ въ Константинополѣ, извѣстны были, кромѣ Софійскаго храма, церковь св. Ирины и церковь во имя Богоматери, которую построилъ императоръ у воротъ городскихъ, называвшихся Золотыми, чтобы имѣть въ пресвятой Дѣвѣ, по словамъ историка Прокопія, покровительницу для городскихъ стѣнъ. Подражая Юстиніану, великій князь Ярославъ Владиміровичъ заложилъ въ 1017 году въ Кіевѣ церковь во имя св. Софіи, Премудрости Божіей,—скоро за тѣмъ, неподалеку отъ этой церкви, построилъ храмъ св. Ирины, и, окруживъ городъ стѣнами, надъ воротами, названными Золотыми, поставилъ церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы: „да всегда радость граду тому святымъ благовѣщеніемъ будетъ, молитвами пресвятыя Богородицы и святаго архангела Гавріила, радости благовѣстника“. Изъ этихъ церквей сохранилась до нашего времени, хотя и далеко не въ первоначальномъ видѣ, только церковь св. Софіи. Планъ ея, если исключить позднѣйшія къ ней пристройки, квадратный. Въ основаніи его равноконечный византійскій крестъ, и центръ этого креста—центръ всего зданія. Надъ этимъ центромъ на четырехъ столбахъ и высокихъ, эллиптической формы—аркахъ возвышается куполь, лежащій, впрочемъ, не непосредственно на аркахъ, какъ куполь Софійскаго Константинопольскаго храма, а на круглой съ окнами стѣнѣ (тамбурѣ), отдѣляющей его отъ вершины арокъ. Такъ устроенный, куполь давалъ меньшій распоръ; но кромѣ того, столбы и арки, на которыхъ лежитъ онъ, тѣсно связаны съ цѣлою системою окружающихъ ихъ другихъ столбовъ и арокъ, упирающимися въ каждый изъ нихъ съ двухъ сторонъ арками. Это и замѣняло тѣ внѣшнія упоры, которые приданы были Константинопольскому Софійскому куполу уже по возведеніи его и такъ портили фасадъ знаменитаго храма. Пролеты арокъ подъ Кіевософійскимъ куполомъ свободны во всѣ стороны. Надъ четырьмя выходящими изъ-подъ нихъ концами креста возвышаются своды, изъ коихъ восточный оканчивается абсидомъ, гдѣ помѣщается главный олтарь, а другіе—галереями въ два этажа. На восточномъ концѣ креста, къ главному абсиду пристроено съ каждой стороны по два другихъ, меньшихъ полукружій. Галереи, равно какъ и своды надъ ними, лежатъ не на колоннахъ, а на такихъ

же столбахъ и аркахъ, какъ и главный куполь. Надъ вторымъ этажемъ галлерей эти столбы и арми служатъ основаніемъ для меньшихъ куполовъ, которыхъ съ каждой стороны было первоначально по четыре. Галлерей были окружены перилами изъ краснаго гранита, съ высѣченными на немъ орлами и другими изображеніями. Изъ такого же гранита были карнизы. Помость былъ устланъ краснымъ же гранитомъ и мраморомъ. Внутреннія украшенія — мозаика и фрески. По золотому полю мозаикою были покрыты олтарный абсидъ, арки подъ куполомъ и, вѣроятно, самый куполь. Все остальное пространство церкви по стѣнамъ, столбамъ и аркамъ было покрыто фресками.

Послѣ многихъ пристроекъ какъ въ Кіевскомъ соборѣ, такъ и въ Цареградскомъ (обращенномъ въ мечеть султанами, по взятіи Царьграда) трудно рѣшить, насколько Ярославъ подражалъ Юстиніану въ устроеніи своего храма. Впрочемъ незабвенный для Кіевской Духовной Академіи профессоръ, покойный протоіерей Кіево-Софійскаго собора И. М. Скворцовъ сообщаетъ, въ описаніи своего собора, слѣдующія свѣдѣнія: а) Внутренность того и другаго храма представляетъ крестъ, но оконечности этого креста въ Цареградскомъ храмѣ не наполняются столь многими перегородками, какъ въ Кіевскомъ. б) Въ Цареградскомъ храмѣ верхнія галлерей или женскія (гдѣ стояли въ древности женщины отдѣльно и сокровенно отъ мужчинъ) были въ два яруса, а въ Кіевскомъ только одинъ ярусъ верхнихъ галлерей. в) Ходовъ на верхнія галлерей въ Царьградѣ было болѣе, нежели въ Кіевѣ. г) Восточная сторона нашего собора имѣетъ пять полукружій (за исключеніемъ четырехъ новыхъ), а на планѣ Константинопольскаго Софійскаго храма видно одно большое полукружіе. д) Куполовъ (или главъ) въ Кіевскомъ соборѣ, въ первоначальномъ его состояніи, было 13 (что очевидно, если осматривать куполы подъ крышею), изъ которыхъ одинъ, самый большой или средній устроенъ съ 12-ти-стороннею призмою, съ такимъ же числомъ оконъ, четыре меньшіе съ семисторонними и восемь, еще меньшихъ съ шестисторонними призмами и съ соотвѣтствующимъ числомъ оконъ или впадинъ. На Цареградскомъ соборѣ былъ (какъ и нынѣ остается на мечети) одинъ дивной величины куполь, имѣющій 40 оконъ, и представляетъ одно огромное полушаріе, подъ которымъ едва приметна призма. е) При Цареградскомъ храмѣ была кре-

щальня столь обширная, что въ ней засѣдали иногда соборы. При храмѣ нашемъ была, безъ сомнѣнія, также крещальня. По всей вѣроятности, она есть та древняя пристройка къ собору, которая видна (со входу) на правой сторонѣ его и внутри имѣетъ фресковыя изображенія—къ востоку Крещенія Христова, а къ южной сторонѣ 40 мучениковъ, въ Севастійскомъ озерѣ стоящихъ (надъ ними вѣнцы). Эта крещальня очень необширная (сажени 2 шир. и 3 въ длину). ж) при Цареградскомъ храмѣ на западной сторонѣ, въ одномъ составѣ съ нимъ, была башня, или колокольня. Колокольнею безъ сомнѣнія, была и та „вежа“ при Кіево-Софійскомъ соборѣ, о которой пишетъ Кіевскій Синописисъ. Достойно еще замѣчанія, что въ одной хроникѣ (Густинскаго монастыря) сказано о двухъ вежахъ при Кіевскомъ соборѣ. Быть можетъ, онѣ были на мѣстѣ нынѣшнихъ двухъ главъ, въ западной части собора. Величайшее же различіе Софіи Цареградской отъ Кіевской состоитъ въ огромности всѣхъ размѣровъ перваго храма.

Бѣдствія, обрушившіяся надъ Россією въ періодъ татарскихъ нашествій, были причиною, что отъ всѣхъ греческихъ сооружений въ нашемъ отечествѣ сохранились до нашего времени, по большей части, одни обломки. Судьба Кіево-Софійскаго храма была еще одною изъ лучшихъ, хотя и въ немъ, при разгромѣ Батыевомъ, главный куполь сбитъ и значительная часть его разрушена.

По раззореніи Кіева Татарами, святители Кіевскіе и всея Руси, не находя уже пристанища при св. Софіи, пребывали то во Владимірѣ на Клязьмѣ, то въ Москвѣ. Одинъ изъ нихъ, св. Кипріанъ, живя долгое время въ Кіевѣ, началъ стараться о возобновленіи собора и даже успѣлъ было снабдить его нѣкоторыми сокровищами; но въ 1484 году, Крымскій ханъ Менгли-Гирей расхитилъ достояніе собора. Въ послѣдніе годы XVI столѣтія, Софійскимъ соборомъ возобладали уніаты, которые, въ теченіе тридцатипятилѣтняго владычества, привели было его въ крайній упадокъ. Наконецъ, въ 1633 году, знаменитый митрополитъ Кіевскій Петръ Могила, получивъ отъ Польскаго короля Владислава привиллегію на возобновленіе въ Кіевѣ раззоренныхъ православныхъ монастырей и церквей, отобралъ отъ уніатовъ и Софійскій соборъ, для православной Кіевской митрополіи, и приложилъ особенное попеченіе о его возобновленіи. Тогда, для предохраненія древнихъ стѣнъ отъ разрушенія, надъ нижними боковыми

пристѣнками церкви надстроены по двѣ двухъ-ярусныя галлерей; построены вновь многіе куполы, прежніе же всѣ, кромѣ большаго остались сокрытыми подъ кровлею; распространены нѣкоторыя окна, подведены каменные наружныя опоры. — Такимъ образомъ совершенно измѣненъ первоначальный, наружный и внутренній, видъ храма Ярославова. — Въ концѣ XVII столѣтія, по соединеніи Киевской митрополіи съ всероссійскою іерархіею, царскою грамотою 1685 г., новопоставленному митрополиту Киевскому Гедеону, изъ рода князей Четвертинскихъ, назначено мѣстопробываніе при Софійскомъ соборѣ; Гедеонъ, по вступленіи на паству, съ помощію Россійскихъ государей, Іоанна и Петра Алексѣевичей, ревностно занимался возобновленіемъ собора. Преемники его также заботились объ украшеніи древняго святилища, и мало-по-малу приводили его въ лучшее устройство и благолѣпіе. Теперь соборъ снаружи имѣетъ видъ огромнаго четверугольника, длиною въ 17, шириною въ $25\frac{1}{2}$, а вышиною, отъ погу до верха креста, 22 сажени. Вершина его увѣнчана 11 большими и 4 малыми главами; внутри 15 престоловъ.

Въ 1845 году, когда въ олтарѣ придѣла преп. Антонія и Θεодосія, послѣ случайнаго отпаденія штукатурки, оказались слѣды фресковыхъ изображеній, академикъ Солнцевъ возымѣлъ мысль о существованіи подобныхъ изображеній по всему Ярославову храму. Оказалось, что всѣ древнія стѣны и столбы его въ олтаряхъ (кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть или прежде была мозаика), въ срединѣ церкви и по всѣмъ галлерейамъ, нижнимъ и верхнимъ, покрыты фресковыми изображеніями, и даже стѣны по лѣстницамъ, ведущимъ на верхнія галлерей, имѣютъ свои фрески. Нѣтъ фресковъ только на тѣхъ стѣнахъ и сводахъ, кои, по разрушеніи прежнихъ, устроены вновь во времена позднѣйшія. Фрески состоятъ частію изъ многочисленныхъ картинъ (большую частію на верхнихъ частяхъ стѣнъ соборныхъ), частію изъ одиоличныхъ образовъ разныхъ святыхъ. Надписей на нихъ уцѣлѣло очень мало. Немногія изъ фресковъ сохранились въ полной цѣлости; большая часть повреждены временемъ; есть сохранившіяся только до половины; есть и такія, кои совсѣмъ изглажены, и нѣтъ возможности угадать, какія были изображенія на опустѣлыхъ мѣстахъ. Лучше прочихъ сохранились изображенія святителей въ олтарѣ придѣла Трехъсвятительскаго, почему они и оставлены безъ возобновленія на память потомкамъ. Возобновленіе фресковъ поручено было перво-

начально иконописцу Пошеховову, но оказалось непрочнымъ; потомъ поручено соборному старцу Печерской Лавры Иринарху, и наконецъ опытному знатоку дѣла, соборному священнику Іосифу Желтоножскому, которые, подъ руководствомъ академика Солнцева (каждый годъ въ лѣтнее время посѣщавшаго Кіевъ), возобновили всѣ открытыя фрески, а также написали новыя изображенія, гдѣ было нужно. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ были въ древности фрески, но изгладились совершенно, написаны новыя по примѣру древнихъ, и въ немногихъ только мѣстахъ, гдѣ нужны были цѣлыя картины многоличныя, употреблено искусство новѣйшее. При чемъ, такъ какъ наибольшая часть фресковыхъ образцовъ найдена безъ означенія именъ святыхъ, по соображенію съ такъ-называемымъ подлинникомъ, надписано по отвѣсной чертѣ (по примѣру древнему) каждому изъ лицъ приличное имя. Гдѣ же совсѣмъ не было фресковъ, или онѣ исчезли съ древними стѣнами и сводами, тамъ обновлена, большею частію, прежняя живопись, украшавшая соборъ до открытія фресковъ. Обновлены и частію вновь написаны лики святыхъ на сводахъ, а также пророки съ знаменіями, указывающими на Богоматерь — на хорахъ. Возобновленіе всѣхъ священныхъ изображеній, какъ и всего собора, производилось подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ и по главному распоряженію блаженной памяти Филарета, митрополита кіевскаго.

Фрески Кіево-Софійскаго собора (въ особенности многоличныя, или священные картины) служатъ какъ бы продолженіемъ мозаическихъ изображеній въ большомъ алтарѣ и ближайшихъ къ нему столбахъ, поддерживающихъ предъ-олтарный сводъ, и какъ бы раскрытіемъ одной главной темы или идеи собора, а потому я постараюсь прежде всего познакомить читателей Душеполезнаго Чтенія съ этими мозаиками и фресками, и заранѣе прошу вашего снисхожденія, если мое изложеніе покажется вамъ слишкомъ подробнымъ.

Надъ горнимъ мѣстомъ главнаго алтаря, въ верхней части полусвода, возвышается колоссальная икона Богоматери, изображенная мозаикою по золотому полю. Ликъ Пресв. Приснодѣвы исполненъ небснаго смиренномудрія; руки подняты горь, въ знаменіе непрестанной ея молитвы за падшій міръ. Одѣяніе Богоматери—голубаго цвѣта хитонъ, препоясанный багрянымъ поясомъ, за который заткнутъ бѣлый платъ или лентонъ съ изображеніемъ золо-

таго крестика по срединѣ. Края плата украшены золотистыми полосками и червленною бахромою. Поручи голубаго цвѣта. Золотой драпированный покровъ, спускаясь съ главы по плечамъ, двумя своими концами крестообразно перекидывается на груди; одинъ его конецъ, большими складками, ниспадаетъ на локоть лѣвой руки, а другой спускается позади, ниже колѣвъ. На челѣ и персяхъ Богоматери изображены три серебряные равноконечные крестики. Обувь краснаго цвѣта одинакаго съ поясомъ. Подъ ногами четырехугольный золотой камень. По обѣимъ сторонамъ главы обыкновенная монограмма имени Богоматери, сдѣланная мозаикою чернаго цвѣта: **MP ΘΥ**. На большой дугѣ полусвода, во всю ея длину и почти во всю ширину, изображена греческая, черною же мозаикою, надпись (Псал. 45, 6), иносказательно относящаяся къ пресв. Богородицѣ, къ духовному граду, изъ коего изшелъ на спасеніе міра Богочеловѣкъ. Буквально надпись эта переводится такъ: „Богъ посреди Ея и не подвижится: поможетъ Ей Богъ день въ день“ (утро за утро). Изъ слова этой надписи „не подвижится,“ произошло по всей вѣроятности наименованіе „стѣны нерушимой,“ данное дивною иконѣ Богомольцами, питающими къ ней особенное благоговѣніе.

Подъ камнемъ, на которомъ св. Софія, госпожа дома премудрости Божіей и Матерь воплощеннаго Бога-Слова, тянется во всю длину олтарнаго полусвода полоса серебристо-чернаго мозаическаго арабеска. Каменный карнизъ отдѣляетъ эту полосу отъ нижней закарнизной, которая по золотому полю испещрена различными арабесками. Среднюю часть восточной стѣны занимаетъ мозаическое же, по золотому полю, установленіе Спасителемъ великаго таинства евхаристіи во время послѣдней Его вечери. Средину изображенія вечери занимаетъ св. трапеза. По срединѣ трапезы лежитъ золотой крестъ, а по сторонамъ его сосудъ съ частицами святаго хлѣба и серебряная звѣзда, губа и копы въ видѣ ножа. Трапеза, покрытая серебрянымъ покровомъ, утверждается, какъ можно замѣтить по формѣ широкаго карниза, на четырехъ столбахъ (изъ которыхъ одинъ задній, съ сѣверной стороны, не виденъ на изображеніи, такъ что трапеза представляется какъ бы трех-столбною). По сторонамъ св. трапезы изображены два ангела, осѣняющіе золотыми рипидами божественный Хлѣбъ. Ангелы, поверхъ хитоновъ, облачены въ бѣлые стихари съ орарями. Подлѣ ангеловъ находятся два изо-

браженія Спасителя, облеченнаго въ голубаго цвѣта хитонъ и золотистый иматіонъ. На правой сторонѣ Спаситель изображенъ подающимъ св. Хлѣбъ шести апостоламъ, простершимъ руки (а ближайшій сложилъ руки крестообразно для принятія св. Хлѣба) и съ главами благоговѣйно преклоненными. На лѣвой сторонѣ Спаситель изображенъ подающимъ въ золотой чашѣ вино. Такъ же шесть апостоловъ, изъ коихъ Павелъ впереди, въ тождественномъ положеніи съ апостолами правой стороны, подходятъ къ Спасителю для принятія божественной Крови. На хитонахъ у Спасителя и апостоловъ отъ плеча къ низу изображены по три, багрянаго цвѣта, полосы или источники, въ ознаменованіе источника воды текуція въ животъ вѣчный, который подается Спасителемъ вѣрующимъ въ Него (Іоан. 9, 14 и 38). Выше головъ апостоловъ начертана надпись на греческомъ языкѣ, съ правой стороны: „Пріимите, ядите и проч., съ лѣвой: „Пійте отъ нея вси“ и проч. Въ нижней части полусвода, отдѣляющейся отъ средней карнизомъ изъ тонкихъ мраморныхъ плитъ, представлены, порознь, два святые архидіакона и за ними по сторонамъ полусвода на правой и лѣвой его сторонахъ, восемь святителей. На простѣнкахъ оконъ нынѣ нѣтъ мозаическихъ изображеній, но на правомъ простѣнкѣ, смежномъ съ изображеніемъ архидіакона Стефана, была найдена надпись изображенная мозаикою—„Петръ.“ Это доказываетъ, что на простѣнкахъ находились въ древности изображенія верховныхъ апостоловъ Петра и Павла. По правой сторонѣ олтарнаго полусвода за архидіакономъ Стефаномъ изображены святители: Николай Мурликійскій, Григорій Богословъ, Климентъ Римскій и Епифаній Кипрскій; на лѣвой сторонѣ архидіаконъ Лаврентій и за нимъ: Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Нисскій и Григорій Неокесарійскій. Греческія надписи, означающія имена ихъ, изображены отвѣсно, по сторонамъ ликовъ. Архидіаконъ облаченъ въ бѣлые стихари; на ораряхъ, лежащихъ на лѣвомъ плечѣ, изображены кресты черные. У обоихъ въ правой рукѣ кадильница, въ лѣвой у св. Лаврентія—ладаница, у св. Стефана при груди камень—орудіе его смерти. Святители изображены въ священническихъ фелоняхъ, съ бѣлыми омофорами, въ лѣвой рукѣ держащими евангелія, а правою благословляющіе. Крестное знаменіе благословенія на изображеніяхъ употреблено безразлично; такъ напр. святитель Николай благословляетъ двуперстнымъ сложеніемъ, Златоустъ и Григорій

Нисскій именованнымъ или подходящимъ къ именованному—ясное доказательство, что православная древность не придавала того важнаго значенія сложенію перстовъ, какое приписываютъ ему нынѣшніе ревнители мнимой старины. Мозаика на обоихъ изображеніяхъ Спасителя снизу до половины опала и потому изображенія эти, по слѣдамъ оставленнымъ древнею мозаикою, дописаны масляными красками. Послѣднюю или самую ближайшую къ полу полосу украшеній главнаго олтаря занимаютъ узоры изъ мраморныхъ плитокъ, идущія по обѣ стороны архіерейской каеэды и запрестольнаго священническаго сѣдалища. Здѣсь между прочимъ, изъ квадратиковъ синяго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ, выложены четвероконечные кресты.

Что прежде всего представляется нашему взору, изъподъ вѣнца главнаго купола, наполненнаго ангельскими ликами? Мозаическій образъ Господа Эммануила, въ самомъ ключѣ основной арки, надъ иконостасомъ. Эммануиль, т.-е. съ нами Богъ, означаетъ свисхождение къ намъ Сына Божія въ образъ Сына человѣческаго. Ниже на аркахъ, поддерживающихъ куполь и въ углахъ арокъ и подъ арками, находятся болѣе или менѣе уцѣлѣвшія мозаическія изображенія. На срединѣ восточной арки изображенъ въ кругу поясной ликъ Спасителя, только нижняя часть изображенія утратилась. Спаситель изображенъ въ голубой хламидѣ и красномъ хитонѣ; правою рукою благословляетъ именованно, въ лѣвой держитъ свитокъ. Изъ четырехъ мозаическихъ изображеній евангелистовъ, находящихся по угламъ арокъ главнаго купола, сохранилось въ цѣлости одно изображеніе св. Марка. Отъ 40 мучениковъ, пострадавшихъ въ Севастійскомъ озерѣ, изображенныхъ въ однорадіусныхъ кругахъ, подъ арками большаго же купола, уцѣлѣло только 15: десять на южной и пять на сѣверной аркѣ. Мученики изображены въ хитонахъ разныхъ цвѣтовъ и въ такихъ же хламидахъ. Въ рукъ каждаго мученика крестъ четвероконечный—символъ мученичества. Надъ каждымъ изображеніемъ греческая надпись, означающая имя мученика.

На вершинѣ двухъ столбовъ, поддерживающихъ восточную, т.-е. олтарную арку, превосходно сохранилось изображеніе Благовѣщенія пресвятыя Богородицы. На сѣверномъ столпѣ изображенъ благовѣстникъ Гавріиль, шествующимъ къ пресвятой Дѣвѣ. Лице его обращено къ Богоматери. На немъ бѣлый хитонъ съ тремя красными полосами или источниками. Полосы падаютъ на плеча и

внизу по бокамъ, съ золотыми поручами и бѣлымъ поясомъ. Въ лѣвой рукѣ красный посохъ съ лиліей на верху, правая приподнята вверхъ. На челѣ замѣчается повязка и изъ ушей идутъ „слухи и торцы“ (серьги и завитки). Вокругъ главы вѣнецъ, очерченный красною линіею. На ногахъ—сандали. Врвень съ головою, съ лѣвой стороны, греческое начертаніе имени архангела и слова благовѣщенія: „Радуйся, благодатная, Господь съ Тобою.“ Мозаика на надписяхъ почти совсѣмъ осыпалась, но по углубленіямъ, которыя остались отъ выпавшихъ кубиковъ мозаики, можно ясно разобрать надпись. На южномъ столпѣ изображена Пресвятая Дѣва. Одежда ея—длинный темно-фіолетоваго цвѣта хитонъ и такой же покровъ, окаймленный золотою бахрамою, видимою на концѣ упадающемъ на лѣвое коленно. Хитонъ препоясанъ краснымъ тонкимъ поясомъ. На главѣ и персяхъ золотые четвероколенные кресты. На рукахъ темно-фіолетовые поручи съ такими же крестиками. Въ лѣвой рукѣ, приподнятой къ верху, Она держитъ свитокъ красной пряжи, отъ которой тянется нить къ веретену, находящемуся въ правой рукѣ Богоматери. Ноги въ красной обуви, съ золотыми полосками. Пресвятая Дѣва стоитъ на золотомъ, украшенномъ темными полосами подножіи, которое вдоль столпа имѣетъ крестообразныя разноцвѣтныя украшенія. Вокругъ главы вѣнецъ очерченъ синею полоскою мозаики. Врвень съ ликомъ, на правой сторонѣ, монограмма МР. ΘΥ, на лѣвой сторонѣ греческая надпись: „Се раба Господня, буди Ми по глаголу Твоему.“

Смыслъ мозаическихъ изображеній, какъ мнѣ кажется, понятенъ. Главное между ними—ипостасная Премудрость Божія (Сынъ Божій), на высотѣ свода проявляющій намъ Свое божественное воплощеніе, а на горнемъ мѣстѣ преподающій ученикамъ Своимъ Свое божественное тѣло и Свою пречистую кровь. За тѣмъ домъ Премудрости—Матерь Божія, „нерушимая стѣна“ и крѣпкій оплотъ вѣрующихъ. Въ благовѣстіи, приносимомъ Ей отъ архангела Гавріила, видимъ первый моментъ воплощенія Бога-Слова, „спасенія нашего главизну и еже отъ вѣка таинства явленіе.“ Евангелисты и мученики, на аркахъ купола и знаменитые святители, изображенные въ олтарѣ ниже вѣчи, представляютъ рабовъ премудрости, посланныхъ „съ высокимъ проповѣданіемъ“ (Притч. 9, 3).

Графъ М. Толстой.

(Окончаніе будетъ.)

ПИСЬМА ФИЛАРЕТА М. МОСКОВСКАГО КЪ РЕКТОРУ М. Д. АКАДЕМІИ ФИЛАРЕТУ, ВПОСЛѢДСТВІИ АРХІЕП. ЧЕРНИГОВСКОМУ.

1. Преподобнѣйшій отецъ Ректоръ! Благодарю Васъ и сотрудниковъ Вашихъ за слово утѣшенія и наипаче за слово молитвы. Можно бы мнѣ радоваться, естли бы протекшій годъ мой и плоды его были таковы, какъ любовь Ваша мнить и уповаеть. Но чувствующему мнѣ, какъ далеко немощи и недостатки мои отстоятъ отъ того, чего требуетъ отъ меня служеніе церкви, свойственнѣе работати Господеви со страхомъ, и подвизаться еще достигнуть въ ту мѣру, гдѣ радуются ему съ трепетомъ. Обработывая одну изъ отраслей порученнаго моему смотрѣнію дѣланія, споспѣшествуйте мнѣ словомъ и дѣланіемъ, да принесемъ плодъ Богови и Церкви Его. Филаретъ М. Московскій. Дек. 2. 1837.

2. По дѣлу о Азбукѣ, отецъ Ректоръ, нужныя мѣры приняты: экземпляръ безъ погрѣшностей мною выписанъ, и сегодня надѣюсь показать его въ Синодѣ, чтобы скорѣе знали правость Вашу (а). Потомъ онъ пошлется въ Конференцію, которую побуждайте не медлить окончаніемъ дѣла. О побужденіи управы благочинія также писалъ я къ Князю Дмитрію Владиміровичу.

Скажите о. Гедеону, что онъ назначенъ настоятелемъ Пожайскаго Монастыря. Мнѣ жаль, что далеко и что служба особаго рода: но такой жребій послалъ ему Богъ. А чтобы онъ принялъ сіе назначеніе въ истинномъ его

(а) Азбука, изъ-за которой возникло дѣло, была одобрена духовною цензурою при М. Д. Академіи и уже была напечатана. Но во многихъ экземплярахъ ея оказался искаженнымъ текстъ десяти заповѣдей, — вмѣсто *не убій*, напечатано: *убій*; вмѣсто *не укради* — *укради*, и т. д. Исканіе произошло отъ того, что при печатаніи выпали изъ набора начальныя слова — *не*, и по небрежности печатниковъ не вставлены въ свое мѣсто. Эта грубѣйшая погрѣшность усмотрена была послѣ того, какъ данъ билетъ на выпускъ азбуки изъ типографіи, и тогда продажа азбуки начальствомъ была остановлена. Цензоръ, давшій билетъ на выпускъ, оправданъ тѣмъ, что имѣлъ подъ руками исправный экземпляръ.

значеніи: скажите ему, что великолѣпный Пожайскій Монастырь недавно обращенъ изъ Рямскаго въ Православный, съ возвышенными для служащихъ въ немъ окладами, и съ предположеніемъ завести при немъ училище; что Государь Императоръ обращаетъ на сей монастырь особенное вниманіе, и прошедшимъ лѣтомъ былъ въ немъ; что по сему С. Синодъ искалъ на сіе мѣсто человека, на котораго можно было бы положиться. И такъ назначеніе С. Синода есть выраженіе добраго мнѣнія о назначенномъ. Есть ли ему придетъ на мысль, что край непріятенъ: пусть возьметъ въ соображеніе, что въ сей же край посланы и архіереи, пользующіеся особеннымъ довѣріемъ, и что служеніе ихъ содержится въ особенномъ вниманіи. Потому я искренно совѣтую ему итти въ назначенное мѣсто благодушно, стараться оправдать довѣріе начальства вѣрнымъ и незамедлительнымъ дѣйствіемъ къ устройству обители, и быть увѣрену, что начальство будетъ къ нему внимательно и милостиво. Въ содержаніи затрудненія опасаться нѣтъ причины: кромѣ возвышенныхъ окладовъ, монастырь имѣетъ значительные неокладные доходы. Еще слово: пусть скорѣе готовится къ пути, и по полученіи предписанія не замедлитъ отправленіемъ, чтобы скорѣе заняться ожидающими его дѣлами, и показать успѣхъ благому оку. Точнѣе предсказывать я не могу. Филаретъ М. Московскій. Апр. 15. 1838.

---

3. Простите меня, отецъ ректоръ, и сотрудники ваши да простятъ меня, что долго молчалъ, и за писанное вами не благодарилъ. Не сомнѣвайтесь, что приѣмлю васъ всегда съ любовію и желаніемъ вамъ благословенія и мира.

О внутренней благовидности академической залы попецисъ ни въ какомъ случаѣ не излишно. Также и о жилыхъ комнатахъ. Есть ли вѣкъ сей за нечистый полъ или стѣну осуждаетъ заведеніе: не дразните его и въ сей малости, тогда какъ печетесь о важнѣйшемъ.

Скучно мнѣ, что не находится легкаго способа развязать дѣло о книгѣ (а). Вы напрасно жалуетесь на замѣчанія: ихъ писалъ не богословъ. Есть ли онъ трижды ошиб-

---

(а) Идетъ рѣчь о книгѣ: «Разсужденіе о ересьхъ и расколахъ въ русск. церкви»,—соч. студ. Н. Руднева, которою владыка не совсѣмъ былъ доволенъ.

ся, и указалъ одну ошибку богослововъ: стыдно богословамъ, а не ему. Лавру онъ не обижаетъ, когда говорить, что вы не бережете ея достоинства. Двѣ ошибки, указанныя въ моемъ предложеніи, замѣтилъ преосвященный митрополитъ Кіевскій, совсѣмъ не слыхавъ, что у насъ о семъ есть дѣло. Вы въ оправданіе ссылаетесь на книги писанныя почти за тридцать лѣтъ назадъ, человекомъ, который тогда былъ гораздо неопытнѣе васъ, и учился самоучкою: симъ образомъ, есть ли угодно, можете имѣть совиновнаго, но не оправданіе. Пора вамъ исправить то, что прежде не досмотрѣно людьми, которымъ предшественники глаза закрывали. Св. Синодъ не утверждалъ официально ни церковной библейской исторіи, ни церковной послѣ библейскихъ временъ, а издала ихъ коммиссія духовныхъ училищъ. Послѣ-библейская, безъ сомнѣнія, у библейской заимствовала выраженіе: *раздѣленная церковь*. Сочинителю библейской некогда было пересматривать свой давній трудъ; а преподаватели по сей книгѣ брели до сихъ поръ по чужому слѣду, не разсуждая, хотя имъ о семъ часто напоминали. Въ прошедшемъ году я удосужился пересмотрѣть церковно-библейскую исторію, хотя не всю, узнавъ, что приступаютъ къ новому изданію: когда оно выдетъ, оно уже не годится для оправданія вашихъ ошибокъ. Видя, что вы богословы до сихъ поръ не умѣете стать на твердую ногу въ богословіи, и не имѣя времени заняться богословіемъ, я теперь пересматриваю катихизисъ, чтобы въ немъ, по возможности, досказать то, что прежде отлагалось до богословіи, но чего ваша богословія не досказываетъ. А вы, богословы по наряду, лучше бы сдѣлали, есть ли бы не заставляли другихъ болѣе васъ занятыхъ додѣлывать дѣло вашей обязанности.

Ваше замѣчаніе противъ замѣчаній заставило меня пересматривать книгу, и я не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать новыхъ замѣчаній, только прерванъ былъ, прочитавъ часть книги. Посылаю листокъ на жертву вашей полемики.

Не пересмотрѣвъ всей книги, не знаю еще, что сказать рѣшительно. Только вижу, что поправокъ надобно сдѣлать больше, нежели вы предположили. Не пришлете ли мнѣ о семъ другаго проекта.

Балкона новому зданію не желаю. И надобныя перемѣны въ зданіи противъ утвержденного плана не предвидимы; на что еще бесполезныя?

Впрочемъ опять говорю: не пренегайте въ неприятностяхъ. Будемъ исправлять наши погрѣшности: а Гос-

подъ исправить прочее. Изъ копій съ журнала К. Д. У. видите, что я васъ не бранилъ, и что моему свидѣтельству не противорѣчили, и разрядный списокъ утвердили, хотя за сочиненія не тщательно вами просмотрѣнныя надобно немного поспорить съ вами. Миръ вамъ. Филаретъ М. Московскій. Спб. Генв. 19. 1839.

П О П Р А В К А.

Въ 1-мъ отдѣлѣ юньской книжки на страницѣ 66-й, строка 7-я снизу, *напечатано*: оныя задѣланы. *Должно читать*: оный задѣланъ.

Въ 1-мъ отдѣлѣ майской книжки, статья о пареміи, на страницѣ 64-й строка 3-я сверху, *напечатано*: Вступая. *Должно читать*: Вступивъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

въ 1870 году.

«Труды Киевской Духовной Академіи» будутъ издаваться въ 1870 году, по прежней программѣ, съ приложеніемъ протоколовъ академіи совѣта.

Въ Трудахъ Киевской Духовной Академіи будутъ помѣщаться:

I. Переводъ съ еврейскаго ветхозавѣтныхъ книгъ.

II. Переводъ твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина.

III. Лекціи наставниковъ Академіи и произносимыя ими церковныя собесѣдованія.

IV. Трактаты, очерки и изслѣдованія по разнымъ предметамъ богословской науки.

V. Переводы замѣчательныхъ сочиненій иностранныхъ богослововъ преимущественно по христіанской апологетикѣ и по церковной исторіи.

VI. Статьи, имѣющія предметомъ критическое обзорѣніе произведеній современной, по преимуществу богословской литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной.

VII. Обзорѣніе замѣчательныхъ явленій церковной жизни на востокѣ и западѣ.

VIII. Памятники, относящіеся къ исторіи русской церкви и русской духовной литературы, могущіе имѣть интересъ не для однихъ только специалистовъ, но и для большинства читателей духовныхъ журналовъ.

IX. Въ приложеніи къ журналу будутъ печататься протоколы засѣданій академическаго совѣта.

Труды будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію 5 рублей, съ пересылкою въ другіе города 6 рублей.

Подписка принимается въ редакціи изданія при Киевской Духовной Академіи, а также въ Москвѣ—у книгопродавца А. Н. Ферапонтова, въ Петербургѣ—у книгопродавца С. И. Литова.

Новая книжка: *Священная Исторія ветхаго завета*, соч. Н. А. Тула. 1870 г. 70 страницъ убористой печати. Цѣна безъ пересылки 17 коп., а съ пересылкою 20 коп.

Продается въ *Москву* у книгопродавцевъ: Ферапонтова и Садаева, на *Никольской улицѣ*, и въ *Тулу* въ редакціи *Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*.

Иногородные благоволятъ выписывать исключительно изъ редакціи *Тульскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей*.

Алтайскою Духовною Миссіею получены и на приходъ въ шнуровую книгу записаны слѣдующія пожертвованія: Декабря 11 дня 1869 г. (№ 51.) Изъ *Москвы* при отношеніи Сотрудника Миссіи Священника О. Николая Лаврова,

и а) Полученные О. Архимандритомъ Владиміромъ отъ *Дубовицкой*, въ пользу *Уахтинской женской общины*, *сорокъ рублей*.

и б) Полученные О. Николаемъ Лавровымъ: 1) въ пользу *Филаретовскаго училища* отъ неизвѣстныхъ 18 руб. 2) въ пользу служащихъ при Миссіи отъ *Св. Н. Десн—го* 3 р.; отъ неизвѣстнаго 10 р.; и отъ неизвѣстной о здравіи *Серафимы* 4 р. 3) Въ пользу бѣднѣйшихъ изъ *ново-крещенныхъ* въ разныхъ станахъ отъ *М. В. Н.* 1 р., отъ неизвѣстныхъ 3 р. еще отъ нихъ же въ три раза 11 р.; чрезъ *М. В. Н.* 2 руб. Итого *шестдесятъ рублей*. А всего *сто рублей*.

Миссіонеръ Протоіерей С. Ландышевъ.

Марта 6 дня 1870 года.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ІЮЛЬ.

1870.

ПИСЬМА ИЗЪ КІЕВА.

ОКОНЧАНИЕ ПИСЬМА СЕДЬМАГО (а).

Перейдемъ теперь къ фрескамъ. Направо отъ главнаго олтара, въ ближайшемъ придѣлѣ св. Богоотцевъ, изображено въ картинахъ уготовленіе и совершеніе на землѣ пречистаго Дома Премудрости. Такъ представлена здѣсь прав. Анна, мать пресв. Дѣвы, Предъ птичьимъ гнѣдомъ въ саду, оплакивающая свое неплодство и получающая благовѣстіе ангельское о рожденіи отъ нея преблагословенной Дщери; свиданіе св. супруговъ послѣ бывшаго имъ благовѣстія—на одной сторонѣ, и рождество Пресв. Дѣвы—на другой. Еще ниже пресв. Дѣва при кладезѣ, а напротивъ Богоматерь съ вѣтвію въ рукахъ, какъ бы срѣтающая соборъ апостоловъ (вѣроятно предъ Своимъ блаженнымъ успеніемъ). На стѣнѣ того же алтара двѣ картины, одна надъ другою: верхняя изображаетъ введеніе Богоотроковицы во храмъ (здѣсь же представлено отдѣленіе, гдѣ пресв. Дѣва питается отъ ангела); нижняя представляетъ Богоматерь предъ священникомъ; св. Іосифъ за нею съ жезломъ въ рукахъ, и нѣсколько другихъ лицъ, мужескихъ и женскихъ, неизвѣстныхъ. Полагаютъ, что это изображеніе обрученія пресв. Дѣвы съ Іосифомъ. Очевидно, что здѣсь собраны событія, предшествовавшія рождеству Христову, кромѣ той картины, которую относятъ ко времени успенія Богоматери. Если справедливо это послѣднее мнѣніе, то должно думать, что художникъ хотѣлъ изобразить здѣсь и самое прославленіе Дома Пре-

---

(а) Начало письма см. въ іюньской книжкѣ.

мудрости Божіей,—когда Пресв. Дѣва, одушевленный храмъ Бога Слова, призвана была уже украшать собою храмъ вѣчной славы.

На лѣво отъ главнаго олтара, въ отдѣленіи проскомидальномъ, видны изображенія, относящіяся къ исторіи апостола Петра: они представляютъ этого первоверховнаго апостола то учащаго и крестящаго, то подтверждающаго ученіе Христово чудесами. На лѣвой сторонѣ алтарной восточной стѣны, въ верхней картинѣ, апостоль представленъ сидящимъ на каедрѣ среди стоящаго по сторонамъ его народа; ниже онъ креститъ какое-то лицо; еще ниже тотъ же проповѣдникъ и креститель сѣбѣтается съ Корниліемъ сотникомъ, къ которому приходитъ для проповѣди и крещенія. Противъ сихъ картинъ, на правой сторонѣ, сохранилась только низшая часть фресковъ—изображеніе апостола Петра въ темницѣ, чудесно освобождаемаго ангеломъ. Какъ все это относится къ главной мысли о св. Софіи, которой посвященъ соборъ? По мнѣнію покойнаго И. М. Скворцова, здѣсь можно видѣть раскрытіе другаго значенія, дома Премудрости Божіей: Отцы Церкви домомъ седмистолпнымъ называютъ самую Церковь Христову. Здѣсь, въ изображеніяхъ первоверховнаго апостола—проповѣдника, крестителя и чудотворца, означается первоначальное устройство и распространеніе Церкви—великаго Дома божественной Софіи.

Внѣ алтаря, на стѣнахъ у верхнихъ галлерей, видимъ изображеніе всѣхъ славнѣйшихъ дѣлъ ипостасной Премудрости во спасеніе рода человѣческаго. Видимъ, какъ Премудрость одна подвизается за насъ, предстоая суду Каиафы, тогда какъ и крѣпчайшій изъ апостоловъ изъявляетъ немощь въ троекратномъ отреченіи. Видимъ, какъ та же Премудрость приноситъ Свою божественную жертву за насъ. Подъ галлерейми, на лѣвой сторонѣ, видны два славныя послѣдствія побѣды крестной—изведеніе праотцевъ изъ ада и явленіе Побѣдителя смерти въ вертоградѣ мѣроносицамъ. На правой сторонѣ, также ниже галлерей, Премудрость Божія, на одной картинѣ, даетъ познать Себя апостолу Томѣ посредствомъ осязанія живоносныхъ ребръ, а на другой—посылаетъ апостоловъ на проповѣдь. Здѣсь же, на западной сторонѣ подъ галлерейми, видно изображеніе сошествія Св. Духа, т.-е. того великаго событія, въ которомъ апостолы облакаются премудростію и силою свыше.

На верхнихъ галлерейхъ, на стѣнахъ, картины пред-

ставляютъ продолженіе исторіи евангельской, но, къ сожалѣнію, онѣ большею частію изгладились. Примѣтно, на лѣвой стѣнѣ, изображено было моленіе о чашѣ, а на правой чудеса Христовы, изъ коихъ до половины сохранилось изображеніе чуда въ Канѣ галилейской. Надъ этими картинами вверху на сѣверной сторонѣ образъ Вечери Тайной, и той вечери въ дому Симона прокаженнаго, на которой Спаситель отпустилъ грѣхи женѣ, омочившей ноги его слезами. На другой части видны прообразовательныя картины ветхаго заветъа, преднаписующія ту же чудодѣйствующую во спасеніе наше Премудрость Божию. На лѣвой галлерей видно явленіе Аврааму трехъ ангеловъ, между коими былъ Самъ Ангелъ великаго совѣта—Сынъ Божій; а на другой чудо трехъ отроковъ въ печи Вавилонской, предъизобразившее, по разумѣнію Церкви, чудо Приснодѣвы-Матери. На правой галлерей, на картинѣ къ западу, представляется Авраамъ, сръбтающій ангеловъ, а на другой къ югу онъ же, приносящій Исаака на жертву, и въ первомъ случаѣ видно прообразование явленія Сына Божія на землѣ, а во второмъ—жертвоприношенія Голгоетскаго.

Въ двухъ придѣлахъ боковыхъ, съ лѣвой стороны—древнемъ Георгіевскомъ (нынѣ Трехсвятительскомъ), а съ правой—Архангело-Михайловскомъ (нынѣ кладовой собора) открыты фрески—въ первомъ великомученика Георгія, представленнаго въ исполинскомъ видѣ до пояса, надъ окномъ олтаря; а во второмъ архангела Михаила въ подобномъ же видѣ и также надъ окномъ восточнымъ, а ниже сихъ изображеній по стѣнѣ, по обѣ стороны, изображенія святителей въ такомъ же видѣ, какъ и въ главномъ олтарѣ. Вѣроятно, что еще самъ благочестивый Ярославъ устроилъ въ соборѣ два придѣла,—одинъ во имя своего ангела (Георгія), а другой въ честь ангела покровителя всему Кіеву (арханг. Михаила). Можно соглашать и это съ главною идеею собора, которая представляетъ высочайшую Премудрость Божию. Ибо служители и воины этой Премудрости преимущественно ангелы и мученики, а представителями ихъ справедливо почитать тѣ святыя лица, которымъ посвящены два сказанные придѣла.

Перейдемъ къ фресковымъ изображеніямъ одноличнымъ. Въ олтаряхъ, въ нижнихъ и верхнихъ частяхъ храма, цѣлыми и половинными (поясными), онѣ представляютъ пророковъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ и мученицъ, безсребренниковъ, преподобныхъ мужей и женъ и

проч. Такое множество различныхъ святыхъ, въ отноше-
ніи къ главной идеѣ собора, можно почитать какъ мно-
жество рабовъ, которыхъ посылаетъ Премудрость на
проповѣдь, такъ и множество призванныхъ и удостоен-
ныхъ небесной ея вечери. Для руководства нашимъ ико-
нописцамъ считаю не лишнимъ выписать изъ книжки о
протоіерей Скворцова: „Описаніе Кіево-Софійскаго собо-
ра“ (библіографическая рѣдкость даже и въ Кіевѣ), нѣко-
торыя замѣчанія о томъ, какъ разные чины святыхъ изо-
бражаются древнимъ искусствомъ: „Всѣ ангелы съ разно-
цвѣтными крыльями и съ бѣлымъ завитымъ значкомъ
надъ челою (который называютъ живописцы „торцемъ“).
Серафимы съ шестью крылами, а херувимы съ четырьмя,
но покрыты многими очами. (Серафимы видны на двухъ
малыхъ сводахъ южныхъ, а херувимы только на одномъ).
Пророки изображены въ милотяхъ, т.-е. въ одеждахъ изъ
овечьихъ кожъ, со свиткомъ или хартією въ рукахъ.
Предтеча тоже съ хартією, апостолы всѣ въ простыхъ
восточныхъ одеждахъ и держатъ въ рукѣ книгу или сви-
токъ. Апостолъ Петръ всегда съ сѣдою небольшою боро-
дою, а апостолъ Павелъ скудовалъ и съ черною бородою
безъ сѣдинъ. Святители всѣ въ бѣлыхъ омофорахъ, въ
фелоняхъ безъ митръ и съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ.
Правая рука ихъ представлена благословляющею, почти
вездѣ, именословно. Діаконы въ бѣлыхъ стихаряхъ съ
узкимъ ораремъ, кадиломъ въ одной рукѣ, а въ другой съ
ладаницею. Одинъ изъ діаконовъ (означенный именемъ
Романа на хорахъ) съ хартією въ рукѣ. Всѣ мученики и
мученицы съ крестомъ (бѣлымъ четвероконечнымъ) въ
рукѣ. Нѣкоторые изъ первыхъ въ воинской одеждѣ. Му-
ченикъ Димитрій со щитомъ, мученикъ Меркурій также
со щитомъ, а въ другой рукѣ съ копьемъ. Три отрока
еврейскіе (на колоннѣ) написаны въ драгоцѣнныхъ манти-
яхъ, въ короткомъ нижнемъ платѣ, въ сапогахъ и съ
простертыми для молитвы руками. Подобно имъ напи-
санъ пророкъ Даніиль и притомъ съ серьгами (на стѣнѣ
Трехсвятительскаго придѣла). Подобно имъ въ богатой
одеждѣ написаны мученицы Пелагія и Дросида. Замѣча-
тельно изображеніе царя Константина: онъ съ едва при-
мѣтною бородою, и вдали по сторонамъ его двѣ царскія
или княжескія фигуры небольшія, одна мужескаго лица, а
другая женскаго“.

Замѣчательно, что всѣ священныя изображенія, откры-
тыя на стѣнахъ и колоннахъ, принадлежатъ святымъ, жив-

шимъ не позже V вѣка. Лица, принадлежащія позднѣйшимъ вѣкамъ, написаны при возобновленіи собора на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ древнія фрески совершенно изгладились. Еще замѣчательно, что ни на одной фрескѣ не усмотрѣно явнаго двуперстнаго сложенія: сложеніе трехъ первыхъ перстовъ для молитвы можно видѣть у многихъ преподобныхъ; у одного мученика (имя его, къ сожалѣнію, я забылъ) два перста (кромѣ большаго) вытянуты впередъ, но очевидно не для молитвы. Скорѣе можно думать, что онъ придерживалъ ими крестъ, который изгладился и не написанъ вновь при возобновленіи; точно въ такомъ же видѣ представляются персты другихъ мучениковъ, держащихъ четвероконечные кресты. Еще если позволите—одно замѣчаніе: вы съ большимъ трудомъ нашли бы нѣсколько осмиконечныхъ крестовъ въ стѣнописаніи Софійскаго храма и ни одного между мозаиками; крестовъ же четвероконечныхъ въ мозаикѣ не мало, а въ фрескахъ цѣлыя тысячи. Такое обиліе ихъ не обличаетъ ли суетнаго мудрованія тѣхъ, которые поклоняются исключительно осмиконечному кресту?

Послѣ разсмотрѣнія мозаикъ и фрескъ (быть можетъ, слишкомъ подробнаго) поклонимся святынь собора и взглянемъ на заключающіеся въ немъ достойные примѣчанія предметы.

Въ иконостасѣ (не древнемъ, потому что онъ сооруженъ при митрополитѣ Рафаилѣ въ половинѣ прошедшаго столѣтія, а въ наше время, при возобновленіи фрескъ, пониженъ на одинъ ярусъ) обратимъ особенное вниманіе на храмовую икону св. Софій: Богоматерь представлена стоящею подъ седмистолпною сѣнію на дунѣ съ воздѣтыми какъ бы на молитву руками. На персяхъ ея младенецъ Господь Іисусъ правою рукою благословляющій, а въ лѣвой имѣющій державу. Надъ семью столпами зданія сіяетъ греческая надпись: „премудрость созда себя домъ и утверди столповъ семь,“ и изображены Богъ Отецъ и Духъ Святой, а по сторонамъ ихъ—семь крылатыхъ архангеловъ съ знаменіями своего служенія въ рукахъ: Михаилъ съ пламеннымъ мечемъ, Уриилъ съ молніею, Рафаилъ съ алавастромъ мѣра, Гавриилъ съ лиліею, Селафиилъ съ четками, Іегудиилъ съ царскимъ вѣнцемъ, Варахиилъ съ пучкомъ цвѣтовъ. На ступеняхъ амвона, на которомъ стоитъ Богоматерь, предстоятъ ей ветхозавѣтные пророки: Моисей со скрижалями, Ааронъ съ прозябшимъ жезломъ, Давидъ съ ковчегомъ завѣта, Исаія съ хартіею, на кото-

рой написано: „се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родить Сына“; Іеремія со свиткомъ; Іезекиль держащій врата затворенныя; Данииль съ камнемъ. Возвышенная на семи ступеняхъ (верхняя изъ нихъ надписана именемъ „славы“, а прочія именами добродѣтелей христіанскихъ) стѣнь носить на семи столпахъ своихъ означеніе семи даровъ Св. Духа: здѣсь даръ премудрости изображается книгою съ семью висящими на ней печатами, даръ разума — седмисвѣщникомъ, даръ совѣта—седмью очами, даръ крѣпости — седмью трубами, даръ вѣдѣнія—десною рукою съ седмью звѣздами, даръ благочестія—седмью дымящимися кадильницами, а даръ страха Божія—седмью молніями.

Живопись иконы не древняя, и многосложность символической картины свидѣтельствуетъ, что образъ составленъ не въ Ярославовы времена. Но какимъ митрополитомъ онъ сочиненъ и кѣмъ написанъ, доселѣ неизвѣстно. Приписываютъ изобрѣтеніе иконы знаменитому митрополиту Кіевскому Петру Могилю; но вѣроятно, что она только возобновлена при немъ. Въ Софійскомъ соборѣ въ Тобольскѣ храмовый образъ—совершенно сходный списокъ съ Кіевской Софійской иконы—написанъ во время построенія собора (при патріархѣ Филаретѣ) и слѣд. прежде обновленія Кіево-Софійскаго храма Петромъ Могилою.

Существуетъ еще другое начертаніе Софіи Премудрости Божіей. Оно извѣстно подъ именемъ Софіи Новгородской, или храмовой иконы Софійскаго собора въ Великомъ Новгородѣ, современно построенію этого собора (въ 1052 г.), прославлено чудотвореніями съ 1342 г., и безъ сомнѣнія существовало за долго до нынѣшней Кіевской иконы. На немъ изображено царственное лице огнезрачнаго вида съ крылами, какъ у ангеловъ, возсѣдающее на престолѣ, утвержденномъ на семи столпахъ и на камнѣ; а для того, чтобы понятнo было, что это не ангель, а первообразъ и Господь ангеловъ, надъ главою сѣдящаго, въ непосредственномъ соединеніи съ нимъ, представленъ малый поясный ликъ Эммануила, благословляющаго обѣими руками, и еще выше Евангеліе, раскрытое на олтарѣ. По правую сторону огнезрачнаго лица изображена Богоматерь, держащая при персяхъ круглую икону Спасителя—Младенца, по лѣвую—Предтеча съ хартією.

Какая же икона была первобытно храмовою въ храмѣ великаго Ярослава? Лѣтописи молчатъ о томъ: Въ Царградскомъ храмѣ Юстиніана, св. Софію представляла вся картина олтарной стѣны, т.-е. вверху Нерукотворенный

образъ, съ ангелами по сторонамъ, а ниже величественное мозаическое изображеніе Іисуса Христа младенца, сидящаго на колѣняхъ Пресв. Дѣвы. По всему вѣроятію и въ Кіевскомъ соборѣ исполинское мусійное изображеніе Богоматери „стѣны нерушимой“ замѣняло собою храмовую икону для главнаго храма, также какъ фрески архистратига Михаила и великомученика Георгія для двухъ придѣловъ.

Другой образъ въ иконостасѣ (на лѣвой сторонѣ отъ царскихъ вратъ), подлѣ мѣстнаго Богородичнаго, извѣстный подъ именемъ „иконы седми святителей,“ принадлежитъ также къ числу символическихъ. На немъ изображены: св. Іаковъ, братъ Господень, первый епископъ Іерусалимскій (надъ нимъ въ облакахъ св. чаша); св. Златоустъ (надъ нимъ образъ св. апостола Павла); Григорій Богословъ (надъ нимъ Св. Духъ въ видѣ голубя); Василій Великій (надъ нимъ столпъ пылающій); св. Игнатій Богоносецъ, епископъ Антиохійскій (надъ нимъ сердце съ именемъ Іисуса Христа); Аванасій Великій (надъ нимъ образъ св. Троицы), и св. Кириллъ Александрійскій (надъ нимъ икона Богоматери). Въ самомъ верху образа видны, на одной сторонѣ, три жезла пастырскіе, соединенные въ одинъ триугольникъ (символь Троицы), а на другой сторонѣ—четыре жезла, изображающіе въ соединеніи своемъ букву М, монограмму имени пресв. Дѣвы Маріи. Надписи подъ иконою указываютъ, что она изображаетъ собою представителей четырехъ православныхъ патріаршихъ престоловъ. Три святителя по правую сторону называются утверженіемъ каѳедры Константинопольской; св. Іаковъ—Іерусалимской; св. Игнатій—Антиохійской; святые Аванасій и Кириллъ—Александрійской. Вѣроятно эта икона составлена уже по изгнаніи уніатовъ изъ собора, какъ бы въ память торжества православной церкви.

Въ Кіево-Софійскомъ соборѣ привлекають къ себѣ благоговѣйное усердіе богомольцевъ чудотворныя иконы: 1) Икона св. Николая Чудотворца въ верхней придѣльной церкви во имя сего святителя, одна изъ древнѣйшихъ иконъ, существующихъ въ Кіевѣ, прославленная чудомъ спасенія утопавшаго младенца, почему и называется въ просторѣчій „Николаю Мокрымъ“. Это чудо совершилось въ 1092 году, во дни в. к. Всеволода. Урожденка Вышгорода плыла въ лодкѣ въ Кіевъ съ груднымъ младенцемъ, котораго держала на рукахъ и въ дремотѣ уронила его въ рѣку. Въ отчаяніи, мать пришла утолить

свою печаль предъ образомъ святителя и, въ удивленію своему и народа, обрѣла своего младенца живымъ предъ чудотворною иконою, въ тѣхъ же пеленкахъ, въ какихъ уронила его въ рѣку. 2) Икона Богоматери Любечская, названная такъ отъ мѣстечка Любеча, гдѣ она была прежде и откуда перенесена въ соборъ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ. Ее особенно уважалъ св. Димитрій Ростовскій и въ своихъ дневныхъ запискахъ упоминаетъ о чудесахъ отъ нея. 3) Икона Богоматери Купятицкая. Это небольшой мѣдный и складной литой крестъ (въ два съ небольшимъ вершка въ длину и ширину), на которомъ, съ одной стороны, изображеніе Распятія, а съ другой Богоматери, держащей Младенца Христа. Явлена эта икона въ селѣ Купятицкомъ (Пинскаго уѣзда) и находилась сначала въ приходской церкви, а потомъ въ монастырѣ Купятицкомъ, откуда во второй половинѣ XVII вѣка, когда монастыремъ овладѣли униаты, перенесена православными монахами въ Кіево-Софійскій монастырь и поставлена въ соборъ, гдѣ прославлена многими чудесами, которыя описаны Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ.

Въ придѣлѣ преп. Антонія и Θεодосія докопаны открыто, въ обложенной серебромъ ракъ, нетлѣнныя мощи св. Макарія, митрополита Кіевского. Святитель Макарій родился отъ православныхъ родителей въ Литвѣ, и въ юности принялъ монашество. Въ санѣ архимандрита онъ былъ въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ и митрополитанскимъ намѣстникомъ въ Литвѣ. Въ 1495 г. избранъ въ Кіевскіе митрополиты; хиротонисанъ въ Вильнѣ и утвержденъ Константинопольскимъ патріархомъ Неофитомъ II. Макарій жилъ въ Вильнѣ и въ 1497 г. отправился отсюда посѣтить свою Кіевскую кафедру. На пути, 4-го мая, въ деревнѣ Стригодовѣ, недалеко отъ с. Мозыря близъ рѣкъ Припяты и Бичичи, святителя настигли татары и отсѣкли ему голову и кисть правой руки, которыхъ и не находится при святыхъ его мощахъ, тогда же привезенныхъ въ Кіевъ. Память святителя ежегодно празднуется 4-го мая, съ обоимъ мощей его вокругъ храма. Кальнофойскій описалъ два чуда, совершившіяся въ его время при мощахъ священномученика.

Въ особомъ серебряномъ ковчегѣ сохраняются: челюсть отъ главы св. равноапостольнаго в. к. Владиміра, раздробленная рука св. великомученицы Варвары, и части мощей многихъ угодниковъ Божіихъ. Въ другомъ ковчегѣ

собраны частицы многоразличныхъ святынь, положенныя при митрополитѣ Евгеніи въ 1824 году.

Не стану распространяться о священной утвари и драгоценностяхъ Софійскаго собора. Все древнее безвозвратно утрачено, при набѣгахъ татаръ, при многократныхъ пожарахъ, при жалостномъ положеніи древняго святилища подъ властію уніатовъ. Но сохранилось не мало достопримѣчательныхъ предметовъ изъ двухъ столѣтій, предшествовавшихъ нашему. Такъ весьма замѣчательны царскія врата главнаго олтаря, серебряныя, рѣшетчатая, съ изображеніями (въ самомъ верху) Благовѣщенія, двуглаваго орла (въ срединѣ), евангелистовъ, свиданія Богоматери съ Елисаветою, прав. Іоакима и Анны, и царя Давида (внизу вратъ), держащаго въ одной рукѣ книгу, а въ другой скипетръ. По надписи видно, что эти врата, вѣсомъ въ 6½ пудовъ серебра, устроены при митрополитахъ Рафаилѣ и Тимоѣѣ (1747—1750). Въ ризницѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія: 1) крестъ священномученика митрополита Макарія, деревянный, рѣзной, оправленный въ серебро; 2) крестъ съ подножіемъ для поставленія на св. трапезѣ, серебряный, вызолоченный, вѣсомъ въ 29 фунтовъ; 3) Богослужебные сосуды, золотые: царей Іоанна и Петра и другіе Екатерины II, серебряные, присланные въ 1815 г. изъ Парижа Александромъ I; 4) нѣсколько великолѣпныхъ панагій и наперсныхъ крестовъ, жалованныхъ государями митрополитамъ Кіевскимъ и подаренные разными лицами: древнѣйшая изъ панагій—серебряная складная—относится, по надписи, къ 1580 г., и принадлежала Гедеону Белабану, епископу Львовскому; 5) изъ 15-ти митръ отличается великолѣпіемъ золотая, кованая, украшенная разными драгоценными камнями, съ алмазнымъ крестомъ, въ срединѣ котораго сіяетъ синій яхонтъ превосходной воды. Эта митра жалована въ 1686 г. царями Іоанномъ и Петромъ митрополиту Гедеону, что означено по золотому обручу внизу ея; 6) въ числѣ многихъ архіерейскихъ облаченій, первое мѣсто, по древности занимаетъ омофоръ, присланный въ Москву Грузинскимъ царемъ Арчиломъ и супругою его Катаваною. Онъ состоитъ весь изъ тканыхъ по золотому полю изображеній 12-ти праздниковъ, имѣетъ надписи подъ каждымъ изъ нихъ на Персидскомъ и Греческомъ языкахъ, а на концахъ Грузинскую надпись, слѣдующаго содержанія: „Святѣйшіе и блаженнѣйшіе патріархи града Москвы и всего сѣвера, помяните насъ грѣшныхъ, принесшихъ храму святыя Богородицы омо-

форъ сей 1611 г.“ „Богородице Дѣво Маріе, не одной Москвы и всего сѣвера, но и всего міра покровительница, поклоняющимися Богу Сыну Твоему величаемая, спаси насъ въ день страшнаго суда рабовъ твоихъ царя Арчила, царицу Катавану и дѣтей нашихъ.“ Великолѣпны облаченія, жалованныя государями первосвятителямъ Киевскимъ и замѣчательны, по изяществу ткани, саккосъ, сдѣланный при митрополитѣ Самуилѣ изъ драгоцѣнной магии, бывшей на одной Венеціанской Богородичной статуѣ. Ткань саккоса украшена по серебряному полю разными ткаными цвѣтами и символическими изображеніями, образуемыми Богоматеръ.

Библиотека Киево-Софійская, нѣкогда первая въ Россіи и родоначальница всѣхъ прочихъ отечественныхъ библиотекъ нашихъ, не можетъ и нынѣ назваться послѣднею, хотя не имѣетъ уже ни одной изъ тѣхъ „книгъ многихъ, имиже поучахуся вѣрніи людіе“ при мудромъ Ярославѣ и которые положены были имъ въ св. Софії, какъ пишетъ преп. Несторъ. Существующее нынѣ Софійское книгохранилище заведено послѣ смуты уніатскихъ, и составилось большею частію изъ книгъ, завѣщанныхъ собору Киевскими митрополитами и другими духовными лицами. Библиотека книгъ печатныхъ много обязана митрополиту Тимоѳею Щербацкому, митрополиту Самуилу, и всего болѣе митрополиту Евгенію (который оставилъ библиотекъ своихъ книгъ 346 нумеровъ). Встрѣчаются въ надписяхъ по книгамъ автографы митрополита Варлаама Ясинскаго, Дмитрія Савича, игумена Батуринаскаго, т.-е. св. Дмитрія Ростовскаго (на 3-хъ книгахъ латинскихъ), Аванасія, епископа Ростовскаго и другихъ. Печатныхъ книгъ всего до 1500 названій, и хотя большая часть между ними книги духовнаго содержанія, но очень довольно и классиковъ, книгъ историческихъ и филологическихъ. Изъ книгъ славянскихъ древнѣйшія: Библия Острожскаго изданія 1581 г., апостолъ изданія Львовскаго 1574 г. (объ ветхи и нецѣлы), служебникъ Стратинскаго изданія 1604 г. и нѣкоторые другія. Собраніе рукописей обязано болѣе всего также преосв. митрополиту Евгенію, который отказалъ собору 310 №№ своихъ рукописныхъ книгъ. Онѣ большею частію историческаго содержанія и не оригинальныя древнія рукописи, а списки съ оригинальныхъ, или выписки изъ нихъ и другихъ книгъ, а частію переводы. Много книгъ (до 70 №№) послѣ преосв. Иринея Фальковскаго, коадьютора митрополіи Киевской. Онѣ большею частію содержатъ въ себѣ его проповѣди. Всего

рукописей около 650 нумеровъ и большая часть изъ нихъ духовнаго содержанія. Старшія между ними: 1) Евангеліе, въ четвертку, бывшаго Межигорскаго монастыря съ подписью 1500 года и имени вкладчика князя Слуцкаго Юрія. 2) Евангеліе и вмѣстѣ Апостолъ, расположенные по недѣлямъ и днямъ церковнаго года. По надписи узнаемъ, что эта книга, весьма тщательно и четко написанная, принадлежала митрополиту Іоасафу Кроковскому. Замѣчательно еще Богословіе Дамаскина съ собственноручною подписью митрополита Петра Могилы 1639 года.

Въ библіотекѣ хранятся грамоты государей, патріаршія, грамоты и указы св. Синода, данные на имя митрополитовъ Кіевскихъ. Есть еще митрополичья окружная грамота Іова Борецкаго, приглашающая на Кіевскій соборъ 1629 г. (печатная), и гетмана Хмѣльницкаго къ патріарху Никону о митрополитѣ Сильвестрѣ Коссовѣ 1657 года.

Здѣсь же недавно заведено собраніе старинныхъ антиминсовъ, исключенныхъ изъ употребленія. Они расположены въ непрерывномъ порядкѣ хронологическомъ отъ временъ митрополита Іова Борецкаго. Въ этомъ собраніи есть нѣскольکو древнихъ (XV и XVI вѣка) Новгородскихъ антиминсовъ; къмъ завезены они въ Кіевъ—неизвѣстно.

Въ библіотекѣ замѣчательны портреты царскіе и святительскіе. Здѣсь можно видѣть современные изображенія почти всѣхъ митрополитовъ Кіевскихъ отъ XVII вѣка до нашего времени, также знаменитаго архіепископа Черниговскаго Лазаря Барановича и св. Димитрія Ростовскаго. Послѣдній портретъ (въ ростъ, писанный съ самого свитателя) особенно уважается знатоками.

Въ Кіево-Софійскомъ соборѣ возлегъ на вѣчный покой храмоздатель его в. к. Ярославъ, сынъ св. Владиміра, прозванный въ свое время „христолюбцемъ и благовластнымъ,“ а въ потомствѣ великимъ († 1054). Гробница его пережила всѣ бури и невзгоды Кіева: она состоитъ изъ двухъ цѣльныхъ огромныхъ кусковъ сѣраго мрамора съ красноватыми жилками; одинъ изъ нихъ представляетъ видъ большаго четверостороннаго закрома, а другой крыши сведенной надъ закромомъ остроконечно. Этотъ памятникъ находится до половины въ олтарной стѣнѣ Трехсвятительскаго придѣла, который, какъ извѣстно теперь по найденнымъ въ немъ фрескамъ, былъ въ древности Георгіевскимъ. Нынѣ видны три стороны памятника (прежде бокъ его правый весь скрытъ былъ въ стѣнѣ), съ насѣчкою на

нихъ четвероконечныхъ крестовъ и разныхъ фигуръ — пальмъ, рыбъ и птицъ. Вѣроятно пальмы означаютъ безсмертіе, птицы — пареніе души къ небу, а рыбы — смертное молчаніе тѣла, или, согласно древней символикѣ церковной, представляютъ означеніе имени Спасителя: слово ΙΧΘΥΣ (рыба) читалось древними — Иисусъ Христосъ Божій Сынъ Спаситель. По угламъ крестовъ, на лѣвой сторонѣ крыши изображены слова греческія: ΙΣ, ΧΣ, ΝΙΚΑ (Иисусъ Христосъ побѣждаетъ), а на правой сторонѣ слѣдующія четыре буквы: Φ. Χ. Φ. Π., что значить, по вѣроятнѣйшему изъясненію, ΦΩΣ ΧΡΙΣΤΟΥ ΦΩΤΙΖΕΙ ΠΑΝΤΑΣ (свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ). Для читателей старины замѣтимъ, что на памятникѣ Ярослава (древнѣйшемъ изъ всѣхъ, сохранившихся до нашего времени), между множествомъ изсѣченныхъ на мраморѣ крестовъ, нѣтъ ни одного осмиконечнаго.

Въ соборной усыпальницѣ, которая находится въ сторонѣ южной, погребены тѣла Кіевскихъ митрополитовъ; гробы древнѣйшіе отгорожены глухими стѣнами, а гробы со временъ Рафаила Заборовскаго, стоявшіе прежде на виду въ усыпальницѣ, въ 1824 сокрыты подъ каменными надгробіями. Незабвенный для Русской исторіи митрополитъ Евгеній погребенъ, по завѣщанію его, въ Срѣтенскомъ придѣлѣ у праваго клироса. Въ соборѣ же погребенъ и славный проповѣдникъ Кіевскій, первый протоіерей собора Іоаннъ Леванда, скончавшійся 1814 г. (въ придѣлѣ Благовѣщенскомъ, въ углу при южной стѣнѣ). Жители Кіева особенно благоговѣютъ къ памяти митрополита Рафаила Заборовскаго († 1747) пастыря добродѣтельнаго и богоугоднаго; они прибѣгаютъ къ нему съ молитвою въ болѣзняхъ (особенно въ перемежающихся лихорадкахъ) и по вѣрѣ своей получаютъ помощь. Увѣряютъ, что до закрытія гробовъ въ усыпальницѣ, многіе видѣли и лобызали мощи его, почивающія въ нетлѣннѣи.

Выходя изъ собора западными вратами, взглянемъ на древнія фрески; по стѣнамъ всходовъ на галереи у западной стѣны. Открытыя и возобновленныя вмѣстѣ съ другими фресками собора, онѣ рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ своимъ содержаніемъ, чисто житейскимъ. Здѣсь видимъ древнія очертанія домашняго быта князей Русскихъ: пораженіе медвѣдя и вепря; челядинъ несущій полтъ, т. е. окорокъ и голову вепря; музыканты, плясуны и кудесникъ; грифъ поражающій змѣя; соколъ нападающій на зайца; лось съ отрубленной ногой; княжескій судъ

съ судьями, челобитчиками и осужденнымъ преступникомъ въ тюрьмѣ. Всѣ эти фрески представляютъ образцы древняго одѣянiя, вооруженiя, музыкальныхъ инструментовъ, а потому весьма важны для изслѣдователей древности Русской.

Соборъ окруженъ оградой, наподобіе монастыря и дѣйствительно, со времянъ уни, была обитель иноческая при древнемъ храмѣ Ярослава; она упразднена не ранѣе 1786 года и тогда же при соборѣ опредѣленъ штатъ благаго духовенства, по примѣру Московскаго Архангельскаго собора. Архіерейскій домъ при св. Софiи оконченъ строеніемъ при митрополитѣ Рафаилѣ. Заботами того же незабвеннаго святителя сооружена надъ св. вратами трехъярусная колокольня, украшенная по зеленому полю бѣлыми лѣпными арабесками, по мѣстамъ лѣпными же изображеніями святыхъ (Андрея Первозваннаго, равноапостольнаго Владиміра, Рафаила архангела, Тимофея апостола) и 14-ти двуглавыхъ орловъ, и по этимъ украшеніямъ названная „тріумфальною.“ Когда весь соборъ облекся въ новое благолѣпіе, тогда и колокольня была не только обновлена, но и возвышена четвертымъ ярусомъ и новымъ большимъ куполомъ до 35 саж. Впрочемъ при обновленіи удержаны всѣ прежнія украшенія на ней, а орлы ея вызолочены, и такимъ образомъ эта тріумфальная колокольня, хотя и прежде имѣла значеніе не только органа славы Господней, но и провозвѣстницы славы отечества нашего (какъ воздвигнутая во время первыхъ побѣдъ надъ Турками, при императрицѣ Аннѣ), теперь, съ возвышеніемъ колоссальности и благолѣпія своего, еще болѣе соотвѣтствуетъ этому значенію, свидѣтельствуя что отечество наше тѣснымъ союзомъ соединено съ православною Церковію и побѣды его суть побѣды креста и православія.

Графъ М. Толстой.

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ .

Многіе находили, что проповѣди нашего владыки темны и недовольно понятны. Это дошло и до его слуха, и потому однажды онъ сказалъ мнѣ: „говорять, будто яви-

(а) См. майскую и юньскую книжки.

шу такъ темно, что меня не понимаютъ; а мнѣ кажется, что я очень просто пишу; что вы скажете о семъ?“—Я отвѣчалъ ему, что въ его проповѣдяхъ кромѣ свѣта ничего не вижу и что я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ его слушаю. И дѣйствительно находи истинное наслажденіе въ его проповѣдяхъ, я рѣдкой разъ пропускалъ случай слушать ихъ, развѣ тогда только, когда не зналъ, что онъ будетъ говорить. Особенно нравились мнѣ дѣлаемая имъ угодобленія; на примѣръ въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ такъ разсуждаетъ: „когда горитъ домъ, толпы народа бѣгутъ сражаться съ огнемъ за бревна и доски часто неизвѣстнаго хозяина. Но когда душа горитъ огнемъ злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаянія; также ли легко находятся люди, которые поспѣшили бы живою водою слова правды и любви угасить смертоносный огонь, прежде нежели онъ обнялъ всѣ силы души, и распространился до слиянія съ огнемъ геенскимъ?“—Въ другомъ словѣ говоритъ: „когда котелъ кипитъ на огнѣ: тогда не смѣютъ къ нему приблизиться, ни насѣкомое, чтобъ осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую въ немъ для человѣка. Но когда снимется съ огня и остынетъ, тогда насѣкомыя роятся около него и падаютъ въ него, и наглый пѣсь можетъ приблизиться, осквернить, похитить. Подобно сему когда душа человѣка кипитъ огнемъ божественнаго желанія: сей духовный огонь служить ей въ одно время и силою для дѣйствования и броней для защиты. Но если небреженіе допускаетъ угаснуть сему огню, и благочестивое усердіе остываетъ: то суетные, лукавые, нечистые помыслы, рождаются и роятся въ области чувственной, падаютъ въ глубину души и оскверняютъ ее, и можетъ притти наглая страсть, и расхитить въ душѣ, что въ ней уготовлялось для благоугожденія Богу.“

Не умножая выписокъ, скажу, что всѣ тѣ, которые находили проповѣди владыки темными и неясными, лучше бы поступили, еслибы приняли на себя трудъ ближе познаться съ ними; они убѣдились бы, что нѣтъ въ нихъ ничего неяснаго и темнаго. Легко могло быть, что они никогда и не читали того, о чемъ разсуждали, а повторяли только слова тѣхъ, которые по зависти или нерасположенію къ проповѣднику осуждали его.

Въ 1827 году, я въ письмѣ ко владыкѣ жаловался на свою лѣность. На сіе онъ отвѣтствовалъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

„Есть ли бы я повѣрилъ тому, что вы говорите о лѣности, то сказалъ бы вамъ: *иди ко нравію*. Но надѣюсь, что ненужно посылать васъ такъ далеко. Противъ нашей немощи, грѣховности, ничтожности есть безконечная благодать и всемогущее милосердіе Божіе. А противъ лѣности Богъ положилъ нѣчто и въ насъ: ибо есть ли умѣемъ побѣдить лѣность и трудиться неутомимо и неусыпно для выгодъ мірскихъ, какъ можно часто видѣть на многихъ: то почему не возбудить себя къ подвигамъ для царствія небеснаго? А поколику возбуждаемся: Богъ и дѣло Свое намъ указываетъ и силу творить оное даруетъ, не такъ впрочемъ иногда, чтобы намъ тотчасъ видѣть и успѣхъ дѣла; но довольно, что не даетъ препятствіямъ и отчаянію побѣдить насъ. Впрочемъ домъ душевный, по большей части, строится подобно тому, какъ, по сказанію о церкви Кіевской Лавры: пока строили, она все была не много выше земли; а явилась вся, когда вся достроена.“

„Слушаюсь васъ съ избыткомъ. вмѣсто одного посылаю два письма, и прошу доставить. Есть ли еще пришлется книжка: она принадлежитъ другу моему Алексію Кирилловичу Нарышкину. Князю Сергію Михайловичу, сестрицамъ его мое почтеніе и желаніе благословенія Божія. Благодати Спасителя нашего вручаю васъ, и миръ Его призываю. Филаретъ м. московскій 1827 г. іюня 30.“— Въ отвѣтъ на сіе письмо я написалъ между прочимъ владыкъ: „Вамъ угодно было сравнивать мой душевный домъ съ церковію Кіевопечерской Лавры, но вѣрнѣе было бы сравнить оный съ храмомъ строящимся на Воробьевыхъ горахъ, котораго и начала еще не видно и будетъ ли оный построенъ, не извѣстно.“ Въ отвѣтъ на мое письмо владыкъ угодно было почтить меня слѣдующимъ письмомъ:

„Благословеніе Отца небеснаго да будетъ надъ вами, Михаилъ Михайловичъ! Болѣе двухъ мѣсяцевъ долженъ я вамъ отвѣтомъ. Простите меня. Не хочу согласиться съ вами въ сравненіи вашего душевнаго храма съ храмомъ на Воробьевыхъ горахъ. Здѣсь нѣтъ основанія, а въ васъ *основаніе*, которое по апостолу есть *Иисусъ Христосъ*, положено еще святымъ крещеніемъ. Надѣюсь, что вы нѣчто и построили: прочее да совершить по вѣрѣ вашей, Великій Зиждитель Богъ, по реченному: *Богъ же возрасти. Открой ко Господу путь твой, и той сотворитъ*.—О новопросвѣщенномъ Михаилѣ преосвященный оренбургскій отвѣчалъ мнѣ, что поручилъ его попеченію надежнаго священника; а оренбургскій генералъ-губернаторъ писалъ

не благопріятно. Дальнѣйшей помощи сему дѣлу не видно: помолимся о братѣ нашемъ Михаилѣ, да поможетъ ему Богъ или побѣдитъ по вѣрѣ, или претерпѣтъ съ вѣрою. Есть ли вамъ приведется оставить городъ, то съ Богомъ! А когда съ Богомъ будете, то не будете одиноки, и отъ тѣхъ, которые въ Немъ и ради Его любятъ васъ, не разлучитесь. Есть ли не по собственному произволу перемѣните мѣсто, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ вѣрнѣе по устроению Божию. А куда ведетъ Богъ—добрый путь! Благодарю за сообщаемыя вами мнѣ воспоминанія добрыхъ людей. Да воспомянетъ ихъ Богъ въ милости и любви! Князю Сергію Михайловичу я также долженъ отвѣтомъ; да потерпитъ на мнѣ. Поклонитесь ему и его почтеннымъ сестрамъ. Богъ да благословитъ ихъ и вамъ писать остававливаюсь. Филаретъ м. московскій 1827. сент. 29^а.

Спустя нѣсколько дней послѣ дня моего ангела получилъ я отъ владыки изъ Петербурга слѣдующее письмо:

„Скажу вамъ, Михаилъ Михайловичъ, какъ праздновалъ день вашего ангела. Послѣ полудня надлежало праздновать у владыки (б). По сей причинѣ, по немощи ли, по лѣности ли, не хотѣлъ было я праздновать по-утру въ церкви. Но въ навечеріи сегодня получилъ я отъ В. М. письмо, въ коемъ изъявлено желаніе, и даже надежда, что я не отрекусь принести къ олтарю нѣкоторыя имена, въ томъ числѣ и ваше. Лѣности моей стало стыдно, и я благодарю добрыхъ людей, которые побудили меня исполнить долгъ, который и остальную часть праздника не воспрепятствовалъ провести безъ большаго утомленія.—Говорятъ, что князь Сергій Михайловичъ предпринимаетъ путь въ здѣшнюю страну моего пришельствія. Очень желаю его увидѣть. Не было ль бы притомъ хорошо, чтобы и вы ему сопутствовали, какъ прежде? Благословеніе Божіе вамъ и другимъ, въ которыхъ желаніе благословленія Божія знаю! Прилагаемое письмо прошу доставить. Филаретъ м. московскій 18 ноября 1827 года“.

Извѣщалъ я владыку о болѣзни родительницы моей и о чувствуемомъ оттого безпокойствѣ. Владыка отвѣтствовалъ.

„Укрѣпляйтесь, Михаилъ Михайловичъ, вѣрою и надеждою на Бога, и покорности волю Его, всегда благой; и въ семъ да споспѣшествуетъ вамъ сердечная молитва. Сія средства полезны вамъ и болящей родительницѣ вашей, а не безпокойство, которое васъ тяготитъ, а ее не облегчаетъ.

(б) Митрополита Серафима по случаю его ангела.

Хорошо, что ея леченіе начали вы божественнымъ врачествомъ, котораго дѣйствіе вѣрно, естли и не очевидно.—Ходатайство ваше довольно поздно. Прежде покровительствуемой вами, я получилъ много просьбъ, и уже даль имъ дѣйствіе. Потому при всей довѣренности къ вашему свидѣтельству, еще не знаю, что сдѣлать должно будетъ. Призываю милость Божію вамъ и родительницѣ вашей. Филаретъ м. московскій. 25 Апрѣля 1828 года“.

Слѣдующее письмо было въ отвѣтъ на мое, коимъ увѣдомлялъ я его о приключившейся со мною болѣзни. „Благословеніе и милость Божія да будетъ съ вами, возлюбленный о Господѣ Михаилъ Михайловичъ! Благодарю, что вы и меня вспомнили съ добрымъ желаніемъ, и о себѣ меня извѣстили. Противъ одного слова спору съ вами—противъ благодарности. Любовію мы съ вами должны другъ другу: благодарностію вы мнѣ не должны. Благодареніе Богу, что воздвигнулъ васъ отъ болѣзни. Не сомнѣваюсь, что вы скажете также: благодареніе Богу и за то, что болѣзнію посѣтилъ. Не безполено въ болѣзни испытать чувство отрѣшенія отъ міра, чтобы и послѣ болѣзни придерживаться сего чувства. Не удивительно, есть ли чувство сіе не такъ легко приходитъ послѣ болѣзни, какъ во время болѣзни; въ болѣзни Богъ даруетъ оное на потребу немощному, а въ здравіи требуетъ, чтобы онъ подвизался обрѣсти оное. Не унывайте, а подвизайтесь вѣрою и молитвою, терпѣніемъ и смиреніемъ.“

„Князя Сергія Михайловича давненько я не видалъ. На вопросъ предложенный ему у меня: когда его застать, онъ запретилъ мнѣ ѣхать къ нему. Третьяго дня во дворцѣ я его не встрѣтилъ, а только послѣ узналъ, что онъ былъ. Собираюсь или ѣхать, или послать къ нему: и все не могу. Вчера въ Синодѣ былъ я съ трудомъ; сегодня въ совѣтъ Человѣколюбиваго Общества не въ силахъ былъ ѣхать. Вотъ вамъ образчикъ моего житія въ Петербургѣ. Княжну Анастасію Михайловну за воспоминаніе о мнѣ я благодарилъ, и еще теперь благодарю. Матушкѣ вашей и сестрицѣ прошу изъяснить мою благодарность и желаніе благословенія Божія, котораго и вамъ паки и паки желаю. Филаретъ м. московскій. 28 декабря 1828 года“.

Отъ 14 декабря 1829 г., получилъ отъ владыки слѣдующее письмо:

„Примите трудъ, милостивый государь Михаилъ Михайловичъ, доставить прилагаемое при семъ письмо. Мнѣ такъ сказано, что черезъ васъ надобно доставить. А я

радъ, имѣя случай сказать, что помню васъ съ любовію, и мира душѣ вашей искренно желаю.“

Не помню, изъ-за какого дѣла возникло въ комитетѣ Человѣколюбиваго Общества разногласіе у владыки съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ. Князь по горячности своей не могъ ему высказать всего, что нужно было для объясненія дѣла, и съ нимъ въ томъ согласиться, почему просилъ меня съѣздить къ митрополиту и рассказать ему яснѣе сущность дѣла, что мною и было исполнено. Для того, чтобы виднѣе была истина, я сказалъ, что могу ему показать подлинную бумагу, относящуюся къ спорному дѣлу; но видно и я не совсѣмъ равнодушно съ нимъ объяснялся, о чемъ я узналъ изъ письма владыки къ В. М., которому онъ между прочимъ написалъ: „вчера у меня былъ Михаилъ Михайловичъ, который принесъ мнѣ вечернюю зарю гнѣва достопочтеннаго князя Сергія Михайловича“. Черезъ день послѣ того при письмѣ моемъ къ владыкѣ представилъ я обѣщанную мною подлинную бумагу, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

„Покорнѣйше благодарю, милостивый государь Михаилъ Михайловичъ, за разрѣшеніе моего сомнѣнія. Вы уже сдѣлали слишкомъ много: ваше слово равно было бы для меня удовлетворительно, какъ и чтеніе акта. Возвращаю оный и прошу отъ Господа мира и вамъ и всѣмъ, которые не вполнѣ обрѣтаютъ сіе благо. Фидаретъ м. московскій“.

Въ 1830 г., была въ Москвѣ первая холера,—она началась въ послѣднихъ числахъ сентября. Вотъ какъ узналъ я о томъ: пріѣхалъ я въ комитетъ Человѣколюбиваго Общества, въ которомъ былъ я непремѣннымъ членомъ; туда же прибылъ и президентъ нашъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ; приказавъ затворить двери присутствія, чтобы никого постороннихъ тутъ не было, секретно объявилъ намъ, что въ Москвѣ появилась новая болѣзнь подъ названіемъ холеры, и что нужно принять мѣры къ заготовленію продовольствія для богадѣленныхъ домовъ, особенно для богадѣльни убѣжища бѣдныхъ, находящейся въ 20 верстахъ отъ Москвы, потому что есть слухъ, что Москву оцѣпять и не будутъ ни въ нее, ни изъ нея никого пропускать. Эта неожиданность всѣхъ насъ встревожила. Послѣ обѣда я отправился къ митрополиту, чтобы и отъ него узнать что-нибудь; прихожу къ подъѣзду его крыльца и вижу его карету, въ которой онъ отправлялся къ князю Димитрію Владиміровичу для нѣкоторыхъ совѣщаній; на крыльцѣ я встрѣтилъ выходящаго докто-

ра его Григорія Яковлевича Высоцкаго; на вопросъ мой о болѣзни, онъ только успѣлъ мнѣ отвѣчать: „ежели вамъ нужно поѣхать изъ Москвы, то поспѣшите нынче же выѣхать, а то Москву запрутъ“. Возвратясь домой я тотчасъ отправился къ Крестовской заставѣ, гдѣ встрѣтилъ множество народа, котораго уже не пропускали за заставу; тутъ же былъ остановленъ и экипажъ не помню какого архіерея, отправлявшагося въ новую свою епархію. Въ сей день прибылъ въ Москву и императоръ; когда ему доложили о томъ архіереѣ, онъ приказалъ его пропустить. Я, какъ непремѣнный членъ комитета и вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ Набилковской богадѣльни и богадѣльни убѣжища бѣдныхъ, озаботился о томъ, чтобы смотритель этой послѣдней богадѣльни, находившійся въ то время въ Москвѣ, купилъ все, что было нужно, для продовольствія бѣдныхъ; онъ сдѣлалъ всѣ нужныя покупки, но донесъ мнѣ, что изъ Москвы его не пропускаютъ съ заготовленнымъ имъ продовольствіемъ. Зная, что ежели его не пустятъ, то бѣдные живущіе тамъ могутъ умереть съ голоду, поспѣшилъ я донести о томъ кн. Сергію Михайловичу; князь тотъ же часъ поѣхалъ къ государю, который изволилъ разрѣшить ему пропускъ.

Михаилъ Евреиновъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ СВЯЩЕННИКА КИРИЛЛА РЯБОВА.

Уступая желанію нѣкихъ собратій моихъ о Христѣ видѣть описаннымъ и мое странствованіе по распутіямъ душепагубнаго раскола, а также обращеніе къ православной церкви Христовой, я принимаюсь за перо съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ и этотъ ничтожный трудъ мой, принятый изъ послушанія, бывъ присовокупленъ къ богатой сокровищницѣ другихъ подобныхъ трудовъ, принесъ соотвѣтственную пользу прежде бывшимъ собратіямъ моимъ, къ сожалѣнію, коснѣющимъ въ отчужденіи отъ спасительнаго ковчега Христовой церкви.

Родитель мой былъ крестьянинъ Вятской губ., Глазовскаго уѣзда, деревни Кулябинской, Еөимъ Яковлевъ Рябовъ; онъ родился 1788 года въ православіи и до 20 го-

довъ былъ прихожаниномъ къ церкви села Святопольскаго. Въ ранней молодости, 18-ти лѣтъ, онъ былъ избранъ обществомъ въ должность сельскаго старшины; 23-хъ лѣтъ онъ уже служилъ волостнымъ головою и съ этого времени, до 1830 годовъ, постоянно занималъ въ обществѣ разныя должности, болѣе же волостнаго писаря. Онъ былъ въ короткомъ знакомствѣ съ проживавшимъ въ этой волости, закоренѣлымъ раскольниковъ, купцомъ Іоною Телицынымъ, занимавшимся сплавомъ лѣсовъ и лѣсныхъ издѣлій въ низовыя губерніи и преимущественно Саратовскую (а); наслышавшись отъ него о славѣ и великолѣпнѣи извѣстныхъ раскольниковъ Иргизскихъ монастырей, отецъ мой согласился побывать туда. Путешествіе это было предпринято имъ вмѣстѣ съ купцомъ Телицынымъ и нѣкоторыми изъ родственниковъ родителя, увлеченныхъ разсказами о процвѣтающемъ тамъ благочестіи. Чинъ и порядокъ Иргизскихъ монастырей такъ понравились отцу моему и его спутникамъ, что они возвратясь домой рѣшились вовсе оставить православіе и перѣйти въ расколъ, чему кажется не мало также содѣйствовали безпечность и нерадѣніе о своемъ долгѣ приходскаго священника... Вмѣстѣ съ отцомъ моимъ перешли въ расколъ все его семейство и всѣ лучшіе въ обществѣ люди. Новые раскольники приобрѣли множество старопечатныхъ книгъ, устроили, въ домѣ отца моего, просторную моленную и завели по образцу Иргизскихъ монастырей домашнее богослуженіе; для наученія же церковному уставу и пѣнію по крюкамъ отправили на Иргизъ молодыхъ своихъ дѣтей мужскаго и женскаго пола; въ числѣ ихъ были отправлены два родныхъ моихъ брата Давидъ и Максимилианъ и двоюродный дядя Абрамъ Абрамовъ; оба послѣдніе на родину уже не возвращались. Абрамъ вскорѣ принялъ на Иргизѣ монашество съ именемъ Аѳанасія и былъ сдѣланъ уставщикомъ Верхне-Спасо-преображенскаго монастыря. Уставщики Иргизскихъ монастырей пользовались такимъ почетомъ, что бѣглецы, проживавшіе въ монастыряхъ, попы были въ совершенной отъ нихъ зависимости и ничего безъ дозволенія ихъ не могли дѣлать. Уставщикъ Аѳанасій въ послѣдствіи былъ лжеепископомъ австрійскимъ, и при немъ братъ

(а) Этотъ Телицынъ и крестьяне Семень Артемьевъ и Сильвестръ Ѳедоровъ Наймушины—основатели знаменитой Наймушинской часовни, прихожанъ коей считается около 10-ти тысячъ душъ.

мой Максимилианъ былъ протодіакономъ. Со времени обращенія своего въ расколъ, отецъ мой велъ непрерывныя сношенія съ Иргизомъ, и мѣстечко наше сдѣлалось самымъ дѣятельнымъ раскольническимъ миссіонерскимъ станомъ; во главѣ его стоялъ мой отецъ, изо всѣхъ силъ хлопотавшій о совращеніи другихъ въ мнимое благочестіе и старовѣрство. Во всѣ дни великихъ праздниковъ, въ дни воскресные и великихъ святыхъ онъ совершалъ церковныя службы по уставу. Онъ начинались въ первомъ часу ночи всенощнымъ бдѣніемъ и продолжались съ часами до 12 часовъ дня. За всенощнымъ вычитывалъ онъ всѣ поученія, положенныя по уставу: такъ по первой каѳисмѣ читалось 1-е поученіе изъ толковаго евангелія, по второй каѳисмѣ 2-е; по 6-й пѣсни утреннихъ канонѣвъ всегда читались житія святыхъ и бывали иногда чтенія по шестопсалміи, и по 3-й пѣсни канонѣвъ. Нерѣдко кромѣ чтеній, положенныхъ по уставу, родитель читалъ еще по своему выбору изъ Ефрема Сирина, Аввы Дорошея и проч. Къ службамъ этимъ собирались не только жители селенія Кулябинскаго, но и изъ другихъ селеній раскольники и православные. Часто, по окончаніи службы, отецъ мой, взявъ книгу, садился и читалъ народу, добавляя чтеніе толкованіями отъ себя и, какъ могу припомнить, любимая бесѣда его была о терпѣннѣ скорбей, причиняемыхъ старообрядцамъ властями, на текстъ Евангелія: *будьте мудры яко змѣя, и цѣли аки голубіе*, и о перстосложеніи; въ послѣднемъ случаѣ онъ начиналъ поученіе словами: *отъ противящихся деснице твоей сохрани мя Господи аки зыщущу око* (Пс. 16, 9). Служеніемъ и поученіями, а главное строгимъ образомъ жизни, отецъ мой пріобрѣлъ себѣ между послѣдователями старообрядства громкую славу и всеобщее уваженіе, такъ что и самые богатые и передовые изъ нихъ не дѣлали ничего безъ его совѣта и за рѣшеніемъ всѣхъ своихъ недоумѣній обращались къ нему. Всѣ порученія настоятелей монастырей о сборахъ и проч. повѣряемы были ему одному, и не напрасно: никто не могъ имѣть столько такта въ обращеніи съ старушками и искусства объяснять имъ нужды и потребности монастырей, и никто изъ наставниковъ не могъ быть столь безкорыстенъ какъ онъ; отъ природы серіозный, небожный, строгій самъ къ себѣ, онъ былъ для всѣхъ примѣръ совершенства. Безкорыстіе его было поистинѣ удивительно: иногда отказывая себѣ въ необходимомъ, онъ тратилъ послѣднюю копейку на пріобрѣтеніе какой-нибудь книги или иконы.

Овдовѣвъ послѣ перваго брака, въ 1827 году, онъ, черезъ три года вдовства, женился на 26-ти лѣтней дѣвицѣ Іуліаніи, дочери прежде помянутаго одного изъ основателей Наймушинской часовни Симеона Артемьевича Наймушина, воспитанной въ Иргизскихъ женскихъ монастыряхъ Успенскомъ и Покровскомъ; въ послѣднемъ она управляла клиросомъ. Это моя родительница. Съ этого времени, несмотря на то что сдѣлался двубрачнымъ, отецъ мой занялся исключительно, пуще прежняго, наставничествомъ и обученіемъ грамотѣ дѣтей, а родительница обучала пѣнію по крюкамъ и проч.; и гдѣ бы они не проживали, всегда въ домѣ ихъ была порядочная школа, въ коей обучались дѣти многихъ и православныхъ, которыя конечно уже дѣлались раскольниками и увлекали свои семейства въ расколъ. Вскорѣ послѣ брака родитель мой былъ упрощенъ обществомъ Курьинско-утинскихъ старообрядцевъ къ ихъ часовнѣ въ настоятели; но едва успѣлъ установить здѣсь порядокъ дѣлъ и богослуженія, какъ настоятельнымъ прошеніемъ членовъ общества Наймушинскаго убѣжденъ былъ принять начальство въ ихъ часовнѣ. Проживъ тутъ четыре года, вздумалъ снова путешествовать на Иргизъ и, пробывъ тамъ нѣкоторое время, возвратился опять въ селеніе Кулябинское; въ это-то время и въ этомъ Кулябинскомъ селеніи 1839 года, на 2-е іюня, явился я въ многоятежный міръ сей и нареченъ при погруженіи Кирилломъ. Полное же крещеніе, совершившееся тогда въ поповщинѣ бѣглыми попами, за отсутствіемъ оныхъ въ нашей мѣстности, отлагаемо было на неопредѣленное время, до удобнаго случая; хотя и проживали, временно при Наймушинской часовнѣ бѣглые попы, въ особенности въ зимнее время, но тогда почему-то ихъ не было, а потому болѣе состоятельные ѣздили исправлять духовныя нужды свои въ Казань, гдѣ, при бывшей часовнѣ, находились постоянно бѣглые попы (а). До пятилѣтняго возраста моего ни одинъ изъ бѣглыхъ поповъ, неизвѣстно почему, не пріѣзжалъ въ нашъ край; наскучивъ ожиданіемъ, родители мои, взявши меня и меньшую сестру мою Елену, съ прочими родственниками отправились въ Казань къ находившемуся тогда при часовнѣ попу Θεодору. Ближайшій управитель этихъ поповъ былъ тогда казанскій купецъ Лука Θεодоровичъ Свѣшниковъ; онъ-то и былъ воспріемнымъ отцемъ моимъ и двоюрод-

---

(а) Нынѣ тутъ единовѣрческая церковь.

наго моего брата Ермила Аксенова. На пятомъ году возраста моего, родитель мой началъ учить меня грамотѣ. Въ первый годъ ученія, я прошелъ азбуку и часовникъ. Часовникъ, по которому я учился, былъ старописменный, *безъ раздѣловъ* и съ обычными въ старописменныхъ книгахъ сокращеніями и я по нему учился уроками успѣшно; когда же дана мнѣ была печатная псалтирь, то послѣ старописменной замаранной книги, она показалась мнѣ столь легкою, что я началъ читать ее безъ заучекъ. Седми лѣтъ я уже могъ читать за службой, не только псалмы, но и утренніе каноны и на часахъ Апостолъ, что видимо радовало родителей моихъ. Почему желая дать мнѣ, по ихъ понятіямъ, большее совершенство, они старались занимать меня чтеніемъ Св. Писанія, твореній св. отцевъ и житій святыхъ. При домѣ нашемъ, въ огородномъ саду, было пѣскольکو ульевъ пчель, которыми занимался родитель мой съ особеннымъ усердіемъ. Въ лѣтнее время отецъ мой, какъ человѣкъ серьезный, чтобы не допустить меня обкнуть съ прочими мальчиками дѣтскими шалостямъ, поручалъ мнѣ смотрѣть за пчелами; а чтобы и тутъ я не проводилъ время праздно, непременно давалъ книгу и вечеромъ подробно спрашивалъ о прочитанномъ. Такимъ образомъ я, и самъ не замѣчая, заохотился къ чтенію и размышленію, такъ что это перешло у меня въ привычку и потребность; и вотъ, благодаря этому я, десятилѣтній мальчикъ, былъ настолько усерденъ къ богослуженію, что крайне досадовалъ, если не разбудятъ меня къ началу всенощной; впрочемъ это случалось очень рѣдко, ибо на меня скоро обыкли смотрѣть какъ на лицо необходимое при службахъ церковныхъ. Конечно юное тѣло и духъ искали иногда отдохновенія и развлеченій, кромѣ книгъ и продолжительныхъ богослуженій; въ особенности въ лѣтній праздничный день, когда сверстники мои забавлялись на улицѣ разными играми, а я, оддежуривши у пчель, долженъ былъ, проходя мимо ихъ, являться къ родителю для чтенія вмѣстѣ съ нимъ *правильныхъ каноновъ*, тогда, говорю, доля моя, представлялась мнѣ не очень-то веселою; однако попустить себѣ отступленія отъ принятаго порядка, я уже не могъ, а отсутствіе мое въ это время не могло быть терпимо моимъ отцемъ. Каноны читавшіеся предъ вечернею были слѣдующіе: два акаѣистныхъ Иисусу и Богоматери и малые Богородицѣ (*Воду прошедь*) и ангелу хранителю,—всего 4. Каноны эти читались каждодневно. У старообрядцевъ было въ обычаѣ вмѣс-

то литургійныхъ сорокоустій коихъ правда, до появленія австрійскаго лжесвященства, и совершать было невозможно, — исправлять сорокустіе псалтырями, и шестинедѣльные непрерывныя чтенія псалтыри называются у нихъ неугасимыми, и о, эти неугасимыя! возженіе *неугасающихъ* страстей. Старики-наставники, взявшись исправлять *неугасимую*, находятъ дѣло это для себя какъбы низкимъ и труднымъ, а потому поручаютъ его молодымъ людямъ и мальчикамъ, и вотъ молодые парни и дѣвицы, человекъ по четыре, иногда и болѣе, чередуются чтеніемъ, черезъ три часа, днемъ и ночью. Тутъ-то я узналъ вѣчто такое, чего бы тогда и знать еще не слѣдовало; ибо, эти чтецы и чтницы, передавая чтеніе псалтири другъ другу, допускаютъ, особенно въ ночное время, то, еже *срамно есть и малолати*;—впрочемъ *да не возлагалотъ усти моя дѣль человеческихъ*. Къ вамъ слово мое, старообрядцы, здѣсь: пора уразумѣть вамъ, что ваши сорокустія и шестинедѣльные, а также годовыя *крулмыя* стоянія, приносятъ не спасеніе души, а большую тцету и грѣхъ. Много бы, друзья мои, здѣсь сказалъ я вамъ, но вы такъ увѣрены въ мнимой правотѣ своихъ обычаевъ и вѣрованій, что крайне трудно распознать вамъ, какъ вы ошибаетесь.— Просите усерднѣе Подателя свѣтовъ, да озаритъ душевныя очи ваши и разженетъ глубокой мракъ объемлющій сердца ваши.

Сорокустія и неугасимыя не давали мнѣ покоя и утомляли до крайности; не только днемъ, но часто и ночью, отстоявши чреду свою, я, какъ мальчикъ забитый непомѣрными строгостями отца своего, не имѣлъ смѣлости жаловаться, но со слезами на глазахъ стоялъ иногда и чужую чреду.

Скорописи родитель мой почему-то не училъ меня, но я, имѣя охоту писать и полагая, что родитель изъ скупости, или экономіи, не даетъ мнѣ марать бумагу, выбиралъ изъ содранныхъ работниками съ полѣнъ для лучины цѣльные листы бересты и, раздѣляя оную на листы подобныя бумагѣ, писалъ на нихъ какъ мнѣ хотѣлось, чему не препятствовалъ и отецъ мой; но потомъ уже сталъ давать мнѣ бумаги и уроки въ чистописаніи такъ, какъ умѣлъ самъ. Вообще я доволенъ былъ моимъ единственнымъ учителемъ—отцемъ. Сравнивая мое домашнее обученіе съ обученіемъ въ приходскомъ сельскомъ училищѣ, я находилъ первое несравненно превосходнымъ, и мнѣ думалось: есть ли еще гдѣ подобныя мудрецы, какъ нашъ

тятинька (такъ я его звалъ). На обучавшихся въ приходскомъ сельскомъ училищѣ мальчиковъ я смотрѣлъ съ презрѣніемъ и сожалѣніемъ, какъ на губящихъ время, учась по гражданскимъ книжкамъ. Они, думалъ я, будутъ такими, же глупыми, какъ и учителя ихъ сельскіе попы-табашники, неумѣющіе перекрестить лица своего и прочитатъ даже *Святый Боже* правильно. По тогдашнему разумѣнію моему, слѣдовало читатъ, какъ читаютъ у насъ: *Святый Боже*, а они читаютъ *Святый Боже, святый крѣпки, святый безсмертны*. Читая одни старо-славянскія книги, тогда не имѣлъ еще я никакого понятія о семинаристахъ. Наши говорили: „учится десять лѣтъ, а толку все нѣтъ; учится лѣтъ двѣнадцать, а научится табакомъ заниматься“... Вотъ какъ мыслятъ и учатъ мыслить старообрядческіе наставники о наукахъ. Къ гражданскимъ книгамъ отецъ мой не былъ расположенъ, но и не боялся ихъ такъ, какъ боятся, или пренебрегаютъ, прочіе наставники. У него даже нѣсколько было собственныхъ гражданскихъ книгъ, какъ могу припомнить, слѣдующихъ: „судебный обрядникъ, письмовникъ, лечебникъ и краткая грамматика“ Меморскаго; кажется и все. И эти книги были тщательно скрываемы отъ взора постороннихъ, да и мнѣ дозволялось, и то въ видѣ награды, взглянуть иногда только на красивые корешки оныхъ. Грамматика была прислана отцу моему двоюроднымъ братомъ его, прежде помянутымъ уставщикомъ Верхне-Спасопреображенскаго монастыря — Аѳанасіемъ, который ктому же былъ отцу моему крестнымъ сыномъ, а потому, до самой смерти, питалъ къ нему особенную любовь и уваженіе и велъ постоянную переписку изъ монастыря.

По обращеніи Иргизскихъ монастырей, въ 1834 году, въ единовѣрческіе, Аѳанасій и Максимиліанъ (родной братъ мой), какъ несогласившіеся принять единовѣріе, вынуждены были переѣхать на житье въ Хвалынскъ, гдѣ Аѳанасій и проживалъ до 1849 года въ домъ вдовы Анны Михайловой Ѳедоровой. Во время появленія австрійскаго жесвященства, Аѳанасій, какъ поповецъ, съ радостію принявъ оное самъ, писалъ всюду знакомымъ своимъ, а также и въ Вятскій нашъ край, въ особенности родителю моему, письма, исполненные восторга о приобрѣтеніи старообрядцами епископства (а). Въ 1849 году,

---

(а) Собраніе этихъ писемъ, хранившееся у меня, къ сожалѣнію, утратилось: во время одного обыска дома нашего полиціею,

Аѳанасій, дотогѣ никуда не выѣзжавшій, рѣшился съѣздить въ Москву, и захвативъ къ намъ, пробылъ у насъ недѣли двѣ. Полюбивъ меня за прилежаніе къ чтенію, просилъ родителя, чтобъ отпустилъ меня съ нимъ; но отецъ на это не согласился. Въ Москвѣ познакомившись съ Антоніемъ лжеархіепископомъ Владимірскимъ, Аѳанасій былъ посвященъ имъ въ лжеепископа Саратовскаго. Онъ и основалъ въ Хвалынскѣ главное гнѣздо раскола, извѣстное огромными успѣхами въ соращеніи православныхъ. Окружающіе этотъ городъ во множествѣ фруктовые сады, какъ нельзя лучше, способствуютъ къ свободному проживанію здѣсь тунеядцевъ и бродягъ всякаго рода, переходящихъ изъ державы въ державу. Получивъ епископскій санъ, Аѳанасій уже оставилъ домъ вдовы, и поселился при рѣчкѣ Черемшанъ въ саду, принадлежащемъ дѣвицѣ Аннѣ Козминой, гдѣ устроилъ со всѣмъ великолѣпіемъ и удобствомъ архіерейскій домъ, съ богатою крестовою и отличными покоями. Во время сужденій объ окружномъ посланіи Аѳанасій былъ сторонникомъ неокружниковъ. Онъ умеръ въ 1865 году, постригшись въ схиму во время уже болѣзни. Замѣчательно, что онъ не приказывалъ по смерти поминать себя епископомъ, а только монахомъ; но несмотря на завѣщаніе его, родственники и всѣ старообрядцы, молятся за него какъ за епископа. Во время продолжительной болѣзни Аѳанасій не пренебрегалъ врачами, вопреки прежнему своему ученію; его постоянно лечили хвалынскіе доктора и прочіе лекаря. Каѳедра его остается, кажется, и теперь праздною и дѣлами этой паствы завѣдываетъ Пафутій Казанскій, хотя хвалынскіе лжепопы Іосифъ и Іоакимъ на ектеніяхъ молятся о Антоніи Московскомъ. Приготовлялся было къ посвященію во епископа на мѣсто Аѳанасія выѣхавшій изъ Турціи монахъ Славскаго монастыря Серапіонъ, но былъ арестованъ въ садахъ вновь пріѣхавшимъ въ Хвалынскъ чиновникомъ; не знаю, насколько справедливо, но мнѣ сами Хвалынцы рассказывали, что поступокъ этого чиновника крайне не понравилсѣ старымъ служакамъ Хвалынска. Впрочемъ теперь Серапіонъ и товарищи его освобождены и наслаждаются всѣми пріятностями жизни независимой. Только одно у него плохо: во время

бывъ предувѣдомленъ, я передалъ ихъ, не упомяну кому, для сохраненія и вслѣдствіе обращенія въ единовѣріе не могъ розыскать ихъ.

нахожденія его подъ стражей, хвалынскіе городскіе лжепопы подѣлили между собой приходъ его, состоящій изъ нѣсколькихъ слободъ имъ совращенныхъ въ расколъ, и по высвобожденіи его ни тотъ ни другой не хотятъ ему уступить своей части. Не знаю, подъ какимъ именемъ теперь укрывается Серапіонъ; но въ 1863 году въ бытность мою въ садахъ, онъ имѣлъ паспортъ турецкаго подданнаго; съ такимъ же паспортомъ въ Хвалынскъ и всѣ его товарищи: лжеіеромонахъ Виссаріонъ, лжемонахи Захарія, Матѣей, Кипріанъ, Лука и другіе. Всѣ они урожденцы русскіе, здѣшніе, ушедшіе за границу разными путями. Нѣкоторые изъ нихъ солдаты, бѣжавшіе изъ полка во время восточной войны,—о чемъ рассказывали они сами, когда я проживалъ съ ними цѣлую недѣлю и писалъ имъ разныя, по ихъ просьбѣ, статейки. Они еще рассказывали, какъ вблизи Тульчи высѣкли товарища своего ремнями, привязавъ къ дереву, за то что онъ высказалъ любовь свою къ русскому государю и Россіи. Это, по словамъ ихъ, было такъ: этотъ несчастный вздумалъ предложить вопросъ: а что, братія, еслибы султанъ и русскій царь оба вмѣстѣ были въ одинаковой смертной опасности, то котораго бы вы бросились спасать? Всѣ отвѣчали: султана; что намъ жалѣть гонителя, т.-е. русскаго императора? Но одинъ изъ нихъ высказался такъ: нѣтъ, братія, я бы не промѣнялъ христіанскаго государя на магометанина. Тотчасъ всѣ набросились съ бранью на приверженца Россіи, называя его неблагодарнымъ къ своему покровителю и проч. Но тотъ стоялъ на своемъ. Почему туркоманы рѣшили наказать его въ примѣръ прочимъ; привязавъ къ дереву, высѣкли самымъ жестокимъ образомъ и тутъ оставивъ его, ушли въ Тульчу, вѣроятно съ цѣлью похвалиться своимъ усердіемъ и преданностью къ чужеземному правительству.—Въ Хвалынскъ я вызванъ тогда былъ родителемъ по требованію Аѳанасія, которому извѣстно стало, что я намѣренъ обратиться въ единовѣріе. Запасшись отвѣтами и книгами, я легко могъ опровергать всѣ доводы въ пользу австрійскаго священства, но въ жаркіе споры съ приверженцами его не входилъ; ибо по пріѣздѣ моемъ въ Хвалынскъ узналъ, что одинъ монахъ Тарасій, развѣдавшій во всей подробности жизнь и обращеніе въ расколъ митрополита Амвросія, и бывший даже на мѣстѣ рожденія его въ г. Еносъ, когда сталъ доказывать, что іерархія эта ложна и основана вопреки церковнымъ правиламъ, то его такъ припугнули

что онъ, оставивъ все свое имущество, убѣжалъ, въ чемъ только былъ, на пароходъ и тѣмъ спасъ жизнь свою. Потому и я, счелъ за лучшее или дать отвѣтъ и предложить вопросъ въ короткихъ словахъ, или по большей части молчать, изъ чего приверженцы австрійскаго священства заключили, что я съ ними соглашаюсь, и допустили меня съ собой, по прежнему, на моленіе. Я тогда убѣдился въ ихъ невѣжествѣ. Самый главный изъ нихъ кандидатъ архіерейства Серапіонъ годенъ только въ причетники, хотя и изо всѣхъ силъ старался показать себя за грамотѣя и знатока священнаго писанія, церковнаго устава и правилъ. Пафнугій, лжеепископъ Казанскій, получилъ епископство по протекціи Аѳанасія слѣдующимъ образомъ: когда Аѳанасій, сдѣлавшись епископомъ, старался утвердить власть свою надъ всѣми раскольниками Саратовской, Самарской и Симбирской губерній, Пафнугій, тогда еще бывший мѣщаниномъ г. Николаева П. М., подъ каковымъ именемъ и теперь значится въ паспортахъ только уже купцомъ (паспортъ его бывалъ въ моихъ рукахъ, ибо въ разѣздахъ съ нимъ я представлялъ его паспортъ на почтовыхъ станціяхъ для взиманія подорожной и лошадей), самъ будучи коноводомъ порядочнаго раскольничьяго общества, съ настойчивостью противодѣйствовалъ дѣлямъ Аѳанасія, убѣждая послѣдователей своихъ держаться по прежнему бѣглопоповства. Видя это и справедливо опасаясь подрыва власти своей, Аѳанасій обратилъ на него все свое вниманіе, и заманивъ его къ себѣ, началъ склонять на свою сторону, и на первой же бесѣдѣ обѣщаль ему архимандритство. Это обѣщаніе кажется имѣло не малое вліяніе на успѣхъ дѣла, ибо П., какъ бы по немногу, началъ уразумѣвать истину, и хотя не вдругъ соединился съ Аѳанасіемъ, но съ этого времени сталъ бывать у него очень часто, потомъ началъ сообщаться съ Аѳанасіемъ и его послѣдователями только въ ястїи, а вскорѣ уже въ моленїи и наконецъ, какъ бы увѣрившись въ истинѣ, совершенно соединился съ ними. Послѣ сего онъ въ короткое время былъ проведенъ по низшимъ степенямъ до архимандрита и порученъ ему въ управленіе находящійся вблизи Уральска—Сыртовскій монастырь. По изверженїи изъ сана извѣстнаго Софронія, Пафнугій вмѣсто его рукоположенъ во епископа Казанскаго. Съ Пафнугіемъ я сдѣлался лично знакомъ слѣдующимъ образомъ: 1858 года въ декабрѣ, по представленію Аѳанасія, Пафнугій былъ командированъ Антоніемъ московскимъ для посвященія въ

Вятскій край достойныхъ людей во священники. Тогда Пафутій пріѣхалъ въ нашу мѣстность вмѣстѣ съ роднымъ братомъ моимъ, протодіакономъ Аѳанасіа, Максимиліаномъ, и остановившись въ домѣ одного изъ купцовъ Телицыныхъ, предложилъ имъ для вида, какъ людямъ богатымъ и гордящимся своимъ значеніемъ, представить кандидатовъ на священство. Достойнѣйшимъ кандидатомъ оказался племянникъ Максимиліана и мой, сынъ прежде помянутаго Данила Ефимовича, Маркеллъ Рябовъ. Но посвященіе его было отлагаемо со дня на день купцами Телицынами по слѣдующей причинѣ: церемонію эту хотѣлось имъ видѣть непременно всѣмъ. Но, такъ какъ былъ мясоѣдъ и происходили частыя по обыкновенію пирушки, то какъ ни назначить бывало Пафутій день посвященія, кто-нибудь изъ этой фамиліи окажется или въ гостяхъ, или дома неумѣренно выпившимъ, или же въ сильномъ похмѣльѣ, такъ что Пафутій, наскучивъ назначать дни посвященія, рѣшился было посвятить Маркелла тайно отъ нихъ въ другой деревнѣ, называемой Орѣхи. Для чего забравъ походную церковь и прочія принадлежности, мы съ братомъ Максимиліаномъ и ставленникомъ, по приказанію Пафутія, устроили все къ служенію. Провѣдавъ объ этомъ, Телицыны вздумали пугнуть насъ становымъ приставомъ, и это имъ удалось. Мы испугавшись тотчасъ же собрали походную церковь. Я съ братомъ и ставленникомъ отправился домой, а епископъ Пафутій поѣхалъ съ однимъ мужикомъ въ ближайшую деревню, окольною дорогою. По пріѣздѣ его въ эту деревню, какъ нарочно на его бѣду, въ то же время пріѣхалъ туда полицейскій сотскій; хозяинъ дома, гдѣ остановился Пафутій, полагая, что сотскій нарочно ѣдетъ по слѣдамъ его, испугавшись поспѣшилъ посадить Пафутія на подволоку холоднаго амбара за груду сухихъ вѣнниковъ. Это случилось въ послѣдніе дни масляницы, и сотскій, окончивъ свое дѣло, не спѣшилъ уѣзжать, а расположился погостить, почему и привелось нашему владыкѣ долго пробыть на подволоку амбара въ трескучій морозъ. Это приключеніе вывело изъ терпѣнія Пафутія, такъ что онъ рѣшился уже оставить совершенно Телицыныхъ, и взявши ставленника, походную церковь и всю церковную принадлежность, со мной и братомъ Максимиліаномъ отправился въ отдаленную, находящуюся въ лѣсу, деревню, называемую Шмыки, въ домъ проживающаго тутъ раскольническаго наставника Льва Спиридонова. Прибывъ сюда, мы тотчасъ же приступили къ

дѣлу, т.-е. разставили походную церковь, устроили престо́лъ и жертвенникъ. Но къ несчастію нашему во всей этой деревнѣ не только не оказалось капли церковнаго вина, но и фунта крупчатки для просфоръ. Что же дѣлать? и вотъ мы съ братомъ Максимилианомъ принялись хлопотать объ отысканіи матеріаловъ для просфоръ и вина. На просфоры отыскалось гдѣ-то черной пшеничной, домашней муки, и довольно. Печать для просфоръ тотчасъ же вырѣзали, только не на камнѣ или стали, а изъ рѣдкѣ. Но вино?... Одно неудобство устранили, передъ другимъ не останавливаясь стать, и вотъ вино мы рѣшили сочинить изъ сушеныхъ малиновыхъ лепешекъ; испросивъ на это разрѣшенія владыки своего, обварили эти лепешки кипяткомъ и давъ отстояться слили, и вотъ мы и съ виномъ. Началось архіерейское служеніе: на Пафнутія возложили мы съ братомъ (ибо кромѣ насъ и ставленника никого не было) съ торжественностію архіерейскія облаченія; только, нужно замѣтить, вмѣсто саккоса, какъ и всегда у старообрядцевъ, была риза изъ крестовой матеріи. За первой службой ставленникъ доведенъ былъ до степени діакона, за второй посвященъ во священника. По посвященіи ставленника въ священосца, нашъ епископъ, сдѣлавъ на головѣ его крестообразное постриженіе, передалъ ножницы протодіакону, который и выстригъ наверхушкѣ его круглое гуменцо. Австрійскіе же епископы ставленной грамоты не выдаютъ тотчасъ по посвященіи, а послѣ, спустя иногда и нѣсколько лѣтъ, какъбы вмѣсто награды.—Пафнутій, какъ могъ я замѣчать во время разѣздовъ моихъ съ нимъ и служенія, менѣе другихъ привязанъ къ буквѣ и на многое имѣеть довольно свѣтлый взглядъ. Въ числѣ находившихся при немъ тетрадокъ и книгъ, я имѣлъ возможность прочитать много интереснаго: объ организаціи австрійской лжеіерархіи, о раздорахъ между лжеіерархами и проч. и проч. Главное вниманіе Пафнутія тогда сосредоточено было на извѣстной книгѣ: „Побѣдная повѣсть“ Юнга Штиллинга. Книгу эту онъ читалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и всю испестрилъ своими замѣтками, поясненіями и толкованіями. Грамматикѣ Пафнутій вовсе не знаетъ,—въ письмахъ и другихъ сочиненіяхъ его на каждой страницѣ встрѣчаются грубые грамматическія ошибки; но есть у него природная способность излагать мысли довольно ясно и толково, не въ примѣръ прочимъ расколоучителямъ. Кстати расскажу о другомъ раскольническомъ архіереѣ Виталіѣ. Онъ былъ первый изъ австрійскихъ епископовъ, посѣ-

тившихъ нашъ край. Въ 1851 году онъ пріѣхалъ въ домъ Телицыныхъ такъ тайно, что кромѣ ихъ, нашего семейства и еще нѣкоторыхъ избранныхъ, никто этого долгое время и знать не могъ. Когда мнѣ было сказано родительницей, что пріѣхалъ старообрядскій священникъ, на меня это извѣстіе такъ подѣйствовало, что я весь трепеталъ отъ радости и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда удостоюсь видѣть этого пастыря, поелику со времени крещенія моего не доводилось мнѣ видѣть своихъ поповъ. Виталій по прибытіи въ домъ Телицыныхъ вскорѣ познакомился съ отцемъ моимъ и всѣмъ нашимъ семействомъ, потому что родитель мой настоятельствовавъ тогда въ находящейся при домѣ Телицыныхъ моленной. Въ первый пріѣздъ свой Виталій не объявлялъ своего епископскаго сана, но называя себя священникомъ, дѣйствовалъ какъ священникъ. Такъ какъ передъ этимъ временемъ никто изъ бѣглыхъ поповъ около десяти лѣтъ не пріѣзжалъ въ нашъ Вятскій край, то въ 10-ти тысячномъ обществѣ естественно накопилось множество дѣла, и каждый желалъ исправить духовныя нужды свои, во что бы то ни стало. Видя это, Виталій не упустилъ воспользоваться случаемъ къ поживѣ, и установивъ для всѣхъ требъ цѣну, сталъ принимать только тѣхъ, кто былъ въ состояніи заплатить положенное; такъ за крещеніе младенца и возрастнаго была положена цѣна 1 р. 50 к. серебромъ, за исповѣдь отъ 30-ти до 50 к., за исправу, т. е. отреченіе отъ ересей, тоже что и за крещеніе. Мѣро, вѣроятно, тогда еще не было состряпано въ Бѣлокриницѣ, или Виталій не имѣлъ возможности заpastись имъ, ибо употреблялъ при крещеніи, оставшееся у насъ отъ бѣглыхъ поповъ и хранившееся съ прочею утварью въ одномъ изъ двухъ пузырьковъ, что-то въ родѣ киселя,—въ немъ не только не было запаха свойственнаго св. мѣру, но напротивъ при вскрытіи пузырька обоняніе поражалось какою-то тяжелою затхлостію. Пузырьки эти были совершенно одинаковы; и навязанныя на горлышкахъ ихъ бумажки,—вѣроятно свидѣтельствовавшія, во свое время, о хранимомъ въ нихъ—оборвались, такъ что не было никакой возможности опредѣлить, которая изъ мазей этихъ пользовалась названіемъ мѣра. Виталій предоставилъ право это той изъ нихъ, которая была погуще; для чего привязалъ снова бумажку съ словами: *св. мѣро*. Браковъ, въ первый пріѣздъ свой, онъ не вѣнчалъ, ибо называлъ себя іеромонахомъ. Съ этимъ Виталіемъ я началъ свое служеніе бывши 15-ти лѣтъ отъ ро-

жденія. Я развѣзжалъ съ нимъ по всему обществу старообрядцевъ, считающихся прихожанами Наймушинской часовни въ 3-хъ уѣздахъ—Глазовскомъ, Нолинскомъ и Малмыжскомъ. Несмотря на неумѣренную таксу, дѣла было такъ много, что буквально не давали намъ покоя ни днемъ ни ночью. Крестили человѣкъ по 80-ти въ сутки и болѣе. Дѣло это дѣлалось такъ: желающій креститься, или крестить кого, подходитъ къ столу, гдѣ засѣдаетъ дьячекъ, и выкладываетъ деньги; дьячекъ записываетъ имя крещаемого, его матери и бабы, хотя бы онѣ давно померли. Записываемы были по возможности всѣ, — а если много крещаемыхъ, то не болѣе сорока человѣкъ. Потомъ Виталій приказывалъ снять обувь, крестъ, поясъ,—а мужчинамъ и исподнее бѣлье, требовалъ отъ каждого синдонъ—конецъ холста, отъ двухъ до четырехъ аршинъ; связывалъ холстъ узломъ и складывалъ въ передній уголъ между тѣмъ поставленный на извѣстныхъ пунктахъ караулъ наблюдалъ, нѣтъ ли какого движенія со стороны полиціи, и въ случаѣ какой опасности долженъ былъ немедленно дать знать ближайшему караулу, а самъ оставался на своемъ мѣстѣ, чтобъ не указать, гдѣ находится собраніе. Ризъ и прочей утвари мы съ собой никогда не возили, а перевозилось это или ранѣе, или по отбѣздѣ нашемъ. Паспортъ у Виталія былъ какого-то отставнаго мастерового Ижевскаго оружейнаго завода. Легко было дѣйствовать, гдѣ успѣвали полицію *задобритъ*, но крайне тяжело и опасно, гдѣ еще не было сдѣлано съ ней настоящаго *договора*: въ первомъ случаѣ она была наша охранительница, въ послѣднемъ—непримиримый непріятель. Крещальныя молитвы читались для всѣхъ однѣ, также и вода освящалась однажды; но освященной воды отдѣлялась часть потребная для приливанія къ водѣ не освященной, которая мѣнялась по выходѣ каждого изъ купели. Хотя прежде погруженные наставникомъ или бабою и не погружались, но все-таки становились въ купель,—при чемъ попъ произносилъ, налагая на голову каждого изъ нихъ руку, слова: „Благословенъ Богъ просвѣщаяй и освѣщаяй всякаго человѣка приходящаго въ міръ“, и тотчасъ же передавалъ воспріемнику стоящему съ синдонемъ на шеѣ. Трудъ былъ огромный; за то и деньги лились рѣкой. Часто являлись старики и старухи, не зная сами что имъ нужно, и иногда трудно было догадаться, какъ съ ними поступить, ибо они на всё согласны, хоть креститься, хоть исповѣдаться или ереси проклясть; а потому необходимость за-

ставляла спрашивать ихъ подробно объ ихъ предшествовавшей жизни и тогда уже можно было узнать, что съ ними сдѣлать. Виталій былъ строже всѣхъ австрійскихъ извѣстныхъ мнѣ архіерееъ, и до того преданъ буквѣ, что всѣхъ исповѣдавшихся ему облагалъ тягчайшими епитиміями,—исправить которыя никто не былъ въ состояніи: такъ за повѣнчаніе въ православной церкви онъ, по исполненіи присоединенія 3-мъ чиномъ, налагалъ непременно годовичную епитимію—1000 земныхъ поклоновъ на день, предписывая употреблять постную пищу, а въ среды и пятки сухояденіе однажды въ день. Впрочемъ, въ послѣдній прїѣздъ свой, объявивши себя не только епископомъ, но и митрополитомъ, Виталій постановилъ снимать эти епитиміи съ тѣхъ, которые пожелаютъ снова отъ него быть повѣнчанными. Онъ разсуждалъ: что тамъ за таинства, гдѣ нѣтъ благодати Св. Духа? Случалось при этомъ, что вмѣстѣ съ сыновьями вѣнчались ихъ отцы и матери, и это возбуждало смѣхъ не только въ постороннихъ зрителяхъ, но и въ самихъ брачующихся, и не мало было высказываемо по этому случаю шутокъ и острогъ. Степени родства Виталій разбирать вовсе не умѣлъ, предоставляя это мудреное дѣло сестрѣ купца Телицына, лжехимонахинѣ Варсоноіи. Вотъ тутъ-то можно было послушаться, какъ раскольники перекраиваютъ правила отеческія на свой ладъ; никто противорѣчить и замѣчать ей отнюдь не смѣлъ,—она выдавала себя за святую и пророчицу, и часто разсказывала и толковала народу, когда и какія ей являлись знаменія и видѣнія; а потому всѣ рѣшенія ея безпрекословно приводились въ исполненіе. Митрополитство Виталій получилъ слѣдующимъ образомъ: извѣстный Софроній, лжеепископъ казанскій, вознамѣрившись отдѣлиться отъ Бѣлокриницкой митрополіи и стать во главѣ совершенно независимой отъ ней іерархіи, пригласилъ Виталія и уральскаго лжеепископа Израіля, предложилъ имъ сдѣлать избраніе митрополита чрезъ посредство жеребья; но жребій митрополичій достался Виталію. Недовольствуясь этимъ избраніемъ, Софроній чрезъ нѣсколько времени вздумалъ сдѣлать избраніе на патріарха; но, къ величайшему его огорченію, и патріаршіи жребій достался не ему, а Израілю. Израиль впрочемъ отъ этого титула вскорѣ отказался. Дальнѣйшее о Виталіи и Софроніи уже извѣстно изъ журналовъ.

1853 года, въ Великомъ постѣ, отецъ мой изъявилъ желаніе принять постриженіе въ монашество, и былъ постри-

женъ, съ именемъ Ефрема, Виталиемъ, который и принялъ его себѣ въ евангельскаго сына. Съ этого времени любовь Виталія къ семейству нашему сдѣлалась безграничною, и онъ относился къ намъ не иначе какъ родной отецъ къ дѣтямъ; равно и мы къ нему имѣли любовь и привязанность такую, какой не могли ни къ кому другому имѣть. Сдѣлавшись монахомъ, отецъ мой строго исполнялъ обѣты свои, не заботился о женѣ и дѣтяхъ, отъ которыхъ онъ отрекся; а потому вся тягость управления домовнаго, попеченія о хозяйствѣ и семействѣ легли на меня одного, и о, сколько я перенесъ скорбей и горя, доводившихъ иногда меня до отчанія! Хотя по временамъ родитель и жилъ съ нами, но онъ былъ для насъ какъбы чужой. Въ одно такое время случилось памятное обстоятельство: проживая въ своемъ домѣ въ особой комнаткѣ, отецъ мой упражнялся въ непрестанной молитвѣ, весьма мало давая себѣ отдыхъ; въ это время пріѣхалъ въ домъ Телицыныхъ губернаторскій чиновникъ Салтыковъ, и обыскавъ домъ ихъ, въ то же время приказалъ становому приставу обыскать дома нашъ и брата лжеепископа Аѳанасія, Аксена Абрамова; кончивъ обыскъ, становой приставъ и бывший съ нимъ депутатъ съ духовной стороны, священникъ села Порѣзскаго, о. Василій Леонтиевъ, позвали отца моего къ себѣ въ квартиру; часа черезъ три, по уходѣ его, потребованъ былъ туда же я и все наше семейство, состоявшее изъ родительницы и трехъ сестръ. Становой показалъ лежавшую на столѣ собственноручную подписку родителя на принятіе православія и предложилъ мнѣ сдѣлать тоже. Взглянувъ на бумагу и увидавъ почеркъ руки отца моего, я не вѣрилъ глазамъ своимъ; ибо могъ ли я думать, чтобъ онъ когда-нибудь согласился измѣнить столь строго содержимой имъ своей вѣрѣ, а потому на всѣ вопросы становаго пристава молчалъ и лишь испытующимъ взоромъ смотрѣлъ на стояшаго тутъ же отца моего. Видя это, приставъ попросилъ родителя выйти со мной для переговоровъ въ особую комнату; здѣсь съ сердечною болью и отчаяніемъ я, выслушавъ отъ него совѣтъ послѣдовать его примѣру, отвѣчалъ: „подписаться значитъ быть отступникомъ, бросить свою св. вѣру и принять чужую“! На это родитель сказалъ, что священникъ не запретитъ намъ употреблять свои обряды и проч., и еще говорилъ: „если ты не обратишься, то тебя отдадутъ въ военную службу, или сошлютъ за Кавказъ“. Но тогда все это для меня ничего не значило

и я, воспламенившись ревностію по мнимо-истинной вѣрѣ своей, говорилъ, что согласенъ хоть сейчасъ же слѣдовать въ ссылку, или куда угодно, и проливалъ горячія слезы о внезапной переměнѣ отца моего. Отецъ вышелъ со мной къ становому, сказавъ: „какъ хотите съ нимъ вы, а меня не слушаетъ“. Послѣ этого позвано было и все наше семейство, и когда родитель объявилъ, что присоединяется къ православной церкви и совѣтуетъ то же сдѣлать и намъ, то всѣми нами поднятъ былъ такой плачъ и вой, что становой приставъ распорядился отправить насъ поскорѣй домой, оставивъ родителя для привода къ присягѣ. Слезы эти и вой продолжались не одинъ день и возобновлялись каждый разъ при старообрядцахъ, приходившихъ и пріѣзжавшихъ въ домъ нашъ узнать о случившемся.

По приходѣ родителя домой, когда онъ намѣревался исправить вечернее правило, родительница и старшая сестра моя не дозволили ему молиться въ той комнатѣ, гдѣ онъ прежде молился, а указали мѣсто въ избномъ чуланѣ подъ полатями у дверей, ведущихъ въ подполье. И онъ этому распоряженію безпрекословно подчинился, — устроивъ тутъ для иконъ полочку, исправлялъ свое правило. На другой день пріѣхалъ въ домъ нашъ о. Василій Леонтьевъ для свиданія и бесѣды съ родителемъ моимъ и увѣщанія нашего семейства; родитель, встрѣтивъ священника должнымъ образомъ, принялъ отъ него благословеніе. Когда на приглашеніе священника пріѣзжать къ церкви онъ изъявилъ согласіе, то семействомъ нашимъ былъ поднятъ страшный крикъ и шумъ; на священника и церковь православную посыпались разныя хулы и ругательства; но о. Василій на все это только сказалъ: „Я увѣренъ, что когда-нибудь благодать Божія озаритъ это семейство“, — и тотчасъ вышелъ изъ дому. Это предсказаніе старца-священника сбылось, ибо, по милости Божіей, теперь все семейство наше обратилось ко св. церкви.

Послѣ этого происшествія во всемъ нашемъ старообрядческомъ обществѣ пошла молва, что отецъ Ефремій сошелъ съ ума, и кажется, нѣкоторые этому вѣрили не шути, ибо судя по строгому его характеру, никто не могъ объяснить себѣ поступка его иначе какъ сумасшествіемъ. Но я скажу, какъ предъ Богомъ, что не было въ умѣ его и тѣни какого-либо растройства. Скорую переměну убѣжденій его можно объяснить тѣмъ, что онъ въ послѣднее время не отрицалъ совершенно благодати въ церкви пра-

вославної, а только находилъ ее сильно поврежденною мнимыми нововведеніями, и потому признавалъ возможнымъ устроить спасеніе свое, исполняя свои обряды и вмѣстѣ съ тѣмъ не отдѣляясь отъ той церкви, которая снабждаетъ и старообрядцевъ благодатію священства. Но къ сожалѣнію отецъ мой не долго оставался сыномъ церкви. Онъ не могъ устоять противъ искушенія, выслушивая повседневыя укоризны и всякаго рода ругательства на принятую имъ вѣру и церковь не только отъ своего семейства и родныхъ, но и отъ постороннихъ посѣтителей, и это продолжалось дотолѣ, пока не удалось его отправить для *исправы* въ Казань къ находившемуся тутъ австрійскаго поставленія лжепопу Трофиму Шедрину. Виталій въ это время жилъ уже въ своей родинѣ въ Богорусланскомъ уѣздѣ и послѣ къ намъ не возвращался. Я думаю, что еслибъ родитель былъ въ это время окруженъ людьми православными, или могъ имѣть къ нему доступъ священникъ, то легко бы онъ примирилъ совѣсть свою съ воображаемыми нововводствомъ церковными. Но попытки священника посѣщать его не имѣли успѣха, ибо послѣ перваго пріѣзда его, дверь дома нашего для него была всегда заперта. Вскорѣ послѣ *исправы*, по желанію всего нашего общества, родитель отправленъ въ Хвалынскъ къ двоюродному брату своему и крестнику, преждепомянутому лжеепископу Аѳанасію, который и далъ ему скитъ вблизи архіерейскаго дома, при рѣчкѣ Черемшанѣ, вмѣстѣ съ преждепомянутыми выходцами изъ-за границы Серапіономъ и прочими. Въ этомъ скитѣ родитель и кончилъ дни свои 1863 г., на 8-е сентября, принявъ передъ смертію схиму.

Обстоятельство присоединенія родителя къ православію и незадолго передъ этимъ выказанныя имъ въ бесѣдѣ со мною о православномъ священствѣ слова заронили въ душу мою мысль ознакомиться съ православіемъ. Однажды разговоривая съ родителемъ, я предложилъ ему тревожившій меня долгое время вопросъ о несообразности принятія священства отъ церкви еретичествующей, въ коей не признавалъ я ничего освящающаго. На это онъ отвѣчалъ такъ: „хотя церковь великороссійская и дѣйствительно уклонилась во многія нововводства и слабости, но такъ какъ она несуждена была вселенскимъ соборомъ и благодатное рукоположеніе въ ней тянется отъ Христа непрерывно, то и можно отъ нея заимствовать священство. Даже и великороссійскихъ священниковъ молит-

вы Богъ слушаетъ: бывало, въ засуху, попросишь на поле попа съ иконами, и непременно Богъ дастъ дождя.“ Я положилъ выслушивать все, что будутъ говорить о старообрядчествѣ православные священники, и читать писанное противъ старообрядчества для того, чтобъ, узнавъ ближе воображаемая неправды великороссійской церкви, успокоить тѣмъ нѣсколько возмущившуюся совѣсть. Ибо я былъ твердо увѣренъ, что основанія наши крѣпки и не могутъ ихъ опровергнуть вымыслы новыхъ учителей. Случаи стали представляться скоро. При Наймушинской часовнѣ въ квартирѣ сельскаго писаря увидалъ я книжку „о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ“ (первыхъ изданій, а не нынѣшнюю), которую и взялъ для прочтенія. Читая въ первый разъ помянутую книгу, я на каждомъ листѣ находилъ несообразности и натяжки, а потому вознамѣрился обличить и опровергнуть. Приготавлиаясь къ сему, я началъ перечитывать эту книгу во второй разъ съ болѣе покойнымъ духомъ и съ меньшимъ предубѣжденіемъ, и что же? сталъ находить въ ней меньше вымысловъ, а больше правды; почему, во избѣжаніе соблазна, поспѣшилъ возвратить книжку владѣльцу и старался успокоить себя тѣмъ, что это писано мудрецами *міра сего*, способными прельщать словомъ своимъ благочестивыя души, какъ древній змій праматерь Еву, и что кажущаяся правдоподобность есть сѣть тогоже искушителя рода человѣческаго. Притомъ представлялось мнѣ, что я тяжко согрѣшилъ, прочитавъ еретическую книгу и этимъ допустивъ какъбы сомнѣніе въ истинной своей вѣрѣ, за что, думалъ, подлежу гнѣву Божию и долженъ понести наказаніе; укоряя себя, я рассуждалъ: отцы церкви говорятъ: *еретическихъ книгъ не прочитати и ученію ихъ не внимати*, а я что сдѣлалъ? Съ этого времени я было рѣшилъ ничего не читать напечатаннаго противъ раскола и не вступать въ словопреніе съ православными, боясь утвердиться въ запавшихъ въ душу мою сомнѣніяхъ, и очень желалъ забыть прочитанное; но мѣста, которыя я старался забыть, тверже впечатлѣвались въ памяти моей. Спустя не малое послѣ сего время, я случайно увидалъ у одного старообрядца книгу „Розыскъ“ св. Димитрія, данную ему священникомъ. Спросивъ мнѣнія его о сей книгѣ и получивъ въ отвѣтъ, что все въ ней ложь, я захохотался прочитать ее,—опять для того, чтобы знать, какія противъ насъ придумываются неправды, и чтобы въ послѣдствіи поставлять это въ укоризну православнымъ.

Чтеніе этой книги произвело во мнѣ раздраженіе и большое ожесточеніе противъ православія; ибо въ ней многое говорится слишкомъ жестоко и описываются секты и обычаи вовсе незнакомыя намъ и поповщинѣ; я радъ былъ думать, что все это явная клевета, и утверждался во мнѣнїи, что таковы же и прочія направленные на насъ сочиненія. Съ этимъ предубѣжденіемъ я началъ снова читать все писанное противъ раскола, съ цѣлью извлекать для себя и своихъ единовѣрцевъ пользу опроверженіемъ тѣхъ сочиненій. Наслышавшись о *Пращицѣ* преосвященнаго Питирима, я досталъ ее для чтенія. Тщательно скрывая эту книгу отъ своихъ собратій, я изо всѣхъ силъ старался найти въ ней какъ можно больше противорѣчій и изучивъ ихъ, разомъ объявить несостоятельность сужденій и этой книги; но сколько я ни усиливался отыскивать противорѣчія и опровергать ясные доводы вышедшаго изъ среды нашей братіи святителя, однако всѣ мои усилія передъ судомъ моего же разума казались очень слабыми и я крайне досадовалъ на епископа Питирима, какъ на измѣнника и врага своей вѣрѣ. Перечитывая въ его книгѣ вопросы раскольниковъ и отвѣты по нѣскольку разъ, я, самъ не замѣчая, постепенно примирялся съ сочинителемъ отвѣтовъ, а вопрошатели стали мнѣ казаться то придирчивыми, то мало понимающими, каковыми они и были на самомъ дѣлѣ. И наконецъ я сталъ къ Пращицѣ относиться уже не столь враждебно, хотя и не въ силахъ былъ побѣдить предубѣжденія свои; чтеніе этой книги изъ фанатика раскольника сдѣлало меня болѣе умѣреннымъ и поселило во мнѣ убѣжденіе по крайней мѣрѣ такое: что не все у насъ чистая правда и не все у православныхъ не правильно и богопротивно, какъ думалъ я дотошъ.

(Окончаніе будетъ.)

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ СОБЫТІЯ ВЪ ДЕНЬ СВ. ПРОРОКА БОЖІЯ ИЛІИ.

День св. пророка Божія Иліи особенно почитается православными сынами Россіи. Многіе опыты Божескаго правосудія надъ грѣшниками, или безконечнаго милосердія Божія къ кающимся грѣшникамъ, совершившіеся въ нашемъ отечествѣ въ день св. пророка Божія Иліи, заставили многіе города и селенія въ день сей ежегодно совершать крестные ходы,—въ городахъ ко храму, посвященному имени сего святаго, а въ селеніяхъ вокругъ че-

ловѣческихъ жилищъ. Такъ, по свидѣтельству опыта, въ день сей неоднократно караль Господь грѣшниковъ за неуваженіе къ памяти сего великаго угодника Божія. Событіе, о которомъ я слышалъ отъ одной благочестивой особы, можетъ служить подтвержденіемъ сему.

Лѣтъ десять тому назадъ вотъ что случилось въ одномъ помѣстьѣ П—ской губерніи. Въ семъ помѣстьи храмовой праздникъ въ честь св. пророка Божія Іліи издревле былъ отличаеми отъ другихъ праздниковъ крестнымъ ходомъ, ежегодно совершавшимся вокругъ селенія. Этотъ благочестивый обрядъ былъ установленъ еще при дѣдѣ владѣльца этого помѣстья, по обѣту, данному имъ Богу и Его св. угоднику въ благодарность за то, что наканунѣ сего дня онъ благополучно прибылъ въ имѣніе и вступилъ во владѣніе имъ. Благодарность его такъ была велика, что онъ далъ еще обѣтъ—при совершеніи сего крестнаго хода своими руками носить икону Христа Спасителя, и въ точности исполнять сей обѣтъ до самой кончины своей. Приблизившись къ смерти, онъ завѣщалъ и дѣтямъ своимъ поступать по его примѣру, и старшему въ родѣ носить икону Спасителя во время крестнаго хода. И сынъ его, сдѣлавшись хозяиномъ имѣнія, какъ старшій въ своемъ семействѣ, во время крестнаго хода ежегодно самъ носилъ икону Спасителя. Слѣдуя примѣру своего отца и дѣда, и настоящій помѣщикъ немалое время въ точности исполнялъ сей благочестивый обычай. Но какое доброе дѣло не встрѣчается съ искушеніемъ? Однажды наканунѣ праздника св. пророка Іліи къ молодому помѣщику пріѣхали нѣкоторые изъ сосѣдей. Такъ какъ хозяинъ имѣнія любилъ ѣздить на хорошихъ лошадяхъ, и не далеко отъ его имѣнія въ Ильинъ день была ярмарка, на которой много продавалось лошадей, то гости стали звать его ѣхать съ ними на ярмарку, чтобы тамъ вмѣстѣ купить себѣ по доброму коню. Долго отговаривался хозяинъ отъ исполненія ихъ желанія. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ сему онъ поставлялъ давнишнее обыкновеніе самому быть въ крестномъ ходѣ, и какъ старшему въ семействѣ, носить икону Спасителя. Но гости убѣдили хозяина въ неважности исполненія сего благочестиваго обычая. „Что за важность, говорили ему, если вы уѣдете отъ крестнаго хода? Вы тѣмъ не нарушите благочестиваго обыкновенія. Крестный ходъ можетъ совершиться и безъ васъ; икону Спасителя вмѣсто васъ можетъ нести ваша супруга!“ Убѣжденія гостей подѣйствовали на хозяина: онъ рѣшился уѣхать на ярмарку,

чтобы покупкою коня дополнить свой скотный дворъ, а мѣсто свое въ крестномъ ходу занять поручилъ своей супругѣ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Въ праздникъ 20 іюля крестный ходъ совершился по установленному обычаю, въ ходѣ икона Спасителя была несена женою помѣщика. Но Господь Богъ не оставилъ безъ наказанія несоблюденіе обѣта, завѣщаннаго предками, и неуваженія къ памяти великаго угодника Своего. День 20 іюля съ утра былъ очень ясный. Послѣ полудня внезапно явилось небольшое дождевое облако, изъ котораго произошелъ сильный ударъ грома, и молнія ударила въ скотный дворъ помѣщика и зажгла его; въ нѣсколько минутъ уничтожилось все, что было на томъ дворѣ. Тушить огни не было никакой возможности: нужно было заботиться о защитѣ нѣ съ одной стороны селенія, находившагося отъ мѣста пожара саженьхъ во ста, а съ другой стороны господскаго дома, стоявшаго также не подалеку отъ мѣста пожара. Такъ проявилъ Богъ праведный гнѣвъ свой на грѣшника, не почтившаго памяти св. угодника Его, но въ то же время Онъ явилъ и знаменіе Своего милосердія къ другимъ людямъ, съ вѣрою возсылавшимъ къ Нему свои молитвы и призывавшимъ на помощь къ себѣ св. пророска Божія Ілію.

При началѣ пожара вѣтромъ клонило пламя на близъ стоявшій господскій домъ. Испуганная сестра хозяина, случайно прѣхавшая къ брату ради храмоваго праздника, вышла навстрѣчу пламени съ иконою Спасителя и, съ усердною молитвою къ Нему, стала прямо противъ вѣтра. И что же? Вѣтеръ, будто устыдившись св. иконы, внезапно подулъ въ противоположную сторону—на селеніе. Но и тамъ къ счастью нашлись благочестивые люди, которые, по примѣру благочестивой госпожи, также вышли со св. иконами Спасителя, Богоматери, и стали противъ вѣтра. И о дивное чудо! Вѣтеръ и здѣсь, какъ бы устыдившись св. иконъ, остановился и престалъ: внезапно воцарилась въ воздухѣ тишина: дворъ горѣлъ тихо, подобно свѣчѣ. Не ясно ли чрезъ сіе событіе Господь Богъ съ одной стороны явилъ праведный гнѣвъ Свой на грѣшника, а съ другой стороны проявилъ и Свое безконечное милосердіе къ людямъ, видимо защитивъ ихъ отъ угрожавшей имъ опасности? Чрезъ сіе событіе Онъ доказалъ истину словъ Св. Писанія, что *Богъ поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 7) и что Онъ *близъ боящихся Его* (Пс 84, 10)—и *всѣмъ призывающимъ Его* (Пс. 144, 18).

Священникъ Александръ Романовскій.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

АВГУСТЪ.

1870.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ СВЯЩЕННИКА КИРИЛЛА РЯБОВА ^(а).

Въ январѣ 1858 года, по усиленному настоянію родительницы, желавшей видѣть меня женатымъ, я поѣхалъ съ избранною дѣвицею, Екатериною, для совершенія брака въ Казань, къ преждепомянутому лжепопу Трофиму Щедрину, потому что въ то время въ нашемъ мѣстѣ попа не было, а исправляли всѣ нужды архіереи во времена пріѣздовъ своихъ. Пріѣхавъ въ Казань и остановившись въ номерахъ, я обратился къ извѣстнымъ содержателямъ поповъ и архіереевъ братьямъ Карповымъ, какъ прежде мнѣ знакомымъ, съ просьбою, чтобъ указали мнѣ своего священника; взявъ отъ нихъ служанку для указанія квартиры, гдѣ совершались требы, ибо Щедринъ въ своемъ домѣ священнодѣйствовать опасался, — я въ ночное время отправился со своею невѣстою въ захолустье, въ самую безлюдную улицу, гдѣ въ тѣсной келіи уже ожидалъ насъ о. Трофимъ и семь паръ пріѣхавшихъ для вѣнчанія изъ разныхъ мѣстъ. Всѣ восемь паръ по тѣснотѣ комнаты установлены были въ два ряда; для каждой пары по обыкновенію поставленъ былъ особый стаканъ съ виномъ. Щедринъ, ругая старухъ, владѣлицъ кельи, за какія-то неисправности, возложилъ на себя епитрахиль и началъ вѣнчаніе всѣхъ за одними молитвами, предварительно возложивъ на головы брачующихся вмѣсто вѣнцевъ мѣдныя иконы.

Въ 1861 году, для сокрытія отъ православныхъ развѣдковъ моихъ съ духовенствомъ австрійскимъ и ча-

---

(а) Окончаніе. Начало см. въ іюльской книжкѣ.

стыль, иногда на продолжительное время, отлучекъ — я открылъ при домѣ своемъ фруктовое заведеніе и пріятную мастерскую, поручивъ главное управленіе оныхъ своему зятю. Въ доказательство же того, что разѣзды мои дѣлаются по дѣламъ торговли, — въ свободное время, по окончаніи службы, старался выѣзжать на базары и ярмарки, гдѣ каждый могъ меня видѣть торгующимъ, а главное, могли видѣть меня самые враги наши — православные священники, съ коими неизбѣжно долженъ былъ знакомиться, хотя внутренно и былъ имъ врагъ и ненавидѣлъ все нестарообрядческое. Зная о мнѣ по слуху, какъ о человѣкѣ начитанномъ и не по лѣтамъ пользующемся въ старообрядчествѣ значеніемъ и почетомъ, православные священники не упускали случая заводить со мной бесѣды о вѣрѣ; въ этихъ бесѣдахъ не рѣдко, — пользуясь малымъ знакомствомъ нѣкоторыхъ священниковъ съ расколомъ и его исторіею, я оставался побѣдителемъ. Въ одно время, по дѣлу торговли довелось мнѣ зайти къ священнику села Порѣскаго о. Василью Сырневу; онъ, усадивъ меня и начавъ съ постороннихъ предметовъ, незамѣтно приблизился къ спорнымъ религіознымъ пунктамъ; я вступилъ охотно съ нимъ въ преніе, съ надеждою, что выйду изъ спора, какъ случалось прежде, побѣдоносно. Но вопреки моему ожиданію, на первыхъ же порахъ споръ этотъ оказался для меня труднымъ. Короткое знакомство этого пастыря съ исторіею и самымъ бытомъ, а также и увертками — раскола, главное же, строгая послѣдовательность его въ разсужденіяхъ — не давали мнѣ возможности съ обычною поспѣшностію дѣлать опроверженія и приводить въ свою пользу оправданія, что не мало меня удивило, и я крайне досадовалъ на священника за его умѣнье вести бесѣду. Мнѣ казалось, что мнѣ для такихъ бесѣдъ не доставало одной научной изворотливости и *мудрости міра сего*, и я возымѣлъ намѣреніе какъ можно болѣе усовершенствовать себя въ этомъ отношеніи, чтобы не быть побѣждаемымъ, и продолжалъ сношенія съ о. Василіемъ. Въ слѣдующій пріѣздъ мой въ его село, кончивши дѣла свои, я поспѣшилъ зайти къ о. Василію и по нѣкоторой бесѣдѣ попросилъ его одолжить меня книгами, направленными противъ старообрядчества, что онъ тотчасъ же съ радостію и исполнилъ, давъ мнѣ книгу „Истинно-древняя и истинно православная Христова Церковь.“ Каково было мое удивленіе, когда я, раскрывъ книгу и взглянувъ на оглавленіе, нашелъ тутъ указаніе на все,

чѣмъ блазился и что находилъ неправаго въ церкви православной! Всѣ обвиненія наши тутъ на лицо. Прихавъ домой, я съ восторгомъ принялся читать эту книгу, не давая себѣ отдыха, и желая какъ можно скорѣй узнать, что найдено противъ обвиненій нашихъ, казавшихся мнѣ такъ ясными и неопровержимыми. Крайне удивляло меня то, что въ ней приведены мѣста изъ такихъ книгъ, которыя, я полагалъ, никто изъ православныхъ пастырей и не видалъ; ибо издѣтельства мнѣ натолковано было, что никоніане всѣ древнія книги, гдѣ бы ни нашли, отбирають и жгутъ, и бывало, воспламенясь ревностію о истинной вѣрѣ и древностяхъ истребляемыхъ нововводителями, начнешь клясть всѣхъ никоніанъ, а болѣе духовенство, какъ только вздумается. Чтеніе книги „Истинно древняя.... Хр. Церковь“ произвело во мнѣ какое-то смятеніе чувства, и я долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что во мнѣ происходило: доводы такъ ясны, свидѣтельства почти всѣ приведены изъ уважаемыхъ нами книгъ и по справкѣ оказались точными; но какъ же это такъ, думалъ я: вѣдь книги, которыми оправдываютъ себя никоніане, наши, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ православны. Вотъ никоніане ухитрились какъ, что нашимъ оружіемъ хотять насъ побороть! Непонятно! Но вѣдь на дѣлѣ-то выходитъ такъ, что они остаются правыми. Что же дѣлать? Опять перечитывать книгу преосв. Григорія. Не одинъ и не два раза прочиталъ я эту книгу и въ концѣ концовъ оказалось, что я остался какъ-бы на льдинѣ, отставшей отъ берега, не видя ни отколѣ спасенія, — отъ чего получилъ сильную душевную скорбь. О, тяжки эти боренія душевныя! И понять дѣну ихъ можетъ только тотъ, кто на себѣ испытывалъ ихъ. Что было несомнѣнно истинно, свято, драгоцѣнно душѣ и сердцу, вдругъ оказывается сомнительнымъ и неправильнымъ; но съ другой стороны не мало было препятствій примириться съ церковію. Читая сочиненія православныхъ пастырей и видя, что все написано такъ умно, такъ основательно, что не остается ничего сказать въ свое оправданіе, начинаешь какъ бы примиряться съ ними и осуждать свое отступство. Но зашедши въ сельскій православный храмъ и простоявъ какую-нибудь службу, вмѣсто желанія сближенія, вынесешь соблазнъ и совершенно разстроишься. Ибо сравнивая Богослуженіе свое съ спѣшнымъ сельскимъ, находишь въ своемъ превосходство. Чинаго и благолѣпнаго архіерейскаго служенія я тогда еще

не видалъ. Первое архіерейское служеніе увидалъ я въ Нижегородскомъ ярмарочномъ соборѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, въ день памяти святителя Иннокентія Иркутскаго. Строгосвятотѣпное служеніе пресвященнѣйшаго Нектарія произвело на меня благопріятное впечатлѣніе, и я получилъ душевную отраду. Въ сельскихъ же храмахъ, скажу со скорбію, старообрядецъ, по преимуществу христіанинъ обрядовый, мало увидитъ похорожаго на свое Богослуженіе; ибо не только прихожане, но и сами священнослужащіе какъ бы не заботятся о порядкѣ и благочиніи церковномъ: крестное знаменіе почти никто не изображаетъ такъ, какъ бы желалось старообрядцу и, прибавлю, какъ бы слѣдовало, а дѣлаютъ иногда только надъ грудью какое-то рукой покачиваніе; поклоны также творятся, какъ намъ кажется, съ свѣтскою небрежностію, и кто когда вздумаетъ; каженіе, пѣніе и чтеніе—все спѣшное; каноны утренніе не читаются; каѳисмы, если гдѣ и доводилось слышать, читались съ пропусками. Бывало, слыша такое чтеніе, думаешь: ахъ вы кощунники! какъ вамъ Богъ терпитъ! Но паче всего непріятно дѣйствуетъ на старообрядца то, когда доводится видѣть самихъ священнослужащихъ подчующихся табакомъ, и это иногда въ самомъ алтарѣ. Многие изъ неприкосновенныхъ къ подобнымъ слабостямъ имѣютъ обыкновеніе оправдывать ихъ разными объясненіями; но, нѣтъ, не оправдывать слѣдуетъ все это, а порицать и по мѣрѣ возможности искоренять. И кажется, въ духовенствѣ это сдѣлать возможно, только слѣдовало бы, кому слѣдуетъ, обратить на это серьезное вниманіе; а стоитъ, — изъ-за этой, по преимуществу, небрежности гибнуть тысячи душъ. Сколько бы пастырь ни былъ ученъ, мудръ и строгъ къ самому себѣ и сколько бы ни расположилъ къ себѣ старообрядца; но достаточно ему только вынуть табакерку, и всѣ его труды безъ возврата пропали: старообрядецъ слушать его болѣе не будетъ. Это я очень хорошо знаю. Но довольно. И да простятъ мнѣ читатели уклоненіе отъ разсказа въ сужденія, быть можетъ, превышающія мою мѣру. И такъ находясь въ такомъ, какъ я говорилъ, двусмысленномъ положеніи, я иногда усердно молилъ Господа исцѣлить ужаленный духъ мой и сердце и избавить отъ невыносимаго совѣстнаго мученія.

Въ этой нерѣшительности пробылъ я еще не малое время, развлекаемый службами съ австрійскимъ духовенствомъ. Въ строгости уставовъ своихъ при служеніяхъ

и требовахъ я находилъ какъ бы успокоеніе, разсуждая про себя: возможно ли, чтобъ такое чинное служеніе было не-пріятно Богу? Однако это было лишь временное успоко-еніе и вычитанныя мной въ „Выпискахъ изъ старописмен-ныхъ и старопечатныхъ книгъ“, Озерскаго,—статьи о томъ, что „у еретиковъ болѣе воздержанія и молитвы,“ согла-совались съ моимъ мнѣніемъ и не давали мнѣ покоя. Со-мнѣнія относительно неправильностей старообрядчества, для самого меня незамѣтно, во мнѣ возрастали и разви-ваясь укоренялись такъ, что, иногда, какъ бы противъ воли, я вынужденнымъ находилъ говорить съ своими во-все уже не въ пользу старообрядчества. Проговорившись такимъ образомъ, приходилъ иногда въ крайнее замѣша-тельство и потому нерѣдко оканчивалъ начатое двусмыс-ленными словами. Въ свободное отъ дѣлъ время я, уеди-няясь, читалъ разныя книги и журналы духовнаго содер-жанія и съ особеннымъ вниманіемъ оставался на статьяхъ обличающихъ расколъ, отчего болѣе и болѣе уразумѣвалъ чистоту и непорочность Христовой церкви, и убѣждался въ неправильности о ней своихъ мнѣній, а хулы и клеветы предшественниковъ начали казаться мнѣ то глупыми, то злонамѣренными. Особенно легко стало становиться на душѣ тогда, когда я научился отдѣлять догматъ отъ обряда, и пересталъ приписывать слабости частныхъ людей всей церкви. Но старообрядцу крайне трудно до этого доходить. Въ 1862 году, тайны сердца своего я первоначально рѣшилъ повѣрить одному иск-реннему другу своему, уставщику Наймушинской часов-ни, Симеону Леонтьевичу Юшкову, находившемуся въ этой должности около двадцати лѣтъ и пользовавшемуся во всемъ обществѣ любовью и почетомъ, не меньшимъ священническаго,—и что жъ? Къ величайшему моему удо-вольствію и радости нашель, что и онъ имѣетъ сильное сомнѣніе въ старообрядествѣ. Отъ всей души возблаго-дарилъ я Господа за такую драгоценную для меня наход-ку. И вотъ мы, отъ времени до времени, уединяясь, при взаимныхъ посѣщеніяхъ другъ друга, старались какъ можно основательнѣе изучить неправды раскола и очис-тить совѣсть свою отъ всѣхъ сомнѣній, все еще време-немъ тяготившихъ насъ, для чего начали приобрѣтать разныя книги и журналы, гдѣ говорилось противъ рас-кола; въ этомъ много содѣйствовалъ мнѣ добрѣйшій и достойнѣйшій пастырь о. Василій Георгіевичъ Сырневъ.

Перечитывая книги и журналы, мы, съ Юшковымъ, сли-

чали ихъ съ старопечатными книгами, дѣлали выписки, замѣтки, и въ этомъ занятіи проводили иногда цѣлыя ночи. Въ числѣ прочихъ книгъ приобрѣлъ я книгу игумена Пареевнн „о промыслѣ Божіемъ,“ которая рѣшила всѣ наши недоумѣнія объ австрійской іерархіи. Прочитавъ ее и повѣривъ, по обыкновенію, съ Кормчею, мы никакъ не могли уже болѣе примириться съ этимъ лжесвященствомъ, и изъ распространителей его и защитниковъ сдѣлались, внутренно, непримиримыми врагами, хотя до времени и не могли этого обнаруживать, ибо не знали что начать и какъ лучше приняться за дѣло; даже своимъ семейнымъ не объявляли рѣшительно мыслей своихъ. Когда же семейные мои провѣдали о рѣшительномъ намѣреніи моемъ оставить расколъ,—то такъ вооружились противъ меня, въ особенности родительница, не хотѣвшая и слышать о примиреніи съ церковію, что на первыхъ порахъ готовы были даже бить меня своими руками; но время, а главное благодать Божія, незамѣтно ослабили ихъ ожесточеніе противъ меня; они сначала сдѣлались слушателями моими, а потомъ и главными помощниками мнѣ. Злоба чужихъ далеко не такъ была страшна, какъ ожесточеніе родныхъ своихъ, доводившее меня иногда до отчаянія. Одно средство оставалось и подкрѣпляло ослабѣвшія душевныя силы,—это молитва.

Въ это же самое время уклоненіе православныхъ въ расколъ, въ нашей мѣстности, стало принимать огромные размѣры. Причины тому были слѣдующія: казанскіе и наши коноводы раскола вздумали разглашать въ народѣ о мнимомъ благоволеніи Высочайшей власти къ расколу и о дозволеніи переходить въ расколъ всѣмъ, кто бы ни пожелалъ. Въ подтвержденіе словъ своихъ показывали и раздавали простому народу во множествѣ экземпляровъ адреса казанскихъ старообрядцевъ, называя эти адреса указами Высочайше дарованными, по ихъ ходатайству, на свободу старообрядчеству. Лъстивыя слова эти, и видъ раззолоченныхъ и украшенныхъ гербами листовъ, такъ подѣйствовали на простой народъ, что православные начали уклоняться не только семейными, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже цѣлыми селеніями. Уклонившіеся въ расколъ были вызываемы къ спросамъ и заявляли слѣдователямъ, что желали бы имѣть священника, еслибы дозволено было имѣть тѣ обряды, которые исполняются въ Наймушинской часовнѣ. Вслѣдствіе сего, благопопечительнѣйшій архипастырь, преосвященнѣйшій Агаѳангель,

бывшій епископъ Вятскій, далъ порученіе преждепомянутому священнику села Порѣзскаго Василию Сырневу располагать въ Наймушинской мѣстности старообрядцевъ къ принятію единовѣрія. Порученіе это священнику Сырневу, какъ извѣстному въ нашей мѣстности по безукоризненной нравственности и примѣрной жизни,—имѣло желанный успѣхъ. Имѣя къ нему полное довѣріе, мы начали съ нимъ обсуждать это дѣло гораздо свободнѣе. Предрасположивъ нѣсколько лицъ, готовыхъ слѣдовать истинѣ, мы для окончательнаго рѣшенія этого дѣла отправились въ Сарапуль, отстоящій отъ насъ въ 360 верстахъ, къ о. благочинному единовѣрческихъ церквей, протоіерею Василию Михеевичу Шутову, который, принявъ насъ съ полнымъ радушіемъ, далъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, и мы у него прогостили болѣе недѣли, пользуясь его совѣтами и наставленіями. Сей достоуважаемый пастырь и ввелъ насъ въ ограду овецъ Христовыхъ марта 18 дня 1863 года. Въ этотъ же день, съ совѣта и благословенія отца протоіерея, мы написали и послали по почтѣ прошеніе преосвящ. Агаангелу объ открытіи въ Наймушинѣ церкви. На прошеніе это указомъ вятской духовной консисторіи на имя священника Василя Сырнева; предписано было: желающимъ принять единовѣріе избрать изъ среды себя людей достойныхъ сана священника и діакона, и постановить объ этомъ приговоръ; что и было сдѣлано въ августѣ 1863 года.

Во священника избранъ былъ товарищъ мой, старшій меня десятью годами, Симеонъ Леонтьевичъ Юшковъ, а въ діакона я. Все это дѣлалось отъ раскольниковъ тайно, дабы не встревожить ихъ безъ времени. Когда же они провѣдали, что мы намѣрены оставить ихъ общество, то начали всячески дознавать, что мы намѣрены предпринимать; но не могли подлинно этого дознать, попросили священника своего Маркелла Рябова спросить насъ предъ Евангеліемъ, прежде о томъ, признаемъ ли мы священство австрійское правильнымъ. Первый подвергся такому допросу товарищъ мой Симеонъ Юшковъ и долженъ былъ сознаться, что правильнымъ этого священства не признаетъ. Вскорѣ послѣ этого допроса онъ былъ выведенъ толпой раскольниковъ изъ казеннаго часовеннаго дома, гдѣ проживалъ съ самаго дѣтства, обруганный и обезчещенный всячески. Ему не дозволено было даже взять собственные его хлѣбные запасы, и когда онъ вознамѣрился было въ другое время взять ихъ, то караульщиками ча-

совни въ минуту создано было все селеніе, даже женщины и дѣти прибѣжали съ кольями и камнями. Въ то же время подоспѣли и единовѣрцы; и пошло сраженіе не на животъ, а на смерть: удары кольями и камнями сыпались съ обѣихъ сторонъ немилосердо, немало было и крови пролито; но какимъ-то чудомъ ни одинъ человѣкъ до смерти не былъ убитъ; одного ревностнаго единовѣрца, правда, избили было кольями почти до смерти и потоптавъ ногами, бездыханнаго бросили въ оврагъ, но онъ какъ-то отдышался, и дождавшись ночи ушелъ домой. Ожесточенные раскольники, провѣдавъ это, приходили было и въ домъ его, но не могли отыскать, удалились. Юшкову однако хлѣба своего увезти не удалось, ибо единовѣрцевъ, защищавшихъ его, была малая часть, потому раскольники взяли верхъ, и самъ онъ едва спасъ жизнь свою, убѣжавъ на верховой лошади въ лѣсъ. И не только основатели единовѣрія страдали и терпѣли обиды и стѣсненія, но и ни одинъ изъ единовѣрцевъ не остался не битымъ отъ раскольниковъ. Еслибъ я рѣшился описывать всѣ обиды и притѣсненія, какія перенесло единовѣрческое общество въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, то объ одномъ этомъ составила бы порядочная книга. И матеріалъ для этого готовъ: бывшій помощникъ Глазовскаго уѣзнаго исправника Николай Михайловичъ Трапицынъ, заслужившій вѣчную отъ единовѣрцевъ благодарность, потрудился собрать всѣ эти свѣдѣнія. Быть можетъ, въ послѣдствіи дѣло это будетъ дозволено разобрать и извлечь нужнѣйшее. А стоило бы: тутъ есть много интереснаго. Но возвратимся къ разсказу. Въ то время какъ Юшковъ былъ искушаемъ всевозможными отъ раскольниковъ озлобленіями, я еще пользовался льготою и даже служилъ попрежнему въ часовнѣ. Хотя раскольники и знали, что отдѣленіе нѣкихъ братій ихъ началось не иначе какъ по моимъ внушеніямъ, но все еще надѣялись склонить меня къ миру. А какія козни готовили сотоварищу моему, мнѣ высказывали какъбы ненамѣренно, дабы тѣмъ устрашась—оставилъ я свое намѣреніе. Такъ зять Телицына купецъ Е. Л., пріѣхавъ въ наше селеніе въ домъ бывшаго лжепопа, а нынѣ священника Наймушинской единовѣрч. церкви, племянника моего Маркелла Рябова и пригласивъ меня, повелъ рѣчь о *зablужденіи* Симеона Юшкова, и наконецъ высказался такъ: „развѣ мы поддадимся Юшкову? Живаго въ землю вкопаемъ! и всего-то будетъ стоить сто рублей. Ха, ха ха! я ужъ со ста-

новымъ говорилъ. Да кстати вотъ ему на двѣхъ, кажется, зададутъ хорошую порку за то, что нарубилъ лѣсу безъ билета. Я ужъ съ лѣсничимъ толковалъ, и теперь ему не миновать розогъ; а еслибы оставилъ свои глупости, и бы лѣсъ его заклеимилъ своимъ клеймомъ и былъ бы свободенъ“. Выслушивая такія объясненія, я представлялъ себѣ будущее свое положеніе, и невольная дрожь пробѣгала по моему тѣлу. Переговоривъ это, Л. обнялъ меня и началъ спрашивать: „А вы-то какъ думаете, не хотите ли и вы къ антихристу-то? Боже васъ сохрани! На Иргизѣ, которые отступили во время взятія монастырей, всѣ переколѣли злою смертію; или животь разорветъ, допнетъ, или скоропостижно околѣетъ“, —и началъ Л. перечислять имена умершихъ или, по его выраженію, околѣвшихъ отступниковъ, и такихъ насказалъ мнѣ вещей, что страшно и слушать. На всѣ его вопросы и внушенія я только сказалъ: „къ антихристу я не только не думалъ приступить, но молю Бога, чтобъ и васъ отъ козней сохранилъ; о томъ же, какую кончину кому Господь благоволилъ послать, не наше дѣло разсуждать; мы знаемъ изъ Писанія, что грѣшники умираютъ смертію праведника и наоборотъ“. Тогда Л. спросилъ уже прямо: „да вы, слышно, сомнѣваетесь въ нашемъ священствѣ“? Я рѣшительно отвѣчалъ: „Да, австрійское священство я не признаю священствомъ“. Тогда Л., не возражая мнѣ, вышелъ, а вслѣдъ за нимъ и бывшіе тутъ передовые изъ старообрядцевъ, и по долговременномъ совѣщаніи возвратясь, начали улащать меня обѣщаніемъ разныхъ выгодъ. Но я, видя, что пришло время и моего страданія, рѣшительно отъ всего отказался и ушелъ домой. Я раньше сказалъ, что раскольники знали о моемъ намѣреніи оставить ихъ общество, но не сказалъ, почему это они знали. Вотъ почему: одинъ изъ старообрядцевъ, раздѣлявшихъ наши убѣжденія и знавшій наши намѣренія, бывши случайно въ Сарапулѣ, еще прежде нашего присоединенія, объяснилъ о. протоіерею Василю Шутову наши предположенія. О. протоіерей заставилъ его изложить все это подробно на бумагѣ, въ видѣ объявленія, и тогда же пригласилъ его съ собой ѣхать въ Петербургъ, гдѣ объявленіе это и было показано лишь, по словамъ о. протоіерея, высокопреосвященнѣйшему митрополиту Исидору и въ канцеляріи бывшаго товарища оберъ-прокурора Св. Синода князя Урусова и еще въ немногихъ мѣстахъ. Въ Москвѣ когда было прочитано объявленіе

это, блаженной памяти, митроц. Филарету, онъ, ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказала: „Слава Тебѣ, Господи, что и въ такое смутное время все еще являются люди благоразумные, не поддающіеся оболъщеніямъ!“ Подъ оболъщеніями владыка, вѣроятно, разумѣлъ австрійское лжесвященство. Но не успѣлъ о. протоіерей, съ тайнымъ единовѣрцемъ, возвратиться въ Сарапуль, какъ объявленіе уже прислано было къ намъ изъ Хвалынска, въ копіи, написанной на листѣ почтовой бумаги рукою роднаго брата моего лжепротодіакона Максимилиана. Но тогда я могъ отъ всего написаннаго въ объявленіи отказываться, говоря, что оно сдѣлано безъ моего согласія. Хотя племянникъ мой и раскольники быть можетъ и не совсѣмъ повѣрили оправданіямъ моимъ, но и раздражать меня не находили выгоднымъ. Объ объявленіи этомъ я сказалъ для того, чтобъ показать, какъ сильна рука раскольниковъ.

Потерявъ надежду возвратить меня въ свое общество, раскольники взялись за рѣшительныя мѣры. Подговоривъ на свою сторону становаго пристава и писца его С., начали дѣлать намъ разныя стѣнсненія и сочинять на насъ и содѣйствовавшаго намъ священ. Вас. Сырнева разныя прошенія. Прежде всего подали прошеніе, отъ имени одного единовѣрца, въ Святѣйшій Синодъ, гдѣ очернивъ Юшкова и меня, какъ только могли, жаловались будто мы, сдѣлавшись непотребными въ своемъ обществѣ, вздумали завести единовѣріе, для чего записали въ единовѣріе, будто бы, не только этого просителя, но еще семействъ до пятидесяти, безъ всякаго съ ихъ стороны согласія. На самомъ же дѣлѣ и всѣхъ единовѣрцевъ было тогда не много болѣе пятидесяти душъ, а не семействъ. Подобныхъ просьбъ Телицыны и Л. настряпали множество отъ имени разныхъ лицъ—и начальнику губерніи, и въ палату Г. И., и даже шефу корпуса жандармовъ,—жалуясь на насъ, какъ бы на возмутителей общественнаго спокойствія и проч. и проч.

Въ это время многіе изъ преданныхъ намъ раскольниковъ, увѣдомляя насъ о замыслахъ и козняхъ коноводовъ своихъ, Телицыныхъ и Л. противъ насъ, со слезами упрашивали насъ оставить свое намѣреніе, рассказывая подробно, что и какъ враги наши хотятъ съ нами сдѣлать. Они говорили: „становой и писарь его И. С. совѣтуютъ заводить на васъ какъ можно болѣе дѣлъ и готовить свидѣтелей; тогда, говорятъ, навѣрно изловимъ ихъ. За сви-

дѣтелями, сами знаете, у нихъ дѣло не станеть; какъ раньше за деньги находилось ихъ сколько угодно, такъ и теперь найдется; а чиновники—не только мелкіе, но и весьма сильныя лица въ губерніи—на сторонѣ Телицыныхъ. Г. М....кій взялъ уже въ задатокъ 1000 руб. и далъ слово сдѣлать такъ, какъ имъ хочется; а хочется-то имъ, оклеветавъ васъ чѣмъ-нибудь, наказать и сослать на поселеніе, а намъ крайне васъ жаль; пожалѣйте же вы себя и свои семейства“. На слезы эти и увѣщанія друзей нашихъ мы, поблагодаривъ ихъ за усердіе къ намъ, отвѣчали всегда одно: „братіе, если начинаніе наше угодно Богу, то оно состоится; а если не угодно, то пусть разрушится, и мы потерпимъ то, что Господь попуститъ; ибо и въ расколѣ намъ оставаться не легко, поелику мы, по милости Божіей, созрѣли настолько, что жизнь въ отчужденіи отъ церкви Божіей намъ невыносима. Почему совѣтуемъ и вамъ подумать о томъ же“. Затѣмъ слѣдовала нерѣдко продолжительная бесѣда, иногда сопровождавшаяся обращеніемъ кого-нибудь изъ слушателей къ св. церкви.

Каждый обращающійся въ единовѣріе просилъ, чтобы обращеніе его было никому неизвѣстно кромѣ духовнаго начальства, и это по возможности было исполняемо. Благоразсудный священникъ села Порѣзскаго Василій Георгіевичъ Сырневъ, отобравъ отъ обращающихся подписку, для засвидѣтельствованія оной приглашалъ въ свой домъ благонадежнаго члена волостнаго правленія; а потому раскольникамъ, до времени, вовсе нельзя было знать, кто отъ нихъ отдѣляется,—и это незнаніе вводило ихъ въ многія ошибки. Не зная вновь обратившихся, коноводы раскола проговаривались при нихъ о своихъ замыслахъ и надеждахъ, а такъ же и о томъ, какому чиновнику и сколько дано, или слѣдуетъ дать, и по сколько рублей съ души предполагается собрать на этотъ предметъ денегъ. Сборы эти раскольники замаскировывали пожертвованіями то—на губернскую женскую гимназію, то на пострадавшихъ отъ польскаго мятежа, и проч.; за что получали отъ начальства благодарность и одобренія. По поводу пожертвованія на женскую гимназію въ Вятскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатана была статья со всевозможною похвалою Телицыну и всему старообрядству. №№ этой газеты раскольники вездѣ съ торжествомъ показывали православнымъ и единовѣрцамъ, что производило не малый соблазнъ и колебаніе между обра-

тившимися и желавшими обратиться ко св. церкви. Почти каждого, кто объявлялъ себя единовѣрцемъ, раскольники убѣждали отказаться отъ единовѣрія, и за это предлагали ему деньги и всѣ хлопоты передъ начальствомъ по этому дѣлу брали на себя. На издержки нужныя для того и другаго, жертвовали щедрою рукою не только прихожане Наймушинской часовни, но, по приглашеніямъ ихъ, многіе и изъ иногородныхъ раскольниковъ. Но, хвала и слава малому стаду овецъ Христовыхъ! При всѣхъ стѣсненіяхъ съ одной стороны и ласкахъ и обѣщаніяхъ съ другой—ни одинъ не согласился измѣнить истинѣ, а всѣ твердо стояли.

1864 года, 12 февраля, по благословенію преосвященнѣйшаго Агаѳангела епископа Вятскаго, принимавшаго всѣ мѣры къ огражденію единовѣрцевъ отъ нападокъ раскольническихъ,—прибылъ въ Наймушино благочинный единовѣрческихъ церквей о. протоіерей Василій Михѣичъ Шутовъ, для открытія мѣста молитвенныхъ единовѣрческихъ собраний въ пожертвованномъ на сей предметъ Симеономъ Юшковымъ домѣ. Раскольники, провѣдавъ это, собрались въ числѣ двухъ сотъ человекъ, и окруживъ этотъ домъ, недопустили о. протоіерея даже и войти въ него, производя всевозможный крикъ и шумъ. Вслѣдствіе чего въ молитвенный домъ обращенъ былъ домъ, принявшаго единовѣріе, крестьянина Θεодора Мин. Наймушина, который и былъ избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою. Къ молитвенному дому назначены были единовѣрческіе священники: села Красногорскаго о. Константинъ Іоанновичъ Ложкинъ и Тушкинскій о. Арсеній Сперанскій, которые и пріѣзжали къ намъ, въ мѣсяцъ разъ, поочередно. Эти благочестивые пастыри, въ особенности первый изъ нихъ, много потрудились въ укрѣпленіи обратившихся, словомъ, а болѣе всего строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, дѣйствовавшимъ лучше всякихъ увѣщаній на души и сердца новообращенныхъ. Въ отсутствіе же священниковъ, простую службу совершали мы съ Симеономъ Юшковымъ и прочими единовѣрцами; иконами и книгами молитвенный домъ снабженъ былъ изъ молельной моего дома и частію пожертвованными церковнымъ старостою Θ. Наймушинымъ. Радость наша была несказанна, когда получили мы себѣ пастырей соотвѣтствовавшихъ, какъ нельзя лучше, нашимъ желаніямъ, и пріютъ, гдѣ могли попрежнему собираться для общей молитвы, и гдѣ собираясь мы имѣли полную возможность укрѣплять, убѣждать

и утѣшать другъ друга въ перенесеніи толь тяжкихъ скорбей.

Въ это время дочь одного единовѣрца, выданная за раскольника, желая присоединиться къ церкви, но немогши склонить къ этому мужа своего, отошла отъ него къ отцу своему, ибо и пораскольнически еще не была вѣнчана, и по бѣдности своей нанялась ко мнѣ въ работницы. Бывшій мужъ ея, будучи наученъ коноводами раскола, взявъ принадлежащую ей лошадь и отвелъ къ раскольнику, какъ свою собственную. Узнавши это, работница моя, взяла, съ моего дозволенія, работника моего и при помощи его тотчасъ же лошадь свою увела и заперла въ особую конюшню. Черезъ нѣсколько дней одинъ православный крестьянинъ увѣдомилъ меня, что раскольники собравшись что-то совѣтуютъ противъ меня, и что въ собраніе это приглашены извѣстные пьяницы изъ православныхъ, вѣроятно для какого нибудь лжесвидѣтельства. Вскорѣ послѣ этого извѣстія, я услышалъ на дворѣ моемъ шумъ и крикъ многихъ голосовъ. Призвавъ Бога въ помощь и прочитавъ 90-й псаломъ (*живый въ помощи Бога вышлю*), я вышелъ на дворъ и увидѣлъ толпу раскольниковъ, человѣкъ до семидесяти, въ числѣ коихъ были и сказанные пьяницы изъ православныхъ. Увидавъ меня, всѣ закричали: забирайте его конокрада, вяжите! и проч., но ударить или схватить меня, какъ ни поощряли другъ друга, никто не рѣшился. Давъ имъ накричаться, я спросилъ: „зачѣмъ вы сюда пришли и по чьему приказанію, или, укажите мнѣ, кто васъ сюда привелъ, ибо я съ вами никакой власти не вижу? Раскольники кричали: выдай намъ лошадь и прогони жену N! Я отвѣчалъ, что ни тому ни другому не препятствую; но на это есть власти, и вы должны просить ихъ, а не поступать поразбойнически: вѣдь за такой поступокъ вамъ придется строго отвѣчать“. Выслушавъ это, раскольники одинъ по одному удалились.

Черезъ нѣсколько времени я узналъ отъ тайнаго единовѣрца, что писарь становаго И. С.—въ сочинилъ на меня отъ имени раскольника, бывшаго мужа моей работницы, прошеніе слѣдственному приставу, съ обвиненіемъ, будто бы я покралъ въ ночное время изъ-за замка лошадь его. Раскольники, по совѣту писаря, подкупили пристава, такъ что онъ безъ всякаго дознанья тотчасъ же далъ предписаніе въ Порѣзское волостное правленіе арестовать меня. Однако волостное правленіе сдѣлать этого не рѣшилось и объявивъ мнѣ предписаніе слѣдственнаго пристава, не

лишало меня свободы; но я, зная замыслы раскольниковъ, взявъ съ предписанія копію. Это было въ половинѣ юніа 1864 г., когда преосвященнѣйшій Агаѳангель, проѣжая по епархіи, долженъ былъ, 20-го числа, посѣтить и Наймушинскій молитвенный домъ. Провѣдавъ о распоряженіи слѣдственнаго пристава, производившій о злодѣйствахъ раскольниковъ слѣдствіе, Г. Николай Мих. Трапицынъ тотчасъ же написалъ мнѣ, чтобъ я не робѣлъ, не обращалъ вниманія на распоряженія слѣдственнаго пристава, и чтобы ждалъ преосвященнаго въ молитвенномъ домѣ; это я и исполнилъ. (Послѣ я слышалъ, что слѣдственный приставъ очень дорого поплатился за поступокъ свой, лишившись мѣста.) Къ пріѣзду владыки собрались въ молитвенный домъ единовѣрцы всѣ до одного, со всѣми своими семействами. По окончаніи обыкновенной литіи, незабвенный архипастыръ, поздравивъ насъ съ присоединеніемъ ко св. церкви и открытіемъ молитвеннаго дома, благословилъ Юшкова и меня и, обоихъ поцѣловавъ, подарилъ намъ по книжицѣ. При видѣ архипастыря кроткаго и любвеобильнаго, мы едва могли говорить отъ радости и у нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ видны были слезы; единовѣрцы, тѣсня другъ друга, спѣшили принять святительское благословеніе, ибо видѣли предъ собою не только архіерея, но и попечительнѣйшаго отца: каждому единовѣрцу было извѣстно, что онъ одинъ не допускаетъ поклонниковъ златаго тельца разрушить надежды наши. Что могла сдѣлать горсть единовѣрцевъ въ борьбѣ съ десяти тысячнымъ обществомъ раскольниковъ, имѣвшихъ, къ тому же, на своей сторонѣ сильныхъ и *славныхъ земли*, еслибъ не защита и покровительство владыки, зорко слѣдившаго за ходомъ дѣлъ единовѣрія? Обласканные преосвященнѣйшимъ, мы забыли все свое горе и не жаловались на невыносимыя притѣсненія; но за насъ началъ говорить благороднѣйшій Николай Михайловичъ Трапицынъ. Ознакомившись съ плутнями раскольниковъ на мѣстѣ, онъ объяснилъ всѣ продѣлки ихъ владыкѣ и бывшему тутъ Глазовскому уздному исправнику. Архипастыръ, выслушавъ все, милостиво подозревалъ меня и С. Юшкова къ себѣ, многое сказалъ намъ въ утѣшеніе, называлъ насъ исповѣдниками, обѣщалъ просить начальника губерніи объ огражденіи насъ со стороны раскольниковъ, и неоднократно благословивъ насъ, отправился въ путь свой, благословляемый всѣми единовѣрцами.

Черезъ мѣсяцъ по отбытіи преосвященнѣйшаго, положе-

ніе наше дѣйствительно улучшилось. Раскольники, видя, какъ коноводовъ ихъ смиряетъ г-нъ Трапицынъ, пріостановились дѣлать единовѣрцамъ дерзости и побои, какъ за-частую дѣлали доселѣ; главный коноводъ Иванъ Телицынъ и его пособники, бывъ изобличены въ подачѣ ложныхъ, отъ чужихъ именъ, прошеній и проч., были отправлены въ глазовскій острогъ, и начальникомъ губерніи строжайше было предписано мѣстной полиціи дѣлать единовѣрцамъ защиту и покровительство, что и исполнялось въ нѣкоторой мѣрѣ, хотя съ крайнею неохотою и явными поблажками расколу.

Радость наша еще болѣе увеличилась, когда преосвященнѣйшій Агаѳангелъ соблагоизволилъ прислать намъ въ благословеніе точный списокъ съ образа великорѣцкаго чудотворца святителя Николая, въ сребропозлащенномъ окладѣ и вѣнцѣ, съ собственноручною на оборотѣ образа надписью: „Въ даръ и благословеніе благодетельному обществу православныхъ христіанъ Наймушинскаго единовѣрческаго молитвеннаго дома, для *святаго храма, имѣющаго по благодати Божіей соорудитъ* въ селеніи Наймушинѣ“. И было чему радоваться: мы получили образъ того угодника, къ которому во всѣхъ скорбныхъ обстоятельствахъ преимущественно обращались, прося его ходатайства о насъ, и яснѣйшее доказательство милостиваго вниманія къ намъ архипастыря нашего, и радостнѣйшую вѣсть о томъ, что въ Наймушинѣ нѣкогда соорудится храмъ Божій. Что могло быть тогда для насъ еще радостнѣе и утѣшительнѣе этого? Поистинѣ ничто. Къ нашему образу не только единовѣрцы, но и многіе раскольники имѣютъ великую вѣру и, по вѣрѣ ихъ прошенія во благое всегда исполняются. Въ послѣднее время угодникъ Божій такъ прославилъ образъ свой, что и изъ другихъ уѣздовъ стали прѣзжать не только русскіе, но и Вотяки. *Не бойся малое стадо*, яко Отецъ Небесный благоволитъ дати вамъ таковаго неусыпнаго стража, по молитвамъ святителя своего Агаѳангела, далекаго теперь отъ насъ тѣлеснѣ, но присущаго намъ духомъ.

Не имѣя въ виду никакихъ средствъ для предполагаемаго сооруженія св. храма, я въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1864 года расположилъ церковнаго старосту Ѡ. Наймушина ѣхать со мною на Нижегородскую Макарьевскую ярмарку для сбора пожертвованій. Прибывъ туда и установившись у извѣстныхъ благотворителей, Елабужскихъ купцовъ Стахѣевыхъ, мы испросили благословеніе и раз-

рѣшеніе на сборъ отъ высокопреосвященнѣйшаго Нектарія. Но сборы ярмарочные очень скудны, по причинѣ многого числа сборщиковъ, наѣзжающихъ изъ всѣхъ концовъ Россіи. Въ Нижнемъ я познакомился со многими замѣчательными въ единовѣрїи личностями: священниками, игуменами и архимандритами; нѣкоторые изъ нихъ, подобно мнѣ, сами вышли изъ мрака раскола; а потому бесѣда съ ними обогащала меня многими нужными для меня свѣдѣніями. Здѣсь же я видѣлъ о. Мелетія, инока Аѳонской горы, автора „писемъ къ друзьямъ“, и по указанію его познакомился со многими московскими, калужскими и прочими купцами ревнителями единовѣрїя. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ я, по ихъ просьбѣ, писалъ кой-что о единовѣрїи; ибо у представительныхъ лицъ единовѣрїя было тогда всеобщее желаніе ходатайствовать о дарованіи единовѣрцамъ епископа. Въ составленіи проекта по этому предмету приглашенъ былъ и я принять участіе. Въ концѣ августа, по совѣту московскаго фабриканта золотокружныхъ дѣлъ В. Е. Хухлина, отправился я въ Москву. По прибытіи туда, остановился при Троицкой новоблагословенной единовѣрческой церкви. Добрѣйшій и благодушнѣйшій священникъ сей церкви о. Георгій Георгіевичъ Воздвиженскій не замедлилъ дать мнѣ помѣщеніе. Цѣлый мѣсяцъ я употребилъ исключительно на обзоръ замѣчательнѣйшихъ древностей столицы и Троицкой Сергіевой лавры. Въ лавру ѣздилъ я по желѣзной дорогѣ съ семействомъ преждепомянутаго фабриканта Хухлина. Онъ не только принялъ на себя всѣ расходы по путешествію и пребыванію въ лаврѣ, но еще приобрѣлъ для меня нѣсколько гравюръ съ достопримѣчательностей лавры. На пути въ лавру мы остановились въ Хотьковѣ, гдѣ отслушавъ вечерню и панихиду по родителяхъ преподобнаго Сергія, Кѳриллѣ и Марїи, прибыли съ вечернимъ поѣздомъ въ св. лавру на 14-е сентября. Народу было такое множество, что всѣ лаврскіе храмы были биткомъ набиты. Всенощное богослуженіе слушали мы въ Троицкомъ храмѣ; совершалъ оное о. архимандритъ намѣстникъ лавры. Строгій чинъ, множество иноковъ, стройное пѣніе, и неспѣшное, внятное, безъ малѣйшихъ опущеній, чтеніе канонарховъ какъ нельзя лучше дѣйствовали на мою душу, и я очень сожалѣлъ, что мои родные и знакомые, остающіеся въ расколѣ, не имѣютъ возможности всего этого видѣть и слышать, тогда какъ все это могло бы совѣсть ихъ примирить съ православіемъ лучше

всякихъ увѣщаній. Впрочемъ, еслибы я вздумалъ описывать все, что перечувствовалъ въ этотъ незабренный для меня мѣсяць, то потребовалось бы написать особенную книгу. Скажу короче: сомнѣнія и недоумѣнія, возникшія во мнѣ дотолѣ, относительно правоты православія, по осмотрѣ многихъ святынь и древностей, теперь не имѣли во мнѣ болѣе мѣста; ибо удостовѣрившись во многомъ лично, я такъ возлюбилъ мать свою св. церковь, что врагъ искушитель не дерзалъ болѣе приступать ко мнѣ, и я стяжалъ совершенный душевный миръ, воздавая благодареніе Показавшему мнѣ свѣтъ.

При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, Василій Егоровичъ Хухлинъ, давъ мнѣ денегъ на дорогу, пожертвовалъ для церкви кусокъ хорошей парчи и проч., а попечитель Троицкой церкви, Иванъ Никитичъ Рыжковъ, пожертвовалъ для церкви двѣнадцать богослужебныхъ книгъ. Благотворители сіи и преждепомянутый свящ. о. Георгій Георгіевичъ Воздвиженскій и послѣ отъѣзда моего много помогали устройству Наймушинской церкви своими пожертвованіями. Да возрадсть имъ Господь Богъ благами временными и вѣчными.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ домой полученъ былъ указъ вятской духовной консисторіи, отъ 7-го октября, о принятіи меня и Симеона Юшкова въ духовное званіе съ наименованіемъ дьячками и дозволеніемъ просить его преосвященство о посвященіи въ стихарь. Въ это время ненавистникъ спасенія человѣческаго еще употребилъ одно средство, чтобъ поколебать уже достаточно окрѣпшую вѣру мою, для чего приступилъ уже съ другой стороны: одинъ знакомый далъ мнѣ для чтенія, въ числѣ прочихъ книгъ, тетрадки, излагающія ученіе Дарвина и прочихъ матеріалистовъ. Глубоко непріятное чувство овладѣло всѣмъ существомъ моимъ, когда я вспомнилъ неблагоприятныя, еще раньше доходившіе до меня слухи, что нѣкоторые пастыри держатся подобныхъ убѣжденій. Теперь помыслъ мнѣ говорилъ: „Вотъ чему вѣрують твои православныя, — мертвой матеріи и какимъ-то атомамъ. Не отсюда ли истекаетъ и небрежность ихъ въ богослуженіяхъ; а ты еще къ нимъ присталъ и хочешь найти спасеніе. Развѣ не видишь, что лица, долженствующія проводить свѣтъ Христова ученія въ народъ, сами заражены такою опасною болѣзнію, и врачевать ее, ты видишь, никто не заботится, и дойдетъ до того, что всѣ будутъ раздѣлять это ученіе?“ Сколько было силъ, я боролся съ этимъ

помыслѣмъ, относя его прямо къ искустителю. Но сей враждебный помысль отъ времени до времени все-таки тревожилъ меня дотолѣ, пока я не прѣѣхалъ въ Вятку, для посвященія во діаконы,—это было 4-го декабря 1864 года. Незабвенный архипастырь преосвященнѣйшій Агаѣангелъ стужилъ въ Царевской церкви. При этомъ служеніи говорилъ проповѣдь бывший настоятель той церкви, отецъ протоіерей Стефанъ Никифоровичъ Капменскій (нынѣ онъ кафедральный протоіерей) (а). Слово его было какъ бы нарочно направлено противъ безбожнаго ученія новѣйшихъ матеріалистовъ. Голосъ сего проповѣдника показался мнѣ тогда гласомъ самаго неба, со всею силою обличающаго блуждающее въ распутіяхъ лжеученій человѣчество. Никогда я не забуду сказанныхъ имъ, съ особеннымъ скорбнымъ выраженіемъ въ лицѣ, словъ: „О, мудрецы, мудрецы!“ и проч. Въ этомъ обстоятельствѣ явственно я видѣлъ промыслъ Божій, пекущійся о спасеніи нашемъ. Я прѣѣхалъ въ градъ сей принять на себя, хотя и на одно рамо, таинство священства,—не потребно ли было мнѣ очистить совѣсть свою отъ всѣхъ сомнѣній? И вотъ самъ Господь вложилъ мнѣ мысль пойти въ этотъ храмъ; самъ собою я могъ и не быть при этомъ богослуженіи, ибо только-что прѣѣхалъ предъ самую литургію и притомъ въ очень холодное время; но услышавъ отъ хозяина квартиры, что тутъ вблизи служитъ Владыка, поспѣшилъ отправиться, и, слава Богу! нечестивые и хульные помыслы разлетѣлись въ-прахъ.

Того же числа мы съ товарищемъ явились къ преосвященнѣйшему и подали прошеніе. Любвеобильнѣйшій архипастырь, принявъ насъ съ обычною благосклонностію, тогда же наложилъ на прошеніи резолюцію и, позвавъ своего письмоводителя, поручилъ ему идти съ нами въ Консисторію для сдѣланія производства. На другой день С. Юшковъ былъ произведенъ въ діакона, а 6-го числа,

---

(а) Этотъ рѣдкій благочестіемъ пастырь глубоко уважается отъ всѣхъ благомыслящихъ людей во всей Вятской епархіи, не по тому высокому положенію, какое онъ занимаетъ, а единственно потому, что вполне сего заслуживаетъ, и потому-то поставившій его на сіе мѣсто, вѣрный, безиррастранный цѣнитель достоинствъ и недостатковъ преосвящ. Агаѣангелъ считалъ его находкою своею, о чемъ намекъ сдѣлалъ и въ прощальной рѣчи своей Вятскому духовенству, словами: «дѣятели отысканы и поставлены на свои мѣста». и проч.

въ праздникъ святителя и Чудотворца Николая, я недостойнѣйшій посвященъ во діакона, Симеонъ же Юшковъ во священника. Владыка, зная немощныя совѣсти старообрядцевъ, не дозволилъ взять съ насъ слѣдующихъ за граматы денегъ, и вообще мы, буквально, никуда и ни одной копѣйки не израсходовали. Такая мудрая предусмотрительность архипастыря крайне насъ удивляла и заставляла болѣе и болѣе къ нему благоговѣть. На другой день посвященія, 7-го декабря, мы ходили къ преосвященному вмѣстѣ съ прилучившимся въ Вяткѣ благочиннымъ единоувѣрческихъ церквей, о. протоіереемъ Василиемъ Шутовымъ. Владыка, принявъ насъ чрезвычайно милостиво и всѣхъ посадивъ, предлагалъ намъ свои мнѣнія и предположенія о средствахъ къ построенію въ Наймушинѣ храма, также спрашивалъ и нашихъ о семъ дѣлѣ мнѣній. Владыка остановился на рѣшеніи пригласить чрезъ о.о. благочинныхъ все духовенство Вятской епархіи къ добровольному пожертвованію; для чего приказалъ намъ заготовить, отъ имени его, потребное число пригласительныхъ листовъ; и это былъ дѣйствительно главный источникъ, на который преимущественно обращено было и наше упованіе. Кромѣ того заботливость преосвященнаго Агаѳангела объ устройствѣ въ Наймушинѣ церкви лучше всего доказывается официальными мудрыми распоряженіями. На первоначальную заготовку матеріаловъ были выданы владыкою 250 руб. изъ числа пожертвованныхъ Вятскимъ 1-й гильдіи купцомъ Я. А. Прозоровымъ. Такимъ образомъ утѣшивъ насъ возможностью построенія храма, преосвященный Агаѳангелъ не забылъ порадовать насъ еще и тѣмъ, что показалъ намъ изготовленное представленіе Св. Синоду съ ходатайствомъ о назначеніи намъ жалованья. Затѣмъ, выдавая намъ ставленныя граматы, каждаго неоднократно благословилъ и поцѣловавъ отпустилъ съ миромъ. Для распоряженій и наблюденія по устройству храма учрежденъ былъ комитетъ, членами коего утверждены Порѣзскій священникъ о. Василій Сырневъ, новопоставленный священникъ Симеонъ Юшковъ, я и церковный староста Феодоръ Наймушинъ. Много было перенесено, во время постройки церкви, членами комитета непріятностей, употреблено хлопотъ и усилій, такъ что всего и не пересказать. Но есть нѣчто, что не излишнимъ нахожу сказать.

Когда былъ заготовленъ лѣсъ и приступили уже къ рубкѣ самой церкви, раскольники успѣли склонить увѣд-

наго лѣсничаго наложить на заговленный лѣсъ секвестръ. Рабочіе должны были проживать безъ всякаго дѣла, на казенномъ содержаніи. Раскольники торжествовали, думая, что дѣло остановилось навсегда. Лѣсничій Полякъ, вызвавъ церковнаго старосту, всѣмъ намъ грозилъ — кому смилительнымъ домомъ, кому лишеніемъ сана и проч., и это при раскольникахъ. Что дѣлать? Одинъ изъ членовъ комитета долженъ былъ въ самую распутицу, и на страстной недѣлѣ, ѣхать въ Вятку и ходатайствовать о снятіи секвестра предъ губернскимъ лѣсничимъ. Съ большимъ трудомъ удалось лишь исходатайствовать позволеніе продолжать начатую работу и употреблять лѣсъ; но дѣло по обвиненію насъ оставлено было все-таки въ ходу, и мы были долгое время подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности, — а все это по милости раскольниковъ, не желавшихъ и слышать о постройкѣ въ Наймушинѣ церкви. Впрочемъ отъ раскольниковъ переносить оскорбленія мы уже привыкли и считали это дѣломъ обыкновеннымъ. Но крайне невыносимо было терпѣть нападки и дерзкія обиды отъ именующихся православными представителями власти; по распоряженію одного изъ нихъ, въ сказанное время, неоднократно являлся съ запрещеніемъ употреблять лѣсъ, всегда пьяный, полицейскій сотскій съ толпою раскольниковъ, и какихъ дерзостей намъ не приходилось перенести отъ этого строгаго исполнителя воли *начальства!* Разъ, вызвавъ насъ на площадь чрезъ десятскаго, выкликалъ насъ къ отвѣтамъ по фамиліямъ: „Юшковъ, — Рябовъ, какъ вы смѣли“ и проч. и проч. Тяжко было выслушивать дерзости неграмотнаго мужика; но дѣлать было нечего: мы отвѣчали скрѣпя сердце. 1866 года въ началѣ юня, постройка храма была вчернѣ окончена, о. благочинный протоіерей Василій Шутовъ исходатайствовалъ благословеніе Его преосвященства на освященіе храма и получилъ древній антиминосъ. Примѣчанія достойно, что сей антиминосъ первоначально былъ въ церкви, на мѣстѣ явленія образа Святителя Христова Николая на рѣкѣ Великой, освященный при Всероссійскомъ патріархѣ Іовѣ и царѣ Борисѣ Θεодоровичѣ, въ лѣто 7109, маія въ 21 день. Ранѣе этого, какъ я уже говорилъ, присланъ былъ Его преосвященствомъ въ благословеніе образъ сего угодника, подлинный списокъ съ чудотворнаго образа. Первые священнослужители нашего единовѣрческаго храма посвящены въ день памяти сего святителя и въ томъ самомъ придѣлѣ, гдѣ обрѣтается чудотворный его образъ, и наконецъ те-

перешній священникъ Наймушинской церкви Маркелль Рябовъ, посвященъ въ день торжественной отправки изъ Вятки образа св. Николая на мѣсто явленія. Все это никакъ нельзя приписывать случаю, а приходится признать промыслъ Божій, ясно указующій въ святителѣ Николаѣ покровителя нашему храму. Не забывайте же братіе, чада св. Наймушинскаго храма, обращаться къ покровительству, самимъ Богомъ дарованнаго вамъ скорого ходатая и теплаго заступника, свят. Николая!

Освященіе храма было совершено 18-го іюня благочиннымъ единовѣрческихъ церквей, протоіереемъ Василіемъ Шутовымъ, въ сослуженіи четырехъ священниковъ, діакона и дьячка, съ множествомъ пѣвчихъ изъ прихожанъ и даже не присоединившихся старообрядцевъ; стеченіе народа было многочисленное, даже изъ дальнихъ мѣстностей было множество богомольцевъ. Старообрядцы села Наймушина и ближайшихъ селеній также, оставя на время вражду и всѣ дѣла свои, торжествовали вмѣстѣ съ единовѣрцами какъ одна семья. Во время торжественнаго крестнаго хода у многихъ изъ нихъ видны были слезы. Все это доказываетъ, что духъ старообрядца, несмотря на множество предубѣжденій, скорбитъ о матери своей св. церкви и стремится выпутаться изъ тенетъ суевѣрій; но отъ самой колыбели насѣянные въ душу его плевели такъ глубоко вкоренились въ ней, что исторгнуть ихъ можно только при помощи свыше, безъ коей всѣ усилія человѣческія ничтожны. На водружальномъ крестѣ съ благословенія отца протоіерея В. Шутова написана мною кратко вся исторія основанія храма, возникшаго по неусыпному тщанію преосвященнѣйшаго Агаангела; вѣсь его содѣйствія, вѣроятно, на долгое бы время осталось это, истиннѣ великое дѣло, не совершшимъ.

О томъ, какъ я сдѣлался вдовымъ, и какъ вдовый посвященъ въ санъ священника, притомъ въ молодыхъ лѣтахъ, и о многомъ необычномъ со мной случившемся, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ—объявить свѣту удерживаюсь до времени, когда это будетъ потребно и угодно Богу въ прославленіе святаго имени Его.

Вятской епархіи, села Сосновгорскаго священникъ Кирилль Рябовъ. Мал 25 дня, 1870 года.

ГРОЗНОЕ ВРАЗУМЛЕНІЕ.

Одинъ изъ священниковъ нашего остзейскаго края, въ началѣ текущаго года, передалъ намъ весьма поучительный разсказъ, который мы теперь и рѣшаемся сообщить читателямъ.

Быль день ангела жены священника N. На именинный пирогъ приглашено было много гостей. Въ числѣ ихъ пришла одна дама, жена значительнаго чиновника въ Р., получившая модное воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ столичныхъ заведеній. Мужъ ея—полякъ, а она сама—русская и, стало быть, православная, но заражена до мозговъ болѣзнію нигилизма, котораго она не только не стыдилась, но еще любила похвалиться имъ въ обществѣ. Поздравляя хозяйку дома—съ ангеломъ, она сочла долгомъ тутъ же заявить, что собственно не вѣрить въ бытіе ни Ангеловъ, ни дьяволовъ, а просто говорить обычную фразу. Съ ней былъ четырехлѣтній, миленькій и изящно одѣтый сыночекъ, котораго она постоянно ласкала. Сѣвши за столъ, она продолжала хвалиться своимъ невѣріемъ и конвульсировать. Обнявши своего малютку, она имѣла дерзость сказать: „объ какомъ это говорятъ намъ Богъ? Вотъ мой богъ“ (малютка). Но Богъ истинный явилъ здѣсь Свое присутствіе и прервалъ потокъ ея безумныхъ рѣчей. Кусочекъ пирога, который она отрѣзала отъ своего,—и подала своему сынку—нареченному богу, остановился у него въ горлѣ. Напрасно принимаетъ она всѣ обычныя въ такихъ случаяхъ мѣры, чтобы кусочекъ или прошелъ чрезъ горло, или вышелъ вонъ,—мальчикъ задыхается, лицо его багровѣетъ, черты его обезображиваются конвульсіями. Съ ужасомъ и отчаяніемъ мать хватаетъ своего ненагляднаго на руки и бѣжитъ съ нимъ къ доктору. Но еще на дорогѣ ребенокъ умеръ на рукахъ матери....

Что теперь думаетъ, какихъ убѣжденій держится несчастная нигилистка, намъ пока неизвѣстно. (а)

Р.

НѢКОТОРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ ^(б).

Первая холера многихъ напугала, потому что дѣйствительно много людей умирало; каждодневно извѣстіями о

(а) изъ *Дух. Бесѣды*, № 30.

(б) Продолженіе.

томъ наполнялись афиши; многіе закупорились въ своихъ домахъ, но храмы наполнялись молящимися и всѣ спѣшили говѣть и приобщаться св. Таинъ. Благодаря Бога, я не пугался и жилъ довольно спокойно, употреблялъ пищу такую же какъ и прежде, и въ здоровьи переменны не чувствовалъ. Посѣщалъ иногда князя Сергѣя Михайловича и митрополита, у которыхъ въ сѣняхъ ставили какія-то предохранительныя средства, и прежде нежели взойти къ нимъ въ комнаты, надобно было умывать руки уксусомъ, по предписанію гг. докторовъ.

Екатерина Владиміровна Новосилцева находилась въ это время въ своей подмосковной, въ селѣ Отрадѣ. Она не столько страшилась смерти, сколько того, что ежели она окончитъ тамъ жизнь, то тѣла ея не пропустятъ въ Новоспасскій монастырь для погребенія рядомъ съ покойнымъ ея сыномъ, котораго она такъ много любила; по сему случаю она просила пріятельницу свою В. М. Нарышкину передать сію заботу ея владыкѣ и попросить его, чтобы убѣдилъ г. губернатора въ случаѣ смерти ея дозволить провести ея тѣло въ Москву. Владыка отвѣчалъ Нарышкиной: „Напишите Екатеринѣ Владиміровнѣ, что я принимаю ея порученіе, чтобы облегчить ее отъ заботы о Новоспасскомъ, и дать ей свободу заботиться о томъ, что болѣе на потребу. А если Богъ такъ устроитъ, что ей послѣ меня, а не мнѣ послѣ ея можно будетъ исполнять порученія, то я прошу ее просить мнѣ сколько нибудь мирнаго мѣста тамъ, куда здѣшній градоначальникъ ни запретить, ни открыть пути не можетъ.“

Въ холерное время, я его какъ-то посѣтилъ; хотя въ тотъ день онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и никого не принималъ, но меня приказалъ пустить и принялъ въ своей спальнѣ, въ которой было слишкомъ жарко. Между прочимъ сказалъ онъ мнѣ: „угадайте, кто у меня нынче былъ“? Я отвѣчалъ ему: „такъ какъ много есть людей, которымъ онъ дозволяетъ имѣть эту честь, то мнѣ трудно будетъ угадать, кто именно.“ Тогда объявилъ онъ мнѣ, что къ нему пріѣзжалъ графъ Петръ Александровичъ Толстой, которому государь императоръ поручить изволилъ передать владыкѣ, что ежели онъ желаетъ говорить проповѣди, то не говорилъ бы подобныхъ послѣдней имъ сказанной. Владыка спросилъ меня: что вы находите въ ней? Я отвѣчалъ что сколько могу понимать, она мнѣ кажется прекрасною. При семъ непримѣтно было въ немъ никакого смущенія и онъ казался спокойнымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ казался онъ мнѣ мнительнымъ особенно въ отношеніи къ здоровью; на примѣръ, сидя однажды въ своей гостиной вмѣстѣ со мною на среднемъ диванѣ, онъ сдѣлалъ мнѣ такой вопросъ: скажите мнѣ, все ли вамъ равно будетъ сѣсть на мое мѣсто, а мнѣ уступить ваше? Я отвѣчалъ ему: для меня совершенно все равно, только позвольте мнѣ спросить васъ, для чего угодно вамъ, сдѣлать такое перемѣщеніе? „А вотъ для чего, отвѣчалъ онъ мнѣ, указывая на свою щеку: вчерашній день, у меня болѣла эта сторона отъ простуды, а какъ свѣтъ съ этой стороны отъ окна, то это можетъ имѣть вліяніе на больную сторону.“ Между тѣмъ мы сидѣли очень далеко отъ окна, потому что его гостиная очень глубока.—Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Лавру по желѣзной дорогѣ, и объ этомъ сказалъ ему: то онъ спросилъ меня: ну что же вы чувствовали послѣ того? Я отвѣчалъ: „ничего кромѣ спокойствія и пріятности отъ скорого путешествія“. На что сказалъ онъ мнѣ: „а у меня, когда я пріѣхалъ въ Лавру по желѣзной дорогѣ, на другой день болѣла голова.“ Я замѣтилъ ему, что это могло случиться не отъ желѣзной дороги, а такъ заболѣла голова. „Нѣтъ, не такъ, сказалъ онъ мнѣ: я знаю это потому, что когда я возвращался въ Москву, также по желѣзному пути, тоже самое дѣйствіе повторилось; притомъ нахожу я болѣе пріятнымъ ѣхать въ экипажѣ, потому что всегда можно когда угодно остановиться, пройти нѣсколько пѣшкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть на богомольцевъ, которые съ такимъ усердіемъ стремятся къ святынѣ Лавры.“

Случалось мнѣ часто обѣдать у владыки въ Лаврѣ по окончаніи экзаменовъ академическихъ, также и въ Москвѣ приглашаемъ имъ былъ на обѣды во дни, когда онъ посвящалъ своихъ викаріевъ; тогда бывали большіе и великолѣпные обѣды, но во время ихъ онъ вкушалъ мало. Во дни праздниковъ преподобнаго Сергія въ Лаврѣ, когда я также приглашаемъ былъ въ трапезу къ соборному столу вмѣстѣ со многими посѣтителеми, онъ не позволялъ дѣлать слишкомъ роскошнаго стола. Однажды случилось мнѣ сидѣть за этимъ столомъ съ нимъ рядомъ, конечно по его указанію,—и когда я сталъ хвалить украшенія трапезной церкви, т.-е. лѣпную работу въ ней, во вкусѣ *Рококо*, тогда спросилъ онъ меня: а знаете ли вы, почему этотъ вкусъ названъ *Рококо*? И когда я отвѣчалъ, что не знаю, то онъ разсказалъ мнѣ: „французскій король Лудовикъ XIV отдѣлалъ свой дворецъ въ этомъ вкусѣ, и

захотѣлъ показать его своей бывшей кормилицѣ старухѣ, выжившей изъ ума; показывая ей, спросилъ ее, хорошо ли это? тогда она, окинувъ глазами все это украшеніе, сказала: *Рококо*,—слово, котораго не существовало, — и съ того времени вкусъ сей не иначе стали называть какъ рококо“. Какъ-то случилось мнѣ обѣдать у владыки въ Москвѣ съ двумя архимандритами симоновскимъ Мельхиседекомъ и новоспаскимъ Аполлосомъ. Первый не переставалъ говорить во время всего стола, и болѣе всего превозносилъ свою колокольню, увѣряя, что не только во всей Россіи, но и во всей Европѣ нѣтъ подобной; послѣдній потупясь все молчалъ, а владыка только улыбался, и наконецъ сказалъ: „а чтоже новоспасскій архимандритъ не защищаетъ своей колокольни?“ Тотъ на сіе ничего не отвѣтствовалъ, а я вмѣсто его сказалъ: „Я думаю, что отецъ архимандритъ потому не защищаетъ своей колокольни, что она сама себя защищаетъ“. Тогда владыка сказалъ: замѣчаніе ваше весьма справедливо. Еще какъ-то послѣ обѣднн въ Чудовѣ монастырѣ, которую служилъ митрополитъ, зашли къ нему многіе въ его здѣшнюю келью на закуску; вѣроятно владыка очень усталъ, а потому не начиналъ еще разговора; тотъ же симоновскій архимандритъ позволилъ себѣ начать разговоръ и сказалъ: „а у меня вчера былъ принцъ Ольденбургскій“, — на что митрополитъ спросилъ у него: о чемъ же вы поговорили? Архимандритъ отвѣчалъ: я у него спросилъ: правла ли, ваше императорское высочество, что вы къ намъ въ Москву назначаетесь генераль-губернаторомъ?“ „Ну что же онъ тебѣ отвѣчалъ?“ спросилъ его митрополитъ. „Онъ мнѣ сказалъ, что онъ этого не знаетъ“. „Ну вотъ то-тоже, сказалъ владыка: русская то пословица справедлива: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами“. Въ другой разъ на подобной же закускѣ, разговоръ коснулся какой-то иконы, вовсе потемнѣвшей, такъ что изображеніе на ней трудно было разобрать. Находившійся тутъ же И. М. Снегиревъ сказалъ: „я думаю, владыка, что она потемнѣла отъ прикосновенія нашихъ нечистыхъ устъ“, — а митрополитъ прибавилъ: „и отъ сквернаго языка“, — зная, что сей собесѣдникъ былъ на языкъ не всегда воздерженъ.

Однажды послѣ вечерни сказали мнѣ, что митрополитъ ѣдетъ по Мѣщанской улицѣ, на которой былъ мой домъ, и что экипажъ его повернулъ въ переулокъ; я догадался, что онъ ѣдетъ въ церковь Набилковской богадѣльни для осмотра ея; а какъ я тогда былъ директоромъ этой бога-

дѣльни, то и поспѣшилъ туда черезъ свой садъ и находящуюся тутъ рощу, чтобы его встрѣтить и провожать. По осмотрѣ церкви, которою онъ остался очень доволенъ, хотѣлъ онъ ѣхать домой; но я, зная, что онъ часто любилъ прогуливаться, предложилъ ему пройти рощею и моимъ садомъ, съ тѣмъ чтобы карета его пріѣхала за нимъ ко мнѣ въ домъ, на что онъ и изъявилъ согласіе. Проходя рощею и замѣтя построенную тамъ Иордань, спросилъ меня: „что это у васъ построено“? Я ни мало не смутясь отвѣчалъ ему, что „это Иордань, на которую въ извѣстные дни выходимъ для освященія воды“. Этому безъ особеннаго дозволенія дѣлать не слѣдовало; однако онъ промолчалъ тогда, а послѣ, когда я уже не былъ тамъ директоромъ, приказалъ ее снять, потому что вода, надъ которою была Иордань, была не проточная. Изъ рощи пришелъ ко мнѣ въ садъ, довольно долго сидѣлъ у меня на террасѣ, хвалилъ мой садъ и сказалъ: „все это у васъ хорошо, только все побарски: одни цвѣты“; а когда я ему сказалъ, что кромѣ цвѣтовъ у меня болѣе ста плодовыхъ деревьевъ, тогда онъ сказалъ: „ну вотъ это хорошо“, и, осмотрѣвъ мой домъ, уѣхалъ, отказавшись отъ чая, опасаясь простудиться.

Однажды пришелъ я къ нему и засталъ его съ книгою въ рукахъ. Онъ спросилъ меня: „Знаете ли вы, что я теперь читаю? Это рукописныя письма покойнаго митрополита Платона къ преосвященному Гавриилу митрополиту С.-Петербургскому, очень любопытныя; если желаете, то я вамъ ихъ нѣсколько прочту“. Я благодарилъ его за милостивый его вызовъ и сказалъ, что много мнѣ симъ доставить удовольствія. За чтеніемъ писемъ слѣдовалъ разговоръ о покойномъ митрополитѣ Платонѣ, о его времени. Владыка разсказалъ, какъ онъ учился въ Лаврѣ, какъ скудно было тогда содержаніе учениковъ. „Часто бывало въ классахъ очень холодно, потому что жалѣли дровъ; митрополитъ Платонъ часто приходилъ на лекціи, самъ забнулъ и говорилъ имъ: *въ поученіи моемъ разгорится онь*. Когда потребовали меня по постриженіи въ Петербургъ,—продолжалъ владыка,—и митрополитъ Платонъ, не желая меня отпустить, спросилъ имѣешь ли ты желаніе отправиться въ Петербургъ? тогда отвѣчалъ я ему, что желанія сего я не имѣю. „Ежели не имѣешь, сказалъ онъ мнѣ, то подай прошеніе—напиши, что желаешь остаться здѣсь“. Я отвѣчалъ ему, что я подалъ одно прошеніе о постриженіи, и послѣ такого прошенія не могу подавать никакого, потому что первымъ отрекся отъ своей воли. Между

тѣмъ изъ Петербурга настоятельно меня требовали, и такимъ образомъ надобно было отправиться. По прїѣздѣ туда, назначили мнѣ преподавать предметъ, съ которымъ я самъ былъ мало знакомъ, такъ что я самъ съ вечера долженъ былъ учиться, а на утро то преподавать; слѣдовательно въ одно время я учился и училъ. И многое владыка мнѣ рассказывалъ о своемъ петербургскомъ житїѣ и о митрополитѣ Амвросїѣ, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ. Сожалѣю очень, что я многого изъ его рассказовъ не записывалъ тогда, а теперь, по прошествїи сличкомъ сорока лѣтъ, все это вышло изъ памяти. — Рѣдко можно было заставить его одного, такъ какъ многіе часто его посѣщали, и тогда разговоръ дѣлался общимъ, а потому не столько любопытнымъ, какъ онъ самъ о чемъ рассказывалъ. Между прочими встрѣчалъ я у него иногда четырехъ сестеръ, которыя мало допускали его говорить, будучи сами охотницы говорить, и часто слова его перебивали. Какъ-то онъ къ нему прїѣхали и говорятъ: „какъ мы жалѣли, преосвященный, что не знали, что вы служили въ Архангельскомъ соборѣ; и говорили проповѣдь!“ Владыка отвѣчалъ имъ: „о чемъ же жалѣть?“ „Какъ же не жалѣть, вѣдь вы россійскій Златоустъ“. Владыка, помолчавъ не много, спросилъ ихъ: „скажите пожалуйста, кто васъ прислалъ меня искушать? А я сейчасъ читалъ книгу Златоуста“. Потомъ владыка развернулъ эту книгу и прочелъ имъ что-то изъ нея. Примѣтно было, что онъ не охотно ихъ принималъ, и дѣлалъ сіе для того, чтобы отказомъ не огорчить ихъ. Бывало когда доложить, что онъ прїѣхали, то онъ задумается и скажетъ: проси. Какъ-то А. Н. М. спросилъ владыку: „скажите пожалуйста, владыка, гдѣ вы ихъ откопать могли?“ Тогда владыка отвѣчалъ: „онъ мнѣ достались по наслѣдству послѣ покойнаго митрополита Платона, и какъ-то умѣли себя пристроить къ московской іерархіи“. Впрочемъ онъ были дѣвицы очень добрыя. Еще встрѣчалъ я у него бывшую въ Алексѣевскомъ монастырѣ игуменю Назарету Васильевну Гладкову, которая съ собою привозила монахиню Шкуруину, бывшую прежде фрейлиною императрицы Екатерины. Шкуруина часто упоминала о дворѣ, что, примѣтно, владыкъ въ монахинѣ, отрешившейся отъ міра, не совсѣмъ нравилось. Въ гостинной его пробили часы; по этому случаю г-жа Шкуруина вспомнила о часахъ бывшихъ во дворцѣ, и сказала, что каждый разъ, какъ надлежало имъ бить, появлялся изъ нихъ пѣтухъ, махалъ крыльями и кричалъ по пѣтушину столько разъ, сколько

показывали часы. На сіе митрополитъ сказалъ: „это такъ было давно, что этотъ пѣтухъ вѣрно съ тѣхъ поръ уже охрипъ“.—Еще: сижу я однажды съ нимъ на диванѣ; докладываютъ ему, что пріѣхала новодѣвиченская игуменья, по фамиліи Якушкина, почтенная старушка; я хотѣлъ встать, чтобы уступить ей свое мѣсто, а онъ мнѣ тихо сказалъ: „оставайтесь на своемъ мѣстѣ“; а она сѣла поодаль на кресла. Благословивъ только ее, онъ продолжалъ начатый со мною разговоръ и, окончивши его, спросилъ ее: ну что у тебя дѣлается въ монастырѣ? И поговоривъ съ нею нѣсколько, опять продолжалъ мнѣ что-то рассказывать. Въ другой разъ я къ нему пришелъ, и онъ сказалъ мнѣ, что сегодня у него болятъ уши. На сіе сказалъ я ему: вѣроятно вы сегодня выѣзжали и какъ-нибудь застудили. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, это отъ того, что у меня битыхъ два часа сидѣлъ В. М., который не переставалъ говорить“. Дѣйствительно сей человекъ любилъ переливать изъ пустаго въ порожнее, потому не мудрено, что ушамъ владыки сильно досталось, и было отъ чего заболѣть.

Михаилъ Евреиновъ.

(Окончаніе будеть).

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО КЪ СОБЕСѢДНИКУ СЪ ГЛАГОЛЕНЫМЪ СТАРООБРЯДЦЕМЪ.

Вы пишете, что, при свиданіи Вашемъ съ однимъ знакомымъ, именуемымъ старообрядцемъ, у Васъ зашелъ разговоръ, въ которомъ Вы своему собесѣднику замѣтили, что несправедливо старообрядцы отлучаются отъ св. церкви и ея тайнъ; ибо св. церковь не погрѣшаетъ ни въ догматахъ вѣры, ни въ таинствахъ; даже и тѣ самые обряды, къ которымъ старообрядцы такъ пріобыкли, св. церковь не понуждаетъ оставить, а дозволяетъ ихъ исполнять. На таковое Ваше замѣчаніе Вашъ собесѣдникъ отвѣтилъ Вамъ слѣдующее: „справедливо, что церковь грекороссійская не погрѣшаетъ ни въ догматахъ вѣры, ни въ таинствахъ (а); но вотъ что насъ разлучаетъ отъ церкви греко-

---

(а) Этотъ старообрядецъ такъ сказалъ о св. церкви потому, что принадлежитъ къ числу окружниковъ.

россійской: двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія, по моему мнѣнію, хотя и не догматъ есть, а обрядъ, однако оно имѣеть связь съ догматомъ, ибо образуетъ собою два естества во Христвъ, подобно тому, какъ и св. иконы съ изображеніемъ на нихъ образа Христова, хотя также не догматъ, а преданіе (т.-е. преданіемъ освященная обрядовая принадлежность?), однако образуютъ образъ Христовъ. Но извѣстно, что когда иконоборцы отметили св. иконъ поклоненіе, тогда св. учителя Церкви стали противу ихъ даже до смерти, да и простолудиновъ много пострадало за св. иконы. Подобно тому и въ Россіи, когда двуперстіе, образующее два естества Христова, въ 1667 году соборнѣ отринули и проклятію предали—да и въ послѣдствіи высказали много хульныхъ порицаній на него,—тогда, видя то, наши предки отдѣлились отъ грекороссійской церкви; да и мы того ради не хотимъ къ грекороссійской церкви присоединиться“.

Вы, сіи его слова записавъ, прислали мнѣ и просите на нихъ разрѣшенія. Я хотя уже объ этомъ предметѣ и писалъ вкратцѣ, въ изложеніи бесѣды моей съ Семеномъ Семеновичемъ, что Вы, вѣроятно, читали,—но, какъ этотъ вопросъ мнимые старообрядцы часто повторяютъ въ оправданіе отдѣленія своего отъ православной церкви, я не излишнимъ считаю еще коротенько коснуться того же предмета.

Вашъ собесѣдникъ—поповецъ уподобляетъ св. церковь иконоборцамъ въ томъ отношеніи, будто бы она воспрещала образовать во Христвъ два естества, какъ иконоборцы возставали противъ изображенія Христа на иконахъ и поклоненія имъ: но это несправедливо. Иконоборцы отметили иконы и поклоненіе имъ, но св. церковь не только не отменяетъ образовать во Христвъ два естества, но и сама образуетъ, какъ-то: дикиріемъ при архіерейскомъ служеніи и прочими тому подобными образованіями. Даже и въ самомъ перстосложеніи для крестнаго знаменія повелѣваетъ образовать два естества во Христвъ, только не тѣми перстами, которыми въ двуперстїи образуютъ старообрядцы, а двумя малыми, пригнутыми къ рукъ, такъ что два перста, пригнутые къ одной рукъ, образуютъ въ двухъ естествахъ Единаго Христа, о чемъ писано въ книгѣ „Жезль“ въ 21 возобличеніи. А книга „Жезль“ составлена не частнымъ лицомъ, но соборомъ Россійскихъ архіереевъ, да ктому же еще та книга и тоже именно возобличеніе о сложеніи перстовъ утверждены соборомъ 1667 года (зри

о томъ въ дополненіи къ Историческимъ Актамъ, томъ 5, въ приложеніи, листъ 473). Сямъ доказательствомъ изъ книги „Жезлъ“, изданной однимъ соборомъ, а другимъ важнѣйшимъ соборомъ утвержденной, и нѣкоторыми церковными дѣйствіями ясно показуется, что св. Церковь грекороссійская образованіе во Христѣ двоихъ естествъ никогда не отметала, но паче утверждаетъ и образуетъ; слѣдовательно старообрядецъ несправедливо уподобилъ св. Церковь обществу послѣдователей иконоборной ереси. Такимъ образомъ различіе у св. церкви со старообрядцами состоитъ не въ сущности образованія двухъ естествъ во Христѣ, но точію въ различіи перстовъ для образованія, т.-е. въ различіи вещи, служащей для образованія. Проклятіе же наложено на глаголемыхъ старообрядцевъ даже и не за самое различіе перстовъ, но за хулы на св. церковь, на ея таинства, и отметаніе четырехконечнаго креста. Притомъ, если старообрядцы порицаютъ св. церковь за то, аки бы она отметааетъ образованіе двухъ естествъ во Христѣ, почему они себѣ въ вину не поставляютъ того, что какъ предшественники ихъ, такъ и они хулятъ образованіе св. Троицы тремя равнѣйшими перстами? Неужели они изъ числа невѣрующихъ во св. Троицу? А что вашъ собесѣдникъ старообрядецъ полагаетъ также въ вину св. церкви и во оправданіе отдѣленія старообрядцевъ отъ нея находящіяся въ полемическихъ книгахъ пореченія на старыя обряды, то несправедливо обвинять всю Церковь за словеса частныхъ писателей. Къ тому же долженъ бы вашъ собесѣдникъ подумать и то, что во времена иконоборной ереси Христова церковь существовала во устроенномъ отъ Христа чинѣ непоколебимо. Если же старообрядцы во время собора 1667 года были въ православіи непоколебимы, а церковь грекороссійская впала въ отступленіе; то почему же мнимая старообрядческая церковь не сподобилась отъ Бога того, чтобы сохраниться непоколебимою въ священныхъ чинахъ и таинствахъ? Не служить ли это видимымъ показаніемъ, что общество старообрядческое не есть церковь Божія непоколебимая и вѣчная?

Священноинокъ Павелъ.

ПОПРАВКА. Въ *статьѣ*: Кондаки на Успеніе, — стран. 132, строка 1-я снизу, *напечатано*: приходитъ на мысль. *Должно читать* приводитъ на мысль то.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1870 ГОДА.

I.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ И АВГУСТЪ.

Стран.

1. Исторія святыхъ Вселенскихъ соборовъ. (<i>Въ Приложеніи</i>).	65—96.
	97—128. 129—144. 145—160
2. Старый Іерусалимъ и его окрестности. Изъ записокъ школа- паломника .	3—14. 66—80.
	129—144. 201—211
3. Разказы изъ Исторіи Русской Церкви.	15—28
4. О значеніи впечатлѣній ранняго дѣтства въ дѣлѣ воспитанія дѣтей	. 29—45. 82—101
5. Погребеніе у древнихъ христіанъ.	. 46—55
6. Пареміи изъ книги Бытія	. 56—64. 121—128.
	181—190. 270—280
7. Описаніе моего путешествія къ Литовскимъ старообряд- цамъ въ концѣ 1869 и въ началѣ 1870 года .	102—120. 145—170
8. Слово въ день памяти Иліи Пророка	171—173
9. Кондаки Романа (сладкопѣвца) на Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа . .	176—180
10. Слово въ день обрѣтенія мощей преподобнаго Сергія и тезоименитства благовѣрнаго государя, великаго князя Сергія Александровича	. . . . : 191—200
11. Пустынножитель Саровской пустыни схимонахъ Марко .	. 212—230
12. Кондаки на Успеніе Пресвятыя Богородицы . .	. 231—236
13. Умирающіе о Господѣ .	237—246
14. Нѣсколько словъ православнаго въ отвѣтъ протестанту .	247—269

II.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

	<i>Стран.</i>
1. Три письма изъ Кіева	1—15. 48—60. 65—77
2. Нѣкоторые воспоминанія о митрополитѣ Филаретѣ .	15—28. 36—46 77—83. 126—132
3. II-е мая въ Москвѣ и въ Московской Духовной Академіи .	28—34
4. Письмо Оутинскаго іеросхимонаха Макарія къ казначею и духовнику братіи при архіерейскомъ домѣ .	34—46
5. Письмо къ редактору священноинокѣ Павла о случаѣ со Святыми тайнами	46—48
6. Три письма митрополита Московскаго къ ректору Мо- сковской Духовной Академіи Филарету, впоследствии архіепископу Черниговскому	61—64
7. Памятныя записки священника Кирилла Рыбова	83—102. 105—125
8. Замѣчательныя событія въ день св. пророка Ілии	102—104
9. Грозное вразумленіе	126—126
10. Отвѣтъ на письмо къ собесѣднику съ глаголемымъ старо- обрядцемъ	132—134
